

П. ВЯЗЕМСКИЙ

Записные книжки

Русские дневники

П. ВЯЗЕМСКИЙ

Записные книжки

РУССКИЕ
ДНЕВНИКИ

МОСКВА «РУССКАЯ КНИГА» 1992

П. ВЯЗЕМСКИЙ

Записные книжки

МОСКВА «РУССКАЯ КНИГА» 1992

84Р1
В99

Составление, вступительная статья,
комментарии и именной указатель
кандидата филологических наук
Д. П. Ивинского

Художник **Г. Г. Фёдоров**

В $\frac{4702010104—031}{М\text{-}105(03)92}$ 99—92

ISBN 5—268—01217—7

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ И ЕГО ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Записные книжки Вяземского не были чем-то однородным или односоставным. Каждая из них «...имела свою особую физиономию, свое особое назначение. Записные книжки не сменяли одна другую при окончании, а служили одновременно долгие годы, причем записи могли вноситься через десятки лет. В один и тот же год Вяземский зачастую вносил записи в две или даже в три книжки, выбирая из них ту, которая по своему назначению более подходила для той или иной записи. Были книжки-альбомы стихов и прозы, книжки путевых заметок, книжки для копирования важных документов, личных или исторических, книжки для дневниковых записей, для выписок из прочитанного и т. д.»* В процессе пользования книжки могли менять свое назначение, как это произошло, например, с книжкой шестой, которая первоначально являлась сборником стихотворений Вяземского, готовившего в 1829 г. свое собрание, и в которую позже были внесены дневниковые записи, перечень отправленных писем, несколько недатированных заметок. Сходным образом — от деловых выписок к дневнику — изменялась и восьмая книжка (см.: Записные книжки. С. 370).

Сохранилось всего тридцать восемь записных книжек Вяземского. Первая из них, служившая исключительно литературным альбомом,

* См.: Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848).— М., 1963.— С. 346. (Далее: Записные книжки). Тексты Вяземского, вошедшие в данную книгу, цитируются без ссылок.

была начата в первые месяцы 1813 г. С того времени Вяземский уже не оставлял своих книжек до конца жизни. Особый интерес представляет история их авторской публикации. Тексты записей оттачивались, дополнялись, подчас в той или иной мере пересматривались и группировались иначе, чем это было вначале. В публикацию мог входить материал, объединенный по тематическому принципу*, но, как правило, записи группировались — по крайней мере на первый взгляд — немотивированно**.

Выдержки из записных книжек впервые увидели свет в 1826 г.*** В последующие годы состоялся еще ряд публикаций****, после чего печатание книжек оборвалось на несколько десятилетий и было продолжено в журнале П. И. Бартенева и в его же сборнике «Девятнадцатый век». Материалы первой книги вошли в «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива», опубликованные в «Русском архиве» 1866 г. Затем фрагменты из книжек регулярно печатались в том же журнале под названием «Из старой записной книжки, начатой в 1813 году» с подробными аннотациями П. И. Бартенева в оглавлении. Все напечатанное самим Вяземским вошло в восьмой том его посмертного собрания сочинений. В последующих двух томах были опубликованы тексты записных книжек по автографам. В 1929 г. вышло издание, подготовленное Л. Я. Гинзбург. Наконец, в 1963 г. в серии «Литературные памятники» В. С. Нечаева осуществила первое научное издание записных книжек Вяземского. Тексты печатались «в том виде, в каком они вносились им в записные книжки». Это была научная «публикация архивных материалов, подлинных записных книжек». (Записные книжки. С. 352—353). Издание было сопровождено комментариями, ничуть не устаревшими. С тех пор отрывки из книжек печатались несколько раз в различных сборниках произведений Вяземского*****.

Дневниковые записи делались как собственно в записных книжках, так и в альбомах и даже на отдельных листках. Как и все книжки, они были весьма разнообразны по содержанию: краткие памятные заметки чередовались с развернутыми записями; перечни полученных

---

* См., напр.: Из старой Записной Книжки, начатой в 1813 году: Варшавские рассказы//Русский архив.— 1875.— Кн. 1.— С. 295—310.

** См.: Гинзбург Л. Я. Вяземский и его «Записная книжка»// Гинзбург Л. Я. О старом и новом.— Л., 1982.— С. 85.

*** См.: Московский телеграф.— 1826.— Ч. XII.— С. 37—42.

**** См.: Московский телеграф.— 1827.— Ч. XIV.— С. 90—95; Литературный музеум на 1827 год.— С. 282—289; Северные цветы на 1827 год.— С. 146—158; Северные цветы на 1829 год.— С. 218—230; Литературная газета.— 1830.— Ч. 1.— № 30.— С. 243.

***** См., напр.: Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки.— М., 1988. Назовем и интересное польское издание: Z notatników j listów księcia Piotra Waiziemskiego.— Kraków, 1985.

или отправленных писем — со списками дел, назначенных к исполнению. Подчас одно и то же событие фиксировалось несколько раз — и, случалось, в один и тот же день — и с различной степенью детальности. Можно сравнить, например, краткое упоминание о смерти Н. А. Полевого в дневнике 1846 г. (РО ГБЛ, ф. 63, карт. № 25, ед. хр. 15, с. 20, запись от 28 февраля) с подробным описанием в «тринадцатой» записной книжке, также предназначавшейся для дневниковых записей и выписок. (Записные книжки. С. 286—287). «Накладки» эти — следствие стремления Вяземского облегчить себе процесс работы в «главной» книжке (или, реже, книжках) — т. е. в той, где появлялись наиболее развернутые записи.

Иногда происходило и так, что записи, обрываясь в записной книжке, продолжались на отдельных листках, которые хранились отдельно, дожидаясь своего часа, или попадали в другие альбомы и сборники. Так случилось, например, с книжкой десятой, которая заканчивалась 12/24 мая 1835 г. в Любеке известием о том, что пришел пароход в Россию. А в альбоме Вяземского, среди некоторых других заметок сохранилось продолжение записей — уже на борту «Александры» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5078, лл. 92—92 об.).

Записные книжки Вяземского — реализация «привлекательной и желанной задачи»: «Ввести жизнь в литературу и литературу в жизнь». М. И. Сухомлинов справедливо подчеркивал: «Заветным убеждением Вяземского была необходимость предания, преемственного перехода света истины от поколения к поколению. Его поражало отсутствие предания, разрыв с прошедшим, замечаемый и в литературе, и в нашем частном и общественном воспитании. В училищах наших, говорит он, ведут счет старинным писателям только для порядка, словно ассирийским царям. А между тем предание, в смысле изучения и разумения прошлого, имеет великую просветительную силу. Оно указывает пытливому уму надежный путь к открытию истины и удерживает от смешного и жалкого самообольщения»*.

«Формой» записных книжек была сама последовательность отражения в сознании их автора русской — и, шире, европейской — культурной жизни за шестьдесят пять лет. Многообразие жанров, видов повествования, использование формы фрагмента — все это обеспечивало особую емкость контекстного уровня и позволило воссоздать широчайшую картину этой жизни. С другой стороны, книжки остаются незаменимым источником сведений о внутренней и внешней биографиях самого Вяземского.

«В послании к ее величеству королеве Виртембергской Ольге Николаевне Вяземский сам определил значение и содержание этого важного памятника своей литературной деятельности таким образом:

---

* Сухомлинов М. И. Князь Петр Андреевич Вяземский.— Спб., 1879.— С. 26—27.

...Годов и поколений много
Я пережить уже успел,
И длинною своей дорогой
Событий много подсмотрел.
Талантов нет во мне излишка,
Не корчу важного лица:
Я просто «Записная книжка»,
Где жизнь играет роль писца.
Тут всякой всячины не мало:
С бездельем дело, грусть и смех,
То похвала, то шутки жало,
Здесь неудача, там успех»*.

* * *

Петр Андреевич Вяземский родился в Москве 12 июля 1792 года. Отец его князь Андрей Иванович (1754—1807), вступив в службу в 1768 году, служил генерал-майором (с 1779 г.), генерал-поручиком (с 1788 г.), был наместником нижегородским и пензенским в царствование Екатерины II. При Павле I назначен был сенатором, получил чин действительного тайного советника и был пожалован кавалером ордена Св. Станислава. В царствование императора Павла Андрей Иванович Вяземский и вышел в отставку. Еще во время путешествия по Европе в 1782—1786 гг. он увез от мужа будущую мать князя Петра, ирландку О'Рейлли, и женился на ней.

Сочинения Монтеня, Ларошфуко, Буало, Лафонтена, Фенелона, Дидро, Руссо, Гельвеция, Даламбера стояли на полках библиотеки старого князя, насчитывавшей пять тысяч томов; особенно полно представлен был Вольтер. Андрей Иванович был знатоком истории, философии и литературы, точных наук. К последним он тщетно стремился приохотить и сына. Много десятилетий спустя П. А. Вяземский вспомнит, что И. И. Дмитриев «...говорил, шутя, что Аполлон внушил мне страсть к стихам назло моему отцу и в отмщение однофамильцу нашему, екатерининскому кн. Вяземскому, за то, что он преследовал Державина»**. Не желая видеть сына литератором, Андрей Иванович, конечно, и сам был чужд литературному творчеству. «Ни дед мой, ни отец,— как я в этом убежден,— подчеркивал Вяземский в 1844 г.,— никогда ничего не печатали и не писали для печати. Дед мой вовсе не был литературным человеком, а что касается отца, то мне были бы

* Трубачев С. С. Писатель двадцатых годов//Исторический вестник.— 1892.— № 8.— С. 452.

** Полн. собр. соч. князя Вяземского.— Т. I.— Спб., 1878.— С. VIII. (Далее на это издание ссылки в тексте с указанием тома и страницы.)

известны от Нелединского и других приятелей его, литературные попытки его*.

В доме отца молодой Вяземский познакомился с Ю. А. Нелединским-Мелецким, И. И. Дмитриевым и многими другими поэтами и стихотворцами. Часто бывал в московском доме Вяземских и в Остафьеве, подмосковной, Н. М. Карамзин, женившийся в 1804 г. на Екатерине Андреевне Колывановой, внебрачной дочери Андрея Ивановича Вяземского.

Осенью 1805 г. Андрей Иванович отвез сына в Петербург и поместил его в иезуитский коллегиум патера Чижа, благосклонно относившегося к молодому Вяземскому. Обучение в пансионе содействовало развитию литературных наклонностей Вяземского. Среди воспитанников особым успехом пользовались сочинения Державина, Карамзина, Дмитриева. Разговоры свои со сверстниками Вяземский позже назвал «школой житейской и литературной». Об этой поре своей жизни он всегда отзывался с теплотой, некоторое время по выходе из пансиона переписывался с ректором Чижом. «Эти иезуиты,— писал Вяземский,— начиная от ректора, патера Чижа, были — по крайней мере, в мое, или наше время — просвещенные, внимательные и добросовестные наставники. Уровень преподавания их был возвышен» (Т. I. С. XXIII).

Вполне понятно, что Вяземский не был обрадован переводом его — впрочем, на короткое время — в благородный пансион при новооткрытом Петербургском педагогическом институте, где уровень преподавания был ниже. В 1807 г. Вяземский вернулся в Москву, где брал уроки у профессоров Московского университета домашним образом.

В 1807 г. умер Андрей Иванович Вяземский. Опекуном молодого князя становится Нелединский-Мелецкий, покровителем — Карамзин. Естественно предположить, что Вяземский представил составителю «Аонид» свои первые авторские опыты и обрел поддержку; однако все случилось иначе: «С водворением Карамзина в наше семейство, письменные наклонности мои долго не пользовались поощрением его. Я был между двух огней: отец хотел видеть во мне математика; Карамзин боялся увидеть во мне плохого стихотворца. Он часто пугал меня этою участью. Берегитесь, говаривал он: нет никого жалче и смешнее худого писачки и рифмоплета. Первые опыты мои таил я от него, как и другие проказы грешной юности моей. Уже позднее, и именно в 1816 году, примирился он с метроманиею моею» (Т. I. С. XXXII).

Вяземский знакомится с К. Н. Батюшковым, Д. В. Давыдовым, А. И. Тургеневым, Д. В. Дашковым. В 1808 г. он печатает впервые свои

---

* РО ГБЛ, ф. 233, № 12, ед. хр. 36, л. 10. Здесь и далее архивные материалы цитируются с сохранением существенных особенностей орфографии и пунктуации.

стихи, к 1808—1809 гг. относятся первые выступления в печати Вяземского-критика.

Неплохо складываются отношения с правительством: 27 апреля 1808 г. Вяземский получает чин титулярного советника; 29 июня 1810 г. ему объявлено высочайшее благоволение; 22 марта 1811 г. жалуется звание камер-юнкера*.

В 1811 г. Вяземский женился на Вере Федоровне Гагариной; свадьбу сыграли 18 октября. «Что же касается до Вяземского, он стал нежнейшим из супругов и примерным отцом семейства, какими бывают лишь мужчины лет сорока»,— писала 3 января 1816 г. М. А. Волкова к В. И. Ланской**.

* * *

25 июля 1812 г. Вяземский поступил в ополчение, участвовал в Бородинском сражении адъютантом графа М. А. Милорадовича и был представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом***. 1 сентября, накануне занятия Москвы неприятелем, Вяземский выехал из нее с Карамзиным в Ярославль, где находились их жены. Карамзины направились в Нижний Новгород, Вяземские — в Вологду. В военных действиях Вяземский более участия не принимал: «Болезнь, захватившая меня весною 1813 года в Ярославле, помешала мне ехать обратно в армию. Впрочем, я никогда не готовился к военной службе, от которой отвлекало меня и слабое здоровье мое. [...] С падением Москвы, после не совсем удавшейся попытки отстоять ее на Бородинском поле, мне, непризванному воину, казалось, и делать более нечего под воинскими знаменами»****. Последнее признание особенно показательно: Вяземский чрезвычайно тяжело переживал разорение и гибель Москвы. В это время письма его проникнуты были такой горечью и безысходностью, что часто близким приятелям его приходилось соглашаться с его предельно пессимистическими оценками происходившего: «Ты не можешь сомневаться,— писал к нему 7 октября 1812 г. Д. П. Северин,— чтобы я не разделял грусти твоей о участи Москвы, но признаюсь, я не согласен с тобою, чтобы всему был конец и пр. и пр.»*****

И уж конечно, восприятие Вяземского событий войны 1812 г. и последующих кампаний было лишено всякой парадности:

Но что теперь твой встретит мрачный взгляд
В столице сей и мира и отрад? —

---

* ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 648, лл. 12—13.
** Вестник Европы.—1875.— № 3.— С. 231.
*** ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 601, л. 1.
**** Русский архив.—1866.—№ 2.— С. 231—232.
***** Русский архив.—1866.— № 2.— С. 238.

Ряды могил, развалин обгорелых
И цепь полей, пустых, осиротелых —
Среди врагов, злодейства гнусных чад!
Наук, забав и роскоши столица,
Издревле край любви и красоты
Есть ныне край страданий, нищеты.

19 мая 1814 г., в Москве, в доме Д. М. Полторацкого, обществом «благородных людей» был дан праздник в честь падения Парижа 19 марта. В числе учредителей праздника был Вяземский, стихи его исполнялись на празднике; впервые была явлена вниманию публики его знаменитая «Надпись под бюстом императора Александра I»: «Декорация, изображавшая до селе лес, переменяется и представляет посреди зеленого холма, испещренного цветами, Храм Бессмертия, посреди коего на богатом пьедестале, усыпанном драгоценными каменьями, виден бюст императора.— Два Гения по сторонам держат над ним масличную и миртовую ветви; — пред пьедесталом на двух жертвенниках курится фимиам; на тумбе под бюстом огненными литерами надпись:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель.
Какой венец Ему? какой Ему алтарь?
Вселенная! пади пред Ним, Он твой спаситель,
Россия! Им гордись: — Он сын твой, Он твой Царь!»*

Этому четверостишию суждена была долгая известность; с ним, в частности, должно связываться становление литературной репутации Вяземского; это было первое стихотворение, отданное им в печать за полной подписью. С. Д. Полторацкий записал много лет спустя: «Прекрасное четверостишие. После них (т. е. стихов Вяземского.— *Д. И.*) другие Пииты пытались с своими четверостишиями; но совершенно неудачно. Стихи Кн. Вяземского остались неподражаемыми, никто не превзошел их»**. Приобрели известность и другие стихотворения Вяземского, связанные с темой войны с Наполеоном, в частности, «Русский пленник в стенах Парижа», по получении копии которого Нелединский-Мелецкий писал к П. А. Вяземскому 19 апреля 1815 г.: «Прекрасная ваша песня Русского пленника мне давно известна. Давно ее читаю; с новым каждый раз таланта вашего уважением. Не доставало мне только получить прямо из рук ваших: теперь и это удовольствие, благодаря вас, имею. Настраивайте лиру вашу. Поприще славы

---

* Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814 обществом благородных людей, по случаю взятия Российскими войсками Парижа и щастливых происшествий, последовавших за занятием сей Столицы. Соч. А. В........м (Александром Петровичем Вельяшевым.— *Д. И.*).— М., 1814.— С. 14.

** РО ГБЛ, ф. 233, № 20, ед. хр. 16, л. 10. Ср.: Лонгинов М. Из современных записок//Русский вестник.— 1861.— № 4.— С. 127.

открыто вновь героям нашим, и певцам их подвигов»*. Это было уже нешуточное напутствие.

* * *

В 1813 г. Вяземский заводит первые две записные книжки. Одна из них, начатая 24 февраля 1813 г. в Вологде, служила литературным альбомом, сборником «литературным арзамасских шалостей», принадлежавших перу самого Вяземского, Д. В. Дашкова, В. Л. Пушкина, стихотворений В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, позднее А. С. Пушкина. Другая книжка содержала заметки самого разного характера — суждения Вяземского о развитии литературы и языка, политические заметки, краткие афоризмы, связанные с особенностями литературной жизни эпохи, мысли о прочитанном. Думается, не случайно Вяземский приступил к записям своим именно после окончания кампании 1812 г.: он остро чувствовал, что с «допотопной или допожарной» Москвой ушел в небытие целый пласт русской культурной жизни. Нужно было осмотреться, определиться в изменившемся мире, просто прийти в себя, начать жизнь как бы заново. Литературные опыты, полемики — первая книжка; прочие заметки — вторая.

Начало 1810-х гг.— время первых успехов Вяземского-эпиграмматиста. Эпиграммы его разили «литературных староверов» и делались известными: «Нарядный картуз, вышитый трудолюбивыми руками вашими (т. е. эпиграмма Вяземского на П. И. Голенищева-Кутузова «Картузов-сенатор...» (1813).— *Д. И.*),— писал к Вяземскому Д. В. Дашков 19 декабря 1813 г.,— и приказ Семену Гаврилову (высмеивавший «беседчиков» Шихматова, Захарова и Хвостова.— *Д. И.*) доставили мне ощутительное облегчение от мучившей меня лихорадки, и острые ваши шутки произвели чудо, которого не смел я ожидать от множества проглоченной хины. Эпиграмма отправилась тотчас путешествовать по Петербургу под фирмою: из К а т у л л а — чему в Беоции нашей многие добродушно поверят — и я постараюсь доставить ее самому Кутузову через какого-нибудь массона, в полном собрании ложи. Ручаюсь вам, что скоро все здешние попугаи будут кричать из окошек: Картузов куратор!!!»**. Так и вышло: «...московские остряки при приближении кареты Голенищева-Кутузова громко скандировали эпиграмму Вяземского. Это ли была не известность?»***

Именно Голенищева-Кутузова «отпевал» Вяземский при вступле-

* Русский архив.— 1866.— № 6.— С. 891—892.

** Русский архив.—1866.— № 3.— С. 491—492.

*** Г и л л е л ь с о н М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство.— Л., 1974.— С. 138.

нии в «Арзамас» 24 февраля 1816 г. Впрочем, он был избран членом общества заочно, еще 14 февраля 1815 г., однако присутствовать на заседаниях смог лишь во время приезда своего с Карамзиным из Москвы в Петербург в феврале 1816 г.

В июне 1817 г. Жуковский так вывел Вяземского в буффонном протоколе очередного (двадцатого) заседания «Арзамаса»:

Сели опять по местам, и явился, клюкой подпираясь,
Сам Асмодей. Погонял он бичом мериносов Беседы.
Важен пред стадом тащился старый баран, волочивший
Тяжкий курдюк на скрыпящих колесах,— Шишков седорунный;
Рядом с ним Шутовской, овца брюхатая, охал.
Важно вез назади осел Голенищев-Кутузов
Тяжкий с притчами воз, а на козлах мартышка
В бурке, граф Дмитрий Хвостов, тряслась; и качаясь, на дышле,
Скромно висел в чемодане домашний тушканчик Вздыхалов.
Стадо загнавши, воткнул Асмодей на вилы Шишкова,
Отдал честь Арзамасу и начал китайские тени
Членам показывать*.

Это был достаточно полный перечень арзамасских литературных заслуг Вяземского. Жуковский имел в виду эпиграмму его на Шишкова («Кто вождь у нас невеждам и педантам», 1815), «Поэтический венок Шутовского (т. е. А. А. Шаховского.— *Д. И.*), поднесенный ему раз и навсегда за многие подвиги» (1815), эпиграммы на П. И. Голенищева-Кутузова, эпиграммы на Д. И. Хвостова и пародии на его же притчи.

Скоро «Арзамас» распался. Незадолго до этого Жуковский писал:

Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать,
Верно, надеялись. Нет протокола! О чем протоколить?
Все позабыл я, что было в прошедшем у нас заседанье!
Все! да и нечего помнить! С тех пор, как за ум мы взялися,
Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться —
Смех заступила зевота, чума окаянной Беседы**.

М. Орлов, Н. Муравьев, Н. Тургенев повернули теченье арзамасских собраний. В кружке начали спорить «...о лучшем государственном устройстве, обсуждали уроки европейских революций и военных переворотов, говорили об уничтожении рабства в России»***. Не остался чужд новым веяниям и Вяземский, отправивший в январе 1817 г. письмо из Москвы к Блудову и в «Арзамас», в котором настоятельно предлагал издавать литературно-политический журнал. За письмом последовала обстоятельная записка на тот же предмет; Вяземский требовал всерьез «...объявить войну непремиримую предрассудкам, порокам

---

* Жуковский В. А. Соч.— В 3 т. Т. 1.— М., 1980.— С. 365.

** Там же.— С. 367.

*** Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство.— С. 138.

и нелепостям, объявшим (?) картину нашего общества»*. Усилия, направленные на придание «Арзамасу» «необходимой серьезности», были неизбежны в эпоху формирования первых декабристских организаций. Столь же неизбежным был и распад «Арзамаса».

27 августа 1817 г. А. И. Тургенев прочел в «Арзамасе» указ о назначении Вяземского на службу в канцелярию Н. Н. Новосильцева в Варшаву; вскоре читано было и стихотворение Вяземского «Прощание с халатом». Жуковский в 1818 г. писал:

...Асмодей, распростившись с халатом свободы,
Лезет в польское платье, поет мазурку и учит
Польскую азбуку...**

Уезжал не один Вяземский. Уезжали Орлов (в Киев), Блудов (в Лондон), Дашков (в Константинополь), Полетика (в Вашингтон). 7 апреля 1818 г. состоялось последнее заседание «Арзамаса»***.

* * *

Дневники Вяземский начал вести во время своего пребывания в Польше, точнее, во время поездки из Варшавы в «Краковскую республику» в августе 1818 г.

Он служил в Варшаве с февраля 1818 г. по апрель 1821 г., исполняя обязанности чиновника для иностранной переписки при императорском комиссаре Н. Н. Новосильцеве. Это было время надежд на конституционные преобразования; разделял их и Вяземский. «Вступление мое, так сказать, в новую сферу,— писал он в конце 1828 г. в «Записке о князе Вяземском, им самим составленной»,— новые надежды, которые открывались для России в речи государевой, характер Новосильцева, лестные успехи, ознаменовавшие мои первые шаги, все вместе дало еще живейшее направление моему образу мыслей, преданных началам законной свободы и началам конституционного монархического правления, которое я всегда почитал надежнейшим залогом благоденствия общего и частного, надежнейшим кормилом царей и народов». В. Ф. Вяземская вспоминала в октябре 1874 г.: «По поручению Новосильцева князь Петр Андреевич перевел по-русски известную речь Государя на сейме с обещаниями дать конституцию России. Кроме того он переводил большой том польской конституции, впоследствии напечатанной мятежниками 1831 года. Тогда же писалась, по указаниям

---

* Арзамас и арзамасские протоколы.— Л., 1933.— С. 240—241.
** См.: Жуковский В. А. Соч.— В 3 т. Т. 1.— С. 367.
*** О деятельности Вяземского в «Арзамасе» подробнее см.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство.

Новосильцева, конституция для России неким нарочно вызванным для того французом Дешаном...*

Вяземский заинтересовался польским вопросом, в 1819 г., в Петербурге, беседовал об участи Польши с Александром I. В этот же приезд в Петербург Вяземский присоединил свою подпись к другим под обращением к царю, в котором «[...] просили [...] его о позволении приступить к теоретическому рассмотрению и к практическому решению важного государственного вопроса об освобождении крестьян от крепостного состояния».

Записи Вяземского в третьей его записной книжке, связанные с поездкой 1818 г. из Варшавы (откуда он выехал в ночь с 1 на 2 августа) в Краков (куда прибыл 4-го и пробыл до 15 августа), почти не дают материала для суждений о его политических упованиях. Однако именно в Кракове 7/19 августа, в той книжке, Вяземский набросал начерно знаменитое впоследствии стихотворение «Петербург», где было и обращение к царю:

Реши: пусть будет скиптр свинцовый самовластья
В златой закона жезл тобою претворен.
Пусть Александров век светилом незакатным
Торжественно взойдет на русский небосклон,
Приветствуя как друг сияньем благодатным
Грядущего еще непробужденный сон.

Все это, конечно, было очень далеко от редакции того же Пушкина, запечатленной им в стихотворении «Ноэль. Сказки».

«Пора блестящих упований» Вяземского довольно быстро минула. Во время второго сейма в Варшаве царь не замечал его; вероятно, уже было известно и о «польских симпатиях» Вяземского, и о его многократных высказываниях в переписке с друзьями и в обществе в адрес непоследовательного царя и косного правительства. Изменилась и позиция императора: «Он отрекся от прежних своих мыслей; разумеется, пример его обратил многих. Я [...] остался таким образом приверженцем мнения уже не торжествующего, но опального»,— писал в той же «Записке...» Вяземский.

В Варшаве Вяземский овладел польским языком; при случае и сам мог написать шуточные стихи на польском. Он живо интересовался польской литературой и культурой, переводил И. Красицкого, Ф. Моравского, знаком был с Ю. У. Немцевичем и многими другими польскими литераторами и деятелями культуры.

В Краков Вяземский ехал, побуждаемый, как известно, отнюдь не только историческими и культурными интересами. Он ехал в «маленькую Швейцарию и маленькую Москву», независимую краковскую

---

* Русский архив.— 1888.— Кн. 2.— С. 171. Ср.: Записные книжки.— С. 147.

республику. Однако действительность не была такой утешительной: «Свобода Кракову разорение. Он не довольно богат, чтобы жить сам собою: отпустили на волю старика»; «в земле свободы видел я на жатве смотрителя с плетью, надзирающего за работою жнецов».

Помимо заметок, сделанных Вяземским на пути в Краков, в третью книжку вошли записи первых дней поездки из Варшавы в Москву в конце 1818 г. Поездка эта была вызвана разочарованием Вяземского в деятельности Новосильцева. Вяземский собирался уйти со службы в Варшаве; однако в середине февраля 1819 г. он вернулся обратно, охлажденный недолгим пребыванием в Москве, о чем и писал А. И. Тургеневу: «В Варшаве я живу с отоматами, а здесь дикие звери, то есть кабаны, то есть дикие свиньи. Нет, лучше скучать, чем содрогать»*.

В Варшаве Вяземский прослужил до апреля 1821 г., когда отправился в Москву и Петербург, где ему и было объявлено неудовольствие императора, и он был уволен со службы по прошению указом придворной конторы 4 июня. Последнее повышение он получил 19 октября 1819 г., когда произведен был в коллежские советники.

К третьей книжке Вяземский возвращался еще дважды — во время поездок в Нижний Новгород в конце июня — августе 1822 г. и в Мещерское и Пензу в декабре 1827 — январе 1828 г. В эту же книжку он записывал об отправленных письмах 1826—1829 гг., вносил и некоторые другие записи.

* * *

Вяземский вернулся в Москву. Было ясно, что он не мог более влиять на ход событий. Однако он не изменил — и не изменит — своей убежденности в том, что конституционная монархия и реформы — единственно возможный путь прогрессивных преобразований в России. Эти убеждения отразились и в двух его наиболее острых политических стихотворениях «варшавского» периода — «Петербурге» и «Негодовании», распространявшихся в списках. В последнем читали:

Свобода! о младая дева!
Посланница благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.
Ты разорвешь рукой могущей
Насильства бедственный устав
И на досках судьбы грядущей
Снесешь нам книгу вечных прав,
Союз между граждан и троном,

* Остафьевский архив князей Вяземских.— Спб., 1899.— Т. 1.— С. 181.

Вдохнешь в царей ко благу страсть,
Невинность примиришь с законом,
С любовью подданного власть*.

Вяземский обличал в своем стихотворении всех тех, для кого

...отечество — дворец,
<...>
Уступки совести — заслуги!
Взор власти — всех заслуг венец**—

то есть вельмож, закореневших в разврате и отвернувшихся от народных страданий. Реакция в обществе была различной. Еще в Варшаве И. М. Фовицкий составил и переслал Вяземскому свои замечания к тексту «Негодования», в которых говорил: «Будто уж и с отчаянной вдовы и с голодного (а не с голодной) сироты собирают подати? Не сказали бы, что это возмутительно?» (Речь идет о стихах: «Хранители казны народной,/На правый суд сберитесь вы;/Ответствуйте, где дань отчаянной вдовы?/Где подать сироты голодной?» — *Д. И.*). «Дальше — справедливее, но волосы дыбом становятся! Смотрите; не забывайте Радищева!»*** Общая оценка была, однако, положительной: «Какая прекрасная пьеса! Только же и страшная! Уж верно мы не увидим ее печатной! А впрочем не худо бы ее выровнять [...]. Она стоит того: она не пропадет и пойдет далеко!»**** Наиболее восторженную оценку стихотворению дал А. И. Тургенев: «Негодование — лучшее твое произведение. Сколько силы и души!»***** Похвала Тургенева тем более любопытна, что Александр Иванович, как известно, не только вполне осудил «Вольность» Пушкина, но и в «Деревне» усмотрел преувеличения насчет «псковского хамства». Самую точную оценку «Петербургу» и «Негодованию» дал, как кажется, сам Вяземский: «Возмутительных сочинений у меня на совести нет. В двух так называемых либеральных стихотворениях моих: «Петербург» и «Негодование» отзывается везде желание законной свободы монархической и нигде нет оскорбления державной власти. Первое кончалось воззванием к императору Александру: писано оно было в Варшаве, вскоре после первого сейма. Тогда гласным образом ходило оно по Петербургу. Второе менее известно: я узнал после, что правительству донесено было о нем, но не знаю, было ли оному доставлено, но если ничего к нему не прибавили [...], то не боюсь заключений, которым оно даст повод. Писано оно было в Варшаве: в самую эпоху борьбы или перелома мнений, которым я

---

* См.: Вяземский П. А. Соч.— М., 1982.— Т. 1.— С. 112, 114.

** См. там же.— С. 112.

*** ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2951, лл. 40, 41 об.

**** ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2951, лл. 40, 41 об.

***** Остафьевский архив князей Вяземских.— Спб., 1899.— Т. 2.— С. 140.

оставался предан и после их падения». Смысл последней фразы не допускает произвольных толкований. В той же «Записке о князе Вяземском, им самим составленной» читаем: «Из рядов правительства очутился и невольно и не тронувшись с места в ряду будто оппозиции. Дело в том, что правительство перешло на другую сторону. В таком положении все слова мои (действий моих никаких не было), бывшие прежде в общем согласии с господствующим голосом, начали уже отзываться диким разногласием. Эта частная несообразность, несозвучность была большинством выдаваема за мятежничество».

Вяземский дважды и наотрез отказался от участия в декабристских организациях. «Скажу без уничижения и без гордости: имя мое, характер мой и способности мои могли придать некоторую цену завербованию меня в ряды недовольных,— писал Вяземский,— и отсутствие мое между ними не могло быть делом случайным и от меня независимым». Но оттого не менее острым было неприятие им правительственных репрессий после событий 14 декабря, о чем свидетельствуют многие материалы пятой записной книжки. Вяземский клеймил предательство Шервуда и беспринципность превозносивших его «подвиг» и награждавших его; он прямо и резко осуждал «правосудие» правительства: «По совести скажу, что казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле».

20 июля 1826 г. Вяземский писал к жене: «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена, мне в ней душно... О чем ни думаю, как ни развлекаюсь, все прибивает меня невольно и неожиданно к пяти виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место»*.

В это время Вяземского особенно занимает вопрос о правомерности и причинах вооруженного революционного выступления. «Теперь вопрос: достигла ли Россия до степени уже несносного долготерпения и крики мятежа были ли частными выражениями безумцев или преступников, совершенно по образу мыслей своих отделившихся от общего мнения, или отголоском [...] общего ропота, стенаний и жалоб?» Это был главный вопрос, однако Вяземский знал, что до конца ответить на него не может. Для него, во всяком случае, очевидно, что «этот вопрос по совести и по убеждению разума могла разрешить бы одна Россия, а не правительство и жизненный причет его [...]. Дело, задевающее за живое Россию, должно быть и поручено рассмотрению и суду России: но в Сенате и Совете нет России, нет ее и в Ланжероне и Комаровском! А если и есть она, то эта Россия самозванец и трудно убедить в истине, что сохранение этой России стоит крови нескольких русских и бедствий

* Остафьевский архив князей Вяземских.— Спб., 1909.— Т. 5.— С. 54.

многих». Показательно, впрочем, что эта, самая острая, запись Вяземского заканчивалась соответственно давним его убеждениям: «Ниспровержение этой мнимой России и было целию голов нетерпеливых, молодых и пламенных: исправительное преобразование ее есть и ныне, без сомнения, цель молитв всех верных сынов России, добрых и рассудительных граждан; но правительства забывают, что народы рано или поздно, утомленные недействительностью своих желаний, зреющих в ожидании, прибегают в отчаянии к средству *молитв вооруженных*». Здесь, кажется, уместно напомнить суждения С. С. Ланды: «Вяземский видел в конституционной монархии универсальное средство разрешения всех социальных и политических проблем, орган классового мира, освобождающий государство от угрозы революционных потрясений. Необходимость в принятии конституции представлялась ему тем очевиднее, что любое промедление в этом вопросе усиливало недовольство народных масс, которое легко могло перерасти в открытый мятеж. В то время конституция обеспечивала на твердом фундаменте законов незыблемость монархического принципа. Дело, следовательно, было за тем, чтобы сами правительства осознали полезность либерального законодательства, выгоды конституционного устройства. К несчастью, монархи, по мнению Вяземского, проявляли в этом вопросе удивительную косность и не понимали своих собственных интересов [...]. Впрочем, сам Вяземский был далек от того, чтобы насильственными мерами обуздывать самодержавного недоросля и ограничивать его власть строгими границами законности. Самое большее, на что он был способен и что он делал со всевозрастающей страстностью,— это полная иронии, гнева и сарказма обличительная критика, которая должна была будить общественное мнение, вызывать нравственное негодование и тем самым понуждать самодержавие вступать на путь конституционных преобразований. Для Вяземского это была единственно возможная форма деятельности. Он не разделял идеи организации тайного антиправительственного общества [...] потому, что был убежден, что в России любые активные политические действия, идущие не от власти, неминуемо развяжут инициативу крепостных масс населения. Пожалуй, никто из современников Вяземского не ощущал с такой остротой, как он, угрозу крестьянского бунта, народного восстания. Страх перед ним диктовал Вяземскому самые грозные инвективы в адрес самодержавия, и он же отделял русского конституционалиста от революционных устремлений Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова и других своих друзей»*.

22 мая 1826 г. умер Карамзин. Вяземского эта весть застигла в Ревеле. С этих пор его размышления о восстании на площади Сената —

---

* Ланда С. С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологических и политических организаций декабристов.— М., 1975.— С. 219—220.

это диалог, а подчас и спор с Карамзиным. Вяземский, как и его друзья, пытается осмыслить жизнь и деятельность автора «Истории государства Российского». 6 августа он писал к Жуковскому: «Смерть друга, каков был Карамзин, каждому из нас есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь; но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей».

* * *

В сентябре 1826 г. Вяземский, после многих лет, встретился вновь с Пушкиным, прощенным новым императором. Общение их началось еще в Царскосельском лицее; вскоре после окончания Пушкиным учебы Вяземский уехал в Варшаву. Когда же в 1828 г. он водворился в Москве и Остафьеве, Пушкин был уже в Кишиневе, ему предстояли Одесса и Михайловское.

В 1822 г. Вяземский приветствовал выход в свет «Кавказского пленника», в 1824 г. издал со своим предисловием «Бахчисарайский фонтан». Вокруг предисловия Вяземского началась журнальная война; он в одиночку, поддерживаемый лишь князем Шаликовым, схватился с «Вестником Европы» М. И. Каченовского, где появились статьи М. А. Дмитриева, направленные против нового направления в литературе, которое отстаивал и утверждал Вяземский: романтизма. Главной целью Вяземского в статьях о «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане» и, позднее, о «Цыганах» были обоснование и пропаганда новой романтической эстетики и поэтики. Он делал это на материале творчества Байрона и Пушкина; при этом индивидуальные особенности пушкинского стиля отступали на второй план. Это хорошо понимали современники: «Все, что в Сыне Отеч[ества], Дамск[ом] Жур[нале], Вест[нике] Евр[опы] и Моск[овском] Телег[рафе] было сказано до сих пор о Руслане и Людмиле, Кавк[азском] Пленнике, Бахч[исарайском] Фонтане и Онегине, ограничивалось простым извещением о выходе упомянутых поэм, или имело главным предметом своим что-либо постороннее; как напр[имер] романтическую поэзию и т. п.; но собственно разборов поэм Пушкина мы еще не имеем»*,— писал И. Киреевский в 1828 г., не в последнюю очередь метя в Вяземского. Любопытно и другое: поэмы Пушкина вовсе не были для Вяземского образцом совершенства и идеалом романтической поэмы: «Я восхищаюсь «Чернецом» (поэма И. Козлова.— *Д. И.*): в нем красоты глубокие, и скажу тебе на ухо — более чувства, более размышления,

* Московский вестник.— 1828.— Ч. 8.— № 6.— С. 171.

чем в поэмах Пушкина»,— писал Вяземский к А. И. Тургеневу от 22 апреля 1825 года*.

Вскоре к двум названным именам — Байрона и Пушкина — Вяземский прибавляет еще одно: Мицкевича. Статья Вяземского о романтических крымских «Сонетах» польского поэта должна рассматриваться в качестве связующего звена между предисловием к «Бахчисарайскому фонтану» и статьей о «Цыганах» Пушкина. Именно в статье о Мицкевиче Вяземский окончательно решил для себя вопрос о характере и значении все растущего влияния поэтики и эстетики поэм Байрона и впервые сформулировал тезис об исторической обусловленности романтической формы. «Нынешнее поколение требует байроновской поэзии не по моде, но по прихоти, но по глубоко в сердце заронившейся потребности нынешнего века»** — вот один из главных выводов, к которым пришел Вяземский.

И в записных книжках его находится довольно много материалов, связанных с именем Байрона. Вяземский упоминает его поэму «Чайльд-Гарольд» и записывает несколько стихов из нее, приводит выдержки из письма Байрона, переписывает стихотворение Батюшкова «Подражание Байрону» («Есть наслаждение и в дикости лесов...»), сопоставляет гибель Байрона и смерть Наполеона со смертью Карамзина, припоминает слова Гете об английском романтике.

Есть все основания полагать, что Байрон с начала двадцатых годов делается одним из постоянных «спутников» Вяземского. Для нас здесь особенно любопытно следующее признание, которое находим в записной книжке 1829—1837 гг., восьмой по общему счету: «Зачем начал я писать свой журнал? Нечего греха таить, оттого, что в «Memoires» [«Мемуарах»] о Байроне (Moor [Мура]) нашел я отрывки дневника его. А меня черт так и дергает всегда во след за великими». Дневниковые записи в этой книжке велись недолго, с 25 мая 1830 г. по 22 сентября 1831 г., однако оттого они не становятся менее значительны. Центральное место в этих записях заняла тема войны в Польше.

* * *

17 ноября 1830 г. в Варшаве началось восстание. Великий князь Константин бежал. 4 декабря Вяземский записывал об известиях из Польши и сопоставлял «Волнения Литвы» с событиями 14 декабря: «Через час получаю почту и известие о Варшавских происшествиях. Из писем и из печатного донесения худо их понимаю. Подпрапорщики

---

* Остафьевский архив князей Вяземских.— Т. 3.— С. 68.

** Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика.— М., 1984.— С. 68.

не делают революции, а разве производят частный бунт. 14 декабря не было революциею. Но зачем же верные войска выступили из Варшавы? [...] На что же держать вооруженную силу, если не на то, чтобы хранить порядок и усмирять буйство?» Первоначально Вяземский расценивает восстание как авантюристическое предприятие «нескольких головорезов». Однако и в этой записи он поразительно трезво и верно оценивает суть дела: «В мятежах страшно то, что пакты с злым духом, пакты с кровью чем далее, тем более связывают. Одно преступление ведет к другому, или более обязывает на другое. [...] Раздел Польши есть первородный грех политики, 24 февраля.— Нельзя избегнуть роковых следствий преступления».

Вопрос о польском восстании не оставил в обществе никого равнодушным: он особенно живо обсуждался в обеих столицах. 24 августа 1831 г. правительственные войска заняли Варшаву, восстание было подавлено. На это событие откликнулись многие поэты и стихотворцы, в частности Жуковский и Пушкин. На второй неделе сентября вышла в свет брошюра «На взятие Варшавы», составленная из «Старой песни на новый лад» Жуковского, «Клеветникам России» и «Бородинской годовщины» Пушкина. Реакция в публике и литературных кругах была различной. 18 сентября П. Я. Чаадаев писал к Пушкину: «Вот, наконец, вы — национальный поэт»*. Пушкина и Жуковского поддержали Д. В. Давыдов, Ф. Ф. Вигель и другие. Были, однако, и негативные отклики (А. И. и Н. И. Тургеневы); из них наиболее резкий — в записной книжке Вяземского: «Нет ни одного листка Joürnal de Débats,— писал он,— где не было бы статьи, написанной с большим жаром и с большим красноречием, нежели стихи Пушкина. В *«Бородинской годовщине»* опять те же мысли, или то же безмыслие. Никогда *народные витии* не говорили и не думали, что 4 мил[лиона] могут пересилить 40 мил[лионов], а видели, что эта борьба обнаружила немощи *больного, измученного колосса.* Вот и все: в этом весь вопрос. Все прочее физическое событие. Охота вам быть на коленях перед кулаком. И что опять за святотатство сочетать *Бородино с Варшавою?* Россия вопиет против этого беззакония». Как кажется, есть основания считать, что именно Вяземский был адресатом незаконченного пушкинского послания «Ты просвещением свой разум осветил...»**, начинавшегося стихами:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды ..... свет увидел
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

---

* Чаадаев П. Я. Соч. и письма.— М., 1914.— Т. 2.— С. 181.

** См. нашу заметку «К вопросу об адресате стихотворения А. С. Пушкина «Ты просвещением свой разум осветил...»//Вестник МГУ. Серия 9. Филология.—1989.— № 3.— С. 60—65.

Вяземский не ограничился записями в дневнике. Он спорил в Москве 31 октября с Жуковским и Денисом Давыдовым; он дал волю своему негодованию. Осенью 1832 г. А. И. Тургенев писал к брату Николаю: «Твое заключение о Пушкине справедливо: в нем точно есть еще варварство, и Вяз[емский] очень гонял его в Москве за Польшу [...]* Это была самая значительная размолвка, точнее, спор с Пушкиным. Спорщики, конечно, остались при своих мнениях, но до разрыва не дошло.

Тридцатые годы для Вяземского — время внешнего, по крайней мере, примирения с правительством. 18 апреля он был определен чиновником особых поручений министерства финансов. Некоторое время спустя Вяземского назначают членом общего присутствия департамента внешней торговли. 9 августа 1830 г. он командируется в Москву для участия в подготовке промышленной выставки, которая открылась 2 ноября 1830 г. Приехал император. «Со мною государь был особенно милостив,— писал Вяземский к Д. Г. Бибикову 4 ноября 1831 г.,— обращал много раз речь ко мне, говорил, что очень рад видеть меня в службе, что за ним дело не станет, и отчил меня самым ободрительным образом. Со вступления моего в службу я еще не имел счастья быть ему представленным, и тут, на выставке, первое слово его обращено было ко мне: так представление и сделалось...»** 5 августа 1831 г. Вяземский стал камергером; последовали пушкинские стихи «Любезный Вяземский, поэт и камергер...». 21 октября 1832 г. он назначается исправляющим должность вице-директора департамента внешней торговли, 31 октября — председателем Комитета для надзора за браком товаров. 6 декабря 1833 г. Вяземский получает чин статского советника с утверждением вице-директором того же департамента. Наконец, 9 апреля 1837 г. последовало награждение орденом Св. Анны 2-й степени***.

Все это, однако, не означало идиллии. Вяземский был задет демонстративным отказом царя употребить его способности и назначить на службу по министерству народного просвещения или министерству юстиции. «Что дано мне от природы,— записывает Вяземский 28 октября 1846 г. в записной книжке, тринадцатой по общему счету,— в службе моей подавлено, отложено в сторону: призываются к делу, применяются к действию именно мои недостатки. У меня нет никакой способности к *положительному делопроизводству*, счеты, бухгалтерия, цифры для меня тарабарская грамота [...]. Меня герметически закупоривают в банке и говорят: дыши, действуй».

Тридцатые годы — время последних попыток консолидации писате-

---

* Тургенев А. И. Политическая проза.— М., 1989.— С. 158.

** Эйдельман Н. (Я.) Пушкин: Из биографии и творчества. 1826—1837.— М., 1987.— С. 307—308.

*** ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 3777, лл. 14, 16—18, 22.

лей пушкинского окружения. Пушкин, Жуковский, Вяземский постоянно пытаются создать свой печатный орган. «Литературная газета» Дельвига просуществовала недолго и была запрещена; лишь в 1836 г. разрешено было Пушкину издавать свой журнал или альманах, точнее, «четыре тома статей чисто литературных». Как ранее в «Литературной газете», Вяземский активно сотрудничает в «Современнике», объединившем блистательные имена: Жуковский, Давыдов, Гоголь, Пушкин. Однако нет читательского успеха, на который рассчитывали; тираж неуклонно падает от тома к тому. Продолжается война с коммерческим направлением в литературе, начавшаяся еще в конце двадцатых годов. Становится все более ясно, что Пушкин, Жуковский и Вяземский проигрывают читателя Булгарину и Сенковскому.

В этих условиях разворачивается предыстория последней дуэли Пушкина. В день дуэли С. Н. Карамзина писала: «Дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных»*. Непонимание было совершенным; позднее, 14 февраля 1837 г., Вяземский признает: «Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти...»** В течение долгих десятилетий Вяземский будет размышлять о предыстории последней дуэли поэта, но итоги этих размышлений неутешительны для него и не слишком убедительны для нас. В 1872 г. Вяземский написал: «Дантес был виноват перед Пушкиным, как и многие виноваты перед многими во всех слоях общества, как и сам Пушкин был не раз виноват: т. е. Дантес волочился за замужнею женщиною. Участвовал ли он в подметных письмах, это осталось неизвестным, да и всего вероятнее, что не участвовал, потому что никакой пользы в этом иметь не мог. Известное же письмо Пушкина к Гекерену исполненное самых невыносимых ругательств для Дантеса таково, что будь Дантес и не француз, а русский, сто раз русский и прямой потомок Гостомысла, то все же по обычаям существующим в обществе, он не мог не вызвать Пушкина. Остальные же последствия вызова и поединка, уже дело случая и входят в разряд обыкновенных явлений этого рода. Сказано, что Пушкин искал смерти; вовсе нет; он и смертельно раненный искал смерти Дантеса. [...] Стало быть и в этом отношении никакого особенного святотатства со стороны Дантеса не было. В первую минуту, в пылу первых впечатлений и сгоряча Лермонтов мог дать смерти Пушкина некоторое политическое и общественное значение: к тому же он сам был очень молод и можно было тогда простить ему его поэтическую запальчивость; но теперь снова поднимать

---

* Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов.— М.; Л., 1967.— С. 69.

** Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина.— М., 1987.— С. 226.

шум по этому делу ничто иное, как ребяческое и патриотическое пустословие»*. Это писалось Вяземским за шесть лет до смерти. Тогда, в 1837 г., он посчитал долгом принять версию пушкинского письма к Геккерну и пытался воздействовать на общественное мнение.

* * *

Десятая — четырнадцатая записные книжки содержат записи о путешествии Вяземского по Западной Европе в 1834—1835 гг. (Италия), осенью 1835 г. (Германия), 1838—1839 гг. (Англия, Германия), а также дневник пребывания в Ревеле в 1843 и 1844 гг. За границу его тянуло все чаще. Вот краткий перечень его поездок всего за несколько лет. 1850 г.: Константинополь, Иерусалим; 1851 г.: Гаага, Париж; 1852 г.: Париж; 1853 г.: Дрезден, Карлсбад, Прага, вновь Дрезден, Фрейберг, Венеция Карлсруэ; 1854 г.: Баден-Баден, Гейдельберг, Франкфурт, Карлсбад, Лейпциг, Дрезден, вновь Франкфурт и Баден-Баден, Штутгардт, Веве, Лозанна и вновь Штутгардт; 1855 г.: Веве, Женева, Штутгардт, Карлсруэ, Баден-Баден, Франкфурт, вновь Карлсруэ, Висбаден, Гамбург, Веймар, Дрезден, Кенигсберг.

Летом Вяземский вернулся в Россию, представился новому царю и вскоре (30 августа) был утвержден в должности товарища министра народного просвещения. На этом посту пробыл он, впрочем, недолго, в 1858 г. был уволен в отставку и с 1863 г. до конца жизни оставался за границей, лишь временами наезжая домой. Отношения с правительством, впрочем, складывались все это время благоприятно: Вяземский был назначен сенатором, потом членом государственного совета, обер-шенком двора.

В последние двадцать лет жизни Вяземский почти совершенно отходит от деятельности критика. В 60—70-х годах он пишет мемуарные статьи, воспоминания, рассчитывается с прошлым и подводит итоги. В 1866 году в «Русском архиве» П. И. Бартенева он начинает свою публикаторскую деятельность — печатает «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива». В предисловии к последним читаем: «Перебирая старые свои бумаги и старые письма лиц, которых уже нет, кажется, мимоходом и снова переживаешь себя самого, всю свою жизнь и все свое и все чужое минувшее. Тут, после давнего кораблекрушения, выплывают и носятся к берегу обломки старого и милого прошлого. Смотришь на них с умилением, прибираешь их с любовью; дорожишь между ними и мелочами, которым прежде как будто не знавали мы цены. Предания нередко бывают выше и дороже самих событий. [...] Границы настоящего должны не только выдвигаться вперед, но

---

* ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1094[а], лл. 4—4 об.

и отодвигаться назад. Душе тесно в одном настоящем: ей нужно надеяться и припоминать»*.

В последние годы записи в книжках появляются не так часто, как прежде. На первый план выдвигается работа по просмотру, частичной подготовке к печати и некоторой переделке текстов.

Вяземский в это время уже совершенно, сердцем и умом, обращен в прошлое. Однако он и не устает соотносить это прошлое с новой и во многом чуждой эпохой: «...в наше время улучшились ли нравы? Вот вопрос, который разрешить не берусь. Во всяком случае, позволю себе заметить, что в старом обществе, которое я еще застал, в котором прожил я несколько лет, было более драматических стихий и движения, более разнообразной самобытности и самоличности, более общежительной связи. Мировые и народные события шли своим чередом, а иногда, можно сказать, и не худо. Государственные деятели и деятели мысли тоже кое-где встречались. Общество имело свою степенную, назидательную сторону, но в то же и свою ярко живописную и картинную. В то время было веселее быть действующим лицом и зрителем на этом домашнем театре любителей искусства для искусства. Ныне жизнь наука, и чуть ли не из числа камеральных — тогда была она изящное искусство»**.

* * *

Драма Вяземского заключалась не в том, что взгляды его изменились и с течением лет сделались «реакционными» или «консервативными». Наоборот, в главном и основном они отличались скорее постоянством, чем изменчивостью, а следовательно, в различные исторические и литературные эпохи означали разное.

До конца жизни Вяземский оставался приверженцем конституционно-монархических идей, как и прежде, не имея возможности влиять на государственное устройство.

Его литературные пристрастия остались связанными с эпохой Карамзина, Жуковского, Пушкина, с «разрозненной» — и так и не консолидировавшейся «плеядой». Вяземский так сказал об этом на обеде, данном в Москве в честь его возвращения в ноябре 1850 г. в Россию: «Я старый москвич, и вы во мне видите и приветствуете один из уцелевших обломков старой, т. е. допожарной, Москвы (...). Я был питомцем Карамзина: теснейшие узы родства и сердца связывали меня с ним. У меня в Подмосковной, и на глазах моих, написал он несколько томов своего бессмертного творения. Нелединский, Дмитриев

* Русский архив.— 1868.— Кн. 1.— Ст. 436.
** Русский архив.—1866.— № 6.— Ст. 903.

также ласкали меня, отроком, в доме отца моего. После, когда я возмужал, они удостаивали меня своей особенной приязни. На дружеских и веселых пирах обменивались мы с Денисом Давыдовым рифмами и бокалами. Я не дожил еще до глубокой старости, но грустно уже пережил многих друзей, многие литературные поколения. Пушкин, Баратынский, Языков возросли, созрели, прославились и сошли в могилу при мне. Во мне приветствуете вы старейшего друга нашего первого современного поэта, Жуковского, и другого поэта, еще живого, но, к сожалению, давно умолкшего, Батюшкова!» (Т. II. С. 410—411).

Вяземский утратил свой круг, пережил его — и писал в день своего восьмидесятилетия:

Все сверстники мои давно уж на покое,
И младшие давно сошли уж на покой;
Зачем же я один несу ярмо земное,
Забытый каторжник на каторге земной?
Не я ли искупил ценой страданий многих
Все, чем пред промыслом я быть виновен мог?
Иль только для меня своих пределов строгих
Не властен отменить злопамятливый бог?*

И пять лет спустя:

Жизнь мысли в нынешнем; а сердца жизнь в минувшем.
Средь битвы я один из братьев уцелел:
Кругом умолкнул бой, и на поле уснувшем
Я занят набожно прибраньем братских тел**.

Вяземский всегда оставался верным себе скептиком старой вольтерьянской закваски. Он не был атеистом в точном смысле этого слова, но и не мог преодолеть той дистанции, которая отделяет человека колеблющегося или сомневающегося от верующего. В стихотворении «Загадка» из цикла «Хандра с проблесками» (1876), приравняв долгую свою жизнь к чтению не всегда понятной книги, Вяземский писал:

Пред догорающей лампадой
И в ожиданьи темноты
Читаю с грустью и досадой
Ее последние листы.

Все это опыт, уверяют,
Терпенье надобно иметь.
И в ободренье обещают,
Что будет продолженье впредь.

Благодарю! С меня довольно!
Так надоел мне первый том,

* См.: Вяземский П. А. Избр. стихотворения.— М.; Л., 1935.— С. 362.
** См. там же.— С. 377.

Что мне вперед и думать больно,
Что вновь засяду на втором*.

Он умер без причастия. П. И. Бартенев записал со слов графа С. Д. Шереметева: «Княгиня (т. е. В. Ф. Вяземская.— *Д. И.*) посылала к Государыне телеграмму, прося ее убедить ее мужа принять св. Тайны. Императрица и писала о том князю. Сей последний говорил: «И умираю-то я не так как все!!»** Умер Вяземский 10 ноября 1878 г. в Баден-Бадене и был погребен в Александро-Невской лавре в Петербурге.

Д. П. Ивинский

---

* Вяземский П. А. Избр. стихотворения.— С. 371—372.
** ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 11—11об.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

(1818—1828)

[*2—3 августа 1818 г.*]

От Варшавы до Nowemiasto*, принадлежавшее графу Малаховскому, дорога довольна приятна. По сторонам раскинуты селения и леса, и Польша теряет свою однообразность. Положение *Nowemiasto* живописно, то есть дома и сада графского: на высокой горе, в низу река, луга, покрытые необыкновенно свежею зеленью, и леса.

От *Nowemiasto* до *Końskie* едешь лесами и песками. Końskie принадлежат другому Малаховскому: много каменных строений.

Radoszyce, отданный по смерть третьему Малаховскому. Здесь станция славится лошадьми: до него едешь ужасным песком и скучным сосновым лесом. Здесь железные заводы: <триста> около 270 дымов, из коих только двадцать два жидовских.— Воеводства Сандомирского.

Lopuszno. Деревня, принадлежащая какому-то святого Станислава Кавалеру, отданная им в аренду жиду. Почтовая смотрительница ласкова и говорлива. Я съел славного цыпленка.

Malogorszez. Дорога к нему песчана и гориста. Иные горы каменисты и вышины покрыты соснами: напоминает некоторые места по Ярославской дороге и Костромской. Городок, около 150 дымов, и ни одного жидовского. Жители все в желтых домах.

[*4 августа*] *3 часа, воскресенье по полуночи*

Zarnowiec, местечко: прошлого года сгорело в нем 52 дома, а всего было не более 150: лучшие дома сгорели. На реке Пильце.

Дамон услужливый в душе
В Комедии своей из трех два акта сбавил;
Конечно, он и зритель в барыше,

---

* Здесь и далее наименование лиц и местностей на польском языке.

Но как-то все он лишний акт оставил.
Ты говоришь, что мучусь над стихом,
Что не пишу его, а сочиняю,
И впрямь я стих *раз двадцать поломаю,*
В твоих стихах труда не примечаю,
Но их за то читаю я с трудом[1].

[4 августа] Воскресенье. Краков.

Я приехал в Краков около двенадцатого часа; съездил в баню; лучше русских, хуже варшавских. Пришел ко мне Консул-резидент от импер[атора], позвал меня к себе обедать. Письма наместника видно писаны обязательным для меня образом. Жена и дочь добрые люди, кажется, на немецкий лад, как и все. Город вольной, а республиканцы все по чинам (*Zazzçcki*). Пришел к нему Коммиссар Рос[сийского] Императора *Miaczynski* от меня. И к нему было письмо от Наместника. Мне смешно видеть себя в людях. Позвал на другой день обедать, а уже *Zazzçcki* было позвал, но уступил день. Приехали *Kochanowska* Варшавская с двумя дочерьми. Меньшая дочь белокурая, хороша собою, другая постарее. На улице поймал меня кто-то, позвал ехать в *Krzeszowice:* воды в 3 милях от Кракова, на бал. Сперва хотелось, но после испугался: тем кончил, что поехал. Сел с нами в коляску и горбатый: долго ехали, уже совсем смеркалось, по проселочной дороге. Коляска десять раз едва не ложилась на бок; горбатый страшно боялся. Я думал себе: напрасно! Нам бояться: ему страха нет: авось еще от удара сравняется. Зала большая: людей мало. Пошли ужинать: ужас! В Польше образованность на каждом шаге сталкивается с безобразностию. Место, дома, все на ноге европейской: утка и горох, пиво и Венгерское такое, что в Клину или в Грачовицах таких не найдешь. Возвратились на верх: людей поболе: человек 40. Танцуют: долго смотрел, стало разбирать, пошел говорить. Мало: пошел танцовать и танцовал до упада. Мазурку. Одна из дам мне говорит: «Vous dansez comme tout à fait la nation polonaise»*.— *Садовска* лечится на водах: миловидна и разговорчива. Муж ее похож на Свечина, Белевского Молиера. Сестра *Пашковска:* будто хороша. *Скотницка* была бы на своем месте везде. Вдова, не первой молодости. Поставила мужу, умершему в Италии, памятник мраморный, в Италии работан-

* Вы танцуете совсем как польская нация *(фр.)*.

ный, в Катедр[альном] соборе. Краковская Свечина. Жена какого-то *voyta** с сестрою. Пошли за коляскою: остались до утра в Корчме; я проспал в коляске; возвратились к одинад[цати] часам утра. Дорога живописная: обставлена горами. От Кракова по левой стороне есть длинная-стена гор, поросшая частым лесом и <усе[янная]> громадными каменьями: внизу как бы усажена рядом отделяющимся плачущих берез. Здесь есть природа, не так, как в царстве Польском. Обедал у Коммиссара: добродушный старик; не свободно, но умно изъясняется по-французски; разговора веселого: ласков до крайности. Московское гостеприимство: обедало несколько сенаторов и отставной полковник: умен, но кобенится. (Нет!) Во время обеда приехал президент Сената: *Wodzicki* умный, уваженный человек, по-французски говорит очень хорошо. Только что я ему представился, позвал он меня на другой день обедать и консул меня опять уступил, а сам отложил свой обед до среды. Пошли по городу. Замок, укрепленный на высоте: есть что-то Кремлевское. Австрийцы все изуродовали: мрамор выштукатурили или выбелили, золотые украшения ободрали; выделанную в камне работу заделали; окна большой величины и каменные рамы заделали, а пробили маленькие окошки. Думают, что зависть и злоба внушили им варварство.— Одна зала похожа на Грановитую палату, но менее. Другая: Судилище: потолок деревянный, четвереугольниками, в кои вставлены были головы: в Академии в Ягеллонской зале есть такой же, в замке голов уже нет. Рассказывают, что во время одного суда одна голова закричала Королю: Будь справедлив. Если правда, то должно бы у всех царей поделать такие потолки. Из одной комнаты виды во все стороны Кракова. Церковь Святого Станислава, в которой был разрублен Епископ рукою Болеслава Смелого, которому он упрекал всенародно долгое его пребывание в Киеве и отсутствие из отечества. Могила Крака: курган. Курган Ванды. Величка. Карпатские горы. <В ясный день видны из обсерва[тории].>

Храм Богоматери. Все украшения из мрамора. Построен епископом *Ivo* в 1226, на рынке. Колокольня высшая: обширный вид.

Храм святыя Анны: крестом, в италианском вкусе. Одно из священнических одеяний сделано из платья, в котором

* Войт, волостной старшина *(пол.)*.

гильотинировали французскую королеву. Лепная работа и живопись. Десятая часть храма св. Петра.

В Академии: библиотеки: 2500 рукописей; 25 000 печатных книг. Папская булла <святому> о святом Иоанне Конти. Он стоил Кракову 100 000 экю. Егарт упрекал Академии, что у нее нет ни одного святого, а у них много. За словом дело: поставили и своего святого. Внизу Академии, на правой руке от ворот, видна комната, в которой он жил, а напротив его придел. Из старинных печатных книг в Кракове славится Иоанна Дамаскина.— Книга записная: записалась в ней жена <первая> Дмитрия Самозванца. *Бантке* библиотекарь. Ученый человек. Соч[инитель] Поль[ской] Ист[ории] в 8 томах. Кабинет физический не богат. Кабинет натуральной истории богатее. Аббат Солтык одарил его богатейшими предметами: есть янтарь, в котором вода; Камни, найденные в Италии: в них сушеные рыбы. *Марковски* профессор химии: жил долго в Париже. Был доктором Жозефины. *Бурсы:* несколько домов, в коих содержатся бедные дети <воспит>, обучавшиеся в Академии: теперь в гимназии и Академии около 1000 учеников и 40 профессоров.

Сукенница: большое строение. Своды: тут в старину, вероятно, работали сукна, или стрелы [?]. Теперь лавки и собрания бывают[2].

Австрийцы ненавидимы. Австрийский Император в проезд свой через Галицию с высоты смотрел на Краков, но не въезжал. У президента Сената спросил он, подписана ли уже конституция, которую он вместе с другими покровителями подписал. У Коммиссара: начала ли образовательная Коммиссия свои действия, после уже шестимесячных ее занятий, о коей получал он, между прочим, донесения.

Свобода Кракову разорение. Он не довольно богат, чтобы жить сам собою: отпустили на волю старика. Государь здесь считается единственным покровителем, а другие по имени, а на деле притеснители. Говорят, что австрийс[кий] двор хотел взять за собою Краков, а Государь, чтобы спасти его, предложил объявить его свободным; в несчастии своем тем он себя утешают[3].

Wieliczka давала около милиона червонцев. Можно сказать, что у Кракова отняли хлеб с солью.

Дом Епископа. Одна комната посвящена Польской истории: колонны, потолок расписан предметами, взятыми из истории; другая Варшавскими видами, третия Краковскими. <Бывает> Праздник, где крестьяне скачут через

огонь; на другой стороне торжество искуснейшего стрелка: шестеро собираются и стреляют в цель, искуснейший выигрывает награждение. Австрийцы уничтожили обыкновение. Без вкуса: краски грубые.

Ботанический сад и обсерватории.— Профессор *Кенский:* хороший Живописец. Профес[сор] астрономии. В ясный день видны с обсерватории снежные вершины Карпатские.

Сад Крыжановского: городское гулянье, чисто содержан.

Сад Кескевичева рядом с Ботаническим: бывший банкир, отец Скотницкой.

В Кракове жителей 25 000, из коих 5[000] жидов. Город правильно выстроен; из лучших улиц *Градская.* Дома высокия вроде Варшавских, но более древних. Стою в трактире у *Шидловского* под вывескою *à la Providence** в комнате, где отдыхал Государь после Аустерлица и Иероним в 18** году. На стене аллегорическая картина, представляющая Государя; написана после его проезда.

Miącziński говорит, что он один раз думал, как перевести настоящим польским словом третий титул Кракова: et strictement neutre***— nejakiego miasta****. Город объявлен свободным, не спросивши у жителей, хотят ли свободы. На город наложили свободу. Жиды в городе Казимира. Из Краковской республики можно плюнуть на Австрию. *Подгурже* за Вислою; в правление герцогства оно было в роде Краковского предместья. Многие крышки домов заслонены стеною. Есть один дом в два окна в ширину.

Wieliczka. Выехали из Кракова в Середу [7 августа] в 7 часов утра. Час дороги: шоссе. Директор; дает билет: показать. Спустились: тесемочные сиделки: около двух минут. В первом этаже нет работы; работа простая: соль ломают как камни. Значительные впечатления, как спускаешься и подымаешься и при виде озера. Своды: род башен безобразных. Зала, в которой пол вымощен Суворовым-сыном. Тут были и императоры: памятник австрийскому императору. Церковь; олтарь; святые; против Кафедра.

Ломки в надежде: где еще нет соли: грунт смешанный оставляют; ломают только чистую соль. Около 1200 работ-

---

* Под покровительством провидения *(фр.).*

** В тексте чернильное пятно.

*** Строго нейтральный *(фр.).*

**** Некоего города *(пол.).*

ников в четырех этажах. Работники нагие, не все. Две трети работают днем; одна ночью. В иных переходах мокро от воздуха внешнего. Холодно: 5 градусов тепла. Выходя из преисподней, чувствуешь в воздухе теплоту жизни. Работникам платится по числу кусков определенной меры. Плата малая; за переломанные куски не платится. Падающий песок сбирается в бочки. Подымают и спускают посредством вертящихся колес, движущихся запряженными лошадьми. Лошади тут остаются.

Светильники в сале. Надевают белые халаты. Найден был морской рак. Собирают около <10> миллиона и более quintant*.— Австрийцы продают теперь по *13-четырнадцати* злотых quintant. В правление герцогства делили барыш пополам.

Воздух чистый. (Продавали прежде по десяти.) — Иные громады отрывают порохом. (Иные переходы заваливают.) Ходили три часа и обходили главные места. Спускаешься только в первый этаж: в остальные сходишь по лестнице и всходишь также. Иные сходы выделаны в самом грунте; в других местах есть и деревянные. Святая Кюнегонда уронила Кольцо в колодезь; стали искать и доискались соли: предание. Около *lieue*** пространства. Переходов множество.

Над озером, как высокая башня. По лестнице вбежал работник и кидал с верха зажженную бумагу. Под паромом шумели подземельные воды. За десять саженей *toisez**** в глубину находится уже соль. Колодезь, из которого почерпывают воду, чтобы осушать, 142 сажени глубины. Первый этаж: 31 саж. глубины: тут спускаешься. Уже 550 лет, как добывают соль, вероятно, и прежде. Человеческая рука расширила владение свое в тайниках природы. Сперва отверстие было без сомнения малое: теперь в нем теряешься. *Mickatowice* большой свод. От поверхности земли до второго этажа 52 сажени. Свод императора Франца: тут наиболее добывается соли. (Неразбор. на немецком языке четыре слова — названия) глубина 116 саженей.— *Woda Przykoy:* довольно большое озеро: глубина его около 6 или 7 саж. Ширина должна быть не более 15 саж. Зала Лаудона (кажется, не так). Церковь Антония. Есть места, называемые именем Александра. Есть ключ с чистою сладкою водою. Означенные

---

* Квинтанто (мера веса) *(лат.)*.

** Лье (мера длины=французской миле) *(фр.)*.

*** Туаз (мера длины=примерно сажени) *(фр.)*.

замечания записаны были на месте варшавским профессором ботаники Шубертом, который ездил со мною в Wieliczka. Кто-то раз упал в озеро: вода так и подняла его[4].

<Середа> Четверг 8 августа.

Lobzów. Лобзув. Менее пол-мили: развалины замка, построенного Казимиром, но, вероятно, перестроенного одним из Сигизмундов. <шведский> герб Barba: следы красивого зодчества; вид на Краков; могила Эсфиры, жидовки, любовницы Казимира: она ночью раз пришла к нему, но Королева поймала и велела выбросить ее в окно. При Станиславе рыли могилу, но ничего не нашли. Из любви к Эсфире Казимир покровительствовал жидам и построил им город Казимир. Купил Красинский Vincent и обязался восстановить. Австрийцы и тут все переломали.— Недалеко *Vola,* принадлежащее *Вьеловийской.*

Из Кракова ездили в театр в Галицию: третий город от Кракова: в *Подгурже.* Немцы. *Граф Бениевски.* Примета образованности. Город под пару Подольскому[5]; но есть театр и есть зрители: добрые немцы и жиды. Актриса в сажень: величайшая актриса.

Вал вокруг городского укрепления: вроде вала Ярославского; вороты вроде Ярославских и Кремлевских.

Дешевизна города: таможенных пошлин нет: можно все выписывать; в трактирах обедают за два злотых; содержание лошадей дешево. Съестные припасы хороши: артишоки славные. Плоды вкусные.

Обедал у Wodzicki аббата, дяди президента: 75 лет: заговаривается, но ласков, добродушен; жил долго в Париже и был аббатом сердечкиным; об нем говорит Жанлис. Какой-то русский офицер стоял у него в деревне: он жаловался на тяжкие требования. Который год вам, спросил он у него. 70.— Как же, проживши так долго на свете, не знаете Вы, что человеку надо есть и пить.— Хорошее старое Венгерское.— Картофельное вино. Сладко: знатоки принимают за Венг[ерское].

Пятница [*9 августа*].

Собор в замке: при Мечиславе; придел Сигизмундов: прекрасная работа в камне. Мраморные статуи двух Сигизмундов из Шведского мрамора. <они в> Библиотека. Архив. Сокровища: голова Епископа Станислава: гвоздь

с Креста распятия и ланца подарены Императором Отоном. В подземных сводах: гробницы Казимира — Понятовского и Косцюшки: последние две еще не сделаны. В замке богадельня на триста бедных, содержанная человеколюбивым обществом. Комнаты просторны: по 10 грошей на день; дети обучаются читать и писать. В городе по улицам нищих нет. Ко мне приходил просить милостыню в сертуке: после увидел я его в мундире городской стражи. Я сказал это без умысла: на другой день президент Сената сказал при мне, что он подписал отставку унтерофицеру, приходившему просить милостыню. Вот как составляются путешествия: я узнал, что он не по моему случаю был отставлен, а за прежние. Не объяснись это, я остался бы в уверении.

Smocza jama. Кракус отравил жившего тут дракона и пожирающего скот и людей. Дали ему теленка, начиненного серою. Под горою замки.

Zavrecki пишет историю города Кракова.

Доходы Кракова 1 200 000 злотых. Войска около трехсот человек. Академия стоит около 400 000. Гвардия городская в медвежьих шапках, пугающих австрийского резидента.

После обеда.

Брониславa: пустынь на высокой горе, на берегу Вислы: менее полмили; чудеснейший и обширнейший вид во все четыре стороны. Даль с противной стороны от Кракова обставлена лесистыми горами. <День был.> Небо было облачно: в ясный день, говорят, вид еще отдаленнее. Маленькая церковь; пустынник: отставной солдат, раненный под Смоленском. День догорал, на башнях города разливалось алое сияние.

Липка, ближе к Кракову: пригорок на берегу Вислы; несколько деревьев: две семьи лип. Графиня Замойска туда часто езжала: у подошвы лип мраморные доски с надписями в стихах. Живет семейство поселян, содержанное графинею. Изрядный дом. Каменный забор. Простокваша.

Pieskowa skala. Собачья скала.— Суббота. [*10 августа*].

Выехали в шесть часов утра. Залежки: на Prądnik, речке. Большая деревня; много ив; на конце деревни

скалы; пещера. На дороге везде по сторонам каменные титаны. Въезжаешь в лес: высокая гора, поросшая лесом; в лесу открывается скала отдельная: Геркулесова палица; на ужасной крутизне огромный замок, укрепленный с башнями: построен на скалах; скалы ему фундаментом. Принадлежит Вьелькопольским; на стенах герб Любомирских. С высоты скалы под домом прорыт колодезь. Воду выливают с шумом и по долгом молчании падает. Большие покои; противулежащая стена гор так высока, что с высоты башни замка, через, в даль не видно. Новая для меня природа. Корчма: обедали. Miączyński, Басновичь, Гижитская [?] — Тереза, дочь хозяйки. Поехали долиною *до Ойцова* на длинной крестьянской телеге. Швейцарское путешествие. По сторонам скалы, леса, речка Prądnik, частые мельницы. Дорога извивается; картина ежеминутно меняется. Высочайшая скала: на ней торчит церковь. Тут жила святая Соломе. *Ойцов* замок укрепленный, менее того. В лесу *crewka jama:* пещера ужасной глубины, в роде *Велички.* Из пистолета стреляли: ужасный грохот; несли перед нами зажженный смольный светоч: кидал багровое сияние на черные своды. Тут был Станислав: давали ему праздник. С вершины скалы виден Краков; напротив две скалы образуют ворота. Каждая скала имеет свой особенный образ: то замок, то укрепление. Я хотел бы видеть мелкого подлеца на этих скалах величественных: верно ему было бы неловко. *Pieskowa skala* три мили от Кракова, *crewka jama* две. Обе в царстве Польском. Есть еще в стороне *Королевская пещера:* говорят, более этой. Поместье государственное. Гром разразил многие места в Пьесковском замке. Он тут по соседству.

Воскресенье [*11 августа*].

Могила Кракуса. Высокой насыпной курган на высокой горе по ту сторону Вислы за *Подгоржем.* Тут, по преданию, лежит Кракус. Город на ладони: обширные виды во все стороны. В Галиции *могила Ванды* около мили от города.

Тюрьма. Около трех сот заключенных: половина, принадлежащая царству. Краковское Воеводство еще здесь до приведения в действие образовательных уставов, учреждаемых образовательною комиссиею; отделения просторны; воздух чистый. *Богуславский* — новый Картуш: из дворян Виленских, служил в Смоленском полку подпрапорщиком; начальник шайки; сам никогда не смертоубийствовал и раздавал подаяния. Руки и ноги скованные:

несколько раз бежал. Каждому из работающих, и не по смерть осужденных невольников, откладывается каждый день часть платы, которую им выдают при отпуске. Прекрасное обыкновение! Предохранительное и благодетельное. Выпускаемый невольник без собственности, оглашенный преступником, где найдет себе пристанище, освобожденный от цепей? Общество его чуждается и отвергает самые труды его. Отчаяние должно снова кинуть его на дорогу прежнюю.— Президент Сената имеет многие здравые и человеколюбивые мысли на счет содержания преступников. Со временем мысли его, приведенные в исполнение, подадут поучительный пример.— Республиканское правление основано на нравственности и имеет нужду в людях: Монархическое Самовластное не заботится об этом. Одно печется возвратить обществу затерявшихся его членов, другое удивить чужестранцев великолепием тюремного здания. Богуславский, бежавший из тюрьмы, говорил мне, что он *эмигрировал*. Несколько матерей-детоубийц.—

Косцельники. (деревня г. Joseph Wodzicki): в двух милях. Жена из дома Яблоновских; дочь Каролина, красавица: в роде Олсуфьевой, но лучше. Государь останавливался у них.— Хорошие виды. В саду редкое дерево: род акации с острыми и твердыми иглами. Прекрасный бык, достойный кисти Потера.

Miączyński, трудолюбивый и знающий; писал о *Moratorium**, о пчеловодстве и книга его сделалась учебною; о *dimes***; царский декрет был основан на его образе мыслей; в немецких газетах отзывались о книге с большою похвалою; теперь занимается он сочинением о постановлении жидов. Важное дело в Польше! Это наше рабство. Думать да думать[6].

Жаль, что городская площадь завалена деревянными лавками, лачугами; но приносит более 30 000 злотых.

Русские любимы, может более от того, что австрийцы и прусаки ненавидимы. Здесь все знают Воронцова, Суворова, Ермолова, Эссена и Полторацкого: последний прославился своими праздниками.

---

* Мораториум *(лат.)*.
** Десятины (налог) *(фр.)*.

Понедельник. [*12 августа*].

Монастырь сестер милосердия: при нем заведение. Около 115 кроватей для больных обоего пола. Довольно тесно: иные кровати под самым окном. Детей около пятидесяти: хорошо содержаны; из грудных большая часть умирает. Доходов около 100 000 злотых: заведение в долгу. Правительство хочет взять его под опеку, как в Варшаве.

Дом безумных. Ужас! Многие лежат на соломе в темной комнате, без присмотра. За деревянною решеткою колодезь. Нечистота и вонь.

Обедал у декана катедрального Skorkowski.

(За Krzeszowice) есть jaworzno* Угольн [не разобрано одно слово] (только что открывается) *источник теплой воды железной* contenant cardonate de fer, sulfate ou gip de chaux et muriate de chaux** 32 градуса в поверхности.— Exploitation du zinc, manufacture d'alum, — — — Inspecteur de ces mines Skórkowski (de la part du professeur Markowski)***.

(Jerowski в Кельцах.)

Вторник. [*13 августа*].

Беляны монастырь. Брониславою на берегу Вислы; на высокой горе; вокруг лес, по большой части береза; в лесу просеки. Веселый вид, обширный.— 4 монаха. Церковь хороша. В ясный день видна снежная вершина Карпатских гор. С тех пор, что я здесь, небосклон не был ясен.

Обедал у аббата Быстроновского. Добрейший человек: что-то Нелединского в лице, то есть в чертах, а не в выражении. Деревенский Нелединский.

После обеда поехал в Krzeszowice; приехали к ночи. *Сегодня в середу* на крестьянской подводе поехали в Czerka. Около мили монастырь Кармелитский: на высокой горе к лесу; обгорожен с леса каменною стеною. Из каменных ворот по правую сторону монастыря хороший вид. Колодезь на горе: отменная вода. Монастырь построен около 200 лет тому назад. Zierbiowa (кажется так) <и до> фами(лии?) Lubomirskich. Sous-prieur**** из Белоруссии Lyko: Был в польской службе в Гишпании. Повел нас в...*****

---

* Платановый лес *(пол.)*.

** Содержащий железистую, углекислую соль, серу или известь и соляную кислоту *(фр.)*.

*** Разработки цинка, производство квасцов,———Инспектор этих рудников Скуровский (от профессора Марковского) *(фр.)*.

**** Помощник приора (настоятеля) *(фр.)*

***** Не кончено.

Dębnik. Мраморная ломня, принадлежащая монастырю. Большие горы; но мало работают: какой-то италианец платит за них монастырю в год 2000 злотых. Работают человек тридцать. Тут черный мрамор, далее есть белый и других цветов. Делают для Пулавы памятник Понятовскому из черного мрамора. Один кусок в шесть локтей (платят работнику по два злотых в день). После поехал в *Tenczysek.* Замок около мили от Krzeszowice, также принадлежащей Артюру Потоцкому. Замок виден издалека: в близи теряется в лесу. На высокой горе: развалины; картина Рюиздаля. Господствует над обширною далью: под ногами, с одной стороны, зеленое море сосновое; с другой окрестность взъерошена горами. На одной развалившейся стене высокой висит рябина с красными своими ягодами. Может быть, одна из живописнейших прогулок в окрестностях Кракова. Czerka более славится; может быть, я не все разглядел: я все видел бегом.

Bracka. Управляющий Krzescowice. Жена, приятная женщина: не первой молодости, толста, глаза прекрасные.

Вечером возвратился в Краков. Был у Скотницкой: умна и ласкова до крайности; мать добрая старушка, любит русских. Между Варшавою и Краковом отношения Петербурга с Москвою.

В земле свободы видел я на жатве смотрителя с плетью, надзирающего за работою жнецов.

Выехал я из Кракова. На дороге в сторону был я в деревне Президента *Wodzicki,* около 3 миль от города.

Niedzwiedz. Хороший каменный дом. Сад шестилетний, но уже взрослый и с тенью. Большой ботанический сад. Много Сибирских деревьев и растений; но всего лучше в деревне добрая душа хозяина. Не худо и вино. На дороге к нему видна в полу-мили от *Niedzwiedz* деревня Гаржецкого. Обе уже в царстве. Тут уж нет и следов Краковской природы. Она величественна в краю свободы. Поездка в Краков мне по сердцу: видел прекрасные места и добрых людей. Чего же еще требовать?

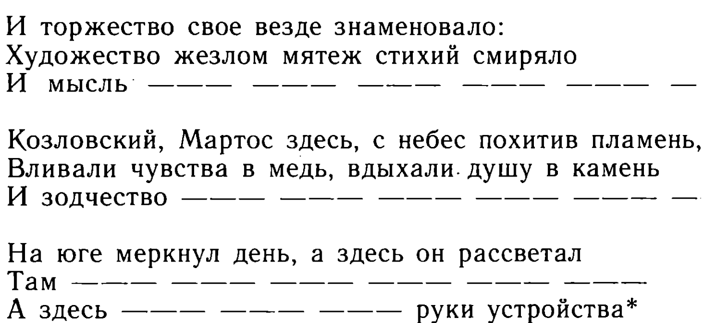
Краков 7/19-го августа 1818 г.[7]

Я зрел сей Петроград чудесный величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат,
Наследный памятник его могущей славы,
Потомками его украшенный стократ!
Везде я зрел следы великия Держáвы
И русской Славою след каждый озарен.
Се Петр еще живой в меди красноречивой!

Под ним полтавский конь, предтеча горделивый —
Победе искони сопутственных знамен!
Он царствует еще над созданным им градом,
Приосеня его державною рукой.
Народной чести страж и злобе страж немой!
Пусть гордый враг дерзнет вооруженный адом
Вонзить* на берег твой кровавый меч войны,
Ты кинуться готов с отважной крутизны.
Герой!** Ты завещал свой дух сынам побед
И устрашенный враг зрел чaстые Полтавы!
Воскормленный тобой, орел наш*** двоеглавый
На поприще твоем расширил свой полет
Рымникский пламенный и Задунайский твердый
Вас здесь согражданин почтет с улыбкой гордой****
Но да предупредит признательность отчизны
Потомков строгий суд и глас их укоризны!
Да новый памятник восстанет среди нас:
Еще свежа в сердцах Кутузова утрата,
Они прославили, а он Россию спас,
И славная черта ждет славного собрата.
Искусство Греции и Рима чудеса
Зрят с дивом над собой полночны небеса.
Чертоги кесарей, сады Семирамиды,
Волшебны острова Делоса и Киприды,
Чья смелая рука совокупила вас?
Чей повелительный назло природе глас
Созвал громады скал из северной пустыни,
Чтоб обложить твой брег в красивую твердыню,
Великолепная и светлая Нева,
Краса Петровских стен, рек северных глава!
Кто с юга, запада, востока и полночи
Крылат ——— ——— ——— ——— ——— ——— ———
И с древним Каспием Бельт новый сочетал.
Вселенны пред собой
——— ——— ——— ——— ——— дaнь
Могущий дух***** Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый.
Искусство здесь везде вело с природой брань

Варианты:

* Нести.
** Так Петр! Так о! Герой!
*** Питомец твой, громов метатель.
**** Далее набросок стихов:
И Кульнев может здесь постигнув ваш привет
Вариант: еще во цвете лет
На славу жизнь обрек и меч на честь отчизны.
***** Дух творчества.

И торжество свое везде знаменовало:
Художество жезлом мятеж стихий смиряло
И мысль —— —— —— —— —— —

Козловский, Мартос здесь, с небес похитив пламень,
Вливали чувства в медь, вдыхали душу в камень
И зодчество —— —— —— —— —— —

На юге меркнул день, а здесь он рассветал
Там —— —— —— —— —— ——
А здесь —— —— —— руки устройства*
Взращало мирт наук и гордый лавр геройства.
Екатеринин двор Европу изумлял,
С успехом равным он по свету рассылал
Угрозу Мустафе, уставы самоедам,
Приветствия в Ферней или маршрут победам.
Полсветом правила она с брегов Невы
И утомляла глас стоустые молвы.
Здесь друг Шувалова воспел Елисавету,
Дары ее щедрот и Невских муз рассвет,
Державин, счастливый как русский и поэт,
Екатерины мог [1 сл. нрзб.] век поведал свету

Счастливый Вождь тобой счастливых россиян,
В душах их раздалась души великой клятва.
Уж зреет пред тобой бессмертной славы жатва.
Петр создал подданных: ты образуй граждан.
Пусть просвещенная и мудрая свобода,
Обетованный брег великого народа,
Нас примет на свои священные поля.
С благоговеньем ждет, о, царь, твоя земля
Плода высоких дум: могущества и счастья.
Реши: <да> пусть будет скиптр** свинцовый самовластья
В златой*** закона жезл тобою претворен.
Пусть Александров век светилом незакатным
Торжественно взойдет на русский небосклон,
Приветствуя как друг сияньем благодатным
Грядущего еще непробужденный сон[8].

Сюда поэзии жрецы!
Сюда существенности жертвы!

---

* <Геройства>
Варианты:
** (Жезл).
*** (Святой).

Кумиры ваши здесь не мертвы,
И не померкли их венцы.
Про вас поэзия хранит
Свои преданья и поверья,
И здесь, где моря вал шумит
Святыни тайное предверье[9].

Так! время в свой черед (существенность) пригонит:
[Утратами] означат жизни путь
Обман друзей, надежд ——— ——— ——— ———
И за любовью в ком ——— ——— ——— ———
И в след любви в ком искру ни заронит
Иль грудь остылую иль выжженную грудь
Любовь [найдет?] где искру ни заронит
Оставит сердце в [нас?]
Иль просиявши в [ней?] иль выжженной оставит
Иль сердце хладное
Друг клятве изменит: надежда светлым снам[10]

<Друзья>

В деревне время кое-как
Мне коротать велит судьбина,
Я никогда ей не был враг,
Дубрава, холм, ручей, долина
Все это мило, спору нет;
Все это, знаете вы сами,
Когда-то славил я стихами,
Но, право, в прежние года
Не знал я многих сельских таин,
И словом, милый князь, тогда
Я был поэт, теперь хозяин.
На все взглянувши потрезвей,
Заметил я, что мир полей
Во время пашни беспокоен;
Что свет — прекрасный для зевак
Не слишком выгодно никак
Для бедных пахарей устроен!
С котомкой лычною своей
Под светлым небом голод бродит,
Когда в дубраве соловей
Песнь оживленную заводит,
Он хлеба молит у дверей[11].

Воспоминания о Державине, переданные Дмитриевым. Солдатские жены, жившие с Державиным-солдатом,

заметили, что он всегда занимался чтением, и потому стали просить его как грамотея писать за них письма к родственникам. Державин и писал их. После захотел он употребить в пользу свою писарскую должность и писал (Бакунин говорит за деньги, за 5 и 10 коп. письмо) письма с тем, чтобы мужья отправляли за него ротную службу, то есть ездили за мукою, очищали снег около съезжей и проч. Далее перекладывал он в стихи полковые поговорки, переписывал Бракова сочинения. Отпущен он был в Москву, где просрочил более $1^1/_2$ года, промотался, проигрался и написал в негодовании стихи на Москву, которую сравнивал с развратным Вавилоном. Он сказывал эти стихи Дмитриеву, уже бывши Статс-Секретарем. Дмит[риев] помнит, что были поэтические обращения к Кремлю.

О *Долгорукове* Ив[ане] Михайлов[иче] Дмитриев говорит, что он в молодости был *резов* до безумия: бывало придешь к нему, он скачет по стульям, по столам, уйдешь от него не добившись слова благоразумного. Любил хорошо есть и кормить. Как скоро заведутся деньги, то задает обеды и говорит: люблю сладко поесть. Странно одевался, ходил по улицам в одежде полуполковой и полуактерской из платья игранных им ролей.— Надобно непременно из слов Дмитриева написать несколько костюмов старинных[12].

Поездка в Москву. 1818 года[13].

Я выехал из Варшавы 14/26 декабря, в десять часов утром с похмелья: лучше пьяным выезжать. Догнал Николая Николаевича только в Бресте сегодня 15/27. Что за царство? По всей дороге нет и тени вида. Равнина, перерезанная болотами, песками и сосновыми лесами. По мерзлой земле дорога славная. Брест Литовский — вертеп таможенников. На прошлой ярмарке пошлин за провозимые товары заплачено было около 460 000 рублей: на нынешней думают собрать около 400 000, но зато товаров менее. Брест имел одну из древнейших типографий. Буг здесь узок. Ник[олай] Ник[олаевич] получил эстафету от Волконского, уведомляющего, что государь назначает ему [встречу] с ним в Минске: он, однако же, дождется его здесь. Один Пономарев заплатил около 90 000 пошлин за провоз товаров на 300 000 рублей. С сукна берут пять рублей с аршина. Здешние таможенные фокуспокусничат с повозками: придет нагруженная бричка, оглянешься — ее уж нет. У Ланга из-под носа так их и скрадывают. Здесь есть и присланный ревизор из Пет[ербурга] от

Гурьева. Ланг у них, как собака в киях.— Стоял у жидовки Раген-Мейер.

16[-го]. Не дождавшись государя поехали мы с Ник[олаем] Ник[олаевичем] в Слоним в карете. Приехали ночью, то есть к утру 17-го числа. Здесь жил Огинский, Слонимский, Поздняков. Театр, каскады, сады. Было прекрасно, теперь в развалинах. *Огинский канал,* сделанный под присмотром *Фалькони.* Польских губерний города́ те же Рим: все прах, все воспоминания, но только не так красноречивы. Послушать от них нечего, разве поучения, что народ без характера и правительство без уложения, что идет всегда руку в руку, не может надеяться на жизнь. Это какая-то подложная жизнь: такие государства ходят сгоряча. Пощупайте их пульс: он уже не бьется или бьется последними судорожными биениями.— В Литве ужасно страждут крестьяне. Ник[олай] Ник[олаевич] может дать прекрасный пример, как держать казенные аренды: на них смотрят, как на лимон, который попался к вам на минуту в руки: всякой старается выжать из него весь сок. Честным арендатором был около 20 лет Маршал Пусловский, отменный лимоножатель. Он кровью крестьян нажил миллионы...— Маршал поветовый *Бронски:* себе на уме, должен быть тонок, потому что этого не видать. *Грабовски* губернский Гродненский маршал. Живой Брониц.— В Литве задумывают установить состояние крестьян. Грабовский подавал просьбу о том государю: боюсь, чтобы эта свобода крестьян не была уловкою рабства панов. Увидим, как приступят к делу; хотят собрать по одному депутату с уезда и решить эту задачу. Дай Бог! Крестьяне литовские ужасно угнетены: здесь не знают ни брата на брата, ни других постановлений наших. *Паньщизна.* Крестьянин должен с двумя волами работать три дни в неделе на пана: редкий имеет и одного вола. Чтобы наверстать, паны заставляют одним волом работать шесть дней.— Стояли в доме часового мастера *Либера.* Государя ожидали 17-го к вечеру: он приехал 18-го к 12-ти часам утра. Артиллерийская рота простояла на ногах почти сутки. Государь думает, что он, проезжая Губернию, ничего с места не трогает, потому что запрещает встречи, приемы. Каждый проезд его новый налог: все в движении: Губернаторы и Вице губернаторы невидимо следуют за ним или провожают, как Сбогары. Он не тронут, но по сторонам все режут и давят. Крестьянам за взятых лошадей не платится. Мы спросили у одного холопа, который с нами ехал: получит ли он за то деньги,

которые мы заплатили.— A ja panie wiem*. Точно как будто не его дело: он не привык и думать об этом. Государь приехал в открытых санях с Волконским, свеж, как будто с постели.

Мы поехали из Слонима в Минск в четыре часа после обеда, 18-го числа на санях. На последней станции перед Минском ожидали Государя около 30 просителей и просительниц; посмотреть, точно комическая сцена; подумать, так не так-то смешно. Всякий тут со своими надеждами, расчетами; друг другу рассказывают. Ужасно положение; 40 мил. народа, который везде, выбившись из сил, ждет суда от одного человека. Это положение едва ли не есть отчаяние. Приехали в Минск в 12 часов утра; остановились у Влодека. Город, т. е. что может называться городом, на одной площади.— Считают в обывателях одного Христианина на десять жидов: все у них в руках. Никакой ремесленник из христиан не может удержаться при них: они тотчас спустят цену, тот принужден отойти, они с нова цену возвысят по-прежнему.— Около 11 000 жителей. Государь приехал в 8 часов вечера. В городе есть театр: Casino. Покои изрядные: бывают иногда до 150 человек. Вечером был тут бал, приготовлен был для государя. Не принят, оттого что пост. *Черняева. Любайска.* Ее мать татарский (2 слова неразбор.).

Дороги в Литве делают 60 сажен ширины. Прогонов скота нет: у нас никогда ни в чем нет меры.

В Вильне *Шубравцы:* что-то издают не на живот, а на смерть[14].

Ник[олай] Ник[олаевич] поехал с государем работать на два часа[15].

Нижний-Новгород, 3-го августа 1822[16].

Мы приехали вечером 21-го [июля]. Город обширный — верхний казался почти совсем пуст, по мере как спускались в низ, движение возрастало. Первое впечатление, делаемое ярмонкою, которую видишь с горы, не отвечает той мысли, которую имеешь о ярмонке по рассказам. Она более походит на большой базар не азиатской, а деревенской. Вместе с тем удивляешься богатству, сокровенному под такою смиренною наружностию. Гостиный двор, то есть именно лавки, очень некрасивы и что-то

* А я, пан, знаю *(пол.)*.

похожи более на конюшни: кирпич и черные кровли дают вид пасмурный. Тут нужны бы краски яркие: товар лицом продается. Церковь прекрасная. Главный дом, где вмещается Губернатор, ресторации, где много зал для Собрания, хорош, обширен: лестница извивистая и опирающаяся только на четырех столбах, легка, но слишком узка и сжата. Говорят, что Губернатор препятствовал в ином исполнению предполагаемого плана для сохранения удобностей в покоях, ему назначенных. Столбы чугунные в лавках, выкрашенные белою краскою, тонки, длинны и безобразны.— Вопрос о выгоде перемещения ярмонки из Макарьева в Нижний еще не совершенно, кажется, решен. Впрочем, отлагая в сторону личные и частные выгоды и ущербы, которые должны молчать перед общественною пользою, кажется, решительно, можно сказать, что ярмонке приличнее быть достоянием Губернского Города, каков Нижний, нежели Макарьевского Монастыря, который один обогащался ею, тогда как город нимало не богател и не укращался. Реман в записках о Макарьевской ярмонке (на которую, впрочем, кажется, смотрел он слишком поэтическим глазом) замечает, что в Макарьеве не видишь и следов выгод, которые ярмонка должна бы доставить городу. При том должно вспомнить, что на первые годы, пока Казна не выручит наемом лавок деньги, употребленные ею на сооружение гостиного двора (а и по выручке может быть захочет она сократить этот доход), то высокая цена лавок весьма ощутительна для купцов, особливо же тех, которые приезжают с товаром не на миллионы, а на несколько тысячей рублей. Вообще, кажется, здание слишком огромно. Потребность ярмонки должна ослабевать в государстве, по мере как распространится образованность, а с нею и промышленность и выгоды общежития. Не нужно тогда будет ехать за несколько сот верст запасаться тем, что для общей выгоды и покупщиков и продавцов будет у каждого под рукою. Число приезжих дворян от году в год убавляется. Многие купцы еще по старой привычке приезжают на ярмонку, но неудача ежегодная отучит их от нее. Разумеется, говорю здесь о торговле мелочной, а главная отрасль здешней торговли, как-то: железа, чаев и рыбы, никогда не ослабнет, потому что ей нужно иметь средоточие, из коего распространится она по России (и это средоточие самою природою назначено в Нижнем).— Вина продавалось до вчерашнего дни около тысячи ведер: это немного, полагая, что стечение народа возвышается до 200 000 и что в обыкновен-

ное время продается в Нижнем от 200 до 300 ведер. Впрочем, <это постенн[ое]> возрастание винной продажи во время ярмонки не ограничивается одним городом, а отдается и во всей губернии вместе с движением и беспрестанным приливом и отливом народа.

Недостаток методы и гласности везде колет глаза в России. Приезжему не возможно обнять одним взором и поверхностного положения ярмонки. Ничего не печатается, нет торговых ведомостей, извещающих о приезде купцов, о количестве товаров, о состоянии курса. Все это делается как ни попало и как Бог велит. Конечно, Русский Бог велик и то, что делается у нас впотьмах и на обум, то иным при свете и расчетах не удастся делать. При нашем несчастии нас балует какое-то счастье. Провидение смотрит за детьми и за пьяными и за русскими, прибавить должно.— Вероятно, показания купцов были бы неверны, ибо недоверчивость к правительству есть вывеска нашего политического быта, но все от большей гласности и большего Европеизма в формах, были бы какие-нибудь средства получить понятие о действиях ярмонки и основать на том свои соображения, выгодные не для одного любопытства, но и для самой общественной пользы. Теперь и самые купцы и правительство не имеют положительного познания о действиях и средствах ярмонки. Здесь каждый знает о себе, как в сражении офицер о действиях своей команды,— но нет Главнокомандующего, известного о действии целого, и нет Политика, основывающего свои планы на последствии действий.— Ярмонка не представляет никаких или весьма мало увеселений, приманок, для любопытных праздношатающихся: новое доказательство, что главный характер ее не европейский и образованный; приезжие Иностранные купцы здесь как бы случайно, и нет сомнения, что они со временем перестанут ездить; а для наших бородачей прихоти общежития не нужны. Я уверен, что ярмонка в Макарьеве была своеобразнее и живописнее; здесь хотели Китайскую картину вместить в Европейскую раму, Азиатский кинжал в Европейскую оправу, и нет единства. Торговля, здешние ярмонки до́ма в балаганах: в лавках она в гостях и ей неловко.

Зябловский в «Новейшем землеоп[исании] Рос[сийской] Имп[ерии]», второе издание 1818-го года, говорит, что количество привозимого на сие годовое торжище товаров простирается ежегодно до 5 миллионов рублей[17]. Ошибка ли это от незнания, или непозволено правительству было сказать истину?

10 августа.

9 августа мы поехали с прокурором. Теперешняя городская тюрьма деревянная и ветхая. Затворников около ста: пересылочных далее не тут содержат. Нашли тут мальчика лет 12-ти. Он учился в Семинарии, узнал, что у одного знакомого крестьянина, отъезжающего в их деревню, есть деньги, рублей 30, уговорил его отвезти с собою к отцу своему, дорогою напоил его на свои деньги и, как тот крестьянин заснул крепким сном, два раза ударил его топором по голове, шапка спасла крестьянина от смерти. Помещение дурное.-Новый тюремный замок каменный еще не достроен: ассигновано на него 218 000, но, кажется, еще потребно будет около ста тыс[яч]. Должно и половины не стоить. Строят его исподволь, уже третий год. Из комнат, назначенных для смотрителя, вид на город хорош. Отделения нижние, назначенные для важных преступников, будут, без сомнения, сыры и темны. Все делается от одного тщеславия и для одной наружности. О истинной пользе и в помине нет. Оттуда полем поехали в Девичий Монастырь; город на правой руке, виды на него хороши: Нижний, который на высокой горе, с дороги казался в долине. Девичий Монастырь красив, опрятен, большая церковь еще не достроена; в ограде дорожки посыпаны песком, цветники. Дорофея Михайловна Новикова игуменья, приветливая, умная — говорят, красноречивая. Сказывают, что она переделала на русский лад Историю Элоизы[18]. Взаимная любовь связывала ее с Пензенским дворянином. Согласились они поступить в монашеское звание.— Долго уже после того, как она сделалась игуменьею, а он архимандритом Израилом, все у нее в Монастыре делалось по его советам, он живал у ней,— но под конец рассорились они.— Из Монастыря поехали на место *Гребешек.* Вид чудесный в три стороны. Гостиный двор ярмонки как на блюдечке, но и мал, как сахарный.— На горе часовня Алексея Митрополита. По выше Монастырь, им заложенный. Алексей, недовольный первым приемом жителей, сказал, что здесь *горы каменные, а сердца железные.* Не понимаю, как избы ветхие торчат по горе и как не сносит их Весною. Здесь гипербола Пушкина:

Домишка, как тростник, от ветра колыхаясь[19], становится правдоподобною.

Кирпичи, которых тысяча продавалась по 10 рублей до строения гостиного двора, взошли до 20 *экономическими мерами Бетанкура:* вольные кирпичники последовали казенной цене[20].

Записывание отправленных писем
1826

Княгине Хилковой по делу с Терпигоревой —3 ноября
Карамзиным — К. Федору Гагар[ину] — Геке и Дивову.
Горниковскому — в Красное — Орлову —6 ноября Карамзиным — К. Фед[ору] Гагарину — в Красное Село — в Управу Благочиния по делу с Бароном —13-го ноября
Александру Пушкину — Карамзиным —20-го ноября
Карамзиным —24 ноября
Ломоносову в Париж с Лебур —26-го [ноября]
Карамзиным — Геке — Князю Федору —27-го [ноября]
Карамзиным — 30 [ноября]
Тургеневу — Фовицкому через Лебур ——— ———
Карамзиным —4-го декабря
Карамзиным —8 [декабря]
К. П. М. Волконскому — Геке —10 [декабря]
Бартеневу. Карамзиным в Красное Село —11 [декабря]
Кологривову — Габбе — Федорову —15 [декабря]
Карамзиным —17 [декабря]
Орлову с книгами Гамлет [?] и Онегина —17 [декабря]
Карамзиным —24 [декабря]
Дельвигу — Вьельгорскому — Дашкову —
Матушевичу с Вьельгорским —25 [декабря]
Карамзиным —31 [декабря]

1827

Карамзиным —8-го января
Лазореву — Перовскому при письме к Жуковскому.— С Жихар[евым] Карамзиным три раза до —21-го [января]
Карамзиным. Кологривову —2 февраля

Некоторые письма не записаны

Карамзиным — Вьельгорскому —25-го февраля
2 пись[ма] Орловой — Письмо от Орловой к Цейдлеру —26 [февраля].—к Карамзиным —4-го марта
к Шимановской — —
к Карамзиным — Перовскому — Миклашевскому — 21-го [марта]

Остафьево 1829

Июнь до 10-го.— Карамзиным — Тургеневу в Париж — Гагарину — Бобринской через контору. Кремер с медалью Байрона через их контору — Плетневу.

Июнь — Шипилеву в Вологду — Льву Давыдову — Александру Муханову вместе с Андреем Муравьевым — Козлову.

Щербатов Тула, дом куп[ца] Карабанова[21].

[*Поездка в Мещерское и Пензу в декабре 1827 — январе 1828.*][22]

Дорога от Москвы в Пензу 696 верст (по подорожной 695), по 5 копеек, кроме первой станции.— Издержано всего дорогою 146 руб. От Пензы в Мещерское 85 верст на Елань.— Скрыпицыно.— Проезжаешь имения трех Бекетовых. У Аполлона дом каменный с аркою на дороге, которая когда-нибудь сядет на голову Проезжающего.— <В П> Выехал я из Москвы 12-го числа, в семь часов вечера. В полдень на другой день был в Владимире, ночью в Муроме — на другое утро поехал я на Выксу к Шепелеву, верст тридцать от Мурома. Едешь Окою,— от него ночью вывезли меня на вторую Станцию от Мурома. В Арзамасе видел я *Общину*. Церковь прекрасная. Позолота работы затворниц — искусные белошвейки,— около пяти сот затворниц. Община учреждена во время упразднения многих Монастырей. Кажется, в доме господствуют большой порядок, чистота. Настоятельница женщина или девица пожилая, умная, хорошо говорит по-русски, из Костромы, купеческого звания. Тут живала юродивая дворянка, которая пользовалась большой известностью, пророчествовала и, говорят, часто сквернословила. В ее келье, после ее смерти, читается неугасимый Псалтырь, стоит плащеница с деревянными или картонными статуями. Монастырь не имеет никаких определенных доходов. Заведение благодетельное и которое было бы еще благодетельнее, если при святом назначении его было бы и мирское просвещенное: например, школа для бедных детей, больница для бедных и тому подобное. В Арзамасе есть школа живописи, заведенная дворянином академиком. Картины этой школы развешаны и продаются в трактире. Все это зародыши образованности: просвещение выживает дичь.— Не доезжая Пензы, от станции в деревне Графини Лаваль знаменитая *Рудзаевка* поэта Струйского. После него остались вдова и два сына, живущие в околотке. От станции в 15-ти верстах в другой деревне Лаваль застрелился

молодой Лаваль.— Дорогою деревня Полуектова, кажется, Шатки. В Пензу приехал я в 10 часов вечера 16-го [декабря]. В Мещерское 17-го после обеда.— В Владимире, Венедиктов, председатель палаты, бывал в чужих краях.

Из Мещерского писал я: К[нязю] Василию Гагарину 2 письма — к Полторацкому — к Карамзиным — к Дмитриеву с стихами 1828-й год для Журнала Калайдовича — к Софии Чернышевой — к Васильевой — к Шимановской — к Оболенским — к Голицыной в Саратов.

Мещерские соседи: Миленин, Свиридов (муж слепой, жена усатая, сын ни рыба, ни мясо, жена его хорошее белое мясо), *Таушев,* Чистилины.— Сольден, бывшая Мерлина, бывшая Есипова.— У Миленина какой-то восточный уроженец, о котором говорит Броневский в «Записках морского офицера»: был в плену и в плену геройствовал. По словам его, в рассказе Броневского о нем есть и правда и не правда[23].— Сердобский уезд полон еще молвою и преданиями о житье-бытье Куракина Александ[ра] Бор[исовича] в селе его Надежине во время опалы. Река *Хáпер.* Губернаторство Сперанского в Пензе не оставило никаких прочных следов: доказательство, что в нем нет благонамеренности и патриотической совести. Он оставил по себе одну память человека общежительного.

Сомов, Вице-Губернатор Саратовский: пользуется репутациею честного и бескорыстного человека. Теперь вышел в отставку.

Белорукова, Пензенская дворянка, засекла девочку 8-ми лет. Исполнительницею приказания ее была няня, которая после заперла несчастную в холодном месте, где она и умерла.

Сын Струйского, сосланный в Сибирь также за жестокосердие.

Степанов, Сердобский предводитель. Дочь довольно милая.

Мы выехали 5-го января из Мещерского в Пензу в осьмом часу утра. Погода казалась тихая и теплая, мы думали, что часов в пять после обеда будем в городе. Вместо того настал мороз ужасный, вьюга ледяная и в пятом часу приехали мы только в Елань: кучера и люди перемерзли, форейтор отморозил себе нос и колено. Видя это, Еланские ямщики нас никак везти не хотели до утра, не смотря на просьбы, увещания, обещания дать двойные прогоны, должны мы были решиться провести на месте

часть дня и ночь. Мороз был красноречивее нас и денег. На беду нашу напали мы на сочельник: печь была худо натоплена и ничего в печи не было, а мы, полагая, что будем несколько часов в езде, не взяли с собою запаса. Вот что значит ездить по степям. Здешние жители, пускаясь и на малую дорогу, берут с собою не только провиант, но и дрова на всякий случай. Застигнет их ночь и мятель, они приютятся к стогу сена, разложат огонь и бивакируют. Мы были взяты в расплох, как Наполеон русскою зимою. Проведши около 15-ти часов в избе холодной, но дымной, в сообществе телят, куриц (не говоря уже о мелкопоместных тараканах), родильницы, лежащей на печи с трехдневным младенцем, пустились мы на другое утро в Пензу. Мороз не слабел, но погода была тише. В девятом или десятом часу приехали в Пензу, остановились на въезде города у Сушковой. Я отправился в Собор. Теплая церковь, темная, как пещера: верхняя, летняя, говорят, хороша. Оттуда на Иордань.— Архиерей Ириней: отец его Серб, мать Молдаванка, воспитан был в Киеве. Прекрасной наружности и что-то восточное в черных глазах, и волосах, и в белых зубах, и в самих ухватках. Выговором и самими выражениями напомнил он мне В. Ф. Тимковского, с которым он учился и коротко знаком. Он был в Яссах и в Кишиневе: скоро вышел в Архиереи. Обращения приятного. В разговоре предавал проклятию В. Скотта, в особенности за Роман Крестовых Походов.— Вечером было собрание не многолюдное, зала довольно велика и хороша.— *Загоскина* вдова, сестра Васильковской; *Блохина,* сестра Чирковой. *Всеволожская,* урожденная Клушина, племянница автора (Умовение ног); *муж ее,* сын Всеволожской-Огаревой. *Очкина,* жена купца, бывшая девица *Приоре,* воспитанная у Генеральши Сольден. *Девицы Болдыревы, Золотарева (Пензенская Офросимова)* с двумя дочерьми.— *Вдова Бекетова,* сестры ее Араповы, сестры Пимена *Арапова, Евреиновы. Ховрина* была в деревне. Новое удостоверение, что Ансело прав и что женский пол лучше нашего. Братья *Ранцовы,* жена одного Вельяшева, сестра Алек. Пет. *Губернатор Фед*[*ор*] *Петр*[*ович*] *Лубяновский; вице-губерн*[*атор*] *Антонский,* племянник Московского. *Полицмейстер Путята* дает дому сгореть, как свече: недавно сгорел таким образом дом Предводителя Губернского Тишенского, женатого на Араповой. На полицию очень жалуются. Старушка *Вигель,* мать нашего, большего, больная в постели, женщина, кажется, умная и в городе уваженная. Один сын ее женат

на Чемизевой, упоминаемой в скандалезной хронике Пензенской; дочь за Юматовым. Говорят, прокуратница, другая дочь блаженствует в старых девах; внук, служивший в Гвардии. Губернатор не любим, идет молва, что потакает ворам и не из простоты. Человек умный, хотя, вероятно, ума не открытого и не возвышенного. В старые годы перевел Телемака и напечатал его: несколько лет тому принялся за исправление перевода, но за делами службы не успевает кончить труда. Дела у него идут поспешно и все собственноручно. Перевел также несколько мистических книг; выдал свое путешествие, которое если не именным указом, то Министерским приказом (Кочубея) было раскуплено начальствами и в губерниях, так что он собрал довольно значительную сумму в то время, когда авторы лучшие писали у нас только *из чести. Пензенский театр.* Директор *Гладков, Буянов, провонявший чесноком и водкой.* Артисты крепостные, к которым при случае присоединяются Семинаристы и приказные. Театр, как тростник от ветра, колыхаясь, ветхий и холодный, род землянки: в ложи сходишь по лестнице крючковатой. Освещение сальными свечами, кажется, поголовное по числу зрителей. На каждого зрителя по свече. В мое время горело, или, лучше сказать, тускнело свеч 13. Я призвал в ложу мальчика, которого нашел при дверях, и назначил его историографом и биографом Театра и Артистов и Содержателя. Кто эта Актриса? Саша, любовница барина. Он на днях ее так рассек, что она долго не могла ни ходить, ни сидеть, ни лежать.— Кто эти? Буфетчик и жена его. Этот? Семинарист, который выгнан был из семинарии за буянство. А этот? Бурдаев, приказный, лучший актер!— А этот бывший приказный, который просидел год в монастыре, на покаянии. Он застрелил нечаянно на охоте друга своего Монахтина, также приказного. По несчастию Гладков имеет три охоты, которые вредят себе взаимно: охоту Транжирина, пьянства и собачью. Собаки его не лучше Актеров: после несчастной травли он вымещает на Актерах и бьет их не на живот, а на смерть. После несчастного представления он вымещает на собаках и велит их убивать. Вторая охота его, постоянная, служит подкреплением каждой в особенности и совокупно. Впрочем, *Саша* не дурна собою и не многим, а может быть, ничем не хуже наших Императорских. Актер* также недурен. Давали *Необитаемый остров, Козачий офицер* и дивертисмент с русскими плясками и песнью: *За морем синичка не*

* Оставлено место, но имя не вписано.

пышно жила. Вообще мало Карикатурного и, должно сказать правду, на Московском театре, в сравнении столицы с Пензою и прозванием Императорским с Гладковским, более нелепого на сцене, чем здесь. Больнее всего, что пьяный помещик имеет право терзать своих подданных за то, что они дурно играли или не понравились помещику. Право господства не должно бы простираться до этой степени. При рабстве, *puisque рабство у а**, можно допустить право помещика взыскивать с крепостных своих подати деньгами или натурою и промышленностью, свойственными их назначению и включенными в круг действия им сродного, и наказывать за неисполнение таковых законных обязанностей. Но обеспечить законною властью и сумасбродные прихоти помещика, который хочет, чтобы его рабы плясали, пели, ломали Комедь без дарования, без охоты, есть уродство Гражданское и оно должно бы прекращаемо начальством, предводителями, как злоупотребление власти. И после таких примеров находятся еще у нас заступники Крепостного Состояния! *Лубяновский* рассказывал мне о возмущении крестьян Апраксина и Голицыной в Орловской Губернии числом 20 000 душ, когда по восшествии Павла приказал он и от крестьян брать присягу на верноподданничество. Крестьяне, присягнув государю, почитали себя изъятыми из владения помещичьего. Непокорность их долгое время продолжалась и Репнин ходил на них с войском. Лубяновский был тогда адъютантом при Князе. У крестьян были свои укрепления и пушки. Присланного к ним для усмирения держали они под арестом. Репнина, подъехавшего к Селению их с словами убеждения и мира, прогнали они от себя, ругали его. Репнин велел пустить на них несколько холостых выстрелов. Сия ложная угроза пуще их ободрила: они бросились вперед. Наконец, несколько картечных выстрелов привели возмущенных к покорству. Происшествие, похожее на происшествие 14 декабря, только последствия были человеколюбивее. Зачинщиков не нашли и не искали. Репнин велел похоронить убитых картечью и поставил какую-то доску с надписью над ними. Дело это казалось так важно, что Павел писал Репнину: «Если мой приезд к вам, может быть, нужен, скажите, я тотчас поеду»[24].— Возмущения нынешние в деревнях приписываются проделкам либералов: кто из либералов тогда действовал на крестьян? Рабство, состояние насильственное,

* Так как рабство налицо *(фр.)*.

которое должно по временам оказывать признаки брожения, и, наконец, разорвать обручи недостаточные.

Пенза полна пребыванием Голицына, флигель-адъютанта, сына Кулина: он всех привел в трепет и тем более понравился обществу, что сказывают, осадил Губернатора, которого не любят. Приезжает он к Васильеву, Советнику, известному знанием в делах и взяткобрательством: увещевает его, как не стыдно ему, при его способностях для службы, бесчестить себя корыстием. Тот уверяет в своей чистоте.— «Как же вчера взяли вы с того-то триста рублей?» Васильев, пораженный всеведением Архангела с мечом и пламенем, клянется на образе, что впредь брать не будет. Принесут ли пользу эти Архангелы, носящиеся по велению Владыки из конца в конец земли? Невероятно! Как буря они подымут с земли сор и пыль, но сор и пыль после них опять сядут. Буря не чистит земли, а только волнует. Могут ли Голицыны и все эти флигель-Архангелы способствовать к благодетельному преобразованию? Непосредственнейшее и неминуемое действие их явления должно быть ослабление повиновения и доверенности управляемых к правящим. На что же Генерал-Губернаторы, Губернаторы, Предводители, Прокуроры, если нельзя на них положиться? На что Сенат Правительствующий и блюстительный, если не ему поверять надзор за исполнением законов? Скорее же из Сената отделять ежегодно Ревизоров по всем Губерниям? Должно употреблять орудия, посвященные на каждое дело, а не прибегать к перочинным ножичкам, потому только, что они ближе и под рукою. Вы оказываете недоверчивость к Генерал-Губернатору, а облекаете доверенностью Гвардейского офицера, который созрел для государственных понятий в манежах или петерб[ургских] гостиных. Не пошлете же вы Советника губернского правления произвести военное следствие? В детской привязанности Вашей к эполетам Вы думаете, что в них сокрыта тайна всеведения и что Ваши товарищи в солдатские куклы должны по этому самому быть на все способны?

Пенза город довольно хорошо выстроенный и летом должен быть живописен. Модная лавка *M-me Chopin* [Г-жи Шопен], мать переводчика[25].

В Москве написать Шишкову. Векселя Гагарина и Киселевой в портфеле красном также и письмо Екатерины и кольцы.

Стихи Габбе отдать Измайлову. 2 тома *Biographies**

---

* Биографий *(фр.)*.

17 и 18 должны быть у Полевого. Записки Дашковой у Дмитриева. [1 сл. не разбор.] где? По записке Данилова. Жуковскому о М[осковском] Т[елеграфе].— Козац[кое?] О Трубецком — Надвор[ном] Совет[нике] Федоре Данил[овиче] Массальском.

Константинова. Остафьев[ский] каталог у К. Зенеиды.

Письма в Петерб[ург]. Брейткопф, <Кривцову>, Строганову 2— двум Голицыным, Вьельгорской 2; Бабарыкин, Окулову, Окуловой, Полуектовой 2, Волконской, Нарышкиной, Поповой, Батюшкову, Сушковой, Горяинову, Козлову, Giorgeri два пакета. Писать Гизо по письму Тургенева у Жуков[ского]. Отдать Блудову Раича — Пушк. о Моск. Вест.

2-го марта письмо в Пензу. 19-го апреля письмо к Немцевичу с Грабовским — к жене с Манифестами — Письмо в Ревель с 50 рублями Бремер — 24-го в Кострому Бартеневу и Раменцову — в Москву Демиду. В Ревель от дочери г-на Бремер.

29-го в Париж Толстому с книгами. 4 № Телеграфа, Аристоф. Андрей Переяслав. с письмом к А. Тургеневу с книгами от Пушкина через Ломоносова.

4 мая К[нязю] Василию Гагарину с бумагами от Бутурлина[26].

Раича билеты — 4 экземпляра Вьельгорскому — 1 Жуковскому, 1 Полетике — 1 Мицкевичу все заплачены мы с Раичем разочлись.

В Кузнецке Саратовской губернии Николаю Александровичу Радищеву.

Вакавуш — по-турецки *увидим.*

— Мещерское 16-го июня.

Писать к<княгине Голицыной-Шуваловой> — Дмитриеву—В. Л. Пушкину—<Пономареву—Полевому> — Голицыной-Кутайсовой — Тургеневу — Гизо —<Орлову>— Мицкевичу —<Кушникову — Полторацкому>.

22-го. Послано с почтою в письме к Демиду: Соболевскому, Пономареву, Полторацкому, к[н]. Василию, Орловой; в письме к Булгакову Константину: Голицыной-Шуваловой, Шимановской — Карамзиной — Кривцовой. С Демонси в письме к Демиду письма к Пушкиным Александру и В. Л. Кушникову. Мещерской, Полевому со статьей. Дашеньке Окуловой, Полторацкому Ж. de d[Journal des Debats] до мая (у Радищева 2 том Soirées de Neuilly* (возвращено).

---

* Вечера в Нейи *(фр.)*.

По почте 5-го августа: Малышеву, Ден. Давыдову, Ник. Муханову, С. Карамзиной.

Avec toutes les séductions terrestres faites pour la rendre une femme accomplie sous tous les rapports, elle porte une auréole, qui fait palir tous les charmes terrestres et au moment, où vous sentez prêt à lui faire les yeux doux, vous êtes entrainé involontairement à faire le signe de la croix et vos velléités de galanterie se convertissent en une contemplation purement ascétique. Son regard a quelque chose d'indéfinissable: c'est la conversion du paganisme en christianisme. Je la compare à une statue que le statuaire destinait en premier lieu à représenter <quelques unes> des divinités riantes de la terre, mais au moment d'achever son travail une sainte inspiration a donné une nouvelle direction à sa pensée et son ouvrage a pris le caractère sublime et austère de cette religion, gui vous dit avec son fondateur: mon Royaume n'est pas de ce monde*[27].

Книги с собою: Melmoth 6— Oginski 3— Mauroni 5— Schakespeare 1— Boiste**— Лексикон[28].

Катерина Лаврентьевна Селиверстова, Анна Никитишна Смирнова, урожд. Олимпиева, Мамонова Варвара Алексеева, Плещеева Елена Александровна, урожд. Струговщикова, Елизавета Васильевна Белавина, Жданова Мария Андреевна, Анна Афанасьевна Грузинская[29]. Андрей Васильевич Бестужев — Иван Семенович Храповицкий. Дорофея Михайловна — игуменья.

Фон-Визин живописец Карикатурный — он не был живописцем общества своего, Петерб[ургского] двора. В Бригадире, в Недоросле другие нравы — некоторые сцены не драмматические: это род разговора в царстве мертвых на заданные темы — Потемкин хотел переманить его от Панина — Подражание Лабрюеру — дикий американец. Карамзин мне говорил об этом.— Живого автора

* При всех земных соблазнах, созданных для того, чтобы сделать из нее женщину, совершенную во всех отношениях, она увенчана ореолом, заставляющим бледнеть все земные очарования, и в тот момент, когда вы чувствуете, что готовы сделать ей глазки, вас невольно тянет к крестному знамению и ваши галантные поползновения превращаются в чисто аскетическое созерцание. Ее взгляд выражает нечто непостижимое: это превращение язычества в христианство. Я сравниваю ее со статуей, ваятель которой первоначально предназначал ее для изображения <некоторых из> смеющихся земных богинь. Но в момент окончания работы святое вдохновение дало новое направление его мысли, и труд его принял суровый и возвышенный характер той религии, которая говорит вам вместе с ее создателем: царство мое не от мира сего *(фр.)*.

** Мельмот 6 — Огинский 3 — Мирони 5 — Шекспир 1 — Буаст *(фр.)*.

должно печатать с хорошей стороны: мертвого со всех.— После смерти нет лжи: а утаить что-нибудь из написанного автором, то есть из умственной жизни его есть ложь. Я хочу знать не только автора, но и человека: вот от чего чтение записок занимательно и назидательно. О Фон-Визине не говорят современные записки французов: невыгода быть русским.— Действие французской литературы на умы 18-го века: ум был достоинство, держава; Цари искали союза с ним.— Литтература Фон-В[изина], как и вообще русских писателей, не была главным делом их жизни: как музыка, живопись, она была побочное искусство: потому у нас мало творений... Даламберт: Фон-В[изин] оклеветал его. Искательства его и других энциклопедистов были не подлость, а политические домогательства: им нужен был союз дворов и вельмож, чтобы утвердить свое положение: тем более, что во Франции они угрожаемы бывали правительством. Даламберту верно были не нужны деньги. Сравнение комедий Ф[он]-В[изина] и *«Горе от ума»*. О Грибоедове.— Не имел ли Ф[он]-В[изин] в «Недоросле» мысли унизить неслужащих? Но где же у нас дворянство неслужащее и в независимости ли можно упрекать нас. Митрофанушка не только *недоросль* по службе, но и неуч.— *Правдин: Пошел-ка служить,* говорит Митрофанушке.— Хорош подарок службе.—

Евгений говорит, что перев[од] Гол[ь]берг[овых] басен напечатан в 1763 — в 1768 г. Греч говорит о *чистоте, ясности и силе* прозы его в важных переводах, н[а]п[ример] в похваль[ном] сл[ове] Мар[ку] Аврел[ию].— Спросить у Кристина, нет ли в бумагах Маркова писем Фон-Визина также у Г[рафа] Панина? У Греча и в новой биогр[афии] ошибочно сказано, что жизнь Сифа перев[едена] с француз[ского]:— с немецкого сказано в исповеди.— *Ф[он]-В[изин] го[ворит], что и в перев[оде] Альзиры встречаются хорошие стихи.* Успех «Бригадира»: с обеда на обед зовут его первые вельможи.

Евгений называет Ник[иту] Пет[ровича] Панина упомянутым Кабинет-Министром: по исповеди видно что нет.— Ф[он]-В[изин] хотел переводить Тацита: не позволили: при Алек[сандре] вышло два перевода.— Глаза Ф[он] Визина. Так ярки, что нельзя смотреть было.

Письма Разумовского, Бориса Салтыкова — Etienne сказал: «La comédia est l'histoire de peuple»*.

* Этьен сказал: «Комедия — это история народа» *(фр.)*.

L'éloge d'un écrivain est dans ses ouvrages: on pourrait dire que l'éloge de Molière est dans ceux des écrivains, qui l'ont précédé et qui l'ont suivi, tant les uns et les autres sont loin de lui. Des hommes de beaucoup d'esprit et de talent ont travaillé après lui, sans pouvoir <l'atteindre> ni lui ressembler, ni l'atteindre. Quelques uns ont eu de la gaîté; d'autres ont su faire des vers; plusieurs même ont peint des moeurs. Mais la peinture de l'esprit humain a ete l'art de Molière; s'est la carrière qu'il a ouverte et qu'il a fermée: il n'y a rien en ce genre, ni avant lui, ni apres (La Harpe)*.

«Письма Рус[ского] Пут[ешественника]» хотя и писаны вовсе без педантства и догматической важности, может быть, содержат более истин о французах и о Париже, чем письма Ф[он]-Визина. В одном только Карамзин и Ф[он]-Визин согласны: во мнении о нечистоте Парижа[30].

Спис. Алек. Давыдовой: Memoires d'une Contemp. 8 том: Revue Encycloped. 1828 год, 12 том**.

---

* Похвала писателю заключается в его трудах: можно было бы сказать, что похвала Мольеру заключается в трудах писателей, ему предшествовавших и последовавших за ним — так далеки от него и те и другие. Люди большого ума и таланта работали после него, но не могли ни походить на него, ни сравняться с ним. Одни из них обладали юмором; другие научились писать стихи; многие даже занимались описанием нравов. Но живописание человеческого ума было искусством Мольера. Это поприще было им открыто и им же закрыто: в этом роде не было ничего ни до, ни после него (Лагарп) *(фр.)*.

** Мемуары соврем[енника] *(фр.)*.

КНИЖКА ПЯТАЯ

(1825—1831)

Ревель
Екатеринен-таль
16-го июня 1825 г.[1]

НАРВСКИЙ ВОДОПАД

Несись с неукротимым гневом*,
*Мятежной*** влаги Властелин,
Над тишиной окрестной ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, кипящей лавой,
За валом низвергая вал,
Огромной, дикой, величавой***,
Перебегай ступени скал!

Дождь брызжет с *беспрерывной***** сшибки
Волны, сразившейся с волной,
И влажный столп прозрачно зыбкий*****
Вдали <твой> им предъявляет бой!

Все разъяренней, все угрюмей
Летишь, как Гений непогод,
И мыслью погружаюсь в шуме
Твоих междоусобных****** вод.

Но как вокруг все безмятежно
И, утомленные тобой,

Варианты:
* Несись с рассечен[ных] разорван[ных] вершин.
** Сердитой.
*** Сердитый, мятежный.
**** От упорной.
***** И влажный дым; как облак зыбкий.
****** Междоусобно бурных.

Как чувства отдыхают нежно,
Любуясь сельской красотой*.

Твой *мирный*** берег чужд смятенью,
На нем цветет весны краса,
И вместе миру и волненью
Светлеют те же небеса.

Но ты <питомец> созданье тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зерцало их лазури
Вотще блестящей с вышины.

Под грозным знаменьем свободы
Несешь залогом бытия
Зародыш вечной непогоды
И вечно бьющего огня.

Ворвавшись в сей предел спокойный
Один свирепствуешь в глуши,
Как вдоль пустыни вихорь злобный,
Как страсть в святилище души.

Как ты, внезапно <разгорится> разразится,
Как ты, растет она в борьбе,
Теряет лоно, где родится,
И поглощается в себе[2].

4 августа.

En soupirant j'ai vu naître l'aurore***.
Не для меня дышала утра сладость,
Гляжу с тоской на позднюю зарю,
Не радует меня природы радость,
Что в солнце мне, когда ее не зрю?

Я без надежд, без страха, без волненья
На бег часов медлительных смотрю:
Все чуждо мне, все, кроме сожаленья,
Что в этот день ее я не узрю.

Варианты:
* Тишиной.
** Ясный.
*** Вздыхая, я видел, как рождается заря *(фр.)*.

Спеши с небес, о завтра золотое,
Звезда любви зажги любви зарю!
Счастливый день! Нас завтра будет двое,
И солнце вновь и вновь ее узрю.

Волны

Как стаи гордых лебедей
Плывут по зыбкому зерцалу.

Облака, как дым воздушного сраженья,— на небосклоне рисуются воздушною крепостию, объятою пламенем.

Корабль плывущий мир.

Стихия Байрона! о море![3]

Le gouvernement, par une expérience hasardeuse, forme, dans ses colonies militaires, une classe, qui aura les droits avec la force de la faire valoir.

Mais si l'affranchissement graduel du peuple s'opère, le moment ne sera plus éloigné où l'administration civile, militaire et judiciaire de la Russie cessera d'être la plus vénale de l'univers.

(Revue de progrès des peuples dans les 25 dernières années. Замечательная статья! «Revue encyclopedique», Janvier 1825).

Colllection des Constitutions, chartes et lois fondamentales des peuples de l'Europe et des deux Amériques: par MM. P. A. Dudan, Duvergier et Guadet, avocats à la Cour royale de Paris. 1821—1823, Bechot, 6 vol.— Article de Taillandier*. (Тут же.)

Le réveil de la Grèce. Poème lyrique en 3 parties par A. F. D. Paris, 1825**.

Il a soif des combats; il rêve l'incendie;
Des opresseurs de sa patrie

---

* Правительство, путем дерзких опытов, создает в своих военных колониях класс, который получит права вместе с силой, чтобы этот класс отстаивать.

Но если произойдет постепенное освобождение народа, то недалеко время, когда гражданская, военная и юридическая администрация России перестанет быть самой продажной во вселенной.

(Обозрение прогресса народов за последние 25 лет. «Ревю энциклопедик», январь, 1825.)

Собрание конституций, хартий и основных законов народов Европы и обеих Америк. Составлено гг. П.-А. Дюдан, Дювержье и Гаде, адвокатами при королевском суде в Париже. 1821—1823, Бешо, 6 т.— Статья Тайландье *(фр.)*.

** Пробуждение Греции. Лирическая поэма в 3 частях; сочинение А. Ф. Д. Париж, 1825 *(фр.)*.

Vers l'horison lointain il a vu les vaisseaux.
Il s'écrie... il s'agite... et sur la mer absente
Il embrase, en espoir, la fiotte menaçante.
(Le délire de Canaris malade)*.

В той же книжке Revue статьи о Journal of the conversations of lord Byron. Осуждают появление книги, но автор продолжает: je dirai qu'il est curieux amusant quoique trop décousu.— Plusieurs de ses discours semblent authentiques; d'autres paraissent n'être que des oui-dire, rajeunis par M. Medwin. Une remarque qui nous confirme dans cette opinion, c'est qu'il donne pour un impromptu fait par L. Byron, à la suite d'un souper, une chanson de table composée et publiée en 1807 ou 1809**[4].

7 августа.
(Child Harold)
Could I embody and unbossom now
That which is most within me,— could I wreak
My thoughts upon expression, and thus throw
Soul, heart, mind, passions, feelings, strong or weak
All that I would have sought, and all I seek,
Bear, know, feel, and yet breake — into one word,
And that one word were lightning, I would speak;
But as it is, I live and die unheard,
With a most voiceless thought, skeathing it as a sword***[5].

---

* Он жаждет сражений, он мечтает о пожарах;
У далекого горизонта он видит
Суда угнетателей своей родины.
Он кричит... он волнуется... и на отсутствующем море
Он, в мечтах, зажигает грозный флот.
(Бред больного Канариса) *(фр.)*.

** В той же книжке «Ревю» статьи о «Дневнике бесед лорда Байрона». Я сказал бы, что он (дневник) любопытен и занимателен, хотя слишком несвязный. Некоторые из его речей кажутся подлинными, другие производят впечатление слухов, подправленных рукою г. Медвена. Нас укрепляет в этом мнении заметка, выдающая за экспромт л[орда] Байрона, созданный после одного ужина, застольную песню, сочиненную и изданную в 1807 или 1809 году *(фр.)*.

*** *Чайльд Гарольд*
О, если б все, что мощно или ничтожно,
Что есть во мне: дух с сердцем и умом,
Страсть, чувство, все, чем я томлюсь тревожно
И все же существую,— если б можно
Их было в слове выразить одном
И молнией звалось такое слово —
Я мысль мою всю выразил бы в нем
Теперь — умру, не сняв с нее покрова.
Как меч — в его ножнах, скрывая мысль сурово.
(Пер. П. Козлова.)

ОЛЬ[ГЕ] СЕРГ[ЕЕВНЕ] ПУШКИНОЙ В ДЕНЬ ОТЪЕЗДА ЕЕ ИЗ РЕВЕЛЯ

Нас случай свел, но не слепцом меня
К тебе он влек непобедимой силой,
Поэта друг, сестра и гений милой,
По сердцу ты и мне давно родня!

Так! в памяти сердечной без заката
Мечта о нем горит теперь живей;
Я полюбил в тебе сначала брата:
Брат по сестре еще мне стал милей.

Удел его: блеск славы *горделивой,*
Сияющей из ложа бурных туч,
И от нее падет блестящий луч
На жребий твой смиренной, но счастливой.

Но ты ему *еще полезней* будь*,
Свети ему звездою безмятежной,
И в бурной мгле участьем дружбы нежной
Вливай покой в растерзанную грудь**[6].

16-го авгус[*та*].

К МНИМОЙ СЧАСТЛИВИЦЕ

Мне грустно, на тебя смотря,
Твоя не верится мне радость,
*И розами**** твоя увенчанная младость
Как дня холодного блестящая заря.

Нет прозаического счастья
Для поэтической души:
Поэзией любви дни наши хороши,
А ты чужда ее святого сладострастья!
    Нет! нет! он не любим тобой,
    Нет, нет! любить его не можешь;
В стихии спорные одно стремленье вложишь,
Два звука розные сольешь в согласный строй
Насильственной игрой могущего искусства —

Варианты:
* Но для него ты благотворной будь спасительнее.
** Томящуюся, тоскующую.
*** Прелестьми.

Творит *стесненная природа* чудеса,
Но не позволят небеса,
Чтоб предрассудков власть уравнивала чувства[7].

[*Июнь 1826 г.*]

На кануне Иванова дня в ночи 23-е на 24-е зажигают огни, бочки с смолою и с дегтем на высотах около Ревеля. В нынешнем году кое-где пылали они, но в старину, говорят, было гораздо более огней. Везде падают народные обычаи и поверья. Народы как будто стыдятся держаться привычек детства, достигнув зрелости и вступив в возраст образованности. Хорошо у других; но зачем нам отставать от поэзии бабушкиных сказок, нам, все-таки еще чуждым прозы просвещения? Право, нам поребячиться еще не грешно. Мы с своею степенностью и нагою рассудительностью смешны, как дети, которые важничают в маскарадах, навьюченные париком с буклями, французским кафтаном и шпагою. Крайности смежны. Истинное, коренное просвещение возвращает умы к некоторым дедовским обычаям. Старость падает в ребячество, говорит пословица; так и с народами, но только они заимствуют из своего ребячества то, что было поэтического. Это не малодушие, а какая-то благодарность. Старик с умилительным чувством, с нежным благоговением смотрит на дерево, на которое он лазил в младенчестве, на луг, на котором он резвился: в возрасте мужества, в возрасте какого-то степенного хладнокровия, он смотрел на них глазами сухими и в сердце безмолвном не отвечал на голос старины, который давали ему ее красноречивые свидетели. Старость ясная, полная, лебединая песнь жизни, совершенной во благо, имеет много соответствия с юностью изящною; поэзия одной сливается с поэзией другой, как вечерняя заря с пламенным рассветом. Возраст зрелости есть душный, сухой полдень; благотворный, ибо в нем сосредоточивается зиждительное действие солнца, но менее богатый оттенками, более единообразный, вовсе не поэтический. Литературы, сии выражения веков и народов, подтверждают мое наблюдение. Литература, обошедши казенный круг общих мыслей и занятий, кидается в источники первобытных вдохновений. Смотрите на литературу Английскую, Германскую. Шекспир: утро. Поп: день, Вальтер Скотт: вечер[8].

Ив. Ив. Дмитриев бранит меня за выражение *казенный*. Чувствую и сам, что оно не авторское. Но как же

выразить *d'office, de rigueur oblige?** Трюбле говорит, что достоинство иных стихов заключается, как достоинство многих острых слов Гасконских (reparties gasconnes), в особенном выговоре, так и мысль иная требует особенного выражения, чтобы тотчас подстрекнуть внимание. В слоге нужны вставочные слова, яркие заплаты, по выражению, кажется, Пушкина, но в каком смысле не помню. Эти *яркие заплаты* доказывают бедность употребившего их и не имевшего способов или умения сшить все платье из цельного куска, но оне привлекают взоры проходящих, а это-то и нужно для нашей братии[9].

27-го [июня]

Я сегодня читал указ о Шервуде[10]. Правительство превозносит его подвиг и придает <ему> его имени в вечное и потомственное владение прозвание *верный*. Не одобряю этого. Правительство может и должно вознаграждать *такие политические добродетели* деньгами, но не похвалами, подобающими одним нравственным деяниям. По рассудку оно обязано признательностию за такую услугу; но по совести не может уважать услужника. За чем же ханжить и выдавать перед светом черное за белое, доносчика за Спасителя отечества. Если Шервуд и спас его, то он не более как *подкупленный гусь*. Таких Спасителей можно подкупать за сто рублей. Легко найти человека, который из корысти выдаст Вам тайну Вашего противника. Дают ли гласные, Государственные знаки отличия лазутчикам, переметчикам в военное время? Их отличают одними червонцами. Таково и положение Шервуда. В его деле нет нисколько великодушия, ибо он предавал слабых сильным; нельзя и назвать его подвига *верностию*, ибо достойное уважения соблюдение *верности* должно быть сопряжено с пожертвованиями, с опасностию. Здесь нет ни того, ни другого. Не сужу лично Шервуда, ибо не знаю его, но каждый благоразумный подлец поступил бы как он, рассчитав, что, во всяком случае, он по крайней мере меняет неверное на верное. Не от того ли он и *верный*, что сыграл *на верное?* Успех заговорщиков был сомнителен: его успех, выдавая их правительству, был математической очевидности. Довольно и того, что выгоды правительства часто основаны на нравственных непристойностях, чтобы не сказать хуже, но, по крайней мере, пользуйтесь ими во мраке тайной полиции, а не выводите их

* Официальный, безусловно обязательный *(фр.)*.

с наглостию на белый свет и помните, что можно любить измену, но должно презирать всегда изменников. <Если> Шервуд вошел ли в заговор добросовестно, или как тать, чтобы наложить на них руку, равно играл он ролю, которую честный человек не хотел бы добровольно принять на себя. Как же правительству объявить всенародно добродетельным подвигом то, чем стал бы гнушаться честный человек. Пожалуй скажут, что это верх добродетели, род геройского самоотвержения, но в таком случае не переходят в Гвардию. Если самоубийство терпимо и понятно, то разве в таком случае, когда долг чести и голос совести принуждает Вас совершить поступок бесчестный и бессовестный. Такое двусмысленное положение должно непременно разрешить ознаменованием беспрекословного бескорыстия. Правительству не должно слишком явно ругаться простосердечием нашим: довольно и того, что его и, следовательно, наша польза не дозволяет ему отплатить презрением и опозорить гласным образом услугу Шервуда. Мы тут видим одну из политических необходимостей, от коих сердце ноет, но перед коими разум молчит. Но не жалуйте его в герои, а то негодование и частное убеждение совести каждого заглушат голос политической необходимости и падут на вас неотразимою укорою. Двух нравственностей быть не может: частной и народной. Она все одна: могут быть две пользы, два образа суждения относительно истин частных и народных, или Государственных,— это дело другое! На то у Вас и деньги, чтобы кормить государственную нравственность. Но берегитесь жаловать Гражданственными венцами и цицеронскими отличиями предателей товарищества, шпионов, доносчиков. Они навоз общества политического: им пользуешься при случае, но все держишь на заднем дворе и затыкаешь себе нос, когда мимо проходишь. Что скажете Вы, если страстно благодарный агроном, в память хорошего урожая, доставленного ему навозом, станет держать его в гостиной, на почетном месте, в богатом хрустальном сосуде и станет заставлять гостей своих прикладываться к нему?

По Вашей совести *Шервуд верный,* а по нашей того мало; должно еще придать две буквы и разрешить на этот раз ошибку правописания[11].

29-го [*июня*].

Maximes et persées de M-r Joseph de Willèle député

à l'usage de la chambre élective. Brochure in 8. Prix 2 fr. 50 c. chez Rosier, rue de Grenche-St. Honoré, N 10*. Об этой книге объявлено в Journal des Debats 18-го июня 1826. Надобно ее выписать! Это забавная насмешка. Наши не боятся подобных очных ставок с самим собою. Semper idem** их девиз; ибо ничтожество всегда одно и то же.

·Вот что пишу сегодня к Николаю Муханову о смерти Г[рафа] Григ[ория] Влад[имировича] Орлова. «В нем была Европейская благонамеренность в уме и обращении. Пожалуй, говори, что не он писал свои книги: спасибо ему и зато, что русский граф и русский барин нескольких тысячей душ искал он отличия авторского, и, следовательно, признавал его в душе. А большая часть наших баричей презирает ум и чванится презрением своим. Лучше же быть Чупятовым в Каталоге, чем в списке Государственных Вельможей и Кавалеров. Иной подлостию покупает звание Министра или Андреевского Кавалера: Орлов за деньги покупал звание автора. Право честнее быть в его коже, чем в другой. Кто-то сказал que l'hypocrisie était l'hommage que le vice payait à la vertu. L'hypocrisie du comte Orloff était un hommage qu'une vanite bien entendue payait à l'esprit***. Впрочем, перевод басней Крылова есть его творение. В этом предприятии есть ум и чувство, и патриотизм, и европейская замашка»[12].

Меттерних сказал об Виллеле qu'il parle russe et pense anglais****.

Некоторые члены представительной палаты Нидерландии Stassart, Surmont de Volsberg, Van Uttenhove, Reyphini d'Otrenge (один из красноречивейших ораторов), Fabrihongré, Beelaerts, van de Karteel, van Alpken.

L'Empereur Alehandre a été entrainé d'enthousiasme en enthousiasme et de culte en culte. De 1803 à 1807 il a eu le culte de Catherine et de son systéme abandonné sous Paul I; de 1807 à 1811 il a eu le culte de Napoléon, de sa gloire et de ses idées conquérantes; de 1812 à 1815 il a eu avec les

---

* Правила и мысли г-на Жозефа де Виллеля, депутата при выборной палате. Брошюра в 8°. Цена 2 фр[анка] 50 с[антимов] У Розье, ул. Гранш-Сент-Оноре. № 10 *(фр.)*.

** Всегда тот же *(лат.)*.

*** Что лицемерие было данью, которую порок платил добродетели. Лицемерие графа Орлова было данью, которую тщеславие, знающее себе цену, платило умом *(фр.)*.

**** Что он говорит по-русски и думает по-английски *(фр.)*.

Cortés d'espagne, les étudiants d'Allemagne, les diètes de Pologne et les constitutionnels de France, le culte des principes libéraux, ainsi que l'attestent ses proclamations aux peuples; de 1815 à 1825 il a eu le culte du pouvoir et de la sainte alliance (le Courier Français, 25 Décembre 1825)*. С некоторыми исправлениями и прибавлениями сие разделение было бы довольно верно. В этой же статье приписывают энтузиастическое расположение Александра родовому расположению в отрасли Голстейн-Готторпской.

В «Morning-Post» уверяют, что Александр умер насильственной смертию, и к этой сказке припутывают и цесаревича, и прогулку по Азовскому морю, и проч. и проч.—

В «Morning Cronicle» сказано: «Мы слышали, несколько времени тому, что рассудок Имп[ератора] Алекса[ндра] был поврежден, но не могли удостовериться в истине этого слуха».

9-[го] [июля].

Смешно читать глупости, коими французские ведомости, современные смерти госуд[аря], междуцарствию[13].

10-го [июля]

Я сегодня писал А. Тургеневу о его печали: «Такое несчастие ассигнация. Оно имеет ход дома, но за границами теряет всю свою цену и делается белою бумагою.— — — Жизнь может принести Вам еще несколько вкусных плодов. Плодов волшебных ждать уже нечего. Драконы существенности поели все гесперидские яблоки нашей старины, и мы остаемся при одном яблоке, початом Евою и которого по сию пору не переварил еще желудок человеческого рода.— — — <Кто из нас не>. Мы все изгнанники и на родине. Кто из нас более или менее не пария? А лучше же быть парией под солнцем, чем под дождем и снегом! — — —»[14]

---

* Император Александр переходил от увлечения к увлечению и от культа к культу. С 1803 по 1807 у него был культ Екатерины и ее образа правления, отвергнутого Павлом I; с 1807 по 1811 у него был культ Наполеона, его славы, его завоевательных идей; с 1812 по 1815 у него, совместно с испанскими кортесами, немецкими студентами, польскими сеймами и французскими конституционалистами, был культ либеральных принципов, как это подтверждают его прокламации к народам; с 1815 по 1825 у него был культ власти и Священного Союза («Курье франсе», 25 декабря 1825) *(фр.)*.

13-го [*июля*].

Sully говорил: Le labour et le pâturage sont les deux mamelles de l'Etat*.

В царствование Людовика XI святой Francois de Paule вывез из Италии новый род груши, которую Король из уважения к святости его назвал именем: bon chrétien**.

Генрих IV ревностно покровительствовал успехи земледелия и садоводства. Как наш Петр, он имел на все время. Мы не только покоимся под сению Славы, им насажденной в России, но и под тению дерев, насажденных им. Новая, то есть настоящая Россия, есть точно творение его мысли всеобъявшей. Царствование Екатерины споспешествовало созрению. Другие царствования ничего не насадили, а разве только простригли чащу: иное очистили, но зато и многое погубили и извели самые соки. Теперь во многом нужен новый Петр, то есть новый Зиждитель. После Екатерины след был еще горячий: теперь остыл.

Генрих, желая основать благоденствие земледелия, предписывал Сюлли оказывать небрежение к дворянам, приезжавшим в Париж, чтобы величаться своею роскошью. Он хотел, чтобы они жили по своим поместьям и занимались ими: «Счастлив, говаривал он, кто имеет 10 000 ливров годового дохода и никогда не видал короля!»

Traité des arbres fruitiers par Duhamel du Monceau. Его сочинение издано снова с прибавлениями под названием: «De l'agriculture en France et du nouveau traîte des arbres fruitiers par M. M. Poiteau et Turpin» (Так именуется статья «Journal des Débats», 20 Juin***, 1826 и 2-ая статья 3 июля).

Ньютон родился в самый год кончины Галилея, достойный наместник вакантного места! Не родится ли и у нас тот, который в мире литературном заместит Галилея нашей словесности и истории?[15]

В «Journal des Débats» 25 июня есть Манифест Государя о смертной казни в Княжестве Финляндском. В пере-

---

* «Пашня и пастбище — это два сосца государства» *(фр.)*.

** Добрый христианин *(фр.)*.

*** Трактат о фруктовых деревьях. Сочинение Дюамель дю Монсо... О земледелии во Франции и о новом трактате о фруктовых деревьях. Сочинение Пуато и Тюрпена... «Журналь де деба», 20 июня *(фр.)*.

воде он очень не ясен.— Сыскать его в подлиннике.— Существо его в том, что смертная казнь, видно расточаемая уголовным уложением Финляндским, будет в случаях, не касающихся до преступлений Государственных, оскорблений Величества, entaché de lése-majeste, применяема в ссылку в Сибирь на каторжные работы, но редакция очень многоречиста и запутана. Во француз[ском] переводе сказано: *Aussitôt qu'un criminel du genre masculin**. Что это за грамматический преступник? Опечатка ли это, вместо du sexe masculin** или просто глупость? Вообще у нас все официальные бумаги и акты худо переводятся, за то, правда, почти все и худо пишутся!— Ссылка в Сибирь не нарушает ли прав финляндцев? В польской конституции именно отъемлется на всегда кара высылки, de l'exportation, и верно тут подразумевалась Сибирь. Если ссылка в Сибирь не нарушение политических прав Финляндского княжества, то к чему и Манифест? И без него знают, что Государь имеет право помилования и облегчения, если, впрочем, вечная каторга в Сибири похожа на облегчение? Может быть, это предисловие к последствиям Верховного Суда и род повещения, что Государь не почитает себя в праве миловать тех, которых преступление «serait assez grave pour tendre à troubler la tranquilité de l'Etat (et la sûreté), comprometre l'ordre public, la stabilité du trône, et étre entaché de lése-majeste»***.

19-го [*июля*].

Не знаю, справедлива ли догадка моя, изъявленная выше, но по крайней мере 13-ое число жестко оправдало мое предчувствие![16] Для меня этот день ужаснее 14-го — по совести нахожу, что казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле. Вижу в некоторых из приговоренных помышление о возможном цареубийстве, но истинно не вижу ни в одном твердого убеждения и решимости на свершение оного. Одна совесть, одно всезрящее Провидение может наказывать за преступные мысли, но человеческому правосудию не должны быть доступны тайны сердца, хотя даже и оглашенные. Правительство должно обеспечить Государственную безопасность от исполнения подобных покушений — но права его не идут далее. Я за-

* Как только преступник мужского рода *(фр.)*.
** Мужского пола *(фр.)*.
*** Было бы настолько серьезно, что могло бы нарушить спокойствие (и безопасность) государства, компрометировать общественный порядок, прочность трона и наносило бы оскорбление его величеству *(фр.)*.

щищаю жизнь против убийцы, уже подъявшего на меня нож, и защищаю ее, отъемля жизнь у противника, но если по одному сознанию намерений его спешу обеспечить свою жизнь от опасности еще только возможной, лишением жизни его самого, то выходит, что уже убийца настоящий не он, а я. Личная безопасность, Государственная безопасность, слова многозначительныя, и потому не нужно придавать им смысл еще обширнейший и безграничнейший, а не то безопасность одного члена или целого общества будет опасностию каждого и всех. Правительство имело право и обязанность очистить, по крайней мере на время, общество от врагов его настоящего устройства, и обширная Сибирь предлагала ему свои безопасные заточения. Других должно было выслать за границу, и Европа и Америка не устрашились бы наводнения наших революционистов. Не подобными им людьми совершаются революции не только в чуже, но и дома. Пример казней, как необходимый страх для обуздания последователей, есть старый припев, ничего не доказывающий. Когда кровавые фазы французской революции, видевшей поочередную гибель и жертв, и притеснителей, и мучеников, и мучителей, не служат достаточными возвещениями об угрожающих последствиях, то какую пользу принесет лишняя виселица? Когда страх казни не удерживает руки преступника закоренелого, не пугает алчного и низкого корыстолюбия, то испугает ли он страсть, возвышаемую благородными побуждениями и упоенную всеми возможными чарами славы, страсть, ослепленную бедственными заблуждениями,— положим и так,— но все вдыхающую в душу необыкновенный пламень и силу, чуждые души мрачного разбойника, посягающего на Вашу жизнь изо ста рублей. Плаха грозит и ему так же, как и государственному преступнику, но ему она является во всем ужасе позора, а последнему в полном блеске апофеоза мученичества. Когда страх не действителен на порок, всегда малодушный в существе своем, то подействует ли он на фанатизм, который в самом начале своем есть уже *исступление* или *выступление* из границ обыкновенного. Одни безумцы могут затеять революцию на свое иждивение и для своих барышей. Рассудок, опыт должны <бы> им сказать, что первые затейщики бывают первыми жертвами, но они безумцы,— в них нет слуха для внимания голосу рассудка и опыта! Следовательно, и казнь их будет бесплодною для других последователей, равно безумных. А для того, который замышляет револю-

цию в твердом и добросовестном убеждении, что он делает должное, личный успех затмевается в ложном или истинном свете того, что он почитает истиною!

Кровь требует крови. Кровь, пролитая именем закона или побуждением страсти, равно вопит о мести, ибо человек не может иметь право на жизнь ближнего. Закон может лишить свободы, ибо он ее и даровать может; но жизнь изъемлется из его ведомства. Смерть таинство: никто из смертных не разгадал ея? Как же располагать тем, чего мы не знаем? Может быть, смерть есть величайшее благо, а мы в святотатственной слепоте ругаемся сею святынею! Может быть, сие таинство есть звено цепи нам неприступной и незримой, и что мы, расторгая его, потрясаем всю цепь и расстроиваем весь порядок мира, запредельного нашему. Сии предположения могут быть приняты в уважение и не одним суеверием. Конечно, оне сбиваются на мечтательность, но чем доказать их неосновательность, какими положительными опровержениями их низринуть? Человек, закон не могут по произволу даровать жизнь, следовательно, не властны они даровать и смерть, которая есть ее естественное и непосредственное последствие.

20-го [*июля*].

Если смертная казнь и в возвышенном отношении есть мера противуестественная и нам не подлежащая, то увидим далее, что как наказание не согласна она с целию своею. Может ли смерть, неминуемая участь каждого, быть почитаема за верховное наказание, которое в существе своем должно быть чем-то отменным, изъятым из общего положения? Может ли мысль о смерти остановить того, который не уверен ни в одном часе бытия своего? Сколько людей хладнокровно разыгрывают жизнь свою в разных опасных испытаниях, в поединках, в предприятиях дерзновенных? Если страх насильственной смерти был бы так действителен над человеком, то из кого вербовались бы армии? В войне смерть поражает не каждого, но разве и заговорщик не предвидит удачи? Остается одно поношение смерти позорной, но сказано справедливо: Le crime fait la honte et non pas l'echafaud!* Если воспаленное воображение, если совесть не говорят, что я посягаю на дело преступное, то мысль, что Светлейший Лопухин почтет оное за преступление, не остановит меня.

---

* Преступление постыдно, а не эшафот! *(фр.)*

Говорю здесь об одних политических преступниках, коих единственное преступление в *мнении,* доведенном до *страсти.* У других преступников и другие страсти: но во всяком случае мысль о смерти никого испугать не может. Человек, рассуждающий хладнокровно, скажет: «Я могу только ускорить час свой, но все пробить ему должно! Сколько раз висела у меня жизнь на волоске от неосторожности моей, от прихоти. Кто уверит меня, что завтра не постигнет меня смертельная болезнь, которая повлечет меня к гробу томительною и страдальческою кончиною, или что сегодня не обрушится на меня смерть нечаянная?» — Человеку в жару страсти, или страстей своих порочных или возвышенных, все равно, не нужно ободрять себя и рассуждениями: он в слепом отчаянии ничего не видит, кроме цели своей, и бешено рвется к ней сквозь все преграды и мимо всех опасностей. Страх смерти может господствовать в душе ясной, покойной, любующейся настоящим, но не такова душа заговорщика. Она волнуема и рвется из берегов. Мысль о смерти теряется в буре замыслов, надежд, страстей, ее терзающих. Карамзин говорил гораздо прежде происшествий 14-го и не применяя слов своих к России: *«честному человеку не должно подвергать себя виселице!»* Это аксиома прекрасной, ясной души, исполненной веры к Провидению: но как согласите Вы с нею самоотречение мучеников веры или политических мнений? В какой разряд поставите Вы тогда Вильгельма Теля, Шарлоту — Корде и других им подобных? Дело в том, чтобы определить теперь меру того, что *можно* и чего не должно *терпеть.* Но можно ли составить из того положительные правила [?] Хладнокровный вытерпит более, пламенный энтузиаст гораздо менее. Как ни говорите, как ни вертите, а политические преступления *дело мнения.*

22-го [*июля*].

Сам Карамзин сказал же в 1797 годе:

Тацит велик; но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?
В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
Жалеть об нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, *чего терпеть без подлости не можно.*

Какой смысл этого стиха? На нем основываясь, заключаешь, что есть же мера долготерпению народному. Был ли

же Карамзин преступен, обнародывая свою мысль, и не совершенно ли она противоречит апофегме, приведенной выше? Вот что делает разность мнений! Несчастный Пущин в словах письма своего (Донесение следственной комиссии, 47 стран.): *«Нас по справедливости назвали бы подлецами, еслиб мы пропустили нынешний единственный случай»* дает знать прямодушно, что, по его мнению, мера долготерпения в России преисполнена и что без подлости нельзя не воспользоваться пробившим часом. Человек ранен в руку: лекаря сходятся. Иным кажется, что антонов огонь уже тут и что отсечение члена единственный способ спасения; другие полагают, что еще можно помирволить с увечием и залечить рану без операции. Одни последствия покажут, которая сторона была права,— но различность мнений может существовать в <людях> лекарях равно сведущих, но более или менее сметливых и более или менее надежных на вспомогательство времени и природы. Разумеется, есть мера и здесь: лекарь, который из оцарапки на пальце поспешит отсечь руку по плечу, опасный невежда и преступный палач: революционеры Англии и Франции (если они существуют), которые, раздраженные частными злоупотреблениями, затевают пожары у себя, как и эгоист, который зажигает дом ближнего, чтобы спечь яйцо себе. Теперь вопрос: достигла ли Россия до степени уже несносного долготерпения и крики мятежа были ли частными выражениями безумцев или преступников, совершенно по образу мыслей своих отделившихся от общего мнения, или отголоском renforce* общего ропота, стенаний и жалоб? Этот вопрос по совести и по убеждению разума могла разрешить бы одна Россия, а не правительство и казенный причет его, которые в таком деле должны быть слишком пристрастны. Правительство и наемная сволочь его по существу своему должны походить на Сганарелля, который думал, что семейство его сыто, когда он отобедает. Поставьте судиями врагов настоящего положения, не тех, которые держатся и кормятся злоупотреблениями его, которых все существование есть, так сказать, уродливый нарост, образованный и упитанный гнилью, от коей именно и хотели очистить тело Государства (законными или беззаконными мерами — с сей точки зрения — все равно, по крайней мере условно, conditionnellement); нет, призовите присяжных из всех состояний общества, из всех концов Государства и спро-

* Усиленным *(фр.)*.

сите у них: не преступны ли те, которые посягали на перемену Вашего положения? Не враги ли они Ваши? Спросите у них по совести: не Ваши ли общие стенания, не Ваш ли повсеместный ропот вооружил руки мстителей, хотя и не уполномоченных Вами на деле, но действовавших тайно в Вашем смысле, тайно от Вас самих, но по Вашему не выраженному внушению? Ответ их один мог бы приговорить или спасти призванных к суду. Но решение Ваше посмеятельное. Правительство спрашивает у своих сообщников: не преступны ли те, которые меня хотели ограничить, а Вас обратить в ничтожество, на которое Вас определила природа и из коего вывела моя слепая прихоть и моя польза, худо мной самим постигнутая? Ибо вот вся сущность Суда: вольно же Вам после говорить: *«таким образом, дело, которое мы всегда считали делом всей России, окончено»* (М[анифест] 13-го июля). В этих словах замечательное двоесмыслие. И конечно, дело это было делом всей России, ибо вся Россия страданиями, ропотом участвовала делом или помышлением, волею или неволею в заговоре, который был не что иное, как вспышка общего неудовольствия. Там огонь тлел безмолвно, за недостатком горючих веществ, здесь искры упали на порох и оне разразились. Но огонь был все тот же! Но Вы не то хотели сказать, и Ваша фраза есть ошибка и против логики языка и против логики совести. Дело, задевающее за живое Россию, должно быть и поручено рассмотрению и Суду России: но в Совете и Сенате нет России, нет ее и в Ланжероне и Комаровском! А если и есть она, то эта Россия самозванец и трудно убедить в истине, что сохранение этой России стоит крови несколько русских и бедствий многих. Ниспровержение этой мнимой России и было целию голов нетерпеливых, молодых и пламенных: исправительное преобразование ее есть и ныне, без сомнения, цель молитв всех верных сынов России, добрых и рассудительных граждан; но правительства забывают, что народы рано или поздно, утомленные недействительностью своих желаний, зреющих в ожидании, прибегают в отчаянии к посредству *молитв вооруженных*.

Вот стихи Батюшкова, подражание Байрону, писанные им в чужих краях, и едва ли не последние:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.

Я ближнего люблю, но ты, природа мать,
Ты сердцу моему дороже;
С тобой, владычица, я властен забывать
И то что был, когда я был моложе,
И то что ныне стал под холодом годов.
С тобой я в чувствах оживаю;
Их выразить язык не знает стройных слов
И как молчать о них не знаю!

Шуми же ты, шуми, огромный океан!
Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран;
Но море, чем себе присвоит?
Трудися, созидай громады кораблей — — —

Не сказано ли у него:

И то что был, как был моложе,

а то стих не равен с прочими.

Кажется, также легко было бы исправить и рифму в прекрасной строфе прекрасного перевода из Касти:

Сердце наше кладезь *мрачный,*
Тих, спокоен сверху вид,
Но спустись ко дну, *ужасный*
Крокодил на нем лежит.

Вставить бы *темный и огромный.* Неисправная рифма, как разноцветная заплатка, рябит в глазах. Рифма и так уже вставка; так, по крайней мере, подберите оттенку к оттенке.

Мы видим счастья тень в мечтах земного света;
Есть счастье где-нибудь: нет тени без предмета.

Карамзин.

Умел же и осмелился же Верховный уголовный суд предписывать закон Государю, говоря в докладе: «И хотя Милосердию, от Самодержавной власти исходящему, Закон не может положить никаких пределов; но Верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие и с общею безопасностию Государства столь смежные, что самому Милосердию они, кажется, должны быть недоступны». Тут, где закон говорит, что значат Ваши умствования и Ваши предположения? Когда дело идет о пролитии крови, то тогда умеете Вы дать вес голосу своему и придать ему государственную значительность! О подлые тигры! и Вас-то называют всею Россиею и в Ваших кровожадных когтях хранится урна ее жребия!— А в докладе Следственной Комиссии не хотели и побоялись оставить

вопль жалости, коим редактор хотел окончить его, чтобы обратить сострадание Государя на многие жертвы, обреченные всей лютости Закона буквального, но которые должны быть бы изъяты из списка ему представленного, по многим и многим уважениям.—

Как нелеп и жесток доклад Суда! Какое утонченное раздробление в многосложности разрядов и какое однообразие в наказаниях! Разрядов преступлений одиннадцать, а казней по-настоящему три: смертная, каторжная работа и ссылка на поселение! Все прочие подразделения мнимые или так сливаются оттенками, что не разглядишь их! А какая постепенность в существе преступлений! Потом, какое самовластное распределение преступников по разрядам. Капитан Пущин *в десятом разряде осужден к лишению чинов и дворянства и написанию в солдаты до выслуги,* а преступление его в том, что «знал о приготовлении к мятежу и не донес»! А в одиннадцатом разделе осуждаемых *к лишению токмо чинов, с написанием в солдаты с выслугою, есть принадлежавший к тайному обществу и лично участвовавший в мятеже*[17].

Тургенев, осужденный к смертной казни отсечением головы в первом разряде, Тургенев, не изобличенный в умысле на цареубийство,— и в шестом разряде осуждаемых к временной ссылке в каторжную работу на 6 лет, а потом на поселение *участвовавший в умысле цареубийства.*

Еще вопрос: что значит *участвовать в умысле* цареубийства, когда переменою в образе мыслей я уже отстал от *мысленного участия?* И может ли *мысль* быть почитаема за *дело?* Можно ли наказывать, как вора, человека, который лет десять тому помышлял, что не худо было бы ему украсть у соседа сто рублей, и потом во все продолжение этих десяти лет бывал ежедневно в доме соседа, имел тысячу случаев совершить покражу и не вынес из дома ни полушки[18].

Помышление о перемене в нашем политическом быту роковою волною прибивало к бедственной необходимости цареубийства и с такою же силою отбивало, а доказательство тому: цареубийство не было совершено. Все оставалось на словах и на бумаге, потому что в заговоре не было ни одного цареубийцы. Я не вижу их и на Сенатской площади 14 декабря, точно так же, как не вижу героя в каждом воине на поле сражения. Может быть, он еще струсит и убежит от огня. Вы не даете Георгиевских крестов за одно намерение и в надежде будущих подвигов:

зачем же казните преждевременно и *убийственную болтовню* (bavardage atroce, как назвал я, прочитавши все сказанное о них в докладе Коммиссии) ставите Вы на одних весах с убийством уже совершенным.— Что за Верховный Суд, который как Немезида, хотя и поздно, но вырывает из глубины души тайные и давно отложенные помышления и карает их как преступление на лице! Неужели не должно здесь существовать право давности? Например, несчастный Шаховской! Что могло быть общего с тем, что он был некогда, и тем, что был после? И один ли Шаховской? Зачем так злодейски осуществлять слова? Мало ли что каждый сказал на своем веку? Неужели несколько лет жизни покойной, семейной не значительнее нескольких слов, сказанных в чаду молодости, на ветер.

30 июля.

Вышло осьмое издание *Истории Наполеона,* писанной Сегюром.

Mémoires du comte de Falkenskiold*, датчанина, замешанного в деле Королевы Датской Каролины-Матильды, которая в 1772 годе была разведена, отрешена от престола и изгнана, и Брандта, королевского любимца, казненного вместе с Графом Стрюензе, как соучастника в неверности, которою обвинили Королеву. Фалкенскиолд в течение 50-ти летнего заточения, или ссылки, хранил молчание, возложенное на него Приговором, но собрал все факты тяжбы и поручил издать их Г-ну Secrétau Chef de la Justice du Canton de Vaud**. В сих записках оправдание Королевы, Стрюензе и самого автора и обвинение Судей, многие сведения о Дании и сношении ее с другими Державами и в особенности касательно России: он сам участвовал в ее войнах, в походах на Прут и Дунай и проч. и проч. (Из «Journal des Débats» 14 июня 1826).

Les deux apprentis. Roman de M. Merville. 4 vol.—***.

Histoire générale physique et civile de l'Europe depuis les derniéres années du 5-iéme siécle jusque vers le milie du 18-iéme, par M. le comte de Lacepéde****. Сие творение заключается в 18-ти томах в 8-ю долю листа по 7-ми франков том.—

---

* Мемуары графа Фалкенскиолда *(фр.)*.

** Г-ну Секрето, начальнику юстиции в кантоне Во *(фр.)*.

*** «Два подмастерья». Роман г-на Мервиля. 4 т.— *(фр.)*.

**** «Всеобщая физическая и гражданская история Европы начиная с последних лет 5-го века до середины 18-го». Соч. г-на графа де Ласепида *(фр.)*.

«Le Catholique» [«Католик»], род журнала книжками, содержания, кажется, весьма разнообразного.

Анакреон, собрание рисунков Жироде с прибавлением од им же переведенных в прозе: в манускрипте нашел и стихотворные опыты перевода. Говорит, что он прежде готовил рисунки для издания Анакреона, переведенного St. Victor.

«Histoire d'Alexandre I-er Empereur, par Alphonse Rabbé», автора du Résumé de l'Histoire de Russie* и состязателя Толстого.— 2 тома in 8°.

«M-me la Comtesse de Genlis en miniature, ou abrégé critique des ses mémoires», par M. A. de Sevelinge, 1 vol. in 8**. Его же новый перевод Вертера.

Скончался в Париже Millié, уважаемый переводчик Лузиад[19].

Wichterpall. Я поехал туда 27-го и возвратился в Ревель 28-го. Дорога каменная, там, где кончается городская земля, или правильнее городской песок.— В Вихтерпале есть шведские селения: шведы, говорят, живут чище туземцев и лучше строят свои избы,— окна более. Шведки отличаются от чухны уборкою волос, которые прибраны и заплетены на маковке полосатыми лентами. В Вихтерпале каждый крестьянин работает два дни в неделю. Кноринг очень доволен новым распоряжением, освободившим крестьян. Деревню свою ценит он в сто тыс. руб. серебром, а дает она ему дохода тыс. 20.— В Padis Kloster крестьяне также в хорошем состоянии.— Нравы вообще непорочные. Девочку проступившуюся наряжают в женский головной убор: строгость в таких случаях опасна, но между тем детоубийство редко, потому что и самая вина очень редка.

Я прочел здесь L'Italien, роман Радклифф — Les années d'apprentissage de Wilhelm Meister — La fiancée de Lamermoor[20].

4-го августа.

То, что я принял вчера и описал в письме к жене за облако особенного вида и свойства, была настоящая тромба (по словам морских офицеров), тифон. Она поднялась на море близ гавани, сорвала *лайбу* (чухонское

---

* «История императора Александра I-го, сочинение Альфонса Раббе», автора Краткого изложения истории России *(фр.)*.

** «Г-жа графиня де Жанлис в миниатюре или критическое сокращение ее мемуаров», соч. г-на А. Де Севеленжа. 1 т. в 8° *(фр.)*.

судно с дровами), крепко укрепленную, и повалила ее, вскинула и раскидала купальные будки у Вита, мужские, а женские вблизи остались невредимы, сорвала дорогую шляпу с едущего кучера и закинула ее в Катеринентальский сад и там, переломав и вырвав с корней несколько старых деревьев, укротилась. Сказывают также, что мимоходом досталось и корове, которую подняло с земли и далеко зашвырнуло. На море тромбы разбиваются ядрами, единственным спасением, а не то не может судно устоять против нее. Мне сказывали моряки, что однажды у них пустили с корабля до 40 ядер и совершенно разбили.— Счастливо, что вчера никто не купался в этот час, около двух часов —.

6-го [*августа*].

Я писал сегодня Жуковскому: «Чувство, которое имели к Карамзину живому, остается теперь без употребления: не к кому из земных приложить его. Любим, уважаем иных, но все нет той полноты чувства. Он был каким-то животворным, лучезарным средоточием круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в мире поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставила по себе бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется. Странное сличение, но для меня истинное и не изысканное! При каждой из трех смертей у меня как будто что-то отпало от нравственного бытия моего и как-то пустее стало в жизни. Разумеется, говорю здесь, как человек, член общего семейства человеческого, не применяя к последней потере частных чувств своих. Смерть друга, каков был Карам[зин], каждому из нас есть уже само по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь: но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя, русского, есть несметное число кругов все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей!» —[21].

8-го [*августа*].

Вчера ездили с Карамзиными в Tisher, по-эстляндски Tisker, любимое место мое в окрестностях Ревельских. За Тишером мыза какого-то Будберга. Сей (прости мне, Боже, прегрешение) полусумасшедший и полупьяный барин принял нас очень ласково и даже трогательно: узнав, что с нами были дети Карамзина, заплакал он и с чувством подходил к ним, говоря, что никогда не забудет удовольствия, принесенного ему чтением его сочи-

нений.— Он пленился моею зрительной трубкою и просил меня, чтобы я по смерти своей завещал ему ее, хотя между прочим он и теперь лет шестидесяти. Вот и предсказание мне на раннюю смерть! Вино и безумие внушают дар истины и пророчества! Как бы то ни было прошу наследников моих исполнить данное мною обещание и по смерти моей отослать зрительную трубку, оправленную в перломут, к Будбергу, живущему за Тишером.— Тишерская скала в руках богатого человека была бы местом замечательным, т. е. со стороны искусства, потому что и теперь, обязанная одним рукам природы, она уже местоположение прекрасное. Начать бы с того, что устроить хорошую дорогу от города: пробить несколько дорожек по скале с верха до низа, построить несколько красивых домиков, чтобы населить жизнию пустыню.— Громады камней по скале образуют разные виды: здесь высовываются они карнизами, тут впадинами в роде niche*, здесь поросли частым лесом — живописною рябиною, орешником.— Русский Вальтер Скотт мог бы избрать окрестности Ревеля сценою своих рассказов.

Материалы для описания пребывания в Ревеле короткими словами[22].

12 [*августа*].

Вчера ездили мы на *Бумажное озеро*. В лево от него род башни, в которой по преданию были заложены монах и монахиня, убежавшие из Монастырей своих и пойманные на том месте. Основанием башни, или столба, огромный дикий камень; посередине в башне в рост человеческий два камня дикие с изображением на каждом грубо вырезанного Креста.— Не доходя до этого места, близ озера нашли мы нечаянно эхо удивительной звучности и верности: я закричал к коляске отставшей доехать до нас. Слова мои с такою ясностию и твердостию были повторены, что Катенька, которая была в нескольких шагах от меня, думала, что она не расслышала ответа кучера. На стих:

Je ne m'attendais pas, jeune et belle Zaire**[23], эхо без малейшего изменения отвечало последнее полустишие. Барышни перекликались с ним тонкими голосами и эхо точно передразнивало их. Все выражения, все ударения, переливы голоса передаются им в неимоверной точности. Вот романтические материалы: озеро, закладен-

---

* Ниша *(фр.)*.
** Я не ожидал, что юная и прекрасная Заира *(фр.)*.

ная любовь монаха и монахини и эхо самое предательское[24].

В полсутки с небольшим проглотил я четыре тома: «Le siége de Vienne» de Madame Pichler, traduit par M-dame de Montolieu*. Не стоит Вальтер Скотта, хотя и есть желание подражать ему. Характеры Зрини, Людмилы, сестры ее Катерины, Сандора Шкатинского хорошо обрисованы; в особенности же два первые. История искусно, без натяжки, сливается с романом: описание осады Вены живо. Сцены цыганская, прений в кабинете Леопольда, борений Зрини с самим собою, плавание Людмилы, свидание ее с мужем, заточенным и безумным,— живописно начертаны. Вообще есть какой-то холод, чувство задето, а не проникнуто. Не бьет эта лихорадка любопытства, тоски, жадности, увлекательности, которая обдает читателя Вальтер Скотта, единственного умеющего сливать в своих романах историю поэтическую и поэзию историческую Эпопеи, деятельность драмы то трагической, то комической, наблюдательность нравоучителя, орлиный взгляд в сердце человеческое со всеми очарованиями романтического вымысла. Может быть, Вальтер Скотт превосходнейший писатель всех народов и всех веков. Карамзин говаривал, что если заживет когда-нибудь домом, то поставит в саде своем благодарный памятник Вальтеру Скотту за удовольствие, вкушенное им в чтении его романов[25].

Москва, 3-го ноября.

La représentetion de son mariage de Figaro est une époque remarquable dans le proloque de notre révolution. (Ségur, Mémoires**, 2 том).

Повод к изобретению Монгольфиера: Montgolfier, dans sa manufacture de papeterie, faisait un jour, en 1783, bouillir de l'eau dans une cafetiére que couvrait un papier ployé en forme de sphére: ce papier se gonfle et s'éléve (Ségur).

A cette époque le Francais avait l'air de jouir avec ivresse du bonheur auquel l'Anglais rêvait mélancotie (Ségur)***. Le comte Aranda имел привычку почти при

---

* «Осада Вены» г-жи Пихлер, перевод г-жи де Монтолье *(фр.)*.

** Представление его «Женитьбы Фигаро» является замечательной эпохой в прологе нашей революции (Сегюр, Мемуары) *(фр.)*.

*** Однажды, в 1783 г., Монгольфье на своей бумажной фабрике стал кипятить воду в кофейнике, покрытом бумагой, сложенной в форме шара; эта бумага стала надуваться и поднялась кверху (Сегюр).

В ту эпоху француз имел вид человека, с опьянением наслаждаю-

каждой фразе говорить: «Entendez-vous? Comprenez-vous?»*

На странице 98 2-го тома Memoires de Ségur замысловатое руководство к политическому познанию Европы.

La P-ce Potemkin nommait plaisamment les juifs: la navigation de la Pologne**.

Выписка из письма. Дрезден 2-го августа (ст. с.). 1827.

Пробежал сегодня Акафист Ив[анчина] Писарева нашему историографу. И за намерение отдать справедливость спасибо. Но долго ли нам умничать и в словах и полумыслями. Жаль, что не могу сообщить несколько строк сравнения Кар[амзин]а с историей В. Скотта и изъяснение преимуществ первого перед последним. Они перевесили бы многословие оратора. Но спасибо издателю за золотые строки Карамзина о дружбе, а Ив[ану] Ив[ановичу] за выдачу письма его. Я как будто слышу его, вижу его говорящего. «Чтобы чувствовать всю сладость жизни и *проч.*».— Одно чувство и нами исключительно владеет: нетерпение смерти. Кажется, только у могилы Сережиной может умериться это нетерпение, этот беспрестанный порыв к нему. Ожидать и ожидать одному, в разлуке с другим, тяжело и почти нестерпимо. Ищу рассеяния, на минуту нахожу его, но тщета всего беспрерывно от всего отводит, ко всему делает равнодушным. Одно желание смерти, т. е. свидания, все поглощает. Вижу то же и в письмах другого, но еще сильнее, безотраднее. Приглашение Кат[ерины] Анд[реевны] возвратиться огорчило, почти оскорбило меня. Или Вы меня не знаете, или Вы ничего не знаете.

И отдаленный Вас о том же просит (сохранить портрет Сер[гея] Ив[ановича]). Теперь у него только часы его. Он смотрит на них и ждет. Недавно он писал, что больно будет расстаться с ними, умирая. Вот слова его мне из письма его в Париж сообщенные (к графине Разумовской): «C'est ma douleur, c'est mon découragement qui vous ont fait prendre la résolution de venir. Eh bien! avez-vous vu quelquefois dans les petites maisons de ces gens qui, ayant l'esprit dérangé, sont accablés de mélancolie,

---

щегося счастьем, о котором англичанин мечтал с меланхолией (Сегюр) *(фр.)*.

* Вы слышите? Вы понимаете? *(фр.)*

** Княгиня Потемкина шутя называла евреев: навигация Польши *(фр.)*.

restent toujours seuls, ne veulent voir personne, ne veulent parler à personne. Les médecins pour les quérir, font-ils venir leurs parents, leur amis? Non, on les laisse comme ils sont, seuls avec leurs maladies»*. Это не удержало, а решило ее ехать к нему[26].

(Vers de Serge Mouravieff)
Je passerai sur cette terre
Toujours triste et solitaire
Sans que personne m'ait connu,
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
L'on saura ce qu'on a perdu**[27]

Назначение В[еликого] К[нязя] председателем След[ственной] Ком[иссии] было бы большою политической несообразностью, если существовало бы у нас политическое соображение, политическое приличие. Дело это не могло подлежать ведомству его суда, ибо он был по званию своему, по родству пристрастное лицо. Движение 14-го декабря было устремлено столько же против него, сколько и против брата. В[еликий] К[нязь] все же человек: мог ли он отречься от всякой личности в деле столь для него личном и надписанном прямо на лицо его и на их лица? Имп[ератору] можно было в этом случае применить стих Василия Львовича о Сергее Львовиче:

Душами сходствуем: он — точно я другой[28].

Одно могло бы оправдать это назначение: намерение утушить это дело и кончить всепрощением, за исключением некоторых лиц. Тогда бы ответственность милосердия падала на брата, как на сокровенного исполнителя царских мыслей. Какая нужда в[еликому] к[нязю] добровольно идти в заготовщики палачу, когда и без него найдется их довольно. Политический рассудок предписывал оставаться в стороне, умывая руки свои чистые от

---

* Мое горе, мое отчаяние заставили вас принять решение приехать. Ну что же! Видели ли вы когда-нибудь в доме для умалишенных людей с расстроенным умом, погруженных в меланхолию, находящихся всегда в одиночестве, никого не желающих видеть и с кем-либо разговаривать. Разве врачи вызывают для их лечения их родственников и друзей? Нет, их оставляют в том же положении, наедине с их болезнями *(фр.)*.

** (Стихи Сергея Муравьева)
Задумчив, одинокий
Я по земле пройду, не знаемый никем;
Лишь перед концом моим,
Внезапно озаренным,
Познает мир,
Кого лишился он *(фр.)*.

участия. Деятельное участие его в последнем деле Раевского еще более неловко: говорю уже в смысле политическом, ибо смыслу нравственному или просто человеческому*. Как не найдется приближенного человека, который решился бы сказать истину этим молокососным кровопийцам? (смотри указ о двух братьях Раевских, Таушеве).

Si la pervenche solitaire
Se recontrait sur son chemin,
Il disait: ô fleur de mon père!
Et la prenait contre son sein.
(Millevoye)**.

Остафьево, 12 июля 1831.

«A celà il y a injustice, je dis mieux, il y a ingratitude: j'ai voulu en vain dévorer le mot, il m'oppressait; en le lançant dans la discussion, j'ai soulagé ma conscience d'un poids énorme (plaidoierie de M-r Janvier (Eugène) en faveur de Lamennais, procès de l'Avenir).— Autant que qui que ce soit, j'aime l'égalité. Cependant il est des salutaires privilèges qu'on tolère, et bien plus, qu'on honore, dès qu'ils retournent à d'avantage et à la gloire de la société. Ceux du génie me semblent de cette nature; le génie, c'est le soleil qui n'éclaire qu'á la condition de brûler quelquelquefois (idem).

Qui n'a tourné les yeux dans ces moments, où la patrie fatique, vers la république de Washington? Qui ne s'est uni dans la pensée à l'ombre des forêts et des bois de l'Amerique? Mais je ne voulais pas quitter la France sans approcher sa personne (Lamennais) de plus près, sans lui demander sa bénédiction pour un jeune homme navré par instinct et des mêmes douleurs, qui consumaient son génie invincible (l'abbé Lacordaire, procès de l'Avenir). Nos oppresseurs! Ce mot vous a fait peine. Vous m'en demandez compte; vous avez regardé mes mains pour voir si elles étaient meurtries par l'empreinte des fers. Mes mains sont libres, M-r l'avocat-général; mais aussi mes mains ce n'est pas moi. Moi, ce qui moi, c'est ma pensée, c'est ma parole, et pour que vous le sachiez, je le trouve opprimé dans ma patrie,

---

* Оставлено свободное место для одного-двух слов.

** Если на своем пути
Он встречал одинокий подснежник,
Он говорил: О, цветок моего отца!
И прижимал его к груди (Мильвуа) *(фр.)*.

ce mot divin, ce moi de l'homme. Cette pensée, cette parole, moi enfin! (idem). Il n'y a que deux choses qui donnent du génie, Dieu et un cachot (idem)»*[29].

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РОМАНА[30]

Видя его, нельзя было не чувствовать, что пронзительные взоры его читают в глубине сердца; но он похож был на древних жрецов, которые читали во внутренности жертвы, растерзав ее прежде.

Я жил в обществе, терся <межд> около людей; но, общество и я, мы два вещества разнородные: соединенные случайностью, мы не смешиваемся, и потому ни я никогда не мог действовать на общество, ни оно на меня. Меня люди не знают и я знаю их по какому-то инстинкту внутреннему: сердце мое при встрече с некоторыми сжимается, на подобие антипатриотического чувства иных зверей при встрече с зверями враждебными. Лошадь вернее всякого натуралиста угадает в отдалении волка.

Часы повешены на стене, стрелка наведена на такой-то час: указание свидания.

---

* В этом есть несправедливость, скажу больше, неблагодарность: тщетно хотел я пропустить это слово, оно давило меня; оглашая его в выступлении, я облегчил свою совесть от огромной тяжести (защитительная речь г-на Жанвье (Эжена) в пользу Ламеннэ, процесс [журнала] «Авенир»).— Столь же, сколь кто бы то ни было, я люблю равенство. Между тем существуют спасительные привилегии, которые терпят и более того почитают, как только они поворачиваются на пользу и к славе общества. Привилегия гения кажется мне той же природы; гений — это солнце, которое освещает лишь при условии, что оно иногда обжигает (там же).

Кто не обращал взоров в те времена, когда родина становится в тягость, к республике Вашингтона? Кто не укрывался в мыслях своих в тень лесов и дубрав Америки? Но я не хотел покидать Франции, не приблизившись к нему (Ламеннэ), не испросив у него благословения для молодого человека, надорванного теми же печалями, которые изнуряют и его неколебимый дух (аббат Лакордер, процесс [журнала] «Авенир»). Наши притеснители! Это слово вас огорчило. Вы призываете меня к ответу за него; вы посмотрели на мои руки, чтобы увидеть, помертвели ли они от железных оков. Мои руки свободны, г-н генеральный адвокат; но руки мои — это не я. Я, то что является мною, это — моя мысль, это мое слово, и, да будет вам известно, я нахожу угнетенным на моей родине это божественное «я» человека. Эта мысль, эта речь, я наконец! (там же). Есть лишь две вещи, которые поднимают дух,— бог и тюрьма (там же)» *(фр.)*.

В первые дни Весны небеса и земля улыбаются: любуешься зеленью, цветами, лазурью, блеском воды, но вдали на горах и в лощинах белеется еще суровый снег, и когда ветерок с той стороны подует, то навевает на Вас холод; так и в нем: за очерком веселости его летит холод; улыбаясь с ним, невольно чувствуешь, проникая далее, что улыбка его не из глубины сердца, что на ней лед, и радость им возбужденная, незапно им же и остывала.

КНИЖКА ШЕСТАЯ

(1828—1829)

[Перечень стихотворений П. А. Вяземского][1]

Послание к Жуковскому
К Батюшкову
К Межакову
К Остолопову
К Милонову
К Самариной
Отход Вздыхалова
К Жуковскому («Напрасно, брат»)
К Княжнину
К Батюшкову (Ответ на послание из Пен. [?])
К Жуковскому («Итак, мой друг, увидимся мы вновь»)
К Жуковскому («Давно ли ты среди грозы военной»)

К моим друзьям
Буря
К Элизе в день ее рождения
Моленье Элизы
Молодой Эпикур
Песня («Поверь, жестокая» и проч.)
К Софье («В небе страшнее»)
Песни: «Я жду тебя»
«O toi que j'adore», перевод

Безделка
Признание
К Эльмине
К Нисе
Песни:
Вечор, предавшися покою
В час утра золотого
Плач араба
Хотите ль быть любви в плену
Вакхическая песня
К Перовскому

В альбомы:
Ответ на вызов написать стихи
При возвращении альбома долго задержанного
К Колычевой
К Остолоповой
С французского: «Dans le miroir de sa mère»
Оправдание Вольтера
К Эльвире
Софии Юрьевне Нелединской
Из граций младшею или самою Венерой
Прощание («День, два и властным роком»)
К Межакову («Счастлив, кто в молодые лета»)
Софии Пушкиной на Новый год

История человека
К портрету Меньшикова
К Вальберховой
Объяснение
К портрету Бибриса
Быль в преисподней
О Княжнине

Эпиграммы:
Тирсис в стихах
Ага, плутовка мышь
Картузов другом просвещенья
Как Андромахи перевод
Я век тебя хвалю
Невзоров!

Тоска по милой
Жалобы любовника
Оно кажется безделицей, но право ничего не значит, или Торжество благодарности[2].

Мои мысли лежат перемешанные, как старое наследство, которое нужно было бы привести в порядок. Но я до них уже не дотронусь; возвращу свою жизнь небесному отцу; скажу ему: «Прости мне, о боже, если я не умел воспользоваться ею, дай мне мир, который не мог я найти на земле. Отец! Ты, единая благость! Ты прольешь на меня одну каплю сей чистой и божественной радости».

Un ancien Grec avait une lyre admirable; il y rompit une corde; au lieu d'en remettre une de boyau il en voulut

une d'argent; et la lyre avec sa corde d'argent perdit son harmonie*.

— Андреевский кавалер в ученом обществе — серебряная струна.

Положение Польши. Наличность благ есть: применение этих благ ответствует ли наличности? Одно коренное зло: излишнее число войск. Что такое Польское войско? Польше, отдельно взятой, войска не надобно. Войско, ограда независимости: Польская независимость опирается на Россию. Избыток Польского войска утопает в громаде русского. От несоразмерности армии и средств государства проистекает расстройство финансов, единственная наружная рана Польши. Тело однако же поражено недугом: искать язву внутри. Где она кроется?

Мещерское, 28 фев. 1829[3].

Занятия

Письма *Тургеневу, Бестужеву в Нижний.* Бартеневу, Костр[ома], Баратынскому, Плетневу о собрании моих сочинений — *Неелову* об [неразобр. 1 слово] (Бобринской о русских книгах).

Литературные.

О переводе сонетов. Перевод Адольфа. Прочитать Китайский роман, рукопись. *Путешествие Толстого, рукопись.* Перебрать бумаги Чернышева. О театре Княжнина.— Кончить Sta viator**, Облака, Ярмарку, Встречу колясок.

Чтение.

Историю Карамзина. Тит Ливий и Мюллера. Сумарокова для извлечения двух томов.— «Revue Encyclopédique», *1828.* «La Contemporaine», «Les chroniques de Cannongete», «Le Corsaire Rouge», «Les Fiancés», «Mémoires de Brienne»***.

3 марта.

Отправлено: к Жихареву записку к Жаксону и письмо

---

* Один древний грек имел превосходную лиру: он порвал на ней одну струну, вместо того, чтобы восстановить ее струной, сделанной из кишки, он захотел иметь серебряную; и лира со струной из серебра потеряла свою гармоничность *(фр.).*

** Остановись, путник *(лат.).*

*** «Ревю Энциклопедик», «Современница», «Канонгетские хроники», «Красный корсар», «Обрученные», «Мемуары де Бриенна» *(фр.).*

к Тургеневу о стих. *Смерть* Бар[атынского] и моим *За что служу я*[4].

10 марта. К Полевому Козлов. Сонет. В Кострому Рамен. В Нижний Новг[ород] к Бестужеву Андрею Василь[евичу] с ящиком семян княж. Анне Афанасьевне Грузинской. 14-го с кн. Федором к Демиду (о садовнике), к Волкову, Ланскому с H. Wilson, Булгакову Алекс[андру], В. Л. Пушкину.

24 [марта] в Кострому о сурепице и посадке.— Карамзиным с письмом к Белизару.

30 [марта]. Голицыной — Огаревой в Саратов. Баратынскому. Демиду.

7-го апреля. Дмитриеву — Тимирязеву, Мещерским, Демиду.

14 [апреля]. Олину с стих. Баратынск[ого] с стихами и с письмом; к Демиду, Карамзиной с письмом; к Мицкевичу — Неелову — Бестужеву о деревне Пушкина — Васильевой — Кривцовым — Жихареву.

Адрес M-me Dandilly в Малой Морской в доме Арендта № 107.

«Le Catholique»* должен быть у Полевого — Оды Гюго: я писал о них Пушкину. «Les contes d'Irving», 4 тома.

28-го [апреля]. Письма в Кострому — Демиду с письмом Баратынскому и Филимонову.

5 майя. Василью Львовичу с «Станциею». Кн. Василью в Дрезден.

18-го [мая] к кн. Голицыну Д. В.— Габбе — 2 июня к Демиду, к Бартеневу, Пушкину — Сонцову в Кострому.

9-го июня. Клюпфель Ревель — Полуектовой. Ланскому — Васильевой.

Гумбольдту[5].

Monsieur,

Persévérant dans mon indiscretion, je prends la liberté de revenier á la charge en vous priant de vouloir bien honorer mon livre des souvenirs d'un mot de votre main. Mon livre est encore tout blanc et les souvenirs ne sont pour le moment que des espérances: si vous daignez la réaliser le début á gage précieux de votre indulgence me sera le garant d'un bel avenir. Le livre est aujourd'hui l'image *des Steppes, qui ainsi que l'Océan remplissent l'esprit du sentiment de l'infini, c'est le désert qui dans le votre étendue ne presente que le silence et la mort,*

* «Католик» *(фр.)*.

comme l'a dit avec éloquence le grand peintre des steppes: Sous vos auspices les steppes prendront *l'aspect de l'océan embelli par le perpêtuel roulement des vagues.*

La pensée de l'homme est aussi une vague majestueuse, ne vous refusez pas, monsieur le baron, à opérer le phénomène que je réclame de votre bonté. Donnez l'impulsion de la vie à cette morne solitude et veuillez y déposer votre souvenir: celui que votre présence parmi nous a fait naître se rattache à jamais aux plus nobles et aux plus intimes trésors de ma mémoire, à la quelle viendra se joindre la reconnaissance qui est *la mêmoire du coeur**.

---

* Милостивый государь, упорствуя в моей нескромности, я вновь осмелился просить Вас удостоить мою памятную книгу несколькими словами, написанными Вашей рукой. Моя книга еще совершенно чиста, и записи «на память» пока еще только ожидаются: если вы соблаговолите, как драгоценный залог Вашей снисходительности, положить им начало, это обеспечит им прекрасное будущее. В настоящее время книга является образом «степей, который так же, как океан, наполняет душу чувством бесконечного, это пустыня, которая, в вашем исследовании, выражает лишь молчание и смерть»; как это красноречиво говорит великий художник степей: согласно вашим предсказаниям, степи уподобятся «океану, украшаемому непрерывно катящимися волнами».

Человеческая мысль — это также величественная волна; не откажите, господин барон, совершить феномен, который я прошу у Вас, зная о Вашей доброте. Дайте жизненный толчок этой угрюмой пустыне и соблаговолите поставить на ней свой памятный знак; знак же, порожденный Вашим пребыванием среди нас, навеки присоединится к наиболее благородным и интимным сокровищам моей памяти, которой присовокупится также признательность, являющаяся памятью сердца *(фр.)*.

КНИЖКА ВОСЬМАЯ

(1829—1837)

Саратов, 31-го августа 1829 г.

(Выписки из дела *о зарезавшихся* 35-ти человеках* (о *зарезанных*, потому что действительного самоубийства по делу не видно) Аткарского уезда села *Копен* графини Гурьевой)[1].

Крестьянка Петрова на 1-ое число марта 1829 ночью, пришед к крестьянину Ментову, объявила, что семейство ее ушло из дома неизвестно куда, а Ментов о сем в то же время дал знать сотскому села Копен. По розысканию сотского вместе со старостою и жителями села Копен семейство Петровой, как-то: свекор, крестьянин Карпов, с сыновьями, невестками, внуками и другими посторонними людьми найдены в овинной яме Петрова зарезанными, равно в доме крестьянина Васильева Ильина также найдено все семейство зарезанными (всего-навсего 35 человек, имевших от 70 лет до полугода).— Причина смерти сих людей есть *самоубийство* (то есть в побуждении, но не в исполнении, ибо никто не налагал на себя руки), на которое решились они вследствие содержания ими в тайне некоей старообрядческой секты (*спасовщина* или *нетовщина*), по которой отцы их, за 25 лет перед сим, уже покушались на собственную жизнь, укрываясь целыми семействами в числе 82 человек в пещере, которую намеревались предать огню. (Вот это было бы самоубийство.) — В числе убитых оказалось 35 челов[ек] обоего пола, совершеннолетних 17-ть: из них 19-ть челов[ек] найдено в овинной яме, прочие в домах: 10 — крестьян. *Летюшова,* 2 — вдовы Васильевой и 4 — крестьян. Юшкова. У 7 челов[ек] горлы перерезаны, а у прочих шеи перерублены и сверх того у некоторых другие члены как-то ухо, щеки, плечи перерублены, а у иных ноги и пальцы на руках вовсе отрублены.

Причем в яме, где лежали 19-ть человек, усмотрены

* Не зарезались, а предались смерти. (Позднейшее примеч. Вяземского.)

топор, у которого топорище обагрено кровью, деревянный отрубок, или чурбан, также обагренный кровью, на котором видны были знаки острого орудия и человеческие волоса, и в ковше запекшаяся кровь. Из числа трех человек, анатомированных доктором, у одного в желудке найдено несколько крови в пище. Сверх того в доме Карпова найдены две книги старообрядческие: «Житие Василья Нового» и Псалтырь; а в доме крестьян[ина] Юшкова копии с высоч[айшего] повеления 1801 г. ноября 27 и с отношения бывшего Г. прок[урора] Беклешева, относительно людей отклонившихся от правоверия.

Бурмистр села Копен, Крайнов, между прочим, донес, что отец Ивана Алексеева Юшков в 1802 году завел 82 человека в пещеру для покушения на собственную жизнь, и из числа их Егор Афанасьев убил малолетнего сына, за что были сосланы Юшков на Остров Эзель, а Афанасьев в монастырь; по возвращении же в жительство Афанасьев за подобное совращение сослан в Сибирь на поселение. Юшков был потом возвращен на свою родину и вскоре потом зарыл себя заживо в землю с почталионшею, которую он вывез с собою, хотя и имел жену. По открытии нового происшествия, показаниями жителей и других людей, знавших тогда о сем, но державших оное в тайне, отыскали место, где они были погребены и скелеты их.

Слова св. Евангелия: «аще кто душу свою спасти хочет, тот погубит ю, аще кто душу свою погубит мне ради, тот спасет ю»,— были поводом к основанию сего учения.— Упоминается также о какой-то книге, заключающей в себе проповедь о принятом намерении к лишению жизни.— По делу видно много прикосновенных лиц, из коих иные, зная о намерении оном, не противились, другие опровергали его: бывали совещания по сему предмету, прения, сношения с некоторыми саратовскими раскольниками.

Юшков приговорен уголов[ным] Саратовским Судом к 10-ти ударам кнута и каторжной работе. Я видел его в Саратовском остроге, где он уже содержится третий год вместе с прочими преступниками: лицо его кроткое, полное выражения, на вопросы о происшествии отвечает он тихо и спокойно, avec résignation*; кажется, без малейшего раскаяния и как покорный и за прошедшее и на будущее *воле божией*. Он жалуется на тяжесть оков

* Со смирением *(фр.)*.

своих. Говорят, что два раза покушался он на жизнь свою в остроге, а третий раз уговаривал других колодников зажечь острог и бежать.

Вот психологическая трагедия![2]

(Metternich)

Grands ou petits, et sous des apparences plus ou moins diverses, les cabinets de l'Allemagne et du Nord n'ont guère offert, jusqu à ces derniers temps, que l'ombre de son attitude, l'écho de sa voix. Partout présent et actif, il était le méphistophèle de cette alliance dont l'empereur Alexandre était le saint.

La providence a brusquement sommé Nicolas de résoudre tous les problèmes qu'Alexandre ajournait d'année en année avec tant d'effort. Peut on s'étonner que sa politique soit vague, douteuse, sans couleur et sans direction? Cette incertitude n'est nulle part plus évidente que dans la composition du cabinet de Pétersburg: les ombres de M. de Metternich, les appuis du *status quo* universel, M. de Nesselrode, par exemple, y sont restés; des Hommes écartés, proscrits même par Alexandre, et qui passent pour favorables aux réformes libérales, M. de Speranski, entre autres y sont été appelés. (Speranski y était, l'emp [ereur] Nicolas ne l'a pas appelé, et si Speranski a l'esprit plus ouvert que les autres, il a l'âme tout aussi étroite et bouchée que tout le reste. Il n'y a rien en lui de libéral, tant que le libéralisme n'est pas à l'ordre du jour).

Parmi les hommes jeunes et qui débutent, quelgues uns comme M. de Matussewicz [?], ne manguent dit-on, ni de capacités, ni de lumière,— on dirait un gouvernement novice, forcé d'agir avant d'avoir pense, et qui agit pour s'aquitter de sa tâche, pour suffire au moment, sans que son action révèle en lui une pensée, ou une volonté. (De l'état des cabinets Européens. Revue franc.)*.

---

* (Меттерних)

До последнего времени ни большие, ни малые кабинеты Германии и Севера не отражали ничего похожего на его манеру держаться: они представляли собой как бы его тень, давали лишь отзвук его голоса. Учавствуя во всем и присутствуя повсюду, он был как бы мефистофелем союза, в котором император Александр олицетворял святого.

Провидение внезапно пробудило Николая разрешить те задачи, которые Александр откладывал из года в год с таким старанием. Можно ли удивляться сомнительности и неясности его политики, не имеющей ни окраски, ни руководства? Эта неуверенность стала особенно очевидной при формировании петербургского кабинета: тени г. Меттерниха, под-

25 мая 1830. Петербург.

Писал с Василием Александровичем Пенским к Ланскому, Бартеневу, Протасьеву. Получил ответ от цесаревича. Обедал у Молчанова: после обеда на гулянии в Екатер[ингофе?] с Дельвигом. Вечером до 12-го часа у Булгакова. Булгаков однажды наехал на шум в Ямбурге: допрашивается. Смотритель отвечает, что приезжий бил его по щекам и прибавляет: конечно, одна пощечина ничего не составляет, но во множестве это делает маленькую перемену.— В постели читал 4 № Le Temps.

27-го [*мая*].

Трехдневное письмо к жене с Габбе. Вчера обедал я у Сер[гея] Льв[овича] Пушкина: Александру 31 год[4]. После обеда в Летнем саду, вечером у Фикельмонт: большое толкование слову [оставлено пустое место]: род кокетства, волокитства, но без последствия. Написал стихи графине Людольф. Сегодня писал к Кривцову с Габбе.— Дал переписчику 6 тетр[адей].— С Рейнгардом писал в Париж Тургеневу и Jullien. В письме Jullien сказал глупость. Был в департаменте у Дружинина, потом у Бибикова. Обедал у преемника Андрие, как бишь его.

28-го [*мая*].

Письмо к Карамзиным и к Потемкиной с *Deeds*.

29-го [*мая*].

Обедал у Булгаковых. В 7 часов в заседании советов о Закавказской торговле — о кожах соленых и сушеных. Вечер у Фикельмонта.

держка всеобщего *status quo* (положения вещей) г. Нессельроде, например, в нем остались среди других. Туда же вошли люди, отвергнутые, даже изгнанные Александром и почитаемые склонными к либеральным реформам, как, например, г. Сперанский (Сперанский там был, имп[ератор] Николай не привлекал его. Сперанский, правда, обладает умом, более открытым, нежели другие, но его душа также узка и замкнута, как у других. В нем нет ничего либерального, постольку поскольку либерализм не стоит в повестке дня).

Среди людей молодых и начинающих, некоторые, как, например, г-н де Матусевич, не лишены, как говорят, ни способностей, ни просвещения, можно сказать, что это правительство, состоящее из новичков, вынужденное действовать не подумав и выполняющее свои обязанности, чтобы удовлетворить требования минуты, причем его действия не раскрывают ни его мысли, ни его воли. (О состоянии европейских кабинетов. «Ревю франс». (Французское обозрение) *(фр.)*[3].

30-го [*мая*].

Письмо к жене по почте.

31-го [*мая*].

Ездили с Багреевыми в Ряболово Всеволожского, в omnibus: M-me Medem, Arendt, Поливанова, вдова фамилии Болугьянских (так ли? Я не знаю отчего, но мне всего стыдно криво написать фамилью: это кривописание кажется мне неловкостью). Местоположение хорошее, есть природа, или природица, движение в земле, или дергание, озера. Устройство хорошее. Едешь мимо порохового завода, Приютина: мы в Приютине остановились, вспомнил я Пушкина, горелки, комары. Впрочем, комаров вспоминать было нечего, они сами о себе дьявольски напоминали. Не понимаю как можно жить в этом комарном царстве, все равно, что в муравейной яме. Возвратились часу во втором, дома нашел письма от Тургенева из Парижа. Ездил в Царское Село, обедал у Жуковского. Вечером у Donna Sol. Царское Село — мир воспоминаний. Китайские домики: развалины.

[*3 июня*]. *Вторник.*

Я сбился с числами. Вчера утром в департаменте читал проекты положения маклерам. Если я мог бы со стороны увидеть себя в этой зале, одного за столом, читающего чего не понимаю и понимать не хочу, куда показался бы я себе смешным и жалким. Но это называется служба, быть порядочным человеком, полезным отечеству, а пуще всего верным верноподданным.— Почему же нет.— Обедал у, чорт знает, как называют этого преемника Andrieux, Andrieux вторым что ли? Нашел тут Серг[ея] Льв[овича]. Был день именин Александра и чадолюбивый отец разделил человек на семь свою радость и свою бутылку шампанского. Вечером был у Закревского, а кончил у Фикельмонт. Написал к Карамзиным с дилижансом.— Сегодня утром тот же департамент, те же маклера. Отправил письмо к жене с почтою, обедал у Багреевой, был у Бибикова, пил чай у Багреевой. Мадам Медем.— Возвратился вечером домой и сажусь написать несколько писем. Я начинаю быть ленив на письма, пишу их много, но уже не с духом.

15-го июня.

В середу вечером, т. е. 4-го числа, ехав в Елагинский театр, был я вывален на мосту Камен[ного] ост[рова]

с Икскулем.— Подробности моего падения находятся в письмах к жене моей[5]. Вот скоро две недели, что я сижу дома. Не знаю, от расстройства ли нервов или от чего другого, но я не могу путно заниматься. Книги грудами лежат около меня, а я ничего не читаю, кроме газет и журналов, потому что это отрывчатое чтение. Обыкновенно при легких припадках нездоровья я привыкал к своему заточению и находил отраду и удовольствие в занятии. Впрочем, если был бы у меня решительный авторский талант, то я верно преодолел неохоту и мог бы написать что-нибудь путного и большого.— В это время получил я милое письмо от Тургенева из Парижа, от 2-го июня, которое пощекотало мое самолюбие обещанием увидеть мою статью, переведенную в Париже St. Priest[6]. Написал я несколько писем к Карамзиным, к жене: вчера с Ив[аном] Ст[епановичем] послал к Жихареву письмо от Тургенева. Посещали меня чаще: Хитрова каждый день, до отъезда на дачу, Александр Строганов, слепец Молчанов, Лев Пушкин, Дельвиг, Василий Перовский, Полетика. Сегодня прикатил было Хвостов, но я был один и не принял его. Ни обедать, ни дурачить одному не весело. Г[рафи]ня Лаваль изъявила мне деятельное участие, была, то есть заезжала наведываться несколько раз, писала, советовала лекарство. Был Блудов. NB.— Дашков не был. NB.— Вчера был вечером Мейендорф и Оленин. Бывали Гнедич, Муханов. Молчанов рассказывал мне сегодня о к[нязе] Мещерском, Плат[оне] Степ[ановиче], бывшем при Екатерине наместником в Казани. Он привез разные бумаги в Петербург, отдал их императрице и по назначению ее ожидал повеления, когда явиться к ней для работы. Время шло. Однажды на куртаге императрица извиняется перед ним, что еще не призывала его. Он ей в ответ: «Помилуйте, в[аше] в[еличество], я ваш, дела ваши, губернии ваши, хоть никогда не призывайте, это совершенно от вас зависит».— Наконец, в назначенный день он является к ней и пред начатием работы кладет свою шляпу на маленький стол ее, подвигает стул запросто.— Государыня сначала была ошеломлена его непринужденностью, но потом, разобрав его бумаги и выслушав его, осталась им очень довольна и оценила ум. Павел Пет[рович] еще великим кн[язем] полюбил его. Назначен был бал, кажется, в Гатчине; племянник Мещерского Румянцев Ник[олай] Пет[рович], встретясь с ним, говорит ему: «Надеюсь с вами свидеться в такой-то день.— Где? — У великого князя, у него бал

и вы верно приглашены.— Нет, но я все-таки приеду.— Да как же так, у в[еликого] к[нязя] может быть приглашены одни приближенные.— Все равно, я так люблю и его, и в[еликую] княгиню, что не стану ожидать приглашения».— Румянцев для предупреждения беды должен был сказать о том в[еликому] к[нязю], который и пригласил его.— Поговорка: *старам стала, плохам стала умом*, ведется от этого Мещер[ского], которому сказал ее калмык в Казани. Он же сказал городничему, который хотел было провести его где-нибудь в калитку, не велев растворять ворота: *«Я-то пролезу, но чин-то мой не пролезет».*— Павел I, собираясь ехать в Казань, говорил ему: «Смотри, Мещерский, не проводи меня через калитку, мой чин еще больше твоего»[7]. У меня молодой книгопродавец Непейцын по поручению от Салаева. Вот история фамилии его, им самим мне рассказанная: дед его был *Иванов*, и просил сына своего переменить фамилию свою на *Не пей сын*, а там уже и огерманизировали ее.— Был у меня поэт-литератор, молодой Перец или Перцев, принес свою книжку: *Искусство брать взятки*. В шутке его мало перца, но в стихах его шаловливых, которые Александр Пушкин читал мне наизусть, много перца, соли и веселости. Он теперь, говорят, служит при «Северной пчеле»,— Василий Перовский дал мне «La Revue Britannique». В 1825 г. на стр. 270 я нашел: «Viasemski eut à la fois l'audace de créer et le bonheur de faire recevoir de nouveaux mots et de nouvelles formes de langage»*[8]. Все-таки лучше, хотя в той же статье сказано: «Vosiokoff introduisit quelques nouveaux changements dans la prosodie slavonne** (Вероятно, речь идет о Востокове и о новых метрах, заимствованных им у древних, которые он употреблял в переводах своих). Или: «Un barde de la Sibérie, l'aveugle Eros, jeta dans le public un volume de poésies joyeuses»***. Отгадайте! А я отгадал. Здесь речь идет об *Эроте, лишенном зрения*, написанном в Сибири несчастным Сумароковым, и о других стихотворениях его. Et voilà comme on écrit l'histoire****.

---

* Вяземский одновременно имел смелость создать и счастье распространить новые слова и формы языка *(фр.)*.

** Возиоков ввел несколько новых изменений в славянскую просодию *(фр.)*.

*** Сибирский бард, слепой Эрос, бросил обществу целый том веселых стихов *(фр.)*.

**** И вот как пишется история *(фр.)*.

Все эти дни я ничего не пил и за обедом, то есть не в смысле Олениной Московской, которая, чтобы сказать, что человек не пьяница, говорит il ne boit rien*. Нет, я ничего питейного не пью и не чувствую жажды. Правда, что мой обед весьма скромен и трезв и что притом начинаю его обыкновенно ботвиньею и оканчиваю апельсинами. Надеюсь, что эти безвлажные, беспитейные обеды надбавят мне несколько лишних месяцев в жизни. Старик Юсупов, встретившись с известным St. Germain, спрашивал его о тайне долгоденствия, если не вечноденствия. Всей тайны он ему не открыл, но сказал, что одно из важных средств есть воздержание от пития, не только от хмельного, но и всякого. К подтверждению этого правила можно назвать покойницу Самарину, несмотря на то, что покойница вообще плохое убеждение в деле жизни. Но она дожила едва ли не до 100 лет на ногах, при зрении, и этого будет с человека. Надобно, чтобы всегда что-нибудь бесило меня. В жизни разъездной мои естественные враги: извощики, кучера. В жизни сидячей — разнощики. Крик некоторых из них дергает мои нервы. Например, *апельсины, ламоны, каро— —ш*. Этот *ла*, это протяжение на последнем слоге, это басурманское окончание на *рош* выводит меня из терпения.

Зачем начал я писать свой журнал? Нечего греха таить, от того, что в «Mémoires» [«Мемуарах»] о Байроне (Moor) нашел я отрывки дневника его[9]. А меня черт так и дергает всегда во след за великими. Я еще не расписался, или не вписался: теперь пока даже и скучно вести мне свой журнал. Но, впрочем, я рад этой обязанности, давать себе некоторый отчет в своем дне. Между тем и письма мои к жене род журнала.

16-го [*июня*].

Писал к жене коротенькое письмо.— «Ueberlieferungen zur Geschichte unserer Zeit, gesammelt von Heinrich Zschokke»**. 340 стран[ица]: — «Messieurs, au nom du Ciel, épargnez-moi! Laissez moi le temps de prier Dieu»***: последние слова Павла. Эпитафия ему.

---

* Он ничего не пьет (*фр.*).

** Примечания к истории нашего времени, собранные Генрихом Цшокке (*нем.*).

*** Господа, во имя неба, пощадите меня! Дайте мне помолиться богу (*фр.*).

On le connut trap peu*, lui ne connut personne
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisant; même sous la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux.
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux**.

«Pahlen kam bei dem Kaiser Alexander an, als dieser Fürst, ausser sich, ausrief: «Man wird sagen, ich sei der Mörder meines Vaters; man hatte mir versprochen, sein Leben nicht anzutasten; ich bin der unglücklichste Mensch von der Welt!»***. В «Revue Britannique» 1826 года февраль — почти та же статья в сокращении. Перед выше приведенными словами здесь: «Ah, Pahlen, quelle nuit!»**** — *Яшвиль, Гарданов* (адъютант конной гвардии), «*Tatarinoff, der Fürst Wesemskoy und Scariatine* waren mit dem Kaiser im Landgemenge.— (Die Kaiserin) nun gab sie Poltaratskoy eine Ohrfeige»*****.

Была у меня вечером кн. София Волконская. Я ничего путного не делаю; однако же не скучаю, а в доказательство часы у меня всегда вперед, против моих расчетов и удивляюсь, что уже так поздно! Дал я в *Газету* статью о наших модо-литературных журналах. То ли бы дело теперь пересмотреть мне моего Адольфа, написать предисловие к переводу; подготовить хотя том один моих стихотворений. Но что же делать, когда и к легкой работе ни сердце, ни рука не лежит? Hine illae lacrimae...******. Неужели в самом деле учение истории может быть полезно, как предосторожность? Неужели мы проведем завтрашний день благоразумнее, если узнаем, что сегодня делалось во всех домах Петерб[урга]? История не полезнее другого: она потребность для образованного человека, в котором родились нравственные, умственные нужды, требования. Как мне потребно будет слышать Зонтаг,

---

* П. А. Вяземским вписано карандашом: «peu». На полях запись: (недостает слог один в 1-м полустишии), вероятно, peu.

** Его знали слишком мало, он никого не знал. Деятельный, всегда торопливый, вспыльчивый, повелительный, любезный, обольстительный даже под царским венцом, он хотел править один, все видеть, все делать лучше; он породил много неблагодарных и умер несчастливым *(фр.)*. *(Пер. П. А. Вяземского.)*

*** Пален подошел к царю Александру в то время, как он выкрикивал, вне себя: «Будут говорить, что я убийца моего отца; мне обещали не лишать его жизни; я самый несчастный человек на свете!» *(нем.)*.

**** Ах, Пален, какая ночь! *(фр.)*

***** Татаринов, князь Вяземский и Скарятин были вместе с царем в деревенском поместье. (Царица) дала Полторацкому пощечину *(нем.)*.

****** Отсюда те слезы... *(лат.)*

когда она сюда приедет. Я от того не буду ни умнее, ни добрее, ни даже музыкальнее, а не менее не слышать ее было бы живое неудовольствие.— —

«*Ich sehe dass es Zeit ist meinen grossen Coup auszuküpsen*, sagte er, als sich eines Abends bei der Frau von Gagarin, in der überlten Laune befand. Er sagte das nämliche zu seinem Oberstallmeister Kutaissow, indem er hinzukügte: *Nachher wollen wir ohne Zwang wie zwei Brüder leben* — Pahlen wollte das Werk schon Sonntags den 22 Mars ausführen: allein der Grossfürst bestand darauf, dass dieser erst Montags geschehen solle, indem diesen Tag die Wache am Michaelspalaste dem Gardebataillon Semenovski antvertraut werden solle, welchen der Grossfürst persönlich kommandirte, und das ihm sehr ergeben war»*[10].

17-го [*июня*]

Ceux vraiment sont heureux

Qui n'ont pas le moyen d'être fort malheureux** сказал старый поэт Lagrange.

18-го [*июня*]

Я написал длинное письмо Дмитриеву, Пушкину В. Л., Американцу: по почте жене и Мещерской; записку в ответ Слепцовой. Была у меня Эрминия, Дашков, Ник. Муханов, Малевский, Сергей Львович. Я весь день почти ничего не успевал делать, то есть и порхать по книгам; а все молол языком. Большую же часть писем написал я вчера вечером: московские отправляются с *Деларю*.— Как хорош Paul Louis Courrier! Надобно о нем написать статью. Письма его смесь Галиани, Даламберта, Байрона: не говоря уже о грецицизме их.

Не знаю, кто-то рассказывал мне на днях, кажется, Дельвиг, о чете чиновной, жившей напротив дома его: каждый день после обеда они чиннехонько выйдут на

---

* «Я вижу, что настало время нанести мой большой удар»,— сказал он однажды вечером, находясь у госпожи Гагариной и будучи в дурном настроении. Примерно то же самое он сказал и своему обер-шталмейстеру Кутайсову, добавив при этом: «После этого мы без стеснения будем жить как два брата».— Пален хотел совершить дело в воскресенье 22 марта: однако великий князь настаивал на том, что событие должно произойти лишь в понедельник, так как караул в Михайловском дворце в этот день должен был нести гвардейский Семеновский полк, находящийся под командой самого великого князя и особенно ему преданный (*нем.*).

** Истинно счастливы те, у которых нет возможности быть очень несчастливыми (*фр.*).

улицу, муж ведет сожительницу под ручку и пойдут гулять: вечером возвратятся пьяные, подерутся, выбегут на улицу, кричат караул и бутошник придет разнимать их. На другой день та же супружеская прогулка, к вечеру то же возвращение и та же официальная развязка.— Дашков мне сказывал, что у него есть еще отрывки из восточного путешествия своего и, между прочим, свидание его с Египетским пашею. Дашков по возвращении своем в Царьград, по восстании Греков, должен был из предосторожности сжечь почти все свои бумаги, все материалы, собранные им в путешествии. Оставшиеся отрывки писаны на французском языке и выбраны из депешей его.— Он сказывал мне, что я писал ему в Царьград о Жуковском: «Сперва Жуковский писал хотя *для немногих*, а теперь пишет ни для кого».

19-го [*июня*].

Сегодня день довольно пустой. Один Courrier своими Памфлетами наполнил его. Что за яркость, что за живость ума. Вольтер бледен и вял перед ним. Вот моя вокация: я рожден быть памфлетером. Мои письма, которые в некоторой чести, ничто иное, как памфлеты. Впрочем, так видно и судили их свыше: и мои опалы политические все по письменной части. Был у меня сегодня Горголи: борода его и вообще нижняя часть лица — Бенкендорфовская: видно тут и есть организм полицейский.— Отослал я стихи Екатерине Тизенгаузен. Я отыскал, что Шеридан иногда заготавливал свои шутки и выжидал случая вместить их в удобное место. То же бывает со мною. Часто понравится мне фраза где-нибудь и скажу себе: хорошо бы цитовать ее при таком-то случае и обыкновенно случай скоро встречается. Сегодня говорил мне Пушкин об актере Montalan: я применил к нему стих Лафонтена: «Voilà tout mon talent, je ne sais s'il suffit»*. Я помню, что когда-то писал к Карамзину, что Москва при приезде какого-нибудь почетного лица, принца, ученого, обыкновенно сварит жирную уху, жирную колебяку (как надобно: *ко* или *ку*?) и, подчивая приезжего, говорит:

Voilà tout mon talent, je ne sais s'il suffit.*

А у меня ведь много острых слов пропадающих, и странное дело, я не слыву остряком. Впрочем, je n'ai pas

---

* Вот весь мой талант, не знаю, достаточно ли его *(фр.)*. (Игра слов: фамилия Монталан созвучна произношению слов mon talent).

la repartie prompte*, ни того, что называется du trait**, особливо же изустно. В памфлетах моих другое дело. Например, вопрос мой в письме Тургеневу по смерти Козодавлева: правда ли, что его соборовали кунжутным маслом? есть, без сомнения, одно из самых веселых и острых слов. Надобно мне отобрать свои письма у моих корреспондентов и подарить их Павлуше: тут я весь налицо и наизнанку. Более всех имеет писем моих: Александр Тургенев, жена, Александр Булгаков из Варшавы, Жуковский, но они верно у него растеряны, имел много Батюшков, но, вероятно, пустых, до 12-го года написанных, я тогда жил на ветер, Михаил Орлов. А потом у женщин. К кому я не писал: эти более по-французски.

22-го [*июня*].

20-го и 21-го писал я к жене и к Карамзиной, читал Courrier, наслаждался им. Написал для *Газеты* статью о «Терпи казак — атаман будешь»[11]. Кончил чтение двух проектов о биржевых маклерах и проч. Теперь, что приближается день моего освобождения и охота к занятию пробуждается: противоречие тут как тут. В 9 № *«М* [*осковского*] *Телеграфа»*, в отделении «Живописца», описано дело Лубяновского и Таубе с имением Разумовского. Это хорошо. Только такие статьи должны бы выходить в особенной газете для обихода провинциалов. Кто отыщет их в *«Телеграфе»* между пародиями на Жуковского, Пушкина, Дельвига, меня? Хорошо воскресить бы журнал Новикова, предполагаемый журнал Фон-Визина, журнал честного жандармства, в котором бездельники видели бы свои пакости, из коего правительство узнавало бы, что у него дома делается. В этом журнале не должны быть выходки нынешнего либерализма, он должен быть издаваем в духе правительства, в духе нашего правления, если только не входит в дух его защищать служащих бездельников. Не нужно означать губернии, лица, о коих речь идет: глас народа будет пояснять. Можно даже не трогать и даже должно не трогать злоупотреблений по законодательной и судебной части, одним словом, почитать корни, а касаться злоупотреблений по одной исполнительной, административной части земской. И тут вышла бы большая польза. Гласность такое добро, что и полугласность божий свет. В тюрьме, лишенной днев-

* Я не отличаюсь быстротой ответов *(фр.)*.
** Острословия *(фр.)*.

ного света, и тусклая лампада благодеяние и спасение. Как ни говори, а Лубяновскому горько будет прочесть 9 № *«Телеграфа»* и думать, что в Пензенской губернии его читают, и боятся: не прочтут ли в Петербурге и не спросят ли объяснения. А то ли бы дело летучие листки, которые лежали бы на всех столах в уездах, зеркала, в которых бы во всех домах виделись исправники, заседатели. Для избежания клеветы, впрочем, и клеветы быть не может, потому что никто бы не назван был, редактору такой газеты нужно иметь корреспондентов во всех губерниях, корреспондентов честных, известных с хорошей стороны, а не печатать все без разбора, что пришлется из губерний.

23-го [*июня*].

Написал и отправил письмо к жене: в нем несколько мыслей о недостатке гимнастики в нашем воспитании. Вчера выехал в первый раз после падения. Сердце както билось, садясь в коляску и особливо проезжая мост. Обедал у Хитровой: читал письма отца во время войны 1812 года: по большей части писаны по-французски, рука и правописание ужасные. Надобно списать несколько писем. В некоторых письмах он дивится своим успехам, умиляется. В одном письме упоминает он о сновидении, в котором приснился ему Наполеон и он сам, и посылает его к дочери, но сон не отыскался. Упоминает о слове, прославленном после Прадтом; du sublime au ridicule, etc*. Молчанов сказывал, что Александр очень не любил Кутузова. Когда дела военные приняли худое направление и боялись в Петербурге пришествия французских войск, начали укладывать и вывозить казенные сокровища: и памятник Петра Великого был назначен к отправлению в случае неминуемой опасности. Молчанову поручено было государем это отправление и отдана в распоряжение его на тот предмет сумма денег, кажется, 20 000 руб. Когда Москву освободили и война приняла другой оборот, Молчанов между другими докладами государю, спросил у него, куда прикажет он обратить вверенную ему сумму, уже ныне не нужную вследствие успехов Кутузова.— «Нет,— прервал государь,— это ничего не значит, оставь их еще у себя: ты не знаешь Кутузова, он такой человек, что думает только о себе: будь ему хорошо, а прочее все пропадай»[12].

---

* От возвышенного до смешного и т. д. *(фр.)*.

Фикельмонт рассказывал мне странное обстоятельство, которое привело Бернадоте на Шведский престол. Он (Фикельмонт) был в Швеции посланником и слышал эти подробности от многих государственных людей. Во время войны шведов против французов между прочими взят был в плен молодой шведский офицер. Бернадоте, командовавший франц[узскими] войсками, обращался весьма хорошо и кротко с пленными. Когда шведский сейм был занят избранием наследника престола и колебался в выборах, молодому офицеру, упомянутому выше, пришла мысль, которую сообщил он, кажется, одному пастору: Швеции не знать спокойствия, не защитить себя от русского влияния, если не прибегнет она к покровительству Франции и не примет из рук Наполеона наследника престолу своему: этот наследник должен быть Бернадоте. Пастор подался на его мнение. Сказано и сделано. Молодой человек скачет на другой день в Париж, является к Бернадоте и говорит, что Швеция желает иметь его. Бернадоте отвечает, что предложение для него лестно, но что ему нужны свидетельства уполномочия от сограждан. Тот продолжает уверять, что все шведы хотят его, идет он после к некоторым шведам из знатных фамилий, предлагает им свою мысль, воспламеняет им головы, и шведская депутация является к Бернадоте и подтверждает предложение. Отселе начались переговоры и Бернадоте; Карл XIV, один уцелевший обломок из огромного корабля революционного, нареченного после Наполеоновским[13].

24-го [*июня*].

Вчера был у меня Жуковский, ехавший в Петергоф; перебирали всякую всячину. Он обедал у меня. Говоря об Алекс[андре] Тургеневе и об одной любви его, он сказал: он работал, работал и наконец *расковырял* себе страсть. Вечером был я в Елагинском театре: «Mariage de Figaro»*.

25-го [*июня*].

Отправил письма к жене, Васильевой, Карамзиным и письма Жуковского.

27-го [*июня*].

Отправил письмо к жене. Третьего дня к Алек.:

* «Женитьба Фигаро».

с Ободовским и книги: «Юрий Милославский», «Монастырку», «Денницу», «Северные цветы 30-го года» и «Лит[ературную] газету» по 27 число. Вчера обедал на Олимпе, то есть у Гнедича, был на Елагинском гулянии, у Голицыной полуночной. В ней есть душа и иногда разговор ее, как Россиниева музыка, действует на душу. Но все это отдельные фразы. Говорили о nationalité*: видно, что чувство в ней есть, но оно запутывается в мысли. Большинство решило, что Наполеон точно любил Францию: следовательно, патриотизм не всегда благодетелен. Я сказал:

On peut aimer fort sans aimer bien**.

28-го [*июня*]

Обедал вчера у Дюме, после обеда к Булгаковым, Лаваль, во французский спектакль и на вечер в Австрию. Там Бразильские и португальские дипломаты.

29-го [*июня*].

Писал вчера в Ревель; обедал в Австрии[14], вечером в Сивильском цирюльнике итальянском и домой. В музыке Россини весь пыл, все остроумие, вся веселость прозы Бомарше. У Фикельмонт обедало семейство Стакельберг. Людольф так любезничал, так резвился, так юношествовал, что брякнулся в воду, хорошо что у самого берега. La grossesse de la femme et son accouhement quelques jours après la célébration du mariage sont-ils pour l'époux une ca use de nullité du mariage? (non.)***.

Так решил в Париже трибунал 1-й инстанции. «Gazette de tribunaux» [«Судебная газета»] 18 июня 1830.

C'est un peu fort****. Чем же доказывают справедливость решения? Que l'erreur sur les qualités de la personne n'était pas une cause de nullité, qu'on n'admettait que l'erreur sur la personne même*****. Да, если обманом дадут жену, у которой, например, нога деревянная, глаз

---

* О национальности *(фр.)*.

** Можно любить сильно, но это не значит любить хорошо *(фр.)*.

*** Является ли беременность женщины и ее роды, несколько дней спустя после свадьбы, поводом к расторжению брака? Нет. *(фр.)*.

**** Это уж слишком *(фр.)*.

***** Заблуждение относительно качеств данного лица не было поводом к расторжению брака, как повод допускалось лишь заблуждение в отношении самого лица *(фр.)*.

стеклянный, плечо из слоновой кости, и что в брачное ложе войдет к вам не женщина, а отвлеченный обломок женщины: неужели и тут нет повода к уничтожению брака? Особа та же, но есть подлог в доброте ее. Как? Можно искать суда на подкрашенную шубу, на фальшивый жемчуг, а нет суда на фальшивую девственность, то есть не только фальшивую, но и беременную? Правда, что к утешению мужа: l'action en désaveu de paternité est-elle recevable? (Oui.)*. Есть русский анекдот про немца, который женился на девице, разрешившейся на другой день свадьбы. Он говорил — славны русские жены: сегодня [...] завтра *родил*.

1 июля.

29-го был я в Александровском монастыре. Отслужил молебен, был на могиле Карамзина. Обедал с Дельвигом и Львом Пушкиным в кабаке Grand Jean [Большой Жан]. В письме вчерашнем к жене описываю этот обед. После у Белосельской, вечером чай пил в Австрии. Фикельмонт рассказывал мне о Неаполитанском походе. В Abruzzes [Абруцца], нашли они два дерева срубленные и переложенные по дороге, да ров, который ребенок мог перешагнуть. Вот все средства защиты, употребленные неаполитанцами. Ох! уж мне эта Неаполитанская революция! Сколько мне она дурной крови наделала. А Нессельроде Варшавский, который торжественно входит ко мне утром рано и спрашивает: Неужели не догадываешься почему я так рано у тебя? — Я, кажется, и знал; но не имел духа признаться. Австрийцы вошли в Неаполь. Вот судьба, а теперь я сблизился с Фикельмонтом[15]. Вчера отправил письмо к жене. Обедал у Дашкова, заезжал к Булгак[ову] и в франц[узский] спект[акль]. У Дашкова видел Минчиаки Константинопольского.

4 июля.

Писал к жене. 1-го приехал в Петергоф, заезжал на Черную речку проведать о маленькой Австрии. Приехал к Жуковскому, у него с ним обедал. Пошел в сад, волнение народа. Нога не позволила мне наслаждаться бродяжничеством по толпе. Шатался около дворца, в сенях, заходил к Дона Соль, простоял на лестнице во время маскарада; Жуковский устроил мне уголок на линейке Кочубеевых. Ездили по иллюминированному саду. Хорошо,

---

* Отречение от отцовства может ли быть признано? (Да.) *(фр.)*.

но не баснословно, нет очарования. Большая однообразность в освещении, а может быть и некоторая скудость, а может быть и во мне была проза. Ночевал у Жуковского, поехал в *Гостилицу* к Потемкиной обедать. Подарено было Елисаветою Разумовскому: продано Потемкину нынешнему владельцу за 900 000 слишком. Поместье прекрасное, природа живописная. Хозяйка милая, кроткая, ясная. Ланкастерская школа. При последнем Разумовском бунтовали крестьяне, выведенные из терпения худым управлением. Потемкина выпросила у государя нынешнего возвращения сосланных по этому делу крестьян, человек 60, в Сибирь. Много было препятствий со стороны министерства, но Потемкина победила. Крестьяне возвращены с приращением семейным: пришли душ сто. Ведут себя хорошо: только одна жена, более других плакавшаяся об ссылке мужа, теперь недовольна соединением с ним, которое празднуется брачными драками. Надзирателем Ланкастерской школы крепостной человек, сидевший в остроге и посаженный во время гонений на религию у нас (у нас всего было довольно), его обвиняли в завербовании Евангельском. Потемкина достигла цели своей: человека выпустили из острога и она купила его у прежней помещицы. Минутами, по выражению лица, по движениям, она напоминала мне кн[ягиню] Зенеиду. Но Зенеида — Корина язычная, а эта Корина христианская: вдохновение снисходит на нее благодатью. Она мне говорила про свою тещу, худо оцененную обществом.

5-го [*июля*] *(продолжение)*.

Она была сперва расточительна и пеняла первому мужу своему за бережливость его: в ответ он показал ей, что на нем значительный долг. При этом слове решилась она переменить образ жизни своей и положение дома. Так и сделала. В завещании своем отказывает она свой гардероб горничным женщинам своим и вспоминает однажды, что она по целому году не шьет нового платья себе, ходит в затасканном и изношенном, следовательно, не много оставит своим женщинам. С этой минуты шьет она себе каждую неделю новый капот; покупает шали и удивляет знакомых своих необыкновенным щегольством. Когда они ей говорят о том при Потемкиной, она обращается к ней: «Vous savez ce que cela me rappele»*. Однажды M-me Noiseville говорит при ней о затруднении своем приискать 10 000 рублей взаймы для г-на Vaudreuil,

* Вы знаете, о чем мне это напоминает *(фр.)*.

находящегося в самом стеснительном положении. Через несколько времени она получает неизвестно от кого и откуда нужную ему сумму. Открылось, что деньги были посланы к[нягиней] Юсуповую[16]. Вот черта из жизни г-жи Лаваль, похожая на это: она также слывет скупою и мало сострадательною. Узнав от Жуковского, что нужно более 10 000 рублей на выкуп из беды чиновника, истратившего казенные деньги, она дает ему ломбардный билет на эту сумму.— Вчера обедал я в Кабаке, поздно, один, там в «Barbier de Séville» [«Севильский цирюльник»], там в Австрию. Сегодня писал к Карамзиной. M-me Noiseville сказывала мне стихи Белосельского, пишу их на память, но кажется, так:

Si Souvoroff, si grand, si fortuné
Est le père de la victoire,
Bagration en est le fils aîné,
Il joue avec la mort et couche avec la gloire*.

Говорят, Оскар похож лицом на Багратиона.— Кажется, что в «Barbier de Séville» ошибка, что Фигаро лечит людей прислужников доктора Бартоло.— Кажется, во Флоренции или другом италианском городе после какого-то ночного беспорядка приказано было от полиции не иначе выходить ночью на улицу, как с фонарем. Молодой St. Priest расписал свой фонарь карикатурами городских чиновников и ходил по улицам с этим транспараном. Он застрелился у себя дома накануне, т. е. в ночь Светлого воскресения. Утром нашли его на полу, плавающего в крови, и собаку его, облизывающую кровь его раны. Самоубийство его не имело явной причины[17].

6-го [*июля*]

Был в департаменте, обедал у именинника (вчера) Сер[гея] Льв[овича] Пушкина. Вечером писал письмо к жене, сегодня отправленное при фунте шерсти и Гофмане с Мухановым. Вечером бал на Крестовском у Сухозанет. Закревская, Мордвинова, Поливанова, le reste ne vaut pas la peine d'être nomme**. Принц Оскар говорил с сожалением Жуковскому, что обстоятельства бросили его на сцену света, прежде чем успел он порядочно совершить

---

* Если великий и любимый счастием Суворов
Является отцом победы,
То Багратион — ее старший сын,
Он играет со смертью и спит со славой *(фр.)*.

** Остальных не стоит труда и перечислять *(фр.)*.

учение свое. Храповицкий, представитель русского народа при Оскаре, вмешался в разговор и сказал: «Monseigneur, vous m'encouragez: maintenant je n'aurai plus honte d'être ignorant, apprenant que vous l'êtes aussi»*[18].— Император Алек[сандр] говорил, когда я вижу в саду пробитую тропу, я говорю садовнику: делай тут дорогу. Любопытно знать: просто ли это садоводное замечание или государственное. Во всяком случае оно признак ума ясного, открытого и либерального. Есть и садовый либерализм и садовый деспотизм.— Потемкина спрашивала у царя нынешнего, не осуждает ли, что она завела у себя Ланкастерскую школу. Он отвечал ей, qu'il était faché de voir qu'elle avait une aussi mauvaisse opinion de lui**. Жуковский говорит, что у нас фарватер только для челноков, а не для кораблей. Мы жалуемся, что корабль, пущенный на воду, не подвигается, не зная, что он на мели. Вот канва басни. Он мне говорил это, возражая на мнение о бездействии Д.[19], которым я недоволен как обманувшим ожидания. Надобно непременно продолжать мне свой журнал: все-таки он отразит разбросанные, преломленные черты настоящего. Я сегодня переписывал Ф[он]-Визина, письма его к родным, журнал: весело читать, ибо есть индивидуальность, физиономия времени. В Петергофе прочел я «Le moqueur amoureux»***, роман Sophie Gay; слабо, жидко, но довольно хорошо, роман гостиной, и трилогию Христины Dumas. Эти новые трагедии хуже Расина, но лучше трагедий подмастерьев Расина: Лагарпа, Колардо и tutti quanti****. Теперь должно ожидать Расина романтика. А сравнивать обе школы в настоящем их положении несправедливо. Расин не потому хорош, что он трагик классический — нет, франц[узская] трагедия классическая тем хороша, что у нее или за нее Расин.

8-го [*июля*].

6-го просидел у меня все утро Жуковский. Поехали обедать к Булгакову. Ездил с ним по Неве. Гуляние Крестовское. Петербург[ские] гуляния напоминают Елисейские поля (но, вероятно, не Парижские): точно тени бродят. Не видать движения, не слыхать звука. Это

---

* Монсеньор, вы придаете мне бодрости: теперь мне не стыдно быть невеждой, зная, что и вы страдаете тем же *(фр.)*.

** Что ему досадно, что она такого плохого мнения о нем *(фр.)*.

*** «Влюбленный насмешник» *(фр.)*.

**** И всех прочих *(ит.)*.

называется общественным порядком. Говорят, при Александре запрещено было кататься по Неве с песельниками и музыкантами. Да и публика высшая у нас сонная. Потом поехали во французский спектакль. Душно и скучно. Какая-то пьеса, в которой выведены брат и сестра Скюдери. Вечером был у Элизы. Вчера 7-го был у Хвостова, не застал. Обедал у Завальевского на Петергофской дороге с Дельвигом и Львом Пушкиным. Жженка. Возвращаясь с Дельвигом, говорили о бессмертии души. Он ему верит. Я говорил, что не понимаю жизни, и как понять ее в тот день, в который были у меня две цели: Хвостов и Завальевский. Оттуда поехал к больной Элизе, а на поздний вечер к Пушкиной. Прочитал: «La mort de Henri trois», par Vitet*. Довольно слабо. Из всех этих пиес «La conspiration de Mallet»** жемчуг. Она писана, сказывают, двумя молодыми людьми.

9-го [*июля*].

Писал к жене, M-me Robert, Софии Карам[зиной]. В письме к жене говорю о Павлуше, розгах; сравнил я страх с щукою. Кто любит ее, тот заводи в пруду, но знай, что она поглотит всю другую рыбу. Кто хочет страха, заводи его в сердце подвластного, но помни, что он поглотит все другие чувства[20]. Вчера выехал я из дома в 6-ом часу. Обедал, после обеда у Андрие, застал там доктора Вилье. Тяжелый говорун, выставляет свою преданность памяти покойного. Ездил на Охту на чай к Багреевой, а конец вечера на Черной речке в Австрии. Вероятно, в целый день не слыхал я и не сказал путного слова, то есть прочного, то есть в котором был бы прок. Не будь у меня переписки и можно было заколотить слуховое окошко ума и сердца.

11-го [*июля*].

Писал к жене.

14-го [*июля*].

Оголье. 5-я станция от Петерб[урга]. Придется просидеть здесь часов пять за изломавшейся осью. Нет мне счастия в веществах колесных. Я думаю и фортуна мне от того не с руки, что она <ездит> вертится на колесе. Несколько дней в журнале моем пропущено за хлопотами к отъезду. Ездил к Канкрину проситься в отпуск. Он

* «Смерть Генриха третьего», сочинение Вите.

** «Заговор Малле».

сказал мне: *«Милости просим»*. По-настоящему это значит: *милости просим вон*, c'est le cas de dire: mais dans la bonne acception de ce mot*, как говорил Курута о греческом слове, значущем I. F., которое в[еликий] к[нязь] несколько раз повторил ему в разговоре. Он мне говорил о «Коммерческой Газете», что она в жалком положении, о желании его, чтобы я в ней участвовал, прибавив какую-то ласковость о моей литературной известности. Я отвечал, что рад работать, что желал бы иметь от него заданные темы. Тут опять брякнула известная струна его. «Да у меня и теперь есть на *ферстаке* важное дело, но, разумеется, должен я сам обработать его» и пр. Был я у Бенкенд[орфа]. Принял учтиво, но, кажется, холоднее прежнего. Впрочем, тут действует, может быть, мнительность нежности. Звал меня приехать к нему в Фаль, когда он будет в Ревеле[21]. Писал я к жене 12-го и 13-го. В эти дни всего замечательнее были мои свидания с Красиньским. Все тот же и хорош. Пуст, но не пустотуп, как наши. Il a de la verve**. В первый раз застал я его уже после обеда. И он был великолепен. Начал меня тютоировать, dis moi ce que tu veux, je te donne deux minutes pour y penser et je vais d'aborb parler de toi à Benkendorf, au P-ce Liven***, Министру просвещения.— — Я не знал, что отвечать ему. Начал меня дарить книгами, какие ни попадали ему под руки, тремя последними томами записок Казанова Польскими, надписывал на них дружеские надписи; на какой-то книге о Карпатских горах написал мне: «En souvenir de M-lle Rossetti»****, между тем скользил по паркету, обступался. За ликером и кофе сидел пред ним толстый польский викарий. Он сказал мне умное слово Меттерниха: «Tous les souverains sont élevés au-dessus de leur peuple de façon à pouvoir appuyer leur bras sur leur tête, mais l'empereur de Russie est seul sur une haute colonne dans un moment de danger il n'ai ni sur qui, ni sur quoi s'appuyer»*****. Здесь Красиньского очень ласкают. Я полагаю, что лучи Наполеона на нем, несколько мерцающие, светят им в глаза. А если

* Действительно можно так сказать, но в хорошем смысле этого слова *(фр.)*.

** Он остроумен *(фр.)*.

*** Скажи мне, чего ты хочешь, даю тебе две минуты на размышление, и я сначала поговорю о тебе с Бенкендорфом, князю Ливену *(фр.)*.

**** На память о мадемуазель Россетти *(фр.)*.

***** Все государи возвышаются над своим народом так, что могут опереться рукой на его голову; только русский император стоит в одиночестве на высоком столпе и в минуту опасности ему не на что опираться *(фр.)*.

они в виде его думают обласкать Польшу, то расчет не верен. Красиньского вовсе теперь в Польше не уважают. Кое-какая национальность, которою он пользовался, возвратившись с остатками Польско-французскими, войсками герцогства Варшавского, уже в обрусевшую Варшаву, совершенно выдохлась на Бельведере и в особенности в Сенате по последним делам государственного суда. Впрочем, у нас не узнаешь, чем понравишься. Может быть, в нем то и полюбили, что нация отворотилась от него. А между тем в нем есть какая-то смелость, разумеется, несколько пьяная и вообще никогда не трезвая, то есть нравственно трезвая, обдуманная, основанная. В Петергофе гласно фрондирует он с фрейлинами, за обедом солдатизм; находит сходство в Софии Урусовой с Лавальерой... Le Jacobonisme du despotisme*: его выражение. J'ai des crapauds qui viennent dans ma chambre, personne ne les voit, pas que c'est chez moi qu'ils viennent**.

Биб[иков] рассказал мне рассказанное ему Б.[22]: однажды вбегает к нему жандарм и подает пакет, подкинутый на имя его в ворота. Распечатывает и находит письмо к государю с надписью: *весьма нужное*. Едет, отдает его. Г[осударь] раскрывает его, и что же находит: донос на сумасшествие Муравьева. «А в доказательство, что ваш г-н статс-секретарь истинно помешан, прилагаю у сего сочинение его». Госуд[арь] говорит: «Что с этою бумагою делать? Отослать ее к Муравьеву и спросить мнение его». Покойный король Англии еще в молодости был болен. Доктора запрещали ему выезжать, а ему хотелось в маскарад, и на увещание докторов отвечал он версетом Евангельским: «Блаженны умирающие in domino»***.

19-го [*июля*]. *Ревель.*

Я приехал 15-го вечером. 16-го, 17-го купался по одному разу в день. 18-го два раза и, надеюсь, впредь также. 16-го был концерт в зале Витта. 17-го бал у Будберга. Ревельские розы по-прежнему свежи и по-прежнему некоторые из них пахнут не розою. Дорогою прочел я «Le connétable de Chester»****. Вальтер Скотт тут немного

* Якобинство деспотизма *(фр.)*.

** В мою комнату являются жабы, никто их не видит, потому что они являются именно ко мне *(фр.)*.

*** Каламбур: во господе *(лат.)*, в домино.

**** «Коннетабль честерский» *(фр.)*.

мелодрамничает. В мае «Revue française» очень хорошая статья о нынешней Швеции. Кажется, Бернадоте слишком отказывается от прежнего республиканизма своего. Напрасно, Австрия и Россия не спасут его или, по крайней мере, династии его: ему более другого должно прямодушно связаться с народом своим и опереться на том, что он сделает в пользу народа. Наполеона пример перед ним. La légitimité* свое возьмет, и Оскар, если пойдет по следам отца, то есть наперекор сильного, конституционного направления, однажды уже данного Швеции, не усидит. Французские кадрили его в Петергофе и Гатчине не выкупят его в черный день. Главы оппозиции на долгом сейме 1828—1830: Charles Henri, baron d'Anckarsward, сын маршала Сейма, ознаменованного переворотом 1809 года, de Rosenschield, de Hyerta, le comte de Kralich, M. de Rosenquist. M. de Sillen se plaingnit de ce que le son des cloches le matin et le soir, incommodait de public**.

В Палате крестьянской оппозиционные главы: Anders Danielson, Gaspard Wikman, Lars Anderson. Красноречивый Nils Mausson, paysan de Scanie****. «Швеция,— сказал он в одной речи своей,— особенно обязана журналам. Они дали нам знать, что есть французский маршал, соединяющий с смелостию и дарованиями блестящими великодушное человеколюбие к шведским военнопленным: сей маршал ныне наш царь.— Если за двадцать лет пользовались бы мы свободою печатания, думаете ли вы, что Финляндия, треть державы нашей, была бы отторгнута от нас предательством ее защитников. Будет ли зависеть от прихоти царского канцлера лишить нас сего источника познаний? Должно ли будет верить нам непогрешимости его, подобно кафоликам, верующим в непогрешимость папы, предками нашими отверженную. Бог, сотворя мир, сказал: «да будет свет» и бысть. Создатель хотел ли, чтобы свет был нам чужд? Когда он послал сына своего спасти мир, сей божественный искупитель запечатлел свой подвиг и свое учение следующим правилом: *грядите стезею света*, христиане! Как осмелиться нам блуждать во тьме». В начале апреля нын[ешнего] года журнал Medbor Garen, издаваемый Анкарсвердом и Hjerta, был запрещен[23].

---

* Законность *(фр.)*.

** Де Розеншильд, де Иерта, граф де Кралих, г-н де Розенкист. Г-н де Силлен жаловался на то, что утренний и вечерний звон колоколов мешал обществу *(фр.)*.

*** Нильс Мауссон, крестьянин из Скании *(фр.)*.

20-го [*июля*].

Вчера отправил большое письмо к жене. Купался в седьмом часу утра и в два. Ездили в Тишерт с Ревельскою публикою. M-lle Benkendorff est la reine de l'Esthonie et M-lle Morenschield le P[rince] royal*[24]. В самом деле в ней что-то пажеское, херувимское, но не херувима библейского, а Бомаршевского. Жена барона Палена, генерал-губ[ернатора], урожденная *Гельвециус*. Она была совоспитанница, бедная, первой жены его, из фамилии Эссен. Ныне первая дама Эстляндского герцогства. Скромность, смирение первой половины жизни сохранились в ней и на блестящей степени. Довольно миловидна, что-то птичье в лице. Баронесса Будберг сказывала мне, что до приезда дона Мигеля в Вену le fils de l'homme** мало знал об отце своем, имел о нем одно темное глухое предание. Тот ему все высказал. Это несогласно с сказанным мне графинею Фикельмонт, которая уверяла меня, что он был очень хорошо воспитан и полон славою отца. Не глупо ли, что мы говорим и пишем *Гельвеций*, по какой-то латинской совести, весьма неуместной в этом случае? Что за латинское слово le fermiergénéral Helvetius?*** Об этом латинизме нашем кстати сказать: заставь дурака Богу молиться, он себе и лоб расшибет. Следовательно, и живописца нашего, *Гипиус*, должно перекрестить в *Гипия*. А графа *Брюс*, как же? в *Брюй*, или в *Брьий?*

21-го [*июля*].

Вчера купался два раза, в 10-м часу утра и в 10-м часу вечера. Море меня подчивает валами. Так и валит. Оно одно здесь кокетствует со мною. Хромота моя не дает сблизиться с царицею и с принцем. Один вальс сближает. Обедал у Будберга: там Пален, Паткуль, комендант, Данилевский небритый и сердитый на ревельский песок, М-е Бланкенагель из Риги. Будберг, адъютант Дибича, был послан из Адрианополя в Константинополь уже по заключению мира с известием, что если через три дня не исполнит Диван условий, ему предписанных, фельдмаршал велит двинуться своему авангарду. Гордон, английский министр, говорил Будбергу: чего хочет ваш фельдмаршал? Истребления Оттоманской империи?

---

* Мадемуазель Бенкендорф является королевой Эстонии, а мадемуазель Мореншильд королевским принцем *(фр.)*.

** Сын человека *(фр.)*, (условное обозначение сына Наполеона).

*** Откупщик налогов Гельвециус *(фр.)*.

От него зависит.— Вечером был в салоне Витта. Немецкая бережливость: допивали и доедали запасы, оставшиеся от вчерашнего пикника в Тишерте. С Будбергом, губернатором, выгодно пускать шутки в оборот; с одного его берешь сто процентов. Он всему смеется за сто человек. Я рассказывал ему о Ланжероне, слово его Паулуччи при отставке последнего: «Eh bien, général, vous êtes dehors.— Oui, mais l'empereur a été si bon... Ah, oui, je vous êtes dedans»*.— Слово его же: *«Ваше превосходительство́, порохý не бойтéсь, но вы его и не видумалú»* — или ответ его государю Александру на вопрос, о чем говорят Милорадович и Уваров: «Pardon, Sire, ces M. Mrs. parlent français, je ne les comprends pas»** — и он так расхохотался, что я боялся за него удара. Весь побагровел и валек на затылке его вздулся пуще прежнего[25].

22-го [*июля*].

Вчера купался в десятом [часу] утра и в десятом вечера в дождь. Дождь помешал мне ехать в Виттов салон. Сегодня писал я коротенькое письмо к жене. Вчера перечитывал несколько глав перевода «Адольфа». Государь в проезд свой через Дерпт был всем очень доволен, но увидел одного студента без галстуха и заметил о том Палену. Пален сделал выговор студенту, наказывая ему, чтобы он впредь так не ходил. Студент с удивлением отвечал, что у него галстуха и в заводе нет. Его посадили в карцер. Examen critique et résonné de l'enseignement dit universel, ou méthode Jacotot, par M. Durivan***. Опровержение методы («Revue encyclop.», Novem., 1829). У нас по ценсурному уставу сочинения автора 25 лет по смерти его обращаются в общественную собственность. У французов после 20 лет. Следовательно, у нас нужен был бы по крайней мере 50-ти летний срок. По деятельности, урожаю сам-двадцать, сам-тридцать изданий в книжной торговле право давности во Франции не может быть в соразмерности с нами. Возьмите, например, сочинение посмертное, которое наследниками

---

* Ну вот, генерал, вы и в отставке.— Да, но император был так добр...— Ах, да, я вижу, вы попали в ловушку *(фр.)*. (Игра слов: dehors — снаружи, dedans — внутри.)

** Простите, государь, эти господа говорят по-французски, я их не понимаю *(фр.)*.

*** Критическое и обоснованное обследование так называемого универсального обучения, или метод Жакото, сочинение г-на Дюриван *(фр.)*.

напечатается год или два после смерти автора. Едва успеет выйти два издания, если сочинение огромное, и наследники уже лишатся своего достояния.

24-го [*июля*].

Купался два раза, в 8-м [часу] утра и в 10-м вечера при луне. Кажется, уж слишком поздно. Обедал у Клюпфелей. После обеда пели Кольбарсы. Была молодая румяная баронесса Сакен; очень умильно и живо на меня поглядывала. Что же вышло? Она сходила с ума именно от любви к мужчинам и осталась одна любовь. Третьего дня был у Россильона, говорили о здешней мануфактурности, которой почти вовсе нет. Стеклянный завод, о коем писал мне Дружинин, уже не существует. Какой-то Унгерн заводит хорошую фабрику суконную; но она еще не в ходу. Есть где-то шляпная фабричка. Вообще, по словам Россильона, здесь нет фабричного движения, а одно рукоделие. По деревням ткут полотна, крестьяне ткут сукно себе на платье, или bure*. Шварц, фабрикант близ Нарвы, имел поставку одного офицерского сукна и получил большие пособия в прежнее царствование. Он как-то употреблен прежде dans les fonds** и оказал услуги. Начинают здесь заниматься овцеводством. Эстландия и в особенности Ревель должны, кажется, пользоваться торговою и земледельческою промышленностью. Но порты заперты и хлеб без цены.

25-го [*июля*].

Вчера купался утром в 8-м часу и перед обедом в третьем. Обедал у Будберга. Говорили о фабрике записок, между прочими Gabrielle d'Estres, которая, вероятно, и грамоты не знала. Я говорил, что восходя таким образом выше и выше, дойдут до записок Адама и Евы. После был у Левенштерна, виц-губер[натора]. Перед его дачею Христинский луг, так называемый потому, что был подарен царицею Христиною городу. Видел Магницкого, разговорчив и взглядывающий украдкою. Странная мысль сослать его в Ревель. Сказывают, Сперанский сказал: как можно послать Магн[ицкого] в Ревель? Туда посылают для здоровия, а он присутствием своим отравит воздух[26]. Вечером в салоне. Была царица. На-

---

* Грубая шерстяная ткань *(фр.)*.

** В верхах *(фр.)*.

писал я письмо к Россильону о здешних фабриках. Сегодня кончил я мой пересмотр «Адольфа».

26-го [*июля*].

Вчера купался два раза утром и перед обедом. Вечер плясовый у Новосильцевых. La Reine y était*.— Старик Бенкенд[орф] отец жанд[армского] был очень рассеян и ленив. Он должен был писать раз в год императрице и так тяготился этою обязанностью, что перед наступавшим сроком говаривал: «J'aimerai presque plutôt aller moi-même»**. А жил он в Ревеле. О нем же рассказывают, что он у кого-то засиделся на бале, долго после конца бала и удивлялся и досадовал, что хозяин не едет.— Сегодня писал к жене.

27-го [*июля*].

Купался вчера два раза до обеда. Вечером был у Тизенгаузен и потом с ними у Будберг. Старик Бенкендорф рассказывал Будбергу о времени волокитства Павла за Нелидовою в Гатчине осенью. Однажды пришел он в гостиную: перед маленьким столом, на котором стояли две свечи, сидел велик[ий] к[нязь] с Нелид[овой]. В глубине комнаты догорал огонь в камине. Разговор между двумя лицами был жив и вполголоса. Третьему лицу было тут неловко. Не смел он молчать всегда и слушать, не смел вмешиваться в разговор. Наконец Пав[ел] Петр[ович] говорит ему: «Eh bien, M-r de Benkendorff, vous ne vous occupez plus de politique? — Et pourquoi non, votre Altesse? — Mais voici sur la cheminée la gazette de Hamburg et vous n'en prenes pas connaissance***. Бенкендорф отправился к камину и на беду его лежало на нем одно прибавление к газете. Делать нечего: читать должно при мерцающем свете потухающего камина. Чтение его продолжалось более часа.— Это напоминает сцену Папатачи в «Италианке в Алжире».— Вот французам дать бы эту оперу в Алжире при дее. Cela va devenir une pièce de circonstance d'a propos à Paris****.

---

* Царица там была *(фр.)*.

** Я бы скорей согласился пойти туда лично *(фр.)*.

*** Что же, г-н Бенкендорф, вы больше не занимаетесь политикой?— Почему же нет, ваше величество?— Но на камине лежит гамбургская газета, а вы с ней не знакомитесь *(фр.)*.

**** Это будет пьесой на злобу дня, и она придется очень кстати в Париже *(фр.)*.

Уж через час ее не будет между нами:
Светило милое, которым небосклон
Пред нашим взором был так пышно озарен,
Сокроется от нас густыми облаками[27].

Был я сегодня в Эстляндской церкви. В темной глубине ее живописно пестреют разноцветные шапки эстляндок. Приятно видеть эту чернь грамотною с молитвенниками в руках. Перед выходом две старухи подходили друг к другу, приветствовались рукопожатием и одна у другой поцеловала руку. Я говорю, если привелось быть русским подданным, зачем бы уж не родиться эстляндцем, лифляндцем, курляндцем? Все же у них есть какое-то минувшее, на котором опирается настоящее с правами своими. Мы по пословице французской между минувшим и будущим жопою на земле. Сказывают, и ныне существует во всей древней силе своей вражда между курляндцами и лифляндцами.

28-го [*июля*].

Сейчас ходил осматривать сахарный завод. Клеменс сдал его Гартману за 2500 р. в год (по словам подмастерья, поляка из Минска, а вероятно, жида: за 5000), он же получает часть в привилегированной плате от казны на 140 тыс. пудов, на десять лет, данной Клеменсу. Но зато песок должны они получать из Петерб[урга]. Гартман говорит, что ему было бы выгоднее получать из Гамбурга или прямо из Лондона. Вываривается 25 000 пудов. Можно бы и более по устройству завода, до 100 тыс., по словам хозяина, до 300 тыс., по словам подмастерья; но нет выгоды вырабатывать более, нежели количество, требуемое Ревелью, Дерптом, Пернау. Производство по-старинному. Гартман не доверяет паровому производству. Берт предлагал Петерб[ургским] заводчикам купить у них секрет за 400 тыс. и с тем, чтобы у него же заказать все машины, всего около на миллион. Они просили доказать им прежде на опыте, что производство его выгоднее, и тогда купят они секрет. Но он на испытание не согласился. В доказательство, или в подтверждение своему неверию, показал мне Гартман патоку, купленную у Берта, в которой еще хранятся частицы чистого сахара, так что из 60 пудов купленной им патоки надеется он выварить еще пудов 20-ть сахару, чего быть не должно и чего нет в его патоке, уже очищенной от сахара. По словам его, Берт с досады на заводчиков, не купивших у него секрета, завел свой завод и продает сахар свой

в убыток и в подрыв другим. Заводчики жаловались, но правительство не могло помешать Берту продавать сахар по цене, какая ему угодна. Дали другие привилегии (но, по словам Гартмана, вероятно, на то же производство с легкими изменениями) Мольво и другим. Он замечает и то, что если паровое производство было бы признано лучшим, то в Англии, в Гамбурге покинули бы старинную методу, а между тем некоторые ее держатся. Нужно около 200 тыс. для устройства завода по Бертовской методе. Содержание завода здесь не дешевле Петербурга ни по части дров, ни по части работы. Одна выгода, что он дешевле нанимает завод. Он говорит, что довольствуется рублем барыша на пуд. По мнению его, свекловичный песок не выгоден. Можно составить из него лучший рафинат, но другие переработки уже не доставляют такого хорошего сахара, как из другого песка; так что фунт сахара, обходящийся поэтому в 80 гривен, по свекловичному обойдется в рубль. Из пуда песка выходит около 36 фунтов сахара. В свекловице много кислых частиц, которых совершенно отделить нельзя и которые портят нижние сахары.

Вчера купался два раза перед обедом. Обедал у Будберга. Вечером был у Дивова, прежде у *витрификатора*. Шалунья Россети писала: «à Marie Cluet: exploitez Wiasemski, il est aimable quand il ne le veut pas trop»*. Дам же я ей за это.— У Нелидовой сундук с письмами Павла и своим журналом.— Сегодня Матвей просился у меня пойти посмотреть Барона, которого здесь держат в церкви *на место святого* (duc de Croy**). По его мнению, он сохранился *от прохлаждения тела на счет здешних купаний*. Карамзины платят по 10 коп. за каждую змею, которую поймают около дома. Солдаты-сенокосы приносят их. Однажды дали одному 20 копеек за змею. На другой день приносят новую и получив 10 копеек солдат говорит: «Нет, пожалуйте 20 коп.— Да ведь вам сказали, что будут давать по 10.— Нет, воля ваша, а нам по той цене ставить нельзя».

31-го [*июля*].

Эти дни купался по два раза. Сейчас возвращаюсь из моря в десятом часу вечера на прощание.

---

* Марии Клюэ: «Используйте Вяземского, он может быть любезным, если сам не слишком к этому стремится» *(фр.)*.

** Герцог де Круа *(фр.)*.

В твои <холодные> прохладные объятья
Кидаюсь я в последний раз.
Облобызаемся, как братья,
О, море! в сей прощальный час.

Впечатления этих дней: прибытие флота — обстроилась пустыня моря. Вчера 30-го ездили на корабль «Император Александр». Капитан Сущов. Говорил: что был Христос для христиан, Петр Великий был для русских. На одном маневре морском на днях корабль, на котором находился император, был вслед за кораблем «Петр Великий». Замечено флотом. Кивера — ведра для залития в пожар. 28. Блестящий салон: девицы Краузе из Петерб[урга]. M-me Knoring из Дерпта, что называется по-польски przystoyna kobieta*. Вчера пир в Вимсе. Через два часа сажусь в коляску. Еду в Петерб[ург]. Отправил письмо Софии к царице[28].

4-го августа. С.-Петербург.

Выехал я из Ревеля во втором часу ночи на 1-е число. Приехал в Нарву часу в первом ночи. Ночевал, на другой день утром ездил я с управляющим Нарвскою полициею осматривать фабрики суконную, уксусную, где, между прочим, подчивали меня хорошим сотерном, рейнвейном и шампанским. Выехал я из Нарвы в два часа днем и прибыл в Петерб[ург] в 5 утра. Нарва пользуется своими правами. Правители его избираются из купечества. Кнутом не секут, а есть розги в известную меру, которые считаются *парами*, так что за смертоубийство дается не более 120 удара. В Нарве сад порядочный и сам садовник махровая роза или махровый розовый пион. Город очень падает, а прежде процветал торговлею. Придв: апт: сод: в к. около 7 л. каждые 3 м. долж. б. дон. о н. ц.** Жил он очень смирно. В Ревеле 31-го знали уже о делах Франции. Француз de Vienne или что-то на это похожее получил о том письмо от брата. Что может быть нелепее le Rapport au Roi*** 25 июля? О печатании везде говорится тут, как о каком-то существе, забывая, что оно орудие. Разве одна оппозиция выдает журналы? И министерство имеет свои. Если оппозиционные более действуют на мнение,

* Красивая женщина *(пол.)*.
** Расшифровываем: Придворный аптекарь содержался в крепости около 7 лет, каждые 3 месяца должны были доносить о нем царю. *(Примеч. П. А. Вяземского.)*
*** Доклада королю *(фр.)*.

то доказательство неопровергаемое, что министерство не симпатизирует с мнением. Таким образом, можно и о даре слова qu'il est dans sa nature de n'être qu'un instrument de désordre et de sédition*. При Нероне язык был орудие проклятий, при Тите орудием благословения.

6-го [августа].

Писал к жене 4-го и сегодня, и Карамзиным сегодня.

18-го [августа], Остафьево.

Все мое пребывание в Петербурге, до 10-го числа было отдано на съедение хлопотам об отъезде, выправке нужных бумаг от министра, департамента etc. Однажды обедал я у министра: он был ласков, но, кажется, озабочен французскими делами. При всей холодной сухости его в нем много внимательности. Говоря о Шатобриане, он сказал: касетчик (газетчик) и министр как-то вместе не ладят, и, как будто спохватясь, прибавил: «хотя, разумеется, литература весьма благородное дело». Далее, замечая, что свобода французов есть только желание сбить министров с места и заместить их, прибавил он: «хотя истинную свободу я очень почитаю».

Французская миссия показалась мне жалко глупа в эти важные обстоятельства. Лагрене даже сдуру танцевал с детьми у г[рафин]и Бобринской. У меня были два спора, прежарких с Ж[уковским] и П[ушкиным]. С первым за Бордо и Орлеанского. Он говорил, что должно непременно избрать Бордо королем и что он верно избран и будет. Я возражал, что именно не должно и не будет. Si un dîner rechauffé ne valut jamais rien, une dunastie rechauffée vaut encore moins**. В письме к Карамзиным объяснил я и расплодил эту мысль. С П[ушкиным] спорили мы о *Пероне*. Он говорил, что его должно предать смерти и что он будет предан pour crime de haute trahision***. Я утверждал, что не должно и не можно предать ни его, ни других министров, потому что закон об ответственности министров заключался доселе в одном правиле, а еще не положен, и, следовательно, применен быть не может. Существовал бы точно этот закон и всей передряги

* Что его свойство — быть только орудием беспорядка и мятежа *(фр.)*.

** Если подогретый обед никуда не годится, то подогретая династия — того менее *(фр.)*.

*** За государственную измену *(фр.)*.

не было, ибо не нашлось бы ни одного министра для подписания <пяти> знаменитых указов. Утверждал я, что не будет он предан, ибо победители должны быть и будут великодушны. Смерть Нея и Лабодиера опятнали кровью Людовика XVIII. Неужели и Орлеанский, или кто заступит праздный престол, захочет последовать этому гнусному примеру. Мы побились с П[ушкиным] о бутылке шампанского. Говорят о каком-то завещательном письме Люд[овика] XVIII, в котором предсказывал всю эту развязку.

10[-го] выехали мы из Пет[ербурга] с Пушкиным в дилижансе. Обедали в Царск[ом] Селе у Жуковского. В Твери виделись с Глинкою. 14-го числа утром приехали в Москву. Жена ждала меня дома. Был я у к[нязя] Дмит[рия] Влад[имировича] и у Дмитриева. Голицын видит во французских делах второе представление революции. Смотрит он задними глазами. Денис говорит о нем, что он все еще упоминает о нынешнем, как об XVIII веке, так затвердил он его. Поехали мы с женою в Остафьево. 15-го праздновали имянины Маши. 16-го были в Валуеве у молодых Пушкиных. Графиня Эмилия шутя поцеловала у меня левую руку. Все ахнули и расхохотались. 17-го писал я в Ревель к Карамзиным.

Остафьево, 25-го [*августа*].

Бедный Василий Львович скончался 20-го числа в начале третьего часа пополудни. Я приехал к нему часов в одиннадцать. Смерть уже была на вытянутом лице и в тяжелом дыхании его. Однако же он меня узнал, протянул мне уже холодную руку свою и на вопрос Анны Николаевны: рад ли он меня видеть? (с приезда моего из Петерб[урга] я не видал его) отвечал он слабо, но довольно внятно: очень рад. После того, кажется, раза два хотел он что-то сказать, но уже звуков не было. На лице его ничего не выражалось, кроме изнеможения. Испустил он дух спокойно, безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом. Обряда не кончили, помазали только два раза. Накануне был уже он совсем изнемогающий, но увидя Александра, племянника, сказал ему: «как скучен Катенин!» Перед этим читал он его в «Литерат[урной] Газете». Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был, однако же, очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя, как нельзя приличнее. На погребении его была депутация всей литературы,

всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев и Лже-Дмитриев, Снегирев. Никиты Мученика протопоп в надгробном слове упомянул о занятиях его по словесности и вообще говорил просто, но пристойно. Я в Пушкине теряю одну из сердечных привычек жизни моей. С 18-ти летнего возраста и тому двадцать лет был я с ним в постоянной связи. Сонцев таким образом распределил приязни Василья Львовича: Анна Львовна, я и однобортный фрак, который переделал из сюртука в подражание Павлу Ржевскому. Черты младенческого его простосердечия и малодушия могут составить любопытную главу в истории сердца человеческого. Они придавали что-то смешное личности его, но были очень милы[29].

У Веревкиных 22-го вечером виделся я с вел[иким] кн[язем]. Он был ко мне очень внимателен, в первый раз после Варшавской моей истории. За ужином говорил, что ему все равно ночью не спать только с тем, чтобы днем были indemnités*, упомянул он о indemnitës Ланжерона, прибавя, что хороши они теперь. И тут, обратясь ко мне, говорил о делах Франции. Le principe qui a amené ces conséquences, говорил он, est fautif, il n'y a pas le mot à dire: il faut maintenir ce qu'on a juré une fois, mais aussi tout ce qui s'est fait après odieux. Tout cela n'est que du jacobinisme**. Хороша его коронация, говорил он об Орлеанском.

Вообще трудно судить заранее об этих происшествиях. Если все обдержится, усядется и укоренится, то, разумеется, революция эта будет прекрасною странницею в историй Парижа, но можно ли надеяться на прочность содеянного? Est-ce une grande pensée qui est venue du coeur?*** Тогда хорошо, но если тут одно личное честолюбие, то прока не будет. Впрочем, о многом и превратно судят: например, ужасаются трехцветной кокарде, забывая, что она знаменье не одной гильотины, а двадцатилетней славы, двадцатилетнего имперского господства Франции в Европе. Как французам отказаться от этого достояния из угождения к Бурбонам, которые доказали не раз, что они не умеют царствовать. Доселе

* Вознаграждения *(фр.)*.

** Слов нет, виновен первоисточник, который повлек за собой ряд последствий. Следует поддерживать то, что скреплено клятвой, но вместе с тем все, что произошло потом — отвратительно. Все это только якобинство *(фр.)*.

*** Действительно ли это мысль, которая идет от сердца? *(фр.)*

все случившееся, за исключением нескольких театральных выходок Орлеанского, законно и свято, если святы права народа, искупившего их своею кровью и бедствиями разнородными; но по мне Орлеанский что-то ненадежен. Он не герой этой революции, а актер ее: следовательно, может силою обстоятельств быть вынужден играть и другую роль или пересолить нынешнею: а может быть и лучше, что в этой драме нет героя, pourvu qu'il y aye de L'ensemble*. Революции ни одно лицо суть революции классические: эта Шакеспировская. 21 [-го] обедали мы у Дмитриева с слепцом Молчановым. В министерстве они не ладили. Одно утро собрались у нас с Пушкиным: Бартенев-Костромской, Сергей Глинка, Сибилев, Нащокин Павел Воин[ович]. Возвратился я сюда 23-го. Вчера обедали у нас двое Олениных. Contes d'Espagne et d'Italie par Mr. Alfred de Musset.

RAFAEL

...La poésie
Voyez-vous c'est bien... mais la musique c'est mieux.
La langue sans gosier n'est rien — voyez le Dante;
Son Séraphin doré ne parle pas — il chante!
C'est la musique, moi, qui m'a fait croire en Dieu.

(Les marrons du feu)**.

Мне также приходило в голову утвердить превосходство музыки над живописью тем, что ангелы не живописуют, а воспевают славу Всевышнего. В этих сказках много *бюрлескного*, много шалостей, но много и прелестного, совершенно нового, Строфы «Mardoche» напоминают строфы «Don Juan»[30].

Сентября 3-го дня, Остафьево.

Последние дни августа провел в Москве. Был бал 26-го у к[нязя] Сергея Михайловича. Странно, что был бал у него, но и то странно, что у куратора не было ни одного члена университетского. Наши вельможи думают,

---

* Лишь бы только действовал в ней ансамбль *(фр.)*.

** Сказки Испании и Италии, соч. г-на Альфреда де Мюссе.

Рафаэль

...Поэзия прекрасна,
Но только музыка — наперсница души.
Язык без горла — нем. Того же Данте мненья:
У ангелов его в устах не речь, а пенье.
Уверовать в творца мне музыка дала.

(Каштаны из огня)
(Перевод Ю. Корнеева)

что ученость нельзя впускать в гостиную. Голицын, как шталмейстер, который конюшнею заведывает, но лошадей к себе не пускает. Велик[ий] к[нязь] был на бале. 28-го был бал подписной в доме Дурасова.— Говоря о возможности войны и о том, что будто предложен был вопрос: нужно ли объявить войну? слепец Молчанов сказал мне, что если он был бы в этом совете, то отвечал бы, что задача самого вопроса заключает в себе ответ и отрицание. Когда спрашивается, что должно ли начать войну, то уже верно, что не должно; ибо в случаях обязательства воевать в силу договора или в случаях вторжения неприятельского в границы, тут нечего и спрашивать. Писал я с Бартеневым к Ланскому в Кострому. В Остафьеве написал к Мещерской, к Толмачову, к Жуковскому, к Хитровой[31], Дмитр[ию] Бибикову. В последних трех письмах о Глинке: с письма к Биб[икову] оставлена копия.— 28-го ездил представляться велик[ому] князю.

Остафьево, 3-го октября, пятница.

Сегодня минуло две недели, что я узнал о существовании холеры в Москве. 17-го вечером приехал я в Москву с Николаем Трубецким. Холера и Парижские дела были предметами разговора нашего. Уже говорили, что холера подвигается, что она во Владимире, что учреждается карантин в Коломне. Я был убежден, что она дойдет до Москвы. Зараза слишком расползлась из Астрахани, Саратова, Нижнего, чтобы не проникнуть всюду, куда ей дорога будет. 18-го меня давило какое-то предчувствие. Вечером был я у Кутайсова, где нашел Льва Перовского, возвращающегося из Казани и далее: он следовал за болезнью, которую настигал в разных губерниях и по наблюдениям своим уверял, что она наносная. Вообще все думали, что она поветрие, и потому и дали ей ход. Мнение его еще более подтвердило мое. На другой день поехал я к Николаю Муханову, чтобы узнать о действиях холеры и Закревского, проехавшего через Москву, и о средствах защищаться против неприятеля, если он приступит. Нашел я у него Маркуса и узнал, что неприятель уже в Москве, что в тот же день умер студент, что умерло в полиции несколько человек от холеры. Меня всего стеснило и ноги подкосились. Отсутствие жены, поехавшей <в Москву> к матушке, неизвестность, что благоразумнее: перевезти ли детей в Москву, или оставаться в деревне, волновали и терзали меня неотразимо. Наконец, решился я на Остафьево: запасся пиявками,

хлором, лекарствами, фельдшером и приехал вечером в деревню. До нынешнего дня лихорадка сомнений, тоска держат меня.— Я писал к Карамзиным 2 раза, к Бибикову, к Дружинину, к Хитровой о Глинке, к Жуковскому, к Толмачеву раза два.— В день отъезда моего из Москвы, я забежал к Яру съесть кусок на дорогу, нашел тут Веневитинова, Зубкова, Аника и московского откупщика Мартынова. Говорил с первым о моих сомнениях, что делать: перевезти ли детей в Москву или нет, и о сожалении, что мой дом внаймах, говоря, что кабы не это, я переехал бы с детьми тотчас в Москву. После обеда откупщик этот мне предложил верхний этаж дома Киндякова, им нанимаемого, если я только соглашусь подвергнуться строжайшим карантинным мерам, которые он в доме своем предпримет, если болезнь установится в городе.— После получил я в Остафьеве записку от Веневитинова, предлагающего мне также несколько комнат в доме своем. Это происшествие доказало мне, что я не мог бы быть нигде правителем. У меня много решимости в предначертании плана, но в самую минуту эту чувствую, что недостает силы, чтобы поддержать исполнение оного, не в отношении к себе, а в отношении к другим. У меня нет силы повелительной. Впрочем, и то сказать, что в службе, вероятно, имел бы я более энергии, имея более средств принудить к повиновению. Теперь нет у меня никого, кому мог бы я передать свои приказания с уверением, что они будут в точности исполнены: и эта неуверенность расслабляет волю. Приехав в Остафьево, горячо принялся я за учреждение предохранительных мер всякого рода, но не все выдержал. Повиновение не внушается разом; нужно взрастить его в привычках повинующихся. Мы с женою ездили к Четвертинским и на Калужской дороге встретили мужиков, возвращающихся из Москвы; они кричали нам: *мор*.

4-го [*октября*].

В эти две недели прочел я «Записки кардинала Ретца». Что за imbroglio*, что за scène à tiroir**, вся эта драма de la Fronde***. Волокитство и пронырство, de la galanterie et des intrigues**** были душою ее. Под конец так запутаешься в множестве лиц, в многосложности мелких

* Путаница (*ит.*).
** Сцена, лишенная всякой связи (*фр.*).
*** Фронды (*фр.*).
**** Галантность и интриги (*фр.*).

действий и побуждений, что потеряешь и нить. Всего замечательнее в этой книге политические и характерические апофегмы автора. Из них можно составить катехизис в пользу возмутителей à l'usage des factieux*. Парижское население действовало против Мазарина, как ныне против Полиньяка. Но ныне более благоразумия в поколении. Тогдашнее и самые главы возмущения действовали, как дети. Определяли начала, учреждали меры, приводили их в действие самыми крутыми способами и пугались последствий. Самый *Ретц* не знал, чего хотел, не говоря уже о принцах. Прочел я и «Granby, roman fashionable»**. В самом деле, читая этот роман, думаешь, что переходишь из гостиной в гостиную. Нет ничего глубокого, нового в наблюдениях, но много верности. Кажется, если написать мне роман, то в этом роде: тут нет и ткани плотно сотканной, а просто перемена лиц и декораций. В переводе сказано, что роман сочинения лорда *Норманди*; а в «Globe» (из коего есть выписка в начале моего журнала) сказано, что он лорда Ribblesdale.— Вчера писал я к Карамзиным, к Дельвигу с отрывками к[нягини] Зенеиды, к Николаю Муханову и к Васильевой в Москву.

6-го [*октября*].

Вчера писал я Жихареву, Ник[олаю] Муханову, к Д. В. Голицыну о грабительстве кордонных казаков, которые за деньги пропускают из города и впускают.— Приезд государя в Москву есть точно прекраснейшая черта. Тут есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке. Странное дело, мы встретились мыслями с Филаретом в речи его государю. На днях, в письме к Муханову, я говорил, что из этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную. Мы видали царей и в сражении. Моро был убит при Александре, это хорошо, но тут есть военная слава, есть point d'honneur***, нося военный мундир и не скидывая его никогда, показать себя иногда военным лицом. Здесь нет никакого упоения, нет славолюбия, нет обязанности: выезд царя из города, объятого заразой, был бы, напротив, естествен и не подлежал бы

* Предназначенный для мятежников *(фр.)*.
** «Гренби, фешенебельный роман» *(англ.)*.
*** Дело чести *(фр.)*.

осуждению. Следовательно, приезд царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уже не *близ царя близ смерти, а близ народа близ смерти.*

Я прочел «Mes pensées»* Лабомеля, которого знал доныне по щелчкам Вольтера. Он совсем умный человек: многие из политических мыслей удивительны по тогдашнему времени, в них есть предвидение. К тому же он знал тогда, чего не знали французы: Европы. Он говорит о Пруссии, Швеции, Англии. Вот некоторые из его мыслей: Le gouvernement militaire est tout nerf: mais s'il en a force, il en a aussi toute l'aridité; le gouvernement par élever un Empire et finit par l'anéantir, semblable à ces remèdes qui redonnent d'abord de la force au malade et qui finissent par lui ôter la vie.— On peut juger de la puissance d'un Etat par le nombre d'hommes qu'il peut mettre sur pied et de l'affaiblissement de cet Etat par le nombre d'hommes qu'il met sur pied [?] (не в бровь, а в самый глаз).— Les grands sont comme les Hotentots: nous les trouvons admirables, quand nous leur trouvons le sens commun.— Les louanges d'un sot ne devraient pas me flatter et cependant me flattent presqu'autant que celles d'un homme d'esprit: un sot, dans le moment qu'il me loue devient homme d'esprit; l'hommen d'esprit qui me loue n'est qu'un Juge équitable.— M. de Fontenelle a dit: le naїf est une nuance du bas. La Fontaine aurait dit: le naїf est le sublime du naturel.— On sait qu'on est habile homme: on sent qu'on est grand homme.— Le sang froid est au politique ce que la verve est au poète.— Он оправдывает суд над Карлом и Кромвелем. Говорит о России. Параграф о Петре Великом: Il bâtit pour l'éternité.— La Russie n'est qu'un géant enchaîné; on la craint plus qu'elle n'est à craindre.— Le mérite de la plurant des rois est de l'être, le défaut de quelques uns est de l'être.— Les Anglais ont une excellente maxime: un prince vertueux n'a pas besoin d'un grand pouvoir: un prince vicieux n'en est pas digne.— On peut définir la constitution d'Angleterre: une constitution où tous peuvent tout.— Il faudrait à la plupart des Etats un bon banquier pour roi (это сказано было за сто лет).— Il y a peu de belles vies en détail: les grands hommes ne le sont qu'en gros.— Много сильных истин о могуществе торговли на судьбы государств и народов.— Je voudtais bien savoir de quel droit les petits princes, un duc de Gotha, par exemple, vendent

* «Мои мысли» *(фр.)*.

aux grands le sang de leurs sujets pour des querelles où ils n'ont rien à voir. On s'est donné à eux pour être défendu et non pour être acheté.— Il n'est pas possible qu'il y ait de bonnes têtes dans un pays, où il n'est pas permis d'avoir le coeur haut.— Tel homme est irrégulier dans sa conduite uniquement parce que sa position ne lui permet pas même les plats plaisirs du mariage.— La première réflection conduit les hommes au plaisir; c'est la seconde qui y conduit les femmes.— В некоторых местах возражения на Вольтера, но умеренные. В одном месте: Il y a eu de plus grands poètes que Voltaire; il n'y en eut jamais de si bien récompensés, parce que le goût ne met jamais de bornes à ses récompenses. Le roi de Prusse comble de bien-faits les hommes à talent précisément par les mêmes raisons, qui engagent un prince d'Allemagne à combler de bienfaits un bouffon ou un nain.— Aujourd'hui tout est marchand. L'intérêt est le principe de tous les Etats. Si vous en exceptez la Turquie et un autre pays encore soumis à la crainte, le commerce est partout le suprême législateur (за сто лет).— La religion chrétienne adoucit les moeurs: mais n'a-t-elle pas énervé les courages? C'est le clergé qui a toujours confondu l'obéissance avec la servitude, c'est la religion qui a fait évoquer le clegré. C'est depuis J[ésus] C[hrist] que l'univers a été étonné de se voir esclave. Наполеон говорил, что он посадил бы Корнеля в свой Государственный совет: здесь почти та же мысль: un étranger, arrivant à Paris, fut fort surpris d'apprendre, que Corneille n'est pas ministre d'etat и проч.— Si j'étais roi!..» «Si vous étiez roi, vous gouverneriez l'Etat aussi mal que votre maison»*.

---

* Военное правительство полно энергии, но если оно и отличается силой, оно также отличается и бесплодностью; правительство начинает с того, что возвышает империю, и кончает тем, что сводит ее на нет. В этом оно подобно лекарствам, которые сперва придают больному силу, а затем отнимают у него жизнь. О могуществе государства можно судить по тому числу людей, которых оно может выставить (в армии), и о слабости этого государства по числу людей, которых оно выставляет. Вельможи подобны готентотам; они кажутся нам замечательными, когда мы находим у них здравый смысл. Похвалы глупца не должны были бы льстить мне, и, однако, они льстят мне почти так же, как и похвалы умного человека: расточая мне похвалы, глупец становится умным человеком; если же меня хвалит умный человек, он является лишь справедливым судьей. Г. де Фонтенель сказал: наивность является оттенком низости. Лафонтэн сказал бы: наивность это верх естественности. Можно знать за собой качества ловкого человека; свое величие можно только чувствовать. Хладнокровие для политика является тем же, что вдохновение для поэта... [о Петре:] Он строил для вечности. Россия представ-

— Это напоминает слово Бороздина Шепелеву: «Если я имел бы счастие заседать в государственном совете,— говорил Шепелев,— я государю сказал бы...» «Глупость»,— прервал его тот наотрез[32].

В моем издании Лабомеля (7 изд. Лондон 1827) много пропусков, точек, заглавных букв. Должно поискать другое.

Я прочел вчера снова комедию Екатерины: «О время» и нашел тут два эпиграфа при случае: «Чудно! Нашлась и в Москве молчаливая девица!» — «Да кому придет на ум, чтоб свадьба могла за кузнечика разойтиться».— Лабомель родился в 1727 г.— *«Имянины Г-жи Ворчалкиной»*, так же комедия Императрицы. Действия и тут ни на волос. В роле проектера Некопейкова несколько смешных выходок: *проект о употреблении крысьих хвостов с пользою.* Эпиграфов и тут жатва большая. Если писать

ляет собой гиганта в оковах; ее боятся больше, чем она того заслуживает.— Заслуга большей части царей в том, что их боятся, недостаток некоторых из них в том же. Англичане обладают превосходным правилом: добродетельный князь не нуждается в большой власти, князь порочный недостоин ее.— Можно определить конституцию Англии: конституция, при которой все — могут всё. Большинству государств следовало бы иметь на месте царя хорошего банкира. О жизни достойных людей известно мало подробностей: о великих людях знаешь только в общем и целом...— Я бы очень хотел знать, по какому праву мелкие князья, какой-нибудь герцог де Гота, например, продают более крупным князьям кровь своих подданных за ссоры, в которых эти подданные не участвуют. Эти люди стали их подданными, потому что искали у них защиты, а вовсе не для того, чтобы их покупали. В стране, где не позволено иметь благородное сердце, не может быть и умных людей. Какой-нибудь человек проявляет непостоянство в своем поведении только потому, что в его положении ему не разрешены даже такие заурядные удовольствия, которые даются браком. Мужчины предаются удовольствиям при первом побуждении; женщины снисходят до них после уже вторичного размышления... Существовали поэты более крупные, нежели Вольтер; не было ни одного, кто получил такие же вознаграждения, ибо вкус никогда не ставит преград к своим наградам. Прусский король осыпает благодеяниями талантливых людей в силу тех побуждений, которые заставляют какого-нибудь немецкого принца осыпать щедротами шута или карлика. В настоящее время все продажно. Выгода — вот принцип, которым руководятся все государства. Если вы исключите из них Турцию и одну страну, еще находящуюся под гнетом страха, то всюду высшим законодателем является торговля. Христианская религия смягчает нравы: но разве она не приводила в отчаяние мужество? Духовенство всегда смешивало понятие покорности с рабством. Религия вызвала духовенство к жизни. Со времени И[исуса] Х[риста] вселенная не переставала изумляться, видя себя в рабстве...

Один иностранец, приехавший в Париж, был чрезвычайно удивлен, узнав, что Корнель не является государственным министром (и проч...). «Если бы я был королем...» — «Если бы вы были королем, вы управляли бы вашим государством так же плохо, как вашим домом» *(фр.).*

роман светский, то непременно брать эпиграфы из нашего театра. Например: «Казна только что грабит; я с нею никакого дела иметь не хочу» (как не узнать тут царского пера: постороннему не позволили бы сказать это).— «Тьфу пропасть какая! Да как тебе не скучно столько бедную бумагу марать чернилами».— «Только позвольте мне всегда, когда я захочу, ездить в комедии, на маскарады, на балы, где бы они ни были: в этом только мне дайте полную свободу и не прекословьте никогда: впрочем, я век ни за кого не захочу и с вами не расстанусь» (Олимпиада матери своей ворчалкиной).— «Пропустим чрез кого-нибудь слух, что скоро выдет от правительства запрещение десять лет не венчать свадеб; и что в это время, следственно, никто ни замуж выйти, ни жениться не может».— Чудо, что за эпиграфы! Ничуть не хуже эпиграфов des anciennes comédies* в романах В. Ск[отта].

8-го [*октября*].

Вот еще из других комедий: «*Салмина:* Да и указ есть такой, чтоб дураков и дур не венчать, да этот указ из моды вышел» («Пустая ссора» Сумарокова).

«*Изъяслав:* Что ты в доме здесь лакей или шут?» («Три брата совместника» Сумарокова).

«*Дорант:* Я его еще не *защипнул*» (о письме) («Лихоимец» Сумар[окова]).

9-го [*октября*].

Сегодня послал в Подольск письма к Карамз[иным], к Алек[сандру] Булгак[ову], к Демиду.

14-го [*октября*].

Я в этих днях прочел театр Дидерота и его драматические рассуждения. «Le fils naturel»** просто скучен. В «Отце семейства» более жизни и движения, но все, и то и другое,— проповеди в действии. В рассуждениях его более драматического, чем в драмах, а в драмах более рассуждений, чем драматического. Иное в них темно и ничего не имеет существенного, но многое сближается с природою или с романтическою драмою, хотя он и сидит на трех единствах. Читал я Записки к[нязя] Шаховского. Занимательны, но не дописаны. Наши авторы все жеманятся, боятся наскучить читателям и потому неудовлетвори-

* Из старинных комедий *(фр.)*.
** «Побочный сын» *(фр.)*.

тельны. В анналистах одно скучно: сухость. Или анналист без ума и без дарования, тогда читать его нечего: или он с умом и есть ему что порассказать и тогда скромность его, малоречивость досадна. Как, например, Шаховскому не проболтаться про Бирона, Миниха (о Шуваловых он, например, сказал довольно: тут за живое задирало). Как ему не подробнее описать было конференции министров, которые при Елисавете заключали перемирия без ведома ее. Вот что был тогда самодержец. Со всем тем Шаховского Записки одна из занимательнейших русских книг. Вот дюжина таких книг, и у нас были бы основы для исторических романов, комедий.

19-го [*октября*].

В пятницу 17-го послал я в Подольск письма: к Мещерской, Кологрив[овым], Кривцов[ым], Орловым, Муханову, Демиду, Алек. Пушкину. Сегодня: к Демиду, Мух[анову], Кар[амзиным].

24-го [*октября*].

Вчера писал я через Подольск Карамз[иным], г[рафине] Фикельмонт, Толмачеву, Клостерману (о Фон-Визине), Булгакову Алекс[андру].— Сочинения и переводы Перевощикова — хорошая книга. Он писатель мыслящий. Жаль только, что он предпочитает другой прозе прозу Ломоносова, Хераскова, Шишкова. Прозу Шишкова! Как будто это проза, как будто есть у него слог? Право, даруемое иным писателям освобождать себя от цензуры, в государстве, где существует цензура, похоже на право, которое бы дали некоторым лицам проезжать карантины, не подвергаясь установленному очищению. Или нужна цензура, или нужны карантины, или нет: если нужны, то какие допускать различия.

27-го [*октября*].

Вчера написал в Подольск: Карамзин[ым], Жуков[скому], Булгак[ову], Демиду.

29-го [*октября*].

— А, право, напрасно бедного Тредьяковского закидали так грязью. Его правила о стихотворении вовсе не дурны. Его мысль, что язык наш должен образоваться употреблением, что *научат нас* (то есть *должны бы*) *искусно им говорить и благоразумнейшие министры* и проч.: очень справедлива. Он чувствовал, что письмен-

ный язык один есть мертвый. В речи своей академической говорит он между прочим: *разве только одно сложение стихов неправильностью своей утрудить вас может; но и то, господа, преодолеть возможно, и привесть в порядок: способов не нет; некоторые ж и я имею.* В конце речи, предлагая ее смиренно на суд и исправление Академии, просит он из *неслаткия сделать ее хотя несколько пошлою, и приятною.— И сколько возможно чаще б богатая рифма звенела полубогатые* (Предисловие).— *И как вы, Государь мой, изволите меня всеприятным вашим спрашивать, какая ж бы ныне была уже в поэзии и в стихах нужда, когда все-на-все исправляется прозою? — Потолику между учениями словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый стол по твердым кушаниям.*

Марс речь предприял: не о том ли дело
Есть Петре Российском, коего весь мир
Выше чтит меня, называя смело
Новым Марсом всюду? и проч.

Сказано: о Сем. Марс взревел жестоко,
Пал было, но тот на ноги вскочил.
Не ушло б и после время быть в звездах.

(Плач о кончине Петра Великого). Надобно когда-нибудь сличить переводы «L'art poétique» [«Поэтического искусства»] Тредьаковского и Хвостова.

Досужных дней труды, или трудов излишки,
О, малые мои две собранные книжки;
Вы знаете, что вам у многих быть в руках.

(Заключение. Издатель к обеим своим книжкам.) Чем это не нашего времени стихи. *Наперстничество* употреблено у него в смысле *соперничество.* Иван Иван[ович] Дмит[риев] видел в Рязани сына Тредьаковского, приезжавшего к нему с лентою через плечо по фраку.

30-го [*октября*].

Соберите все глупые сплетни, сказки, и не сплетни и не сказки, которые распускались и распускаются в Москве на улицах и в домах по поводу холеры и нынешних обстоятельств. Выйдет хроника прелюбопытная. В этих *сказах* и сказках изображается дух народа. По гулу, доходящему до нас, догадываюсь, что их тьма в Москве, что пар от них так столбом и стоит: хоть ножом режь.

Сказано: «la littérature est l'expression de la société»*, а еще более сплетни, тем более у нас нет литературы. У нас литература изустная. Стенографам и должно собирать ее. В сплетнях общество не только выражается, но так и выхаркивается. Заведите плевальник (Из письма к Н. Муханову. Пишу о том и А. Булгакову).

31-го [*октября*].

Послано через Подольск письма: Карамз[иным], Дмитриеву, Булгакову, Муханову, Демиду. В самом деле любопытно изучить наш народ в таких кризисах. Недоверчивость к правительству, недоверчивость совершенной неволи к воле всемогущей оказывается здесь решительно. Даже и наказания божия почитает она наказаниями власти. Во всех своих страданиях она так привыкла чувствовать на себе руку владыки, что и тогда, когда тяготеет на народе десница вышнего, она ищет около себя или поближе над собою виновников напасти. Изо всего, изо всех слухов, доходящих от черни, видно, что и в холере находит она более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революциею. Отчета себе ясного в этом она не дает; да и дать не может, но и самое *суеверие* не менее сильно иногда веры. То говорят они, что народ хватают насильно и тащат в больницы, чтобы морить, что одну женщину купеческую взяли таким образом, дали ей лекарство, она его вырвала, дали еще, она тоже, наконец, прогнали из больницы, говоря, что с нею видно делать нечего: никак не уморишь. То говорят, что на заставах поймали переодетых и с подвязанными бородами, выбежавших из Сибири несчастных 14-го; то, что убили в Москве в[еликого] к[нязя], который в Петербурге; какого-то немецкого принца, который никогда не приезжал. Я читал письмо остафьевского столяра из Москвы к родственникам. Он говорит: *нас здесь режут как скотину.*

Ноября 3-го.

Через Подольск посланы письма к Карамзин[ым], Дельвигу с статьею Ив[анчина] Писарева о Измайлове, Булгакову, Муханову. Я перечитал *«Жизнь Бибикова».* Занимательная книга, и если сын героя, автор, не так бы патриотизировал, то и хорошо писанная. Много любопытных фактов. Как мы пали духом со времен Екатерины,

* Литература является выражением общества *(фр.)*.

то есть со времени Павла. Какая-то жизнь мужественная дышет в этих людях царствования Екатерины, как благородны сношения их с Императрицею; видно точно, что она почитала их членами Государственного тела. И самое царедворство, ласкательство их имело что-то рыцарское: много этому способствовало и то, что царь была женщина. После все приняло какое-то холопское уничижение. Вся разность в том, что вышние холопы барствуют пред дворнею и давят ее, но пред господином они те же безгласные холопы. Возьмите, например, Панина и Нессельрода, этого холопа карла, не говоря уже в нравственном смысле, ибо он в нем не карла, а какой-то изверженный зародыш, vermineau né du cul de feu son père*, или правильнее помня способность батюшки, un vent laché du cul de feu son père**, но и физического карла: в тех ли он сношениях с царем, в каких был Панин с Екатериною. Воля ваша, а для России нужно еще и физическое представительство в своих сановниках. Черт ли в этих лилипутах? Слово Павла, сей итог деспотизма, sachez qu'à ma cour il n'y a de grand que celui à qui je parle et pendant que je lui parle***, сделалось коренным правилом. При Павле, несмотря на весь страх, который он внушал, все еще в первые годы велись несколько екатерининские обычаи; но царствование Александра, при всей кротости и многих просвещенных видах, особливо же в первые года, совершенно изгладило личность. Народ омелел и спал с голоса. Все силы оставшиеся обратились на плутовство и стали судить о силе какого-то или другого сановника по мере безнаказанных злоупотреблений власти его. Теперь и из предания вывелось, что министру можно иметь свое мнение. Нет сомнения, что со времен Петра Великого мы успели в образовании, но между тем как иссохли душою. Власть Петра, можно сказать, была тираническая в сравнении с властью нашего времени, но права сопровержения и законного сопротивления ослабли до ничтожества. Добро еще, во Франции согнул спины и измочалил души Ришелье, сей также в своем роде железный богатырь, но у нас, кто и как произвел сию перемену? Она не была следствие системы,— и тем хуже.

---

* Глистный зародыш, выскочивший из [...] его, ныне покойного отца *(фр.)*.

** Подобно ветрам, выходившим из [...] его покойного отца *(фр.)*.

*** Знайте же, что при моем дворе велик лишь тот, с кем я говорю, и лишь тогда, когда я с ним говорю *(фр.)*.

7-го [ноября].

Послал сегодня через Подольск письма к Карам[зиным], Хитровой, Зенеиде Волконской, Булгакову, Муханову, Демиду, Кривцову. В Коломне, сказывают, был бунт против городничего, объявившего, что холера в городе, а чернь утверждала, что нет. Городничий скрылся. Губернатор приезжал исследовать это дело. Никто более моего не готов признать истину правила: Jacotot: tout est dans tout*. Составляя биографию Фон-Визина, я нашел в бумагах его письма Бибикова. Это дало мне мысль перечитать жизнь его, написанную сыном. Роль, игранная им в Польше, побудила меня кинуться в «Histoire des trois démembrements de la Pologne», par Ferrand**, там в жизнь Екатерины, там взять «Histoire de mon temps»*** Фридерика Великого. Между прочим пробежал я, все по поводу Фон-Визина: драматургию Шлегеля, «Историю полуденной литературы» Сисмонди, драматические рассуждения Дидерота, Вольтера, Лагарпа, Мармонтеля, множество русских старых книг. Вот каким образом очерк действия моего расширяется и часто касается вдруг противоположных берегов. Жаль, если не сумею после перенести в свой труд запах моих дальних странствований, окурить его общим интересом. По крайней мере исправляю свое дело по совести и, кажется, мои писания не должны быть *безуханны*, как многие у нас. Но все чувствую, что недостаток грунта положительных, готовых познаний должен вредить глубокому укоренению и плодовитости моих прозябений.

10-го [ноября].

Послано через Подольск письма к Карам[зиным], Орловым, Муханову при 200 р. от Окуловой, Булгакову.

13-го [ноября].

Написал к завтрашней почте к Карам[зиным], Булгак[ову], Жихар[еву], Демиду.

16-го [ноября].

Написал к завтр[ашней] почте к Карамз[иным], Туркулю, Тимирязеву, Горголи, Бибикову, Булгакову, Демиду.

---

* Жакото: всем во всем *(фр.)*.

** «История трех разделов Польши», соч. Феррана *(фр.)*.

*** «История моего времени» *(фр.)*.

21-го [*ноября*].

Отправил через Подольск письма к Карамз[иным], Дельвигу, со стихами, Булгакову, Муханову, Демиду.— Еще письмо к Дельвигу. Прочел «Le Cid» со всем процессом его, критикою Скюдери, замечаниями академии etc.[33] В суждениях Скюдери много справедливого, но много и глупого, грубого. Разумеется, нельзя допустить, чтобы Химена виделась с убийцею отца своего, полчаса спустя после убийства; но в этом погрешность классической трагедии. Скюдери толкует, Корнель оправдывается, Вольтер защищает, но все они вертятся около истины и не дощупаются больного места. Галиани прав, Вольтер несносен в комментариях своих на Корнеля. Он походит в них на старого французского учителя, замечает, что такое-то выражение, такое-то слово более не в употреблении. Странное дело, что Вольтер, который хотел поставить вверх дном небеса со всеми в них живущими, так и дрожит на каких-то правилах, условиях, бледнеет от слова, которое покажется ему не нынешним etc. По мне лучшая сцена в «Циде» есть вызов Родрига отцу Химены. Все прочее натянуто. Химена, которая поочередно переходит от негодования к любви, от требований мести к изъяснениям в нежности, похожа на шашку, которая переходит на шашешнице с белого места на черное. Конечно, в этом положении много драматического; но все это у Корнеля слишком резко. D[on] Sancho,— Принцесса — такие жалкие творения, что стыдно глядеть на них. Кажется, кем-то уже было замечено, что если классики допускают сокращение, или превращение 24 часов в два часа, то почему же не распустить еще эту свободу на год, на два и так далее. Вы говорите зрителям: представьте себе, что вы пришли сюда просидеть сутки; если они поддаются на это предложение, если воображение их содействует вашему обману, то не станут спорить они и за продолжительнейший срок. Если вы успеваете уверить их, что 24 — не 24, а два, или что два — не два, а 24, то почему же сверхъестественнее, что два — две тысячи или два миллиона. Допуская воображение в числа, допуская, что дважды два не четыре, уж все равно вывести в итоге 24 часа или двадцать четыре года. Классический ящик точно гроб: иначе не вложишь в него героя, как мертвого без движения. Пока еще герой волен в движениях, может идти себе направо и налево, классическому гробу до него дела нет. Но когда приставят к нему ко рту аристотельское зеркало, и оно не

потускнеет от дыхания, тогда милости просим гробовых дел мастера: снимут с него мерку, состроят гроб, положат его и украсят своими парчовыми покровами.

23-го [*ноября*].

Отдано к почте завтра в Подольск письма: Карамз[иным], Клостерман, Баратынскому с стихами «Конь мой», Маргарите Василь[евне] с письмом от Поповой, Жихаревой, Г. Васильевой, Демиду, Булгакову, к[нягине] Шаховской.

28-го [*ноября*].

Отправлено через Подольск письма: Мещерской, Тимашевой, Потемкиной, Муханову, Кавериной с предложением отцу писать свои записки. Я всех вербую писать записки, биографии. Это наше дело: мы можем собирать одни материалы, а выводить результаты еще рано.

1-го декабря.

Сегодня через Подольск писал: Карамз[иным], Булгакову, Кривцову. Все это время читал или перелистывал: хроники Парижские, современные пребыванию Ф. Визина, Гримма «Correspondance secrète, littéraire et politique depuis la mort de Louis XV». Londres, 1787*. Даламбера, etc.

4-го [*декабря*].

Il a de l'esprit pourtant, et quelque fois la serre assez forte; mais il n'entend pas comme il faut le secret de rendre les gens parfaitement ridicules. C'est un don de la nature qu'il faut soigneusement cultiver; d'ailleurs rien n'est meilleur pour la santé. Si vous êtes encore enrhumé servez vous de cette recette, et vous vous en trouverez a merveille** (Вольтер Даламберу о Линге). Точно есть предчувствие, есть какой-то запах внутренний того, чего еще не знаешь, но должно узнать вскоре. Вчера просыпаясь, я умом своим перенесся в Варшаву без всякой при-

---

* «Секретная, литературная и политическая переписка со времени смерти Людовика XV». Лондон, 1787 *(фр.)*.

** Он, однако, умен и обладает порой крепкой хваткой; но он не вполне владеет тайной, как можно совершенно высмеивать людей. Это дар природы, который следует тщательно выращивать; кстати, нет ничего лучше для здоровья. Если вы еще простужены, воспользуйтесь этим рецептом, и вы почувствуете себя прекрасно *(фр.)*.

чины; приходило мне в голову, что может быть я сближусь с в[еликим] к[нязем], что в случае смерти или перемещения Моренгейма могу занять его место. Я фантазировал потому, что никогда не думаю сериозно быть опять на службе в Варшаве. То приходило мне на мысль написать письмо M-me Вансович, с которою я никогда не был в переписке. Через час получаю почту и известие о Варшавских происшествиях. Из писем и из печатного донесения худо их понимаю. Подпрапорщики не делают революции, а разве производят частный бунт. 14 декабря не было революциею. Но зачем же верные войска выступили из Варшавы? Добро еще русские, для избежания поклепов, что неприязненные действия начаты ими, хотя в такую минуту странно думать о рецензии журналов и политикоманов. Но к чему вышли и польские? На что же держать вооруженную силу, если не на то, чтобы хранить порядок и усмирять буйство? Как бросить столицу на жертву нескольким головорезам, ибо нет сомнения, что большая часть жителей, то есть по крайней мере девять десятых, не участвовали в мятеже? Что вышло бы, если 14-го государь выступил бы из Петербурга с верными полками? В мятежах страшно то, что пакты с злым духом, пакты с кровью чем далее, тем более связывают. Одно преступление ведет к другому, или более обязывает на другое. Раскаяние христианская добродетель, неизвестная, почти невозможная в политике.— У нас вообще худо знают и судят поляков. Говорят о благодарности, об измене etc. В смерти Ж. и З. из русских виден перст провидения. Нет, такими людьми не устроиваешь нравственности народной. Разумеется, поляки пользуются выгодами, которых у нас нет. Но что же это доказывает? Крестьяне, видя, что барыня их хочет развестись с мужем, который оскорбляет ее честь, дивятся неблагодарности ее, говоря: а муж ее еще кормит белым хлебом и сажает за стол с собою. Все относительно: обиды, благодеяния. Нет общей меры на всех и на все. Со всем тем я уверен, что все это происшествие — вспышка нескольких головорезов, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря. Теперь дело запуталось, потому что его запутали. Воры грабят дом, а полиция, чем унимать, отходит прочь, чтобы не сказали, что грабеж начат ею. Может быть, анверская история заставила страшиться подобных же следствий; но если всего бояться, то и в лес не ходить, а особливо же не управлять людьми. Должно иметь за себя совесть и не бояться тогда сплет-

ней ни журналов, ни истории.— Раздел Польши есть первородный грех политики, 24-ое февраля.— Нельзя избегнуть роковых следствий преступления.— Parade de Mélodrame*. Польши слабая струя есть национальность, и поелику поляки народ ветреный, то им довольно поговорить о национальности: играя искусно этою струною, Наполеон умел вести их на край света и на ножи. У нас же, напротив, хотят подавить, оборвать эту струну и удивляются, что дела идут не хорошо. Но когда отнять у себя единое средство действовать на кого-нибудь, то какого ожидать успеха. Конь ваш слабоузд и вы, чем воспользоваться этим свойством, или дерете его, или стараетесь так обить, огрубить рот его, что конь или бесится, или делается бесчувственным: и в том и в другом случае выходит у вас из послушания.

9-го [*декабря*].

Вчера писал Карамзиной, Барат[ынскому], Давыдовой, Кривцов[у], Шахов[ской], Мухан[ову]. Кажется, Заира, говорит:

La patrie est aux lieux où l'âme est enchaînée**.

Следовательно, в России, где столько крепостных душ.— Я отгадал, что Варшавская передряга не будет Шекспировскою драмою, а классическою французскою трагедиею с соблюдением единства места и времени, так, чтобы в два часа быть развязке.

11-го [*декабря*].

С Окуловым посылаю письма к Карам[зиным], Булгакову, Мухан[ову], Барат[ынскому] с эпиграммою. Обыкновенные наши отчеты академий, ученых общества т. п., точно ведомость мирским расходам. О движениях мысли, о нравственных оборотах тут нет ни слова, а все только о деньгах. Разумеется, контроль нужен, но не он же один должен быть в виду. Сегодня читал я краткое историческое сведение о состоянии импер[аторской] Акад[емии] художеств: тут найдете вы о перестройке нужных мест, прачешной и проч. и проч.; но не получите понятия о состоянии художеств наших, о пользе, приносимой Академиею. Верно, что Оленину приятно объявить, что он привел в порядок то, что было расстроено, но как ограничиваться одною материальностью. Спасибо

---

* Парад мелодрамы *(фр.)*.

** Родина находится в том месте, к которому прикована душа *(фр.)*.

ему за фразу: *какому бы помещику ни принадлежал крепостной ученик свободных искусств.* Рассмешил он меня также своим *поколенным портретом*, писанным Варнеком. То-то видно ленивый живописец: не много стоило бы труда написать его и во весь рост.

15-го [*декабря*].

Вчера писал через Подольск Карамзиной (о молод[ом] Васильеве), Булгакову и утром к нему, Дмитриеву, Васильевой также два письма. Сегодня во сне имел я разговор у которого-то брата Фон-Визина, при Огаревой: я говорил, что мы не вовремя родились, желал бы родиться шестьдесят лет ранее или сто лет позже. Впрочем, я писал это кому-то на днях, а вот сонная прибавка: я говорил, что мы вступили в свет, как люди, принужденные переехать в город летом на духоту, пыль и одиночество.

Начальница Севастопольского бунта, поручица Семенова, поднявшая на ноги 500 женщин. Когда на допросе спрашивали о причинах, побудивших ее к мятежу, спросила она следователя: женат ли он? На ответ отрицательный, сказала она: «Вы не поймете признания моего». Двое детей ее умерли с голода в карантине.

Записать когда-нибудь анекдот, рассказанный Фикельмоном о письме к в[еликой] к[нягине] Екат[ерине] Павл[овне], найденном австрийским генералом на бале.

Сказывают, что большая часть сиделок в холерических больницах публичные девки. В полицейской больнице в доме Пашкова Брянчанинов нашел девок в каком-то подвале, которых солдаты и больничные смотрители держали для своего обихода.

19-го [*декабря*].

Посланы с Демидом письма Карамз[иным], Щербатову о Васильеве, Булгак[ову]. Третьего дни был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника. Куплеты: «Я мещанин, я мещанин», эпиграмму на Булгарина за Арапа; написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: «Дон-Жуана», «Моцарт и Салиери». *«У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи»*[34].

Что может быть нелепее меры велеть выезжать подданным из какого-нибудь государства? Тут какой-то дес-

потизм ребяческий. Так дети в ссорах между собою отнимают друг у дружки свои игрушки или садятся спиною один к другому. До какой подлости может доводить глупость? Газеты наши говорят о расцеплении Москвы, как о милости народу, разве Божией, если в самом деле холера прекращена. Да разве оцепление была царская опала? Поэтому должно радоваться бы и тому, если каким-нибудь всемилостивейшим манифестом было распустить безумных из желтого дома. В этом расцеплении 6-го декабря по поводу двух праздников есть какое-то суеверное варварство средних веков и варварская подлость новейших дней.

Статистические взгляды на Россию. Россия была в древности Варяжская колония, а ныне немецкая, в коей главные города Петербург и Сарепта. Дела в ней делаются по-немецки, в высших званиях говорится по-французски, но деньги везде употребляются русские. Русский же язык и русские руки служат только для черных работ.

20-го [*декабря*].

Nobis in arcto, et in glorius labor* Тацит. O Homines ad servitutem paratos!** — говаривал Тиверий по-гречески, выходя из сената. Первый Булгарин в Риме был *Цепио Криспиний* (Coepio Crispinus), qui formam vitae iniit, quam postea celebrem miseriae temporum et audaciae hominum fecerunt***; а по другим комментариям *Романий Гиспон*. У Тацита есть тут *qui* двуличный; Даламберт; избранные места из Тацита. Manebant etiam tum vestigia morientis libertatis. Igitur Cneius Piso, qui, inquit, loco censebis, Caesar? Si primus, habedo quod seguar: si post omnes vereor ne imprudens dissentium****. Вот почему членам царских фамилий не должно заседать в уголовных политических судах. Verba mea, P.̃ C., arguuntur: a deo, factorum innocens sum*****. (Из речи Кремуция Корда, обвиненного в написании истории, в которой он хвалит Брута и называет Кассия Romanorum ultimum******.

* Труд есть для нас слава и добродетель *(лат.)*.

** О люди, вы готовы быть порабощенными! *(лат.)*.

*** Который начал создавать жизнь, впоследствии ставшую делом рук смелых людей, несмотря на тяжелые времена *(лат.)*.

**** Даже тогда оставались следы гибнущей свободы. Итак, Кней Пизо сказал: в каком месте вынесешь ты свое решение, Цезарь? Если я буду первым, мне будет чему подражать; если же я буду последним, я боюсь оказаться несведущим и невеждой *(лат.)*.

***** Мои слова, П. К., подтверждаются богом; в своих делах я невинен *(лат.)*.

****** Последним из римлян *(лат.)*.

Haec mihi in animis vestris templa* (Из речи Тиверия Сенату. И Шишков заставил сказать: «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших»).

22-го [декабря].

Посланы письма Карамз[иным], Хитровой, Булгакову, Мухан[ову], Орлов[у].— Странная и незавидная участь Б.[35] Имея авторское дарование, он до сорока лет и более не мог решиться ничего написать. Тут вдруг получил литературную известность прологами своими к действиям палачей: «Хотя волнуемая страхом — дерзает мечтать о торжестве!» Ого, Г-н классик и строгий критик! Куда это дернуло вас красноречие? «В твердом уповании на бога, всегда благодеющего России!» Вот фраза, формула, которую должно выкинуть бы из официального языка. Это нелепость, или поклеп на бога, или горькая насмешка. Почему богу более благодеять одной земле, нежели другой, и как знать нам на чьей стороне праведный суд его? Тут есть какое-то ханжество и кощунство. Не призывайте имени бога вашего всуе. Понимаю, что можно здоровому человеку привыкнуть жить с безумцами в желтом доме; но полагаю, что никак не привыкнет благородный человек жить с подлецами в лакейской. Безумием унижена человеческая природа рукою бога: тут есть смирение и покорность воле его. Подлостью унижено нравственное достоинство человека: тут, кроме негодования, ничему быть не может.— Зачем, видя детей шалунов, обвинять их одних, а не более родителей и наставников? Зачем, видя дом в беспорядке, решительно говорить, что слуги виноваты, не подозревая даже, что могут быть виноваты господин и управляющие? Зачем в печальных событиях народов, в частных преступлениях их, винить один народ, а не искать, нет ли в правительстве причин беспорядка, нет ли в нем антонова огня, который распространяет воспаление по всему телу? Зачем, когда рюматизм в ноге, сердиться на ногу одну, а не на голову, которая не думала охранять ногу от стужи или сырости, и не на желудок, который худо переваривал пищу и расстроил согласие и равновесие тела.

23-го [декабря].

Pourquoi est-ce Czer. qui a contresigné la traduction

* Для меня эти храмы в ваших душах (*лат.*).

de la proclamation aux polonais? Est-ce parce qu'il a été fait cocu par une polonaise?*

24-го [*декабря*].

У нас странное обыкновение: за худой поступок, за поведение, неприличное званию офицера, выписывается офицер из гвардии в армейский полк. Весело этому полку, в который переводят за бесчестье. Можно сказать, что и с П. так же поступили. Тот сам признал свою неспособность: ну, так выйди в отставку, нет; дома он не годится, мы наградим им других, а после того удивляются.— На беду у нас истории не читают: хоть бы читая ее, при общем молчании, мороз подирал по коже их, думая, что о них скажет потомство.

Кстати, вспомнить стих Сумарокова:

Молчу, но не молчит Европа и весь свет.

И потомство молчать не будет. Впрочем, в этом отношении они счастливы. Ничтожество — надежда преступников; ничтожество — отрада и невежд. Для них нет страшного суда ума и истории, нет страшной казни печати. Могла ли остановить пашу Янинского мысль, что Пукевиль будет доносчиком на него пред вселенною? Непонятная казнь не страшит нас. Потому, может быть, и изобрели ад с огнем, кипячею смолою и прочими снадобиями: а то настоящего ада, может быть, никто и не испугался бы. Царедворцу выше всех наказаний быть лишену лицезрения царского: а сколько счастливцев уездных, которых никак не опечалишь тем, что не видать им царя, как ушей своих. Все относительно.

Все мои Европейские надеждишки обращаются в дым. Вот и В. Constant умер; а я думал послать ему при письме мой перевод «Адольфа». Впрочем, Тургенев сказывал ему, что я его переводчик. Редеет, мелеет матушка Европа. Не на кого будет и взглянуть: все ровня останется.

27-го [*декабря*]

Отправлены письма: Карамз[иным], Фикельмонт, Булгакову.— Прокламация в[еликого] к[нязя]: «Je me mets en marche avec les troupes Imp. pour m'éloigmer de la capitale, et j'espère de la loyauté polonaise qu'elles ne seront point inquiétées dans leures mouvements pour

---

* Почему именно Чер[нышев] скрепил своей подписью перевод прокламации к полякам? Может быть, потому, что полька сделала его рогатым? *(фр.)*

rejoindre l'Empire»*. Тут род договора и вследствие того обязательства, род признания того, что случилось.

7 января 1831 г.

Вчера или третьего дня писал к Карамзиным. 4-го приезжали в Остафьево Денис Давыд[ов], Пушкин, Никол[ай] Муханов, Никол[ай] Трубецкий.— Элиза говорила о себе: «que ma destinée est singulière, si jeune encore et deux fois veuve»**. Мы разговорились с Пушкиным о грусти ее по причине поль[ских] дел: она очень любит в[еликого князя]. «Да,— сказал Пушкин,— и он может сказать: «si jeune encore et deux fois veuf — d'un emp[ire] et d'un ro[yaume]»***.

«Clouderley» довольно скучный роман Годвина, которого мне расхваливали за роман «Caleb».

В Тамбове возмущение было не на шутку. Говорят, Загряжский тут действовал усмирителем бури. Слово Александра, что он не положит оружия, доколе не будет ни единого врага на земле русской, слово великодушного царя. Слово, что не положит оружия, доколе не будет наказан последний возмутитель, слово П [не кончено].

14 сентября 1831.

Вот что я было написал в письме к П[ушкину] сегодня и чего не послал: «Попроси Жуковского прислать мне поскорее какую-нибудь новую сказку свою. Охота ему было писать *шинельные* стихи (стихотворцы, которые в Москве ходят в шинеле по домам с поздравительными одами) и не совестно ли «Певцу во стане русских воинов» и «Певцу на Кремле» сравнивать нынешнее событие с Бородином? Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии. Можно было дивиться, что оно долго не делается, но почему в восторг приходить от того, что оно сделалось. Слава богу, русские не голландцы: хорошо им не верить глазам и рукам своим, что они посекли бельгийцев. Очень хорошо и законно делает господин, когда приказывает

---

* Я отправляюсь в поход с императорскими войсками, дабы удалиться от столицы, и, положась на польскую честность, я надеюсь, что войска не встретят препятствий при возвращении в империю *(фр.)*.

** Как исключительна моя судьба, я еще так молода и дважды вдова *(фр.)*.

*** Еще так молод и дважды вдов — потеряв империю и королевство *(фр.)*.

высечь холопа, который вздумает отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но все же нет тут вдохновений для поэта. Зачем перекладывать в стихи то, что очень кстати в политической газете».— Признаюсь, что мне хотелось здесь оцарапнуть и Пушкина, который также, сказывают, написал стихи[36]. Признаюсь и в том, что не послал письма не от нравственной вежливости, но для того, чтобы не сделать хлопот от распечатанного письма на почте. Я уверен, что в стихах Ж[уковского] нет царедворского побуждения, тут просто русское невежество. Какая тут черт народная поэзия в том, что нас выгнали из Варшавы за то, что мы не умели владеть ею, и что после нескольких месячных маршев, контр-маршев мы опять вступили в этот городок. Грустны могли быть неудачи наши, но ничего нет возвышенного в удаче, тем более, что она нравственно никак не искупает их. Те унизили наше политическое достоинство в глазах Европы, раздели нагоЛо пред нею этот колосс и показали все язвы, все немощи его; а она — *удача* — просто положительное событие, окончательная необходимость и только. Мы удивительные самохвалы и грустно то, что в нашем самохвальстве есть какой-то холопский отсед. Французское самохвальство возвышает и некоторыми звучными словами, которых нет в нашем словаре. Как мы ни радуйся, а все похожи мы на дворню, которая в лакейской поет и поздравляет барина с имянинами, с пожалованием чина и проч. Одни песни 12-го года могли быть несколько на другой лад, и потому Жуковскому стыдно запеть иначе. Таким образом, вот и последнее действие кровавой драмы. Что будет после? Верно, ничего хорошего, потому что ничему хорошему быть не может. Что было причиною всей передряги? Одна, что мы не умели заставить поляков полюбить нашу власть. Эта причина теперь еще сильнее, еще ядовитее, на время можно будет придавить ее; но разве правительства могут созидать на один день, говорить: век мой — день мой... Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее, следовательно, силою ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя. При первой войне, при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить царство Польское... Пускай Польша выбирает себе род жизни. До победы нам нельзя было так поступить, но по победе очень можно. Но такая мысль слишком широка для головы какого-нибудь Нессельроде, она в ней не

уместится и разорвет, как ветры разрывали жопу отца его. Польское дело такая болезнь, что показала нам порок нашего сложения. Мало того, что излечить болезнь, должно искоренить порок. Какая выгода России быть внутренней стражею Польши? Гораздо легче при случае иметь ее явным врагом. К тому же я уверен, что одно средство сохранить нам польские губернии есть развязаться с царством Польским. Не говорю уже о постыдной роле, которую мы играем в Европе. Наши действия в Польше откинут нас на 50 лет от просвещения Европейского. Что мы усмирили Польшу, что нет — все равно: тяжба наша проиграна.— Для меня назначение хорошего губернатора в Рязань или в Вологду гораздо более предмет для поэзии, нежели взятие Варшавы. (Да и у кого мы ее взяли, что за *взятие*, что за слова без мысли.) Вот воспевайте правительство за такие меры, если у вас колена чешутся и непременно надобно вам ползать с лирою в руках.

Я сегодня писал к Мордвинову и просил его администра[ти]вных брошюрок.

Как похотлив их патриотизм! Только пощекочешь их, а у них уже и заходится и грезится им, что они ублудили первую красавицу в мире.

15-го [*сентября*].

Стихи Жуковского навели на меня тоску. Как я ни старался *растосковать* или *растаскать* ее и по Немецкому клубу и черт знает где, а все не мог. Как можно в наше время видеть поэзию в *бомбах*, в *палисадах*. Может быть поэзия в мысли, которая направляет эти бомбы, и таковы были бомбы Наваринские, но здесь, по совести, где была *мысль* у нас или против нас? Мало ли что политика может и должна делать? Ей нужны палачи, но разве вы будете их петь. Мы были на краю гибели, чтобы удержать за собою лоскуток царства Польского, то есть жертвовали целым ради частички. Шереметев, проиграв рубль серебром, гнул на себя донельзя, истощил несколько миллионов и, наконец, по перелому фортуны, перелому почти неминуемому, отыграл свой рубль. Дворня его восхищается и кричит, что за молодец! Знай наших Шереметевых! — Дело в том, что можно ли в наше время управлять с успехом людьми, имевшими некоторую степень образованности, не заслужив доверенности и любви их? Можно, но тогда нужно быть Наполеоном, который, как деспотическая кокетка, не требовал, чтобы его *любили*,

а хотел *влюблять в себя* и имел все, что горячит и задорит людей. Но можно ли достигнуть этой цели с Храповицким? А кто у нас не Храповицкий? — Я более и более *уединяюсь, особняюсь* в своем образе мыслей. Как ни говори, а стихи Жуковского — une question de vie et de mort*, между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочел бы им смерть. Разумеется, Ж[уковский] не переломил себя, не кривил совестью, следовательно, мы с ним не сочувственники, не единомышленники. Впрочем, Ж[уковский] слишком под игом обстоятельств, слишком под влиянием лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистоте и девственности их. Как пьяному мужику жид нашептывал, сколько он пропил, так и в той атмосфере невидимые силы нашептывают мысли, суждения, вдохновения, чувства. Будь у нас гласность печати, никогда Ж[уковский] не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича: во-первых, потому, что этот род восторга анахронизм, что ничего нет поэтического в моем кучере, которого я за пьянство и воровство отдал в солдаты и который попав в *железный фрунт* попал в махину, которая стоит или подается вперед без воли, без мысли и без отчета, а что *города* берутся именно этими махинами, а не полководцем, которому стоит только расчесть, сколько он пожертвует этих махин, чтобы навязать на жену свою Екатерининскую ленту; во-вторых, потому, что курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь. В поляках было геройство отбиваться от нас так долго, но мы *должны* были окончательно перемочь их: следовательно, нравственная победа все на их стороне.

22-го [*сентября*].

Пушкин в стихах своих: *Клеветникам России* кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на *вопросы*, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что *возрождающейся Европе* любить нас? Вносим ли мы хоть грош в казну общего просвещения? Мы тормоз в движениях народов к постепенному усовершенствованию нравственному и политическому. Мы вне возрождающейся Европы, а между тем тяготеем на ней. *Народные витии*, если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его, могли

* Вопрос жизни и смерти *(фр.)*.

бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим или, лучше сказать, презираем вас, потому что в России поэту, как вы, не стыдно писать и печатать стихи подобные вашим.

Мне так уж надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас *от мысли до мысли* пять тысяч верст, что физическая Россия — Федора, а нравственная — дура. Велик и Аникин, да он в банке. Вы грозны на словах, попробуйте на деле.

А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть. Зачем же говорить нелепости и еще против совести и более всего без пользы? Хорошо иногда в журнале политическом *взбивать слова*, чтобы заметать глаза *пеною*, но у нас, где нет политики, из чего пустословить, кривословить? Это глупое ребячество или постыдное унижение. Нет ни одного листка Journal de Débats, где не было бы статьи, написанной с большим жаром и с большим красноречием, нежели стихи Пушкина. В *«Бородинской годовщине»* опять те же мысли, или то же безмыслие. Никогда *народные витии* не говорили и не думали, что 4 мил[лиона] могут пересилить 40 мил[лионов], а видели, что эта борьба обнаружила немощи *больного, измученного колосса*. Вот и все: в этом весь вопрос. Все прочее физическое событие. Охота вам быть на коленях пред кулаком. И что опять за святотатство сочетать *Бородино с Варшавою?* Россия вопиет против этого беззакония. Хорошо «Инвалиду» сближать эпохи и события в календарских своих калейдоскопах, но Пушкину и Жуковскому кажется бы и стыдно. Одна мысль в обоих стихотворениях показалась мне уместною и кстати. Это мадригал молодому Суворову. Незачем было Суворову вставать из гроба, чтобы благословить страдание Паскевича, которое милостью божиею и без того обойдется. В Паскевиче ничего нет суворовского, а война наша с Польшею тоже вовсе не суворовская, но хорошо было дедушке полюбоваться внуком.

После этих стихов не понимаю, почему Пушкину не воспевать Орлова за победы его Старорусские, Нессельроде за подписание мира. Когда решишься быть поэтом *событий*, а не *соображений*, то нечего робеть и жеманиться — Пой, да и только. Смешно, когда Пушкин хваста-

ется, что *мы не сожжем Варшавы их.* И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее. Вы так уже сбились с пахвей в своем патриотическом восторге, что не знаете на чем решиться: то у вас Варшава — неприятельский город, то наш посад.

Говорится: рука руку моет. Чаще пришлось бы сказать: рука руку марает.

Скотина Полевой имел наглость написать в альбом жены Карлгофа стихи под заглавием: *«Поэтический анахронизм, или стихи вроде Василья Львовича Пушкина и Ивана Ивановича Дмитриева, писанные в XIX веке».* Как везде видишь целовальника и лакея, не знающего ни приличия, ни скромности. Посади свинью за стол, она и ноги на стол. Да и каков литератор, который шутит стихами Дмитриева, и какими стихами еще:

Гостиная — альбом,
Паркет и зала с позолотой
Так пахнут скукой и зевотой!

Паркет пахнет зевотой![37]

6 декабря 1837.

Бутошники ходили сегодня по домам и приказывали, чтобы по две свечи стояли на окнах до часа по полуночи. — — Сегодня же обедал я у директора в шитом мундире по приглашению его. Матушка Россия не берет насильно, а все добровольно, наступя на горло.

Les hommes d'esprit et les hommes de conscience peuvent dire en Russie: «Vous en voulez de l'opposition, coute que coute. Vous en aurez»*[38].

A l'époque du choléra à Moscou je me trouvais à la campagne près de la ville avec ma famille et un français, chargé de l'éducation de mon fils. Nous étions tous sous le poids de vives inquiétudes et de mortelles angoisses, mais lui, nerveux et hypocondre, était le plus affecté de nous tous. Enfin les bulletins, que nous recevions journellement sur la marche de la maladie, commencèrent à être de plus en plus rassurants, et bientôt le fléau cessa tout à fait. Nous reprimes tous haleine et courage. Mais voici qu'un beau matin, je vois mon précepteur entrer chez moi plus pâle et plus effaré que jamais. Eh bien,— me dit-il d'une vois émue et tremblante,— le choléra a repris

* Люди ума и люди совести могут сказать в России: «Вы во что бы то ни стало хотите, чтобы была оппозиция. Вы ее получите» *(фр.).*

à Moscou avec une nouvelle force: il y meurt chaque jour quelques centaines de malades. Effrayé à mon tour- qui donc, lui demandai-je, vous a fait part de cette triste nouvelle? — Mais cette feuille, me répond-il, en me montrant un No du «Journal des Débats». A ces mots un rire fou succéda à ma terreur, panique, puisque j'eu beau chercher à le rassurer et à lui faire comprendre que les nouvelles de Moscou, données par les feuilles de Paris, devaient avoir au moins 6 semaines de date, tandis que nous avions des relations journalières avec la capitale; le pauvre homme ne voulait pas en dëmordre, et ne cessa de me répéter que le *«Journal des Débats» était véridique, et que les rapports officiels de Moscou ne lui inspiraient aucнne confiance**[39].

---

* В период московской холеры я находился в деревне, близ города, с семьей и с одним французом, которому было поручено воспитание моего сына. Мы все находились под гнетом сильного беспокойства и смертельного страха, но он, человек нервный и ипохондрик, был угнетен больше нас всех. Наконец бюллетени о ходе болезни, получавшиеся нами ежедневно, стали более бодрыми, и вскоре тяжкий гнет совсем прекратился. Мы вздохнули свободнее и набрались мужества. Но вот, в одно прекрасное утро, наш учитель вошел ко мне более бледный и расстроенный, чем когда бы то ни было.

— Вы знаете,— сказал он мне взволнованным и дрожащим голосом,— холера вспыхнула в Москве с новой силой: там умирают ежедневно несколько сотен больных.— В свою очередь я испугался.— Кто же сообщил вам эту печальную новость?— спросил я.

— Я узнал ее из этого листка,— ответил он, показывая мне № «Журнала де Деба». При этих словах безумный смех овладел мной, придя на смену моему страху. Напрасно я пытался успокоить его и заставить его понять, что московские новости на страницах парижских газет отстали по крайней мере на 6 недель, в то время как мы имеем ежедневные сношения со столицей. Бедняга никак не хотел согласиться с этим и продолжал твердить, что *«Журнал де Деба» всегда дает совершенно достоверные сведения, а официальные сведения из Москвы не внушают никакого доверия (фр.).*

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ

(1832—1850)

С.-Петербург, Маия 13, 1832.

Pour la plus belle elle est éclose,
Le plus tendre doit la cueillir;
C'est bien pour vous qu'est cette rose
Et c'est à moi de vous l'offrir.

(Marat)*

Conseils à une jeune personne.

Sur le pouvoir de tes appas
Demeure toujours alarmée.
Tu n'un sera que mieux aimée
Si tu crains de ne l'être pas.

(Robespierre)**

Cruates des Russes. Le général Davidoff, le Voltaire des steppes de la Russie, et le fameux patriote russe de 1812, ayant trouvé quelques fusils dans la maison de m-r Czarnoluski, en Volhynie, fit fusiller, sans jugement, ce malheureux gentilhomme et ordonna ensuite, que son corps fût pendu à un arbre, pour servir de pâture aux oiseaux de proie; mais voulant justifier cette barbarie, il fit dresser après coup à Wlodzimierz une sentence de mort contre sa victime, et il força plusieurs personnes à signer cet arrêt posthume.— Il n'est pas de crimes que ce général ne permette à ses soldats. On les a vus maltraiter une dame de qualité, qui était enceinte, lui mettre leurs fusils

---

* Она распустилась для самой прекрасной,
Сорвать ее должен нежнейший из всех;
Конечно, для вас [предназначена] эта роза
И, конечно, мне [надлежит] ее вам предложить.
(Марат)

** Советы одной молодой особе.
Никогда не будь уверенной
Во власти твоих прелестей,
Чем более ты будешь бояться оказаться нелюбимой,
Тем сильнее тебя полюбят.
(Робеспьер)

chargés sur la poitrine, lui arracher un collier de perles et de diamants et l'effrayer au point qu'elle fut forcée de sauter par la fenêtre, et que, sans la pitié du lieutenant colonel Dimitrief, une mort certaine l'attendait («Le Messager Polonais», dernier № du 30 Juin 1831. En tout 34 №).

Sur la mort du Feld-maréchal Diebitsch.— Paix à ses cendres; le peuple polonais peut même le pleurer; car militairement parlant, il ne lui fit jamais de mal.— On ne sait pas encore positivement si quelques brochures libérales, qu'il publia dans le temps, et entre autres une concernant les Juifs, ou (ce qui est plus vraisemblable) une injure faite à son père, major dans l'armée Prussienne, furent cause que le jeune Diebitsch passa au service Russe. Тут же)*[1].

В газете Le Temps, Маия 11-го 1832, есть перевод письма Марата, писанного по-английски Villiam Daly. Марат занимался тогда медициною и хирургиею. «Soyez bien sûr d'une chose, mon ami, c'est qu'on ne peut acquérir de l'habilité ou du renom dans cet art qu'en faisant sur le vir des expériences nombreuses et journalières. Pour moi, je suis à même de me procurer des corps morts, provenant des hôpitaux, en telle quantité qu'il me plaît et à trés bon compte; et enfin de ne pas dépenser trop d'argent en animaux vivants, j'ai fait un arrangement avec un boucher du quartier, qui me fournit des brebis,

---

* *Жестокость русских.* Генерал Давыдов, Вольтер русских степей, знаменитый русский патриот 1812 г., обнаружив несколько ружей в доме г-на *Чернолуского* в Волыни, приказал расстрелять без суда этого злосчастного дворянина и затем распорядился, чтобы его тело было повешено на дереве на растерзание хищным птицам; но, желая оправдать это варварство, он приказал задним числом составить в Владимире приговор о казни своей жертвы и заставил нескольких человек подписаться под этим посмертно составленным документом. Нет такого преступления, которое этот генерал не разрешал бы своим солдатам. Были свидетели тому, как они грубо издевались над одной очень порядочной женщиной, которая была беременна: они приставляли к ее груди заряженные ружья, сорвали с нее жемчужное ожерелье и напугали ее до того, что она была вынуждена выпрыгнуть в окно; и если бы над ней не сжалился подполковник Дмитриев, ее бы постигла верная смерть («Польский Вестник», последний № от 30 июня 1831 года. Всего 34 номера).

На смерть фельдмаршала Дибича.— Мир праху его; польский народ может даже его оплакивать, так как, говоря военным языком, он никогда не причинял ему зла.— Никто не знает положительным образом, что послужило причиной перехода молодого Дибича на русскую службу: произошло ли это благодаря нескольким либеральным брошюрам, которые он опубликовал в свое время, между ними была одна, касающаяся евреев, или (что более вероятно) вследствие оскорбления, нанесенного его отцу, майору прусской армии *(фр.)*.

des veaux, des cochons, et même des boeufs si j'en ai bisoin.— Vous dites que vous n'aimez pas à voir d'innocents animayx déchirés par le scalpel; mon coeur est aussi tendre que le vôtre et je n'aime pas non plus que vous à voir souffrir de pauvres créatures; mais il serait impossible de comprendre les secrètes, étonnantes et inexplicables merveilles du corps humain, si l'on n'essayait pas de saisir la nature dans son oeuvre, et ce but ne saurait être atteint sans faire un peu de mal pour beaucoup de bien: c'est seulement ainsi qu'on peut devenir le bienfaiteur de l'humanité.— J'avoue qu'au commencement j'éprouvais de la peine et de la répugnance; mais je m'y suis accoutumé peu à peu, et je me console avec l'idée que j'agis ainsi pour le soulagement de l'humanité.— Si j'étais législateur, je proposerais pour le bien de mon pays et du monde entier, que les condamnés à la peine capitale eussent la faculté d'exposer leur corps à quelque opération difficile qui pourrait causer la mort, et dans le cas où l'opération viendtait à réussir, le condamné, suivant le crime qu'il aurait commis, obtiendrait son pardon, ou la peine serait convertie en exil ou en prison. On m'a assuré, qu'un prince Italien mit ce principe en usage»*.— Странно видеть эти прелюдии Марата, который после разыгрывал свою тему в полном оркестре.

---

* «Будьте совершенно уверены в том, мой друг, что искусство и известность в этой области (в медицине и хирургии) можно приобрести только путем многочисленных и ежедневных упражнений над живыми объектами. Что касается меня, то я могу получать мертвые тела из госпиталей в любом количестве и за очень дешевую цену. Для того же, чтобы не тратить слишком больших сумм на живых животных, я условился с мясником нашего квартала, который доставляет мне по мере надобности овец, телят, свиней и даже быков.— Вы говорите, что не любите видеть невинных животных под скальпелем; мое сердце столь же мягко, как и ваше, и я также не люблю видеть страданий бедных тварей. Но было бы совершенно невозможно понять тайны, изумительные и необъяснимые чудеса человеческого тела, если не пытаться схватить природу в ее работе на ходу. А между тем этой цели нельзя достигнуть, не причинив немного зла, чтобы сделать много добра, только таким образом можно стать благодетелем человеческого рода.— Признаюсь, что вначале я испытывал страдание и отвращение, но мало-помалу я привык и теперь утешаю себя мыслью, что я это делаю для облегчения человечества... Если бы я был законодателем, я предложил бы для блага своей страны и целого мира, чтобы приговоренные к смертной казни имели право отдавать свое тело для совершения какой-либо трудной операции, которая может привести к смерти. В случае же удачной операции виновный, смотря по совершенному им преступлению, или получает прощение, или же смертная казнь заменяется ему ссылкой или тюрьмой. Меня уверили, что один итальянский князь применил этот принцип на деле» *(фр.)*.

В той же газете есть письмо Бомарше о Duc de Lauraguais, который носил жену свою на пальце. «По смерти ее,— говорил он,— j'eus recours à Vanderberg, le chimiste, qui, ayant placé le corps de ma femme dans une feuille d'asbeste, le livra aux flammes, et à l'aide d'une chaleur extraordinaire le réduisit à une petite quantité de poudre qui ensuite, au moyen d'une certaine composition chimique, fut changée en une substance bleue vitrifiée; la voilà, m-rs, monétée dans un anneau d'or; c'est la plus fine essence de mon adorable femme»*.

Мы на днях говорили у Софии Бобринской о невозможности перевести немецкое: *Heimveh***. После нескольких попыток дельных начали мы выражать это слово карикатурою. Жуковский предложил: *домогорье.* Я сказал: уж лучше *зимогорье.*

15-го июня 1833.

Я сегодня обедал у Дмитриева. Каждые два часа беседы с ним могут дать материалов на том записок. Непростительно, что я не всегда записывал разговоры мои с ним. Он сегодня говорил о каком-то Беклемишеве при Екатерине, хлебосоле, к которому ежедневно сходились многие обедать, и между прочим Дмитриев, тогда еще гвардии сержант: мать Дмитр[иева] была дружна с женою его.— Беклемишев ходил в гродетуровом кафтане и прочее одного цвета. По возвращении от должности находил он уже у себя длинный обеденный стол накрытый, подавали закуску, и он от закуски до обеда занимался переводами. Съезжались тогда камергер Валуев, польский посланник Деболи, влюбленный в дочь Беклемишева, красавицу. Когда Дмитриев приехал в Петерб[ург] министром, получает он письмо от Беклемишевой, вдовы, которая просит у него ста рублей на погребение этой дочери. 100 руб. даны, и на другой день Дмитр[иев] подает государю докладную записку о вспомоществовании вдове, погребающей дочь свою, бывшую красавицу. Та, что всегда языком облизывалась, говорит государь и дает 500 рублей.— Во время коронации имп[ератора]

---

* Я обратился к Ванденбергу, химику, который, обернув тело моей жены листом асбеста, подверг его сожжению и при помощи чрезвычайного жара превратил его в небольшое количество праха; затем посредством некоего химического соединения превратил в синее стекловидное вещество; вот оно, господа, оправленное в золотое кольцо; это самая утонченная сущность моей обожаемой жены *(фр.).*

** Тоска по родине *(нем.).*

Николая князь Лопухин спрашивает Дмитриева: «Помнишь ли, как ты прихаживал ко мне с тетрадкою перевода.— Лопухин был тогда Петерб[ургским] полицмейст[ером] и цензором. Бывало, только что прочтешь коекак и подпишешь, не опасаясь никакой ответственности, а теперь что за важное дело должность цензора».— Тут описание Дмитриева аудиенции Лопухина; частные пристава подходят к нему каждый с добычею своею: один с девкою, у которой глаз подбит, другой с двумя купчиками; «как теперь вижу,— говорит Дмитр[иев], в халатах, белокурые волоса распущены по плечам, они пойманы в чужом саду, куда перелезли чрез забор».— Лопухин слушает их и прищуриваясь дает решение свое. Между тем Дмит[риев] стоит в углу и ожидает очереди своей (а между тем сегодня рассказывает мне с живостью и олицетворением сцену, происходившую за полвека). Лопухин был цензор снисходительный и имел какую-то натерку философии 18 века.— В письмах к отцу моему цитировал он часто отрывки из «Jacque le fataliste»: il est écrit la haut sur le grand rouleau* и прочее.

Что делает в Москве Мих[аил] Алек[сандрович] Салтыков? — «Все вздыхает о изменении франц[узского] языка».

— А сочинитель Фомин, который жил в Москве в б... против дома Дмитриева, ходил в черном фланел[евом] капоте, вероятно, оставшемся после траурного церемониала при проезде тела императора Александра чрез Москву, и вместо пуговиц зашпиленного поперек булавкою, которую ему подарила одна из девок.

Он говорил о любви своей ко всему молочному. Это доказательство, сказал Одоевский, что в вас нет желчи. «Хоть один он приводит желчь мою в движение, отвечал он, указывая на камердинера своего, известного Николашку,— да Полевой».

Греч во весь обед у Дмитр[иева] в Москве рассказывал анекдоты о Булгарине и не весьма выгодные чести его, и после каждого: «да вы не подумайте, что он подлец, совсем нет, а урод, сумасброд — да не подумайте, что он злой человек, напротив, предобрая душа, а урод»[2].

19 июня.

Говоря о мнении, которое восстает против выгод

---

* Из «Жака Фаталиста»: он написан вверху, на большом свитке *(фр.)*.

колоний для европейских держав (Франции, Гишпании) Фикельмон сказал: «L'Europe abdique»*.

Он же сказал при известии о беременности герцогини Беррийской: «Il n'y a rien de chagé en France, il n'y a qu'un français de plus»**.

---

* Европа отрекается от трона *(фр.)*.

** Во Франции ничего не изменилось, лишь прибавился один француз *(фр.)*.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ

(1834 — 1835)

1834
Июль 13/25.
Первая мысль о путешествии. Письмо из Москвы. Возвратился из Таиц.

Август 11/23.
Выехали из Петербурга.

Август 12/24.
Из Кронштадта, в 6 час. утра.

27 авг./8 сент.
Приехали в Ганау.

Октябрь 18/30.
Выехали из Ганау после обеда в $4^1/_2$ час., приехали в 9-м часу ночевать в Ашафенбург. Строго требовали паспорта и едва согласились дать нам доехать до трактира и там получить его. Ехав до Ашаф[енбурга], видели в лесах снег. Недавно выпал здесь сильный, вершка на два, размыло дождем. Вообще воздух холодноватый [русковатый].

Октябрь 19/31.
Из Ашаф[енбурга] выехали в 10 утра, приех[али] в Вюрцбург в 1-м часу ночи. Все с горы на гору. Живописно для глаз, но не живоходно с нем[ецкими] лошадьми. Здесь сторона бесплоднее. Города и селения не так теснятся по дороге, как по ту сторону. Ашаф[енбург] порядочный город. Замок на Майне. Трак[тир]. *Zum Breyerhoff**.

20 окт./1 ноябр.
Празд[ник] всех святых. Вирцб[ург] прекр[асный]

* Брейергоф *(нем.)*.

город: сад, площадь, замок — церковь близ замка полна была народом и нарядными красавицами. От праздничного утра большое движение на улицах, все из церкви или в церковь, и в полчаса времени увидел я, может быть, половину городского населения. Крепость на высоте. Трактир zum Kronprinz* довольно плохой. Помещение (далее $^1/_2$ строки срезано). Хозяйка смуглая крас[авица]. Выехали в 12 час. Дорога по Ochsenfurst, шоссе между Майном и виноградными горами, ныне уже оборванными, оживлена хорошими местечками. Ochsenfurst по ту сторону Майна. Мост. Приехали в Uffenheim в 6-м часу и остались обедать и ночевать за неимением лошадей. Дорога все гористая, а нем[ецкие] лошади не *горские*, а *горькие*.

21 окт./2 нояб.

Выехали из Uffenheim в $7^1/_2$ час. у[тра]. Гостин[ица] Zum gold[ene] Lampe** очень хороша харчами и постоем: мягко кормят, мягко стелят и не жестко тронуться и встать со стола, т. е. расплачиваться. Приехали ночевать в 11 час. в Нёрдлинг[ен] в гост[иницу] Zum Krone***. Дорога вся гориста, но менее, особенно последняя половина. Города очень хороши. Обедали в (1 сл. не разобр.) очень порядочно. Народ везде приветливый. Огромные прически женщин. Черные зонтики (срезано несколько слов).

Октябрь 22/3 ноября.

Выехали из *Нёрдлингена* около 8 ч. утра. В Donauworth познакомился я с *сыном Ивановичем Дунаем,* довольно скромным в здешнем месте. По сторонам его расстилаются равнины и возвышаются несколько местечек. В *Aichach* пьяный почтмейстер, qui parlait la petite français****, и наложил нам шесть лошадей, которые тащили за четырех.

Октябрь 23/4 ноября.

Всю ночь протащились и приехали в Минхен в 5 часов утра. Трактир *Золотого оленя* весьма плохой.

---

* У кронпринца *(нем.)*.

** Под золотой лампой *(нем.)*.

*** Под короной *(нем.)*.

**** Который говорил немного по-французски *(фр.)*.

24/5 — 27/8, Минхен.

Тютчева — бывшая Петерсон, бывшая графиня Bothmer, сестра ее Клотильда, кандидатка в chanoinesse*. M-me de Welden — сестра Лотсбек. Фамилия их разбогатела табаком. Первая говорит о Бальзаке: Comme il nous connait**. В сестру был влюблен Мантейфель. M-r et M-me de Cetto, née Baronne de Deux ponts*** — дочь его M-me de Braga — M-me de Darenberg, вдовушка черноглазая, дочь Баварского посланника в Париже. Le comte de Preysing Capitaine en chef des gardes d'arciers**** (почетное звание) ярославский знакомец 1812 г., когда он был в плену.

M-me de Deux ponts, belle soeur de M-me de Cetto, née C[omtes] de Reichberg.— Le nonce, archevêque de Tyr, Comte de Mercy d'Argenteu Belge*****.

Вдовствующая курф[ирстша] Баварская разбогатела поставками, откупами. После Ганауского сражения поскакала она в армию и начала свои обороты. Она, сказывают, сама о том говорит охотно. У короля собрание портретов современных и полюбившихся ему красавиц. Кто бы ни понравилась ему, он выпросит позволение велеть списать портрет и внесет в свой тайный музей. Доныне их 16-ть. Наша Крюндерша тут, а в почине его италианская Эгерия, к которой он так часто уклоняется для свидания из Баварии. В потомстве он таким образом прослывет Соломоном, если по портретам будут судить о подлинниках. Сказывают, один прусский кронпр[инц] видел этот платонико-созерцательный сераль.

Принц Карл женат на актрисе.

Октябрь 29/10 ноября. Минхен.

Обед у Гагарина. Доктор *Бреслау* был в плену в Рос[сии] в 1812 г., долго лежал в Вильне — оставил в России два большие пальца с ног своих.

Вечер у M-me Cetto — Нунций разгадывал шарады. Сцена франц[узской] классической комедии. Муж и жена: Филемон и Бавкида века Людов[ика] 15-го. Разговоры об отступлении Франц[узского] Министерства[1].

---

* Настоятельница монастыря *(фр.)*.

** Как он нас знает *(фр.)*.

*** Г-н и г-жа де Сетто, рожд. баронесса де Де-Пон *(фр.)*.

**** Гвардии командир *(фр.)*.

***** Г-жа де Де-Пон, невестка г-жи де Сетто, рожд. графиня Рейхберг.— Нунций, архиепископ Тирский, граф де Мерси из бельгийского Аржанта *(фр.)*.

Октябрь 30/11 ноября. Минхен.

Отелло — Паша. M-elle Carl. Тенор очень хорош.— Бас Пелегрини лучше всего в Robert le Diable [«Робертедьяволе»] — для Дон-Жуана слишком дороден.

Ноябрь 1/13.

Выехали из Минхена в 12 час. перед обедом, приехали ночевать в Wallen-see в 1-м часу ночи. Деревенской плохой трактир. Выехав из Венедигт — крутая гора в час езды и более; Kochel берег и озеро, водопады невидимые ревели во тьме. Карета на дыбах карабкалась вверх, словно слон.— Лес — Прекр[асная] ночная картина.— Подъезжая к станции — дорога между озером В[аллен] Зее и берегом крутым и покрытым лесом.

Ноябрь 2/14.

Из В[аллен] Зее выехали в 10 час. у[тра]. Приехали в Инсбрук в 10 час. в[ечера]. С горы на гору. Везде шумят ключи и потоки. Царство сосны. На равнинах снег. Австрийская граница. Приставы очень вежливы. Замки.

Ноябрь 3/15.

Выехали из Инсб[рука] в 11 часов. Приехали в 5-том часу в Штейнах, т. е. на вторую станцию и остались ночевать, чтобы ночь не застигла нас на Бреннере. На пер[вой] стан[ции] до Шенберга увидели мы горную красоту во всем блеске, освещенную солнцем. Снежные горы, которые торчат в небесах над облаками, удивительное зрелище. Дорога над пропастями. В глубине зеленая полоса Зилы, шумит и бурлит. Дорога поминутно извивается. Картины разнообразные, то обработанные поля по уступам гор, то дичь во всем ужасе. В Шенберге плохие лошади и плохие почтари, по крайней мере, наши. Когда мы совершали свое облачное путешествие, Надинька сказала: «Четвертинские, может быть, видят нас теперь, если смотрят на небо». В Штейнахе довольно хороший трактир. Церковь, расписанная доморощенным живописцем, кажется *Кнофелем*, здесь рожденным и жившим в Милане. В церкви есть памятник ему. (В Инсбруке видел я в Церкви памятник Андреаса Гофера, австрийско-тирольского Вильгельма Теля, который, впрочем, вероятно, не вдохнул бы трагедии Шиллеру.) Инсб[рук] хорошо обстроенный городок. Улица, где Золотое Солнце, в котором мы остановились, широкая

с широкими гранитными тротуарами. Вообще все дома расписаны снаружи: Рафаэлевы ложи на медные деньги. В Штейнахе рабочий народ в трактире после ужина молится в чулане на коленях, громко произнося молитвы. Вообще везде католическая набожность уже несколько италианская. И другая примета италианского соседства: в трактирной избе большая плита мраморная, вставленная в стол. Все путешественники рассказывают про тирольские песни, коими оглашена горная атмосфера; я ни одной еще не слыхал. Может быть, от того, что ноябрь на дворе, или на горе, от того нет и красивости нарядов, о коих также много говорят. Заметил я только у женщин огромные *турнюры*, которые за пояс (façon de parler*) заткнули бы турнюры наших петерб[ургских] щеголих. После обеда заходящее солнце задергивало золотым прозрачным покровом ущелья гор и отсвечивалось на посребренных вершинах сосен, слегка осыпанных снегом.— Слияние золотого пара с серебряным паром.

Горы — хаос в первые дни создания.— Солнце и лед.— Тьма и свет.— Необузданные потоки и громады камней.— Рука человечества еще не раздвинула горы.

Ноябрь 4/16.

Выехали часу в 9-м. Проехали весь день и всю ночь обнадеженные и прельщенные светлою и теплою италианскою ночью; приехали в Ботцен часов в 5 утра. Бреннер не заслуживает славы своей ни ужасом, ни красотою. За Бреннером нашли мы солнце и что-то весеннее в воздухе, точно весеннее, ибо вышли из зимы.

Ноябрь 5/17.

Выехали из Ботцена в 1-м часу. Приехали в Триент часов в 9 вечера. Италия! То есть холодные комнаты, дымящийся камин и кислый хлеб.

Ноябрь 6/18.

Выехали из Триента в 11 час.

Ноябрь 7/19.

Мантуа.

---

* Как говорится *(фр.)*.

Ноябрь 8/20.

Модена. Тебальдо и Изодина.

Верона. Амфитеатр: сильнейшее впечатление путешествия. Посреди амфитеатра Подновинский балаган. В Италии постыдное пренебрежение памятников, коими между тем она и живет и показывает прохожим, как нищие, увечья свои, чтобы вымолить грош. Все з..., начиная от церквей до театров.—

Болонья. Кривошейная башня. Галерея Sampierra. Антиавстрийский офицер.— Отзыв сестры Анти Паролетти. Дом Россини.— Два дни до приезда нашего уехала Паста.

Ноябрь 9/21.

Болонья.

Ноябрь 10/22—12/24.

Флоренция.

Ноябрь 13/25.

Флоренция. Бал у Понятовских.

Ноябрь 14/26.

Флоренция. Le duc De Dino — муж племянницы Талейрана.

Le marquis Jino Cappone Comte Seristori — был в нашей службе — женат на Franchini, дочери русского драгомана.

Prince de Soresina Vidoni женат на дочери г[рафини] Бутурлиной. Dini, муж Бутурлиной старшей, брат его.

Marquis Joseph *Pucci,* нижегородский знакомец.

Понятовский Charles, сын князя Станислава, женат на Элизе Montecatini. Сестры его M-me Ricci (белокурая). M-me Zappi de Bologne, муж ее замешан в последнем возмущении.

M-me de Bagno, дочь графа Азолино.

La duchesse de Casigliano, belle fille du Prince Corsini*.

M-me Bryan, дочь известного Rembel — жена американца.—

La marquise *Rimedi,* de Bologne, черные глаза, розовое платье.

Инконтри — дочь Gino Cappone, сестра ее.

* Герцогиня де Касильиано, невестка князя Корсини *(фр.).*

Концерт полуартистов, полуаматеров. Пела Каталани арию свою portugale и вариации Роде. Есть еще отголоски старины, но уже не то. Это уже не Каталани-*Валабрек*, а разве *Валабрек*-Каталани. Дочь ее пела арию из «Паризины».— Бал у английского священника. Познакомился я тут с английским майором подтюремщиком Наполеона при Гудсон-Лове. *Физические подробности о Наполеоне.* Бал у князя Монфора. *Графиня Липона*[2]. Вероятно, издаст со временем свои записки или свои бумаги *pour disculper le Roi qui est devenu le bouc émissaire de cette éroque**. Она читала недавно книгу, в которой говорят, что она хотела отравить брата и надеть императорский венец на мужа. Говорила о привязанности и благодарности к русским.

Ноябрь 15/27 — 16/28.
Флоренция.

Ноябрь 17/29.
Вечер у князя Монфора. Флоренция.

Ноябрь 18/30—24/6 декабря.
Флоренция.

Ноябрь 25/7 декабря.
Выехали из Флоренции, думали в 5 час. ан в 7 час., у заставы задержали около 2 часов за неисправностью пропускного билета *ветурино*, который дан был за два дни. Нет нам удачи в дороге, все какая-нибудь да закорючка. Вместо того, чтобы ночевать в Сиене, принуждены мы были потерею 4 часов остановиться на ночь в *Podi bongio.* Из Флоренции до Рима с ночлегами и харчами подрядился ветурино Mocali за 400 франк. должен был довезти в 5-й день, теперь в 6-й, если Бог грехам попустит. Дорога все вниз и вверх. Запрягали до 8 лош[адей], то есть припрягали 3, а где и 2 волов. Оливы и виноградники. Много сельских домов в виду по сторонам. В первый раз слышу громкие песни на улицах вечером. Вообще италийский народ замолк: *стал счастлив, замолчал.* Сказывают напротив.

---

* Чтобы оправдать короля, который стал козлом отпущения этой эпохи *(фр.)*.

Ноябрь 26/8 декабря.

Ночевали в Buon Convento, завтракали в Сиене. Собор — Piazza del Campo. Трактиры италианские голодные и холодные. В соборе группа трех граций.

Ноябрь 27/9 декабря.

Выехали около 6 часов утра, т. е. ночью. Предрассудок, что надобно рано выезжать и засветло останавливаться, как будто не все равно тьма утренней ночи или вечерней. Завтракали в Riccorsi, селение, где один почтовый двор и гостиница. Приехали ночевать в Novella. Трактир посредственный. На высотах Радико Фано поднялся холодный и сильный ветер, а день был теплый, даже и не на солнце. Ужасная страна и ужасная дорога. Все в гору и с горы, и дорога извивается змеею. И это называется bella Italia*. Мертвая природа — кладбище с нагими остовами гор. Можно ли сравнить берега Рейна? В Италии, т. е. в известной мне, есть несколько замечательных городов, с замечательными памятниками, но живописной природы нет. К тому же тормоз для меня палач всех красот природы. И в Тироли он в глазах моих все портил, а Апеннины только что раздражают нервы, а поэзии нет. Италия прекрасный музей, а не прекрасная земля.

Ноябрь 28/10 декабря.

Выехали из Novella (уединенная гостиница) в 9 час., приехали в Bolsena в 2 час. Остались обедать и ночевать. Озеро — церковь св. Христины — чудо. Во всю дорогу нестерпимое солнце в лицо и трамонтана в спину.

Ноябрь 29/11 декабря.

Выехали в 6 час. Завтракали в Витербо. Мумия св. Розы: черная роза. Римский саркофаг. Прекрасная Галиана. Фонтаны. Город славился прекрасными девицами и прекрасными фонтанами. Первых не случилось видеть. Трамонтана дует.

Приехали ночевать в *Черный Орел* в Ronciglione. Порядочный трактир для Италии. Завтра в Риме! Великое слово. То ли бы дело, если не было бы кашля на свете.

На пятницу ночевали в Ronciglione. Выехали в 6-том часу, завтракали в Storzo. В 4 часа въехали в Рим.

---

* Прекрасная Италия *(ит.)*.

Декабрь 27/8 янв[*аря*]. *Рим.*

Минуло 4 месяца с приезда нашего в Ганау[3].

Mon Dieu! Mon Dieu! faites moi miséricorde; Vous savez ce que je suis!... Moi, je ne sais pas ce que Vous êtes; n'abusez pas de votre supériorité, faites moi miséricorde!

(«*Le monde comme il est*», par le marquis de Custine).

Travailler, c'est espérer: voilà pourquoi l'homme tout à fait malheureux ne peut rien faire, ni l'homme entièrement satisfait*. (Тут же).

1835[4]

Февраль 11/23.

Зажег сигарку огнем Везувия в 12 ч. у[тра] 1835.

Март 25/6 апр.

Неаполь.

Март 26/7 апр.

Неаполь. Capua.

Март 27/8 апр.

Pompeia — Solerno.

Март 28/9 апр.

Paestum — Basilica.

Март 29/10 апр.

Amalfi. Из Сандиза водою в Амальфи.

Там на ослах в Castellamare — скалы — Из Castellamare вечером в 8 час. морем в Соренто — утром на остров Capri. Голубой грот — лежа вплываешь в маленькой лодке — точно голубое и чудесное — обратно в Соренто — на ослах в Castellamare — прелестная дорога — померанц[евый] сад на скалах — ночевали в Castellamare.

Апреля 2/14.

Выехали из Неаполя в $10^1/_2$ час. утра, обедали в Мола ди Гаэта в 9 час. в[ечера]. Горы покрыты снегом.

---

* Боже мой! Боже мой! Будь милостив ко мне; ты знаешь меня, я же тебя не знаю. Не злоупотребляй своим превосходством, окажи мне милость!

(«Мир как он есть», соч. маркиза де Кюстин).

Работать — значит, надеяться: вот почему совершенно несчастный человек не может ничего не делать, так же как и человек вполне удовлетворенный *(фр.)*.

Апреля 10/22.

Выехал из Рима в 5 час. за полдень. (Как я мог решиться ехать один, я, в котором нет ни твердости, ни бодрости, ни покорности. Переваливаю мысли свои, как камни, с одной на другую — Сизифова работа).

Апреля 11/23.

В 10 час. у[тра] остановился позавтракать в Ponte Centino. Погода совершенно осенняя; холод, пасмурно.— В сердце хуже осени.— Тоска.— Судороги тоски. Что-то чинят в коляске.

Апреля 12/24.

Приехал во Флор[енцию] в 9 час. у[тра].— Отпевание Скарятина. Вельг[орский]. Солтык[ов]. Орлов. Выезжаю в 9 час. вечера.

Апреля 13/25.

Всю ночь проспал в коляске. Проспал кривую башню Пизы. Город, кажется, прекрасный. Дорога до [Анцио?] и за [1 сл. не разобр.] прекрасная. Как все обработано. В Pietra Santa нет лошадей. Воспоминание русских почт.

Апреля 14/26.

Приехал в Геную в полдень. Гейдекен, Закревская, Соболевские. Дом на высоте. Гуляние [1 сл. не разбор.]. Золотая гостиная. Собор. Таможня. Лавки. Зала дожей.

Апреля 15/27.

Выехал из Генуи в 3 часа после завтрака. Всю ночь дождь проливной.

Апреля 16/28.

Приехал в Турин в 11-м часу утра. Обедал у Обрескова. Дождь целый день.

Апреля 17/29.

Познакомился с Сильвио Пелико. (Письмо к жене.) Обедал у Обрескова. Выехал из Турина в 10 час. в[ечера].

Апреля 18/30.

Приехал в Милан в час перед обедом. Все дождь ночью и днем (в письме к жене описываю, что делал). Transeat* написано цесурою на книге «Souveniers de

---

* Пусть выйдет *(лат.)*.

la marquise de Crequy»*, которое давал мне читать г[раф] Стакельберг.

Апреля 19/1 мая.

Был у Манзони. Выехал из Милана в 5 часов после обеда.

Апреля 20/2 мая.

В 12 часов приехал в Верону. Еду очень тихо. Все дождь. Озеро Guardo.

Апреля 21/3 мая.

Обедал в [1 сл. не разобр.] очень хорошо. Ночью и днем ничего не видал. От дождя сидел закупоренный в коляске.

Апреля 22/4 мая.

Обедал в Клагенфурте. Край очень живописный. Дождь оставил меня на границе Италии, а солнце встретило в Германии. Обедал в Мобен. Разница между италианскими почтарями и немецкими. Те, и не дожидаясь ваших замечаний, указывают вам с восторгом на красоты земли, bellissima cossa** и пр. Сегодня, сидя на козлах, говорил я почтарю: «Das ist ein schönes Land—Ja, es passiert***,— отвечал он.

Апреля 24/6 мая.

В 9 час. у[тра] приехал в Вену. Сдал депеши Горчакову и поехал в трактир Zum römischen Kaiser****. После обеда, в Пратер, в 5 часов, весь город в колясках и верхом, весь Эстергазитет и вся Лихтенштейнщина. Общество, которое ежедневно собирается в один час и в одно место, должно быть, пустое общество.— Красавица Hunyady Венгерка; — еще красавицы Венгерки. Странный вид гуляния в траурных платьях. Траурные ливреи. Итальянская опера «Duaieso».

Апреля 25/7 мая.

Был на скачке с Киселевой: дождь; почти никого не было. Обедал у Татищева. Его за столом не было.

---

* «Воспоминания маркизы де Креки» *(фр.)*.

** Прекрасные вещи *(ит.)*.

*** Это красивая страна.— Ничего, сойдет *(нем.)*.

**** У римского короля *(нем.)*.

Болен. Скороходы за столом. Сказывают, первый дом в Вене. Опера «L'elixir d'amour»*. Хорошая певица.

Апреля 26/8 мая.

Был у Разумовской и Разумовского. Приятный старик. Прекрасный дом. Был на выставке цветов. Обедал у Татищева. Опера «Норма». Был в 7 часов с Килем в синагоге. Хорошая ротонда. Род протестантизма, еврейского. Мало жидовских платьев и первобытных лиц. Прекрасно поют. Интересно слышать псалмы Давида, петые стройными голосами на природном их языке. Все в шляпах. Перед концом подают сосуд с чем-то певчим.

Апреля 27/9 мая.

Был в Шенбруне. Прекрасный сад. Зверинец опустел. Видел une des puissances de Vienne**, но не Меттерниха, а слониху. Обедал у Киселевой. Таскался с обеими сестрами по лавкам; «Elixir d'amour». Пил чай у Ольги Нарышкиной. Выехал из Вены в 1-м часу ночи.

Апреля 28/10 мая.

Выехал не в добрый час. Лошади стали на дороге. Все шоссе завалено каменьями, которые проезжающие должны разжевать.

Апреля 29/11 мая.

Приехал ут[ром] в 12 час. в Czaslau. Коляску чинят уже во второй раз из Вены. Еду хуже прежнего, хотя беру третью лошадь. Здесь все пахнет *Русью* и корешками Шишкова. Я понимаю их язык, а они меня не понимают. Вообще русский слух смышленее прочих. Если маломальски не выговаривать, как иностранцы привыкли выговаривать свои слова, они вас уже не уразумеют. А русский мужик поймет всегда исковерканный русский язык всякого шмерца. И природа здесь сбивается на *русскую* — плоская. Небо молочное, цвета снятого молока. Женский убор — платок, повязанный на голове, также русский. Одна почта не русская, а архинемецкая. Язык — смесь польского и русского. Читаю в коляске переп[иску] M-me Campan с Hortense. Полюбил и ту и другую.

---

* «Любовный напиток» *(фр.)*.

** Одно из могуществ Вены *(фр.)*.

Апреля 30/12 мая.

Вчера обедал, или ужинал в Праге около полночи. Следоват[ельно], Праги не видал. Г[раф] Ан. Кир. Разумовский говорил мне в Вене, что она походит на Москву. Не догадываюсь чем. Дома высокие, улицы узкие, река широкая. Вот все, что я видел. Старался узнать что-нибудь о старых Бурбонах, но ничего не узнал, кроме того, что Карл X мало выходил из дома.

Май 1/13.

Утром в 4 часа дотащился я до Дрездена. Коляска опять ломалась, какой-то винт все не держался. Обедал в Теплицах. Кульм; два памятника: прусский и австрийский. Последний колоссальный и одному человеку: другой всем падшим братьям и мелок. Природа, приближаясь к границе, несколько оживляется.

Май 2/14.

Вчера провел деятельный день. В письме к жене (чрез Маркелова) описываю его. Выехал из Дрездена в 9-м час. у[тра]. Прусская почта поспешнее. Что-то военное, русское во всем. И береза встречается. Подъезжая к Берлину, вспоминаешь Петергофскую дорогу.

Май 3/15.

Приехал в Берлин в 9-м час. у[тра]. И тут часа три лишних проехал. Потсдам не мог осмотреть: проехал в 6 час. у[тра], надобно было бы ждать 8-ми и употребить часа три. Ай, ай, месяц май тепел да холоден! И в этом союзная держава! Ночью продрог и, приехав в Берлин, велел тотчас затопить род русской печи. Hotel de St. Petersbourg*.

Май 4/16.

Вчера обедал у Рибопьера. Был на маленькой выставке картин. Картины Крюгера: Импер[атор], два велик[их] кн[язя], Паскевич, Волконский, Бенкенд[орф], Черныш[ев]. Был у Крюгера и в его Studio**, все петерб[ургские] лица. Ездил по городу. Красив. Сбивается на Петерб[ург]. Магазин *Гропиуса* славится игрушками и китайскими вещами. В италианской опере: «Semiramide». Был король и жена его. После 1-го акта поехали

* Отель де Санкт-Петербург *(фр.)*.
** Мастерской *(ит.)*.

они во франц[узский] спектакль. Пил чай у Озеровых и выехал из Берлина за полночь. Заезжал к Гумбольту, но не застал. Кноринг. Долгоруков Илия. К трем часам приехал обедать в Перлеберг.

Май 5/17.

Приехал в Любек в полдень. Парохода еще нет, а надлежало ему уже здесь быть.

Май 6/18.

Ожидаем пароход, но нет еще ни слуху, ни духу, а от парохода есть и то и другое. Остановился в Hotel du Nord тут же, где и прошлого года. Любек город недоступный, со всех сторон окруженный непроездимостью датских дорог. От Бойценбурга до Любека 8 миль, около 12-ти часов езды. Все образцы русских дурных дорог проселочных. К[нязь] Анд[рей] Горчаков, Г. А. Гурьев ждут со мною пароход.

Май 7/19, 8/20.

Ждем пароход.

Май 9/21.

Ждем пароход. Две пилы: одна пилит медленно, но безостановочно. Другая зазубрилась.

Май 10/22.

Пароход пришел.

Май 12/24.

Отправляемся из Любека в 8 час. утра[5].

КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ

(1835—1844)

[ПОЕЗДКА В ГЕРМАНИЮ. 1835]

Октябрь. 1835.

Воскресенье 7/19 приехали в 6 час. вечера в Франк[фурт]. Искали Лагрене, уехали в Париж. Маркеловы. Театр. «Русалка», 1-я часть — волшебная опера без волшебства. Театр битком набит. Приютились в ложе Маркеловой.

Понедельник.

В 10 часов выехали в Майнц, в нанятой коляске парою за 7 гуль[денов]. Дорогою ели виноград Гокгеймский. В два часа с чем-то были в Майнце и остановились «У трех корон». Трактир плохой, обед плохой. После обеда поехали в коляске в Favorite, укрепление — тополи посажены на месте казнения разбойников.— Театр, библиотека.— Пиши журнал кто хочет, а я слуга покорный. Ничего нет скучнее, особливо же при трактирном пере и нервах в беспорядке от дождя, от, от*

1835. Четверг 18/30 октября.

Выехали из Ганау в $4^1/_2$ после обеда[1].

[ПОЕЗДКА В РЕВЕЛЬ. 1844]

Июль 1844[2].

9. Воскресенье.

Выехал из Петербурга в шесть часов. Дорогою все залито дождем — общее сетование.— Каждый день дождь по нескольку раз.

10. Понедельник.

Мануйлово.

---

* На этом текст обрывается.

11. Вторник.

Мануйлово. Выехал в 8 часов.

12. Среда.

Приехал в Ревель. 12 ч[асов].

Вода в море от 10 до 11 град[усов]. Здесь Ховрины. Гр[афиня] Ростопчина. София Апраксина. Опочнины. Туманская. Ф. Толстой. Гр[аф] Борх. Перфильевы. Путятины. Пашковы. Гр[афиня] Панина. Закоржевская.

13. Четверг.

[У] гр[афини] Ростопчиной. Концерт.

14. Пятница.

Купался в море. Гр[аф] Толстой. Гр[аф] Борх.

15. Суббота.

[У] гр[афини] Ростопчиной. Орган в Олай-вечер у гр[афа] Гейдена — музыка.

16. Воскресенье.

Обедня в соборе. Купался. У гр[афини] Ростопчиной. У Опочниных, куда явился вездесущий и неизбежимый к[нязь] Любомирский. Здесь Купфер, академик с женою, дочерью доктора Макдональда. Я заметил ее еще в Петербурге, в концерте — еврейская красота, но, кажется, кривошейка. Полковник Врангель Кавказский.

17. Понедельник.

Idem*. У Путятиной. Пашковых.

18. Вторник.

Idem. Концерт Гиза. Прогулка по берегу моря, теплая лунная ночь.

19. Среда.

Обедал у Толстого. Не купался. В два часа пошел к Тизенгаузен. Кноринг.— Пока расспрашивал у людей на дворе, тут ли они живут и дома ли, большая собака на меня бросилась, лапу уставила на плечо и укусила правую руку до крови, но странно не прокусила ни рубашки, ни сертука — собака злая и прежде бросалась на людей. Тизенгаузен уверяет, что она вчера, то есть

* То же *(лат.)*.

в то же утро, купалась с ним в море.— В десять часов вечера прижигал мне руку доктор Геренбаум.

21. Пятница.
С среды не купаюсь.

23. Воскресенье.
В салоне Опочининых.

24. Понедельник.
[У] Ростопчиной.

25. Вторник.
Idem. [У] Гейдена — музыка.

26. Среда.
[У] Толстого — имянины дочери. Бал в салоне.

27. Четверг.
[У] Ростопчиной, Опочининых. Музыка.

28. Пятница.
Обедня. Панихида.

30. Воскресенье.
Получено известие о смерти скоропостижной Евгения Боратынского в Неаполе.

31. Понедельник.
Теплая ванна.

Август 1. Вторник.
Обед у Ростопчиной с Пироговым и Толстым. Разговор о сверхъестественных явлениях. Конц[ерт] Штейна.

2. Среда.
Обедня. Постный обед у Перфильевых.

3. Четверг.
Обедня. Постный обед [у] Толстого.

4. Пятница.
Обедня. Исповед[ался], прича[щался]. Имянины Ростопчиной и Путятиной. Обед у Ростопчиной, вечер

у Путятиной. Получено известие о кончине в[еликой] к[няжны] Алек[сандры] Николаевны.

5. Суббота.
У Толстого. Ховрина.

6. Воскресенье.
[У] Ростопчиной. [У] Путяты — день ее рождения. Выехал из Ревеля.

7. Понедельник.
В дороге.

8. Вторник.
Возвратился в Петербург.

КНИЖКА ДВЕНАДЦАТАЯ

(1838—1843)

[*Конец мая 1838*[1].]

Титулярный советник Головков, бывший предводителем дворянства в Ярославской губернии, погибший на нашем пароходе.

Elmenhorst, куда мы вышли на берег.

M. Gütschow — сестра пет[ербургского] негоцианта. Pastor Burkenstaedt zu Elmenhorst*, имение graf Bothmer Бюркенштед.

Le comte Kourzrock, chambellan, Consul-général d'Autriche à Lubek**[2], наш благодетель в Травемюнде.

[*Октябрь 1838*].

Поездка на остров Wight.

6 октября выкупался я в 26 раз в Брайтонских волнах и простился с ними. В 11 часов утра сел на дилижанс и отправился в Портсмут. На дороге, не доехав Arundel Castel, замок, выстроенный отцом поэта Shelley и принадлежащий ныне малолетнему сыну его. В Портсмут приехали довольно поздно за частыми остановками кучера и не застали уже парохода. Из лодки, куда сели мы, чтобы догнать его, напрасно кричали — он не остановился и принуждены были мы ночевать в Портсмуте. Вечером полковая зоря. Сара и Фанни [1 сл. неразбор.] впечатление.

7-го

В 8 час. утра сели мы на пароход и в 9 часов пристали мы к pier*** городка Вуде, на острове Wight. Тут совершил я 27-е купание. Бродили по городу. Красиво обстроен. Сады. Опрятность, миловидность. В сады нас не пускали,

---

* Пастор Буркенштедт из Эльменхорста *(нем.)*.

** Граф Курпрок, камергер, австрийский генеральный консул в Любеке *(фр.)*.

*** Мол *(англ.)*.

потому что день воскресный, а по воскресениям Англия не показывается. Она ханжит.

[*Май 1839*].

В Берлине 6 мая 1839. Рибопьер. Мансуров. Озеров. Лазарев. Графиня Лоттум. Фарн-Гаген. Гумбольдт. Фролов. Ностиц. Вагнер[3].

С Ф. Гагеном о переводах с русского.

[ПОЕЗДКИ В МАНУЙЛОВО, РЕВЕЛЬ И ГЕЛЬСИНГФОРС. 1843]

24 июня 1843.

Выехал из Петербурга с маленьким Жибером в шестом часу после обеда[4].

Приехали в Ополье в 4 час. утра. Лег спать. Приехал в Мануйлово к Мещерским в 11 час. утра.

В Мануйлове крестьяне не говорят: дождь идет, дождь шел, а дождь *летит, летел.*

Здешние окрестности: деревня Веймарна, обер-прокурора,— Тизенгаузенши — строится замок на высоте. Фабрика шерстяных одеял — содержит англичанин. Имения гр. Зубовой — Чоглоковых — Блока.

Гёте говорит: «Я каждый год перечитываю несколько пиес Молиера, так же, как я время от времени любуюсь гравюрами с картин италианских мастеров. Ибо мы пигмеи, мы не в состоянии сохранять в уме нашем возвышенность подобных предметов: нужно нам по временам возвращаться к ним, чтобы возобновлять в себе впечатления такого рода».

Он же: «Шекспир предлагает нам золотые яблоки в серебряных чашах. Изучением творений его нам удается перенять от него серебряные чаши; но нечем наполнить их нам как картофелем. Вот что беда».

Он говорит, что если Байрон имел бы случай излить жестокими выходками в парламенте все, что было в нем оппозиционного, то поэтический талант его был бы гораздо чище. Но он мало говорил в парламенте и хранил на душе все, что имел враждебного против нации своей, потому и вынужден был облечь свое негодование поэтическою формою. Я охотно назвал бы большую часть отрицательных действий Байрона: Verhaltene Parlamentsreden*.

Он же: Я сказал, что классическое есть *здравие*, а романтическое — *болезнь*. В таком смысле Нибелунген

---

* Парламентские речи, приведенные в действие (*нем.*).

также классически, как Гомер; ибо в обоих есть здоровие и сила. Большая часть новейших произведений не потому романтические, что они новейшие, но потому, что они слабы, болезненны или больны, а творения древние, не потому классические, что они древние, но потому, что в них есть сила, свежесть и здоровие. Если мы по этим примерам различали бы классическое от романтического, то легко бы поняли друг друга.

Возвратился из Мануйлова в Петербург 3 июля в полдень.

1843. Ревель. [Июль]

Выехал из Петербурга 6 июля. 7 обедал в Мануйлове. 8-го к полуночи приехал в Ревель[5].

9 июля.

Купался в теплой ванне. Вечером концерт Маффея трубача, или трубочиста. Муж на инструменте своем иногда поет; жена голосом своим всегда трубит. После вечер у Бибиковых, Блаз, Меерти, Герке.

10-го [июля].

Купался в море; не с большим 12 градусов в воде — да и в воздухе не более. Дождь. Прочитал «Князя Курбского» Бориса Федорова. Читается, хотя и с трудом по историческим подробностям, но романическая и драматическая часть ребячество. А славный сюжет — достойный В. Скотта.

11-го [июля].

Купался в море под дождем, гулял под дождем, смотрел в Екатеринентале на фейерверк под дождем.

12-го [июля].

Был у обедни — панихида — купался — визиты — вечером концерт Меерти.

13-го [июля].

Писал к жене.— Послал газеты в Департамент.— Купался.— Прогулка на сахарный завод — вечером в Либерти — чай у гр. Клейнмихель.

14 [июля].

Купался — вечером в салоне.

15 [*июля*].

Купался — волны — вечер у гр. Клейнмихель — Меерти — Герке — Блаз.

16 [*июля*].

Писал к жене — Языкову — Дружинину.— Газеты в Департамент. Купался.

17 [*июля*].

Купался — в 12 часов сел на пароход — море довольно волнистое — в половине шестого прибыли в Гельсингфорс — концерт скрипача Ghys — Стокгольмская певица Jenny Lind. Козловы. Вечер у Мятлевой.

18 [*июля*].

Купался — обедал у Клинковстрема — вечер бал в салоне. После чай у Полуектовой. Музыка Меерти. Негри. Туманская.

19 [*июля*].

Купался. Обед в Société* с Туманской. Вечером чай в Ботаническом саду с Туманской.— Еремеевы. Карцева — вечер у Клинковстрема — Меерти — Негри. Я как entrepreneur** разъезжаю с своими артистами ambulants***. Гр[афиня] Пушкина. Bacietetshus — гостиница и зала концертная и бальная.

20 [*июля*].

Купался. Ездил к Демидовой с Пушкиной. Возвратился вечером в открытой таратайке с Шернвалем. Он правил. Проливной дождь. Был у Еремеевой. Туманская.

21 [*июля*].

Купанье. Обедал у Валлена. Вечером прогулка по морю вокруг островов с Меерти. Бал в салоне. Анненкова — Струкова — золотая рыбка.

22 [*июля*].

Купался, поехал в Трескенде, день рождения Демидовой, чтобы не потерять купанья, возвратился ночью

---

* Обществе *(фр.)*.
** Антрепренер *(фр.)*.
*** Бродячими *(фр.)*.

с Мятлевою — j'ai fait voeu de propketé et de chasteté* — вечером в Трескенде шарады.

23 [июля].

Купался — поехал в Трескенде — возвратился ночью.

24 [июля].

Купался — концерт Блаза и Меерти — вечер у Армфельта.

25 [июля].

Купался — прогулка в пароходе вокруг островов. Ударили об камень и прошибли пароход — во все время выкачивали воду. Шкипер и лоцман не знали порядочно, где и как ехать. Возвратились, было уже темно — тут сбивались с пути. Нам с графинею Пушкиною не надобно встречаться на море. Вечер у Мятлевой. Пляски. Возвратился в 2 часа утра.

26 [июля].

Встал в 6 час. утра. Отправился на пароходе, в 8 час. прибыли в Ревель, во 2-м часу купался.

27 [июля].

Купался — день суматошный, отправление Карамзиных, Клейнмихель на пароходе «Ижора» в Гельсингфорс — 7 пятниц в один вторник. То ехали, то нет. Обедали на пароходе у графини Клейнмихель.— Вечер, гуляние в Катеринентале.— Фейерверк, чай на пароходе. Отправились в полночь. Очень звали меня ехать с ними — остался наслаждаться одиночеством и независимостью.— Графине Паниной Московской дал записку о сообщении мне бумаг Ф[он] Визина и гр[афа] П. И. Панина. Писал к жене, писал к Гр[афине] Пушкиной с Софиею Карамзиной и отправил 300 руб.

28 [июля].

Купался два раза в 11-м часу и в шесть часов. Обедал в 7-м. Гулял по городу и в Катеринентале. Пил чай у Самариной — вода тепла, слишком 14 гр.

29 [июля].

Купался два раза — ходил смотреть старые мебли.

---

* Я дал обет чистоты и целомудрия *(фр.)*.

Ховен пришлет мне шкаф в 70 руб. У Витта шкаф даю 75.— За шкаф другой даю сто рублей, стоил с зеркалом 75. Тут же старый фарфор. У Гамильтон стулья в 100 руб.

Отправился в Петербург в первом часу ночи. 31-го августа[6] в 8 час. утра заметили, что ось в карете переломилась — я сел на перекладные и приехал в Петербург к обеду в шестом часу.

КНИЖКА ТРИНАДЦАТАЯ

(1838—1860)

Брайтон, 24/12 сентября 1838[1].

Сегодня купался я в море в 14-ый раз. Начал я свои купания в понедельник 10-го. Одно купание прогулял поездкою в Портсмут. Черт *любосмотрения* дернул меня. Впрочем, меня на пароходе много рвало. Может быть, это тоже к здоровию. На другой день приезда моего, то есть 10-го, пошел я было купаться в море, но здесь купаются только до часа пополудни, а было уже около двух. Пошел я в крытое купание на берегу: большой бассейн, род маленького пруда с проточною морскою водою и фонтаном в средине. Волн здесь мало. Вчера море было бешеное, и не бешеная собака, а бешеный лев, рьяный, пена у пасти, кудрявая грива так и вьется, и дыбом стоит, хлещет в бока, что любо: как наскочит, так и повалит. Я был на привязи. Вообще купания не очень хорошо устроены. В Диеппе, сказывают, лучше и более прилива волн. Кажется, купания мне по нутру. По крайней мере не зябну после.— Выехали мы из Парижа с Тургеневым в среду 5-го в дилижансе, на другой день приехали утром в Boulogne sur mer*, т. е. 6-го. Море показалось мне что-то французское, т. е. грязное, но заведение для купальщиков хорошо. Наводнение англичан. Вечером были в театре. Давали оперу: «Le domino noir»**. Порядочно. Торопыгин-Тургенев не дал досмотреть. Пароход отправлялся в полночь, а он уже в десятом ч[асу] взгомонился. Более часа ждали в трактире. Сели на пароход Wagner. Поэтическое излияние, жертвоприношение морю: рвота. Из каюты бросился я на палубу и пролежал там свиньею до утра. Морем идешь часа три или четыре, а там вплываешь в Темзу. В Лондоне пробыл я около двух суток и выехал сюда в дилижансе,

---

* Булонь на море *(фр.)*.

** «Черное домино» *(фр.)*.

в воскресение 9-го, в 11-ть час. утра. К обеду, т. е. к шестому часу был здесь.

Ехав в Worthing, сидел я в карете с старичком, который узнав, что я русский, спросил меня: правда ли, что ваша великая княжна выходит замуж за наследного принца Ганноверского. Я отвечал, что ничего о том не слыхал. Разговорились мы тут несколько о принце, которого вообще хвалят. Англичанин напал на отца и, сказав, что если королева английская умрет бездетная, то он наследует престол, прибавил к тому спокойно и ребяческим и глуповатым голосом или напевом, которым обыкновенно англичане говорят по-французски:

«Oh! alors on lui coupera Très joliment le cou»*, и тут же мой головорез заснул и продремал всю дорогу. Это характеристическая черта: подобный разговор при первой встрече с незнакомым. Это напомнило мне какие-то старинные французские стихи:

Barbare nation, dont les sanglants couteaux
Coupent la tête aux Rois et la queue aux chevaux**.

Но после и французы выучились англизировать и тех и других.

Старый доктор, которого я здесь встретил, сказывал мне, что Бульвер в романе своем «Paul Clifford»*** вывел короля и министров его в лице какого-то дворянина, который держит притон разбойникам.

25 сент.

15-е купание. Море было довольно прозаическое и студеное. Вчера приехал Тургенев. Он отдумал ехать в Ирландию, убоясь моря и рвоты, а в Шотландию потому, что некому писать оттуда. Брат лучше его знает все, что будет он ему описывать, а меня в России нет (historique)****[2]. На днях узнал я, что здесь леди Морган, и вчера отправился я к ней. Нашел старушку маленького роста, нарумяненную, род Зайончековой и Мохроновской без горба, но кривобокая. Она меня приняла очень приветливо, ласково и, кажется, довольна моим поклонением. Дивилась, что имя и сочинения ее известны в Рос-

---

* О, тогда ему очень мило отрубят голову *(фр.)*.
** Варварская нация, кровавые ножи которой
Рубят головы королям и хвосты лошадям *(фр.)*.
*** «Поль Клиффорд» *(фр.)*.
**** Достойно истории *(фр.)*.

сии, en dépit de la sainte alliance*. Речь о мнимой нашей завоевательной страсти и о видах наших на Восток. Спрашивала: есть ли надежда, что участь поляков будет облегчена? Вот два *бельма*, которые на глазах Европы, когда она смотрит на нас. Одно легко снять, другое труднее. Что тут отвечать? — Много расспрашивала о русских женщинах и образованности их. Говорила que tous les Russes, qu'elle avait connu, étaient très fins**. Извинялась, что сама, кочуя в Брайтоне, не может оказать мне гостеприимства, но тотчас предложила мне представить меня вечером Horace Smith, автору романов (которого пригоженькую дочь заметил я в концерте Рубини), и после обеда получил я карточку Horace Smith с семейством и с надписью карандашом: at home, monday evening*** (*у себя* — обыкновенное английское приглашение). Josephine Clarke, племянница леди Морган, милая с выразительными черными глазами, показывала мне работы своей эскизы с портретами, на память писанными, гуляющих на Chainpier****, посетителей концерта, и я узнал многие лица, здесь мне встречавшиеся. Муж леди Морган — также писатель. Он обогащал учеными нотами сочинения жены своей.— У Horace Smith вечером видел я первый образец английского салона. Ничего особенного не заметил. Он также принял меня очень приветливо. Жена и две дочери, старшая не хороша, но умное лицо и, сказывают, умна, к тому же певица, хотя и по-италиански, но несколько на английский лад.— *Dandy à la jeune France******, с усами и локонами, tournure de garçon de boutique******, пел дуэты с дочерью весьма по-английски à la *muttonchop*, то есть бараньим голосом. Брат хозяина довольно замечательное английское лицо, тоже певец и английский désangier*******, пел водевили своего сочинения и морил со смеху слушателей.— Собрание *синих чулков*. Miss Porter, сочинительница романов, длинная сухая, старая англичанка, с которою через переводчицу говорил я о племяннице ее Кикиной. Одета вся в черном с головы до ног. Другая леди также романистка, к которой еду сегодня вечером, но имени не знаю, а

* Вопреки Священному Союзу *(фр.)*.

** Все русские, которых она знала, были очень утонченны *(фр.)*.

*** У себя, в понедельник вечером *(англ.)*.

**** Пристань *(англ.)*.

***** Денди, на манер молодой Франции *(фр.)*.

****** Внешность лавочного приказчика *(фр.)*.

******* Полукровка *(фр.)*.

о романах не слыхал. Леди Морган заботливо меня всем представляла и ухаживала за мною. Как ни говори, а хорошее дело *грамота.* Это род franc-maçonnerie*. Досадно, что поздно узнал о пребывании в Брайтоне de la muse de l'Irlande**, как называет ее Пюклер, или de lady Mordant, как можно назвать ее за сочинения ее о Италии и Франции, где она либеральничает во всю мочь. Вместо двух недель одиночества, в котором я был здесь погребен заживо, был бы я давно в каких-нибудь отношениях, хотя литературных. Miss Clarke пела: прелестный contre-alto***, ученица Рубини и большая музыкантша. Леди Морган давно не пишет за слабостью глаз.— Вечерний наряд ее был с большими претензиями: двойная порция румян, ток с перьями, платье с довольно длинным хвостом и маленькие китайцы с довольно большими морщинами se présentaient aux yeux du respectable public****.

Получил письмо от жены 26 августа.

Леди Морган говорила мне, что они, т. е. ирландцы, очень довольны нынешним министерством и своим вице-королем.

22 сент.

Слышал я в первый раз Рубини. Он приезжал сюда давать концерт с певицею Persiani, бывшею Такинарди, и виолинистом Emiliani, который, сказывают, побочный сын Наполеона. В голосе Рубини что-то теплое и мягкое, сладостно льется в душу. С большим чувством пропел он из «Don Giovanni»***** Моцарта: «il mio tesoro intanto»****** и арию из «Пирата»: «Tu vedrai la sventurata»*******. Особенно мне понравился второй куплет:

Ah, mon sia per sempre odiata
La mia memoria io spero********.

Как выразительно вырывалось у него из души: «*miei tormenti del mio tradito amor*»*********. Говорят, голос его

* Франкмасонства *(фр.).*
** Музы Ирландии *(фр.).*
*** Контральто *(фр.).*
**** Предстали перед взорами почтенной публики *(фр.).*
***** «Дон Жуана».
****** В то время, мое сокровище *(ит.).*
******* Ты увидишь, несчастная *(ит.).*
******** Ах, не всегда, надеюсь, память обо мне будет ненавистной *(ит.).*
********* Муки моей любви, которая была предана *(ит.).*

несколько ослабел. Emiliani смычок не Наполеоновский, а, напротив, *плачущий*. Отменная чистота и выразительность. Голос Персиани хорош, но не ворочает душу. Подобно англичанам, плавающим по Рейну, уткнув нос в карту, многие англичанки слушали пение уткнув нос в Libretto, то есть в английский перевод арий прозою. Но зала полна, и концерт был на двое помножен, потому что почти все петое Рубини было, по требованию публики, повторено. M-lle Ostergaard (pupil of Sign. Rubini)*, белобрысая, кажется, датчанка. Пение северное, но довольно чистое и свежее.— Леди Морган говорит, что страсть к музыке переживает все другие страсти и что она одно наслаждение, которое не отзывается после горечью. Вообще, англичане по крайней мере прикидываются большими меломанами; но гортани и уши их приготовлены ли на то природою, это дело другое.

В нравах, обычаях и предрассудках английского общества много bourge-pourri**. Я бросил эту мысль в письме к жене. Оно требует развития, а это истина. Не надо признавать за результат образованности все, что видишь у них. Многое ускользнуло от образованности и осталось в первобытной своей дикости, потому что англичане упрямы, самолюбивы и во многом односторонни и недальновидны.

26 [*сентября*].

16-е купание. Тоже проза. Вчера гуляние и полковая музыка на Chain-pier***. Мало народа. Дождь. Вечер у сине-чулочной незнакомки — Ledy Stepney.— Имя узнал, но о романах еще ничуть. Важный водевилист опять пел свои забавные куплеты.— Милая племянница.— С теткою попал я в промах, спросив о Пюклер М[юскау]. В том томе, который у меня, в 3-м, он хорошо отзывается о ней, но в следующем видно не так, и не щадит даже племянницы, которая была тогда ребенок. Леди Морган говорила о неблагодарности его к ней и что ему невозможно, после книги его, возвратиться в Англию.— Тут были: какой-то отставной английский Тальма, кажется Young; — Квин доктор омеопат.— В Лондоне называют *тиграми* молодых фрачных усачей. Племянница говорила

---

* М-ль Остергард (воспитанница синьора Рубини) *(англ.)*.
** Пошлости *(фр.)*.
*** Набережной *(англ.)*.

мне, que *le lion* de la dernière saison avait été un magnétiseur*.

27 [*сентября*].

17-е купание с маленьким дождем.— Тургенев, не имея кому писать, поехал в Лондон за письмами, которые никто ему не пишет. C'est un vrai sujet de comédie**. Вчера водил я леди Морган и, разумеется, племянницу в Royal Pavilon***. Я имел билет от обер-камергера lord Conyngham, присланный мне Бенкгаузеном. Этот дворец построен принцем-регентом, который особенно любил Брайтон и превратил в несколько лет рыбачье селение в великолепный уголок Лондона. Здание наружностию своею и куполами имеет что-то Василия Блаженного в Москве. Внутри оно в китайском вкусе или, лучше сказать, безвкусии, стоило несметные суммы и не отвечает ни итогу, ни ожиданию. Впрочем, дворец теперь в расстройстве: многие комнаты снова перекрашивают и мебли вынесены. Вечером, при свечах, вид должен быть довольно красив и оригинален, а днем он очень темен, потому что по большей части освещается сверху раскрашенными стеклами. Лучшая комната «Music Room»****, красными обоями обитая с золотыми фигурами и узорами. В столовой стол на 90 человек, замечательный тем, что, вероятно, не раз принц-регент лежал под ним. Кухня великолепная, или кухни, потому что на каждый сервиз, на холодное, на горячее, на дичь, на пирожное и прочее особенное отделение. Батареи медной посуды свидетельствуют о победах. Погреба мы видеть не могли, хотя, вероятно, он не уступает кухне и принц-регент выразился в нем с особенным могуществом и con amore*****. Вообще впечатление дворца то же, что цибика огромного размера. Из китайских художественных предметов примечательны: китайские суда из кости. Леди Морган рассказала мне, что кто-то вывез из Китая четыре картинки, которые валялись у него в небрежении. Понадобилось ему перекрасить свой дом и маляр, призванный им, увидев эти китайские картинки, вызвался перекрасить дом, если их ему уступят. Хозяин с радостью на то согласился, но узнал после, к сожалению своему, что эти картины проданы были

* Что львом последнего сезона был магнетизер *(фр.)*.
** Это настоящий сюжет для комедии *(фр.)*.
*** Королевский Павильон *(англ.)*.
**** «Музыкальная комната» *(англ.)*.
***** С любовью *(ит.)*.

в Royal Pavilion за тысячу ф[унтов] с[терлингов], если не более. Жилые покои, спальни, кабинеты тесны и низки. Нынешняя королева любит Брайтона. Принц-регент не только создал Брайтон, но и развратил его, и разврат пережил его. Конюшня, циркулем построенная, очень хороша. Сад порядочный, особенно для Брайтона лысого, то есть бездревесного. The centre one has a large dome much ressembling the churches in the Kremlin at Moscow*, сказано в описании. И это довольно странная мысль сочетать Кремлевский стиль с китайским текстом.

German Spa. Заведение искусственных вод. Зала порядочная, но сад очень тесен. Англичане уморительны с своими иностранными наименованиями. У них все минеральные воды Спа, как у нашего провинциала все русские послы и посланники *Поцо-ди-Борги.*

Л[еди] Морган пишет теперь книгу «The woman and her master»**. Философское сочинение с примесью humour*** «car une femme,— сказала она,— ne doit jamais être pédantesque dans ses écrits»****. Она хочет показать несправедливость лишения всех прав гражданских, на которое осуждены женщины особенно в Англии. Я обещал ей выслать записку о некоторых узаконениях русских касательно женского пола и известие о наших женских знаменитостях. Она говорит с большим уважением о Екатерине и предпочитает ее Петру, par trop barbare*****, особенно к сыну. Я оправдывал Петра, разумеется, не унижая Екатерины, *левой руки его* то есть необходимой союзницы и пополнение *правой.*

Получил письмо от жены еще от 26-го августа.

28 [*сентября*].

18-е купание. Вода холодна, но день красный. Меня иногда берет раздумье. Хороши ли купания для глаза? По вечерам около глаза, в рамке глаза, чувствую какую-то боль, но глаз не горит, не зудит. В темноте, когда закрываю глаз, образуется какое-то светлое, вроде лунного; пятно, по которому скользит мрак, и из этого мрака выплывает снова то же пятно. Это повторяется

---

* В центре его стоит большой собор, напоминающий кремлевские церкви в Москве *(англ.)*.

** «Женщина и ее господин» *(англ.)*.

*** Юмора *(англ.)*.

**** Так как женщина... никогда не должна быть педантичной в своих сочинениях *(фр.)*.

***** Слишком большому варвару *(фр.)*.

несколько раз и потом все проходит. Утром, просыпаясь, другое явление: перед глазом зеленый кружок с черными точками, род шпанской мухи. Тоже повторяется несколько раз и исчезает. Уже не калейдоскоп ли в глазу моем? Впрочем, Копп говорил мне, что эта разнообразность явлений, или припадков зрения лучшее доказательство, что нет в глазу постороннего повреждения. Вообще для здоровия моего купания, кажется, полезны.— Вчера утром был у Mistriss Perry слушать племянницу и у Miss Porter, которая обещала мне письмо к сестре лорда Байрона. Вечером у Mistriss Perry. Живая малютка, свободно говорит по-французски. Муж ее адвокат. Хорошо, сказывают, живут в Лондоне. Тут был издатель журнала Examiner, лучшее журнальное и полемико-политическое перо. Он за министерство, но впереди. С актером Young говорили о театре, о Тальма. По его мнению, французский театр падает, а английский упал. Декоратор, вот главный оратор (автор). Он коротко знал Тальму и уважал в нем артиста и человека, скромность его.— С Sir Charles Morgan говорили мы об О'Коннеле. Он признает его добросовестным, хотя и честолюбивым. Недавно отказался он от выгодного судейского места в Ирландии, а сам в деньгах всегда нуждается. Однажды на Meeting* старуха, заслушавшись красноречия его, воскликнула: вот бы тебе быть нашим королем! — Президентом, хотела ты сказать, добрая старушка,— прервал О'Коннель. Он искренно поддерживает министерство, но должен всегда быть впереди того, что в пользу Ирландии делается, чтобы пугать народом тори, сохранить свою власть *ажитаторства* и не дать министерству остыть в деле ирландском.— Меньшая дочь Horace Smith прелесть, но всего лучше пение племянницы.

Сегодня первый мой урок английского языка. Хотя мой язык и без костей, но не переломаешь его на английский лад. Надобно уметь свистеть, шипеть. Сперва выучиться нанизывать бусы языком, а там уж английские слова. Да и вовремя начал я, за неделю до отъезда, а вот уже три недели, что я здесь праздно шатаюсь. Хорош мой титулярный советник, да и сам я по себе порядочный коллежский регистратор.— Приятельница Miss Porter Mistriss Morgan (не родня леди) просила меня написать ей какие-нибудь русские стихи для альбома ее. Я написал ей куплет к морю, который годится для английского альбома.

* Митинге *(англ.)*.

Доктор Jones звал меня: de venir passer *la nuit* chez lui avec une fort jolie personne, qui joue très bien du piano*: Здесь на вечер зовет обедать, а *на ночь* значит на вечер.

30-го [*сентября*].

Вчера и сегодня 19-е и 20-е купание. Вчера ездили мы с Леонтьевой в *Arundel Castle***, собственность дюка of Norfolk***, милей 20 от Брайтона. Позавтракали очень хорошо на половине дороги в Worthing у моих приятельниц Parson (Parson's Hotel), которые дали мне письмо в Arundel Castle к содержателю гостиницы, для допуска нас в замок. Это первый английский замок, который я вижу, и хорошо что не лучший, хоть и он очень замечательный и древний, по крайней мере есть остатки древности, но вообще он заново переделан. Двор и фасад строения на двор прекрасны. В стенах много каменной резьбы замечательной. Baronial Hall**** обыкновенный театр многих сцен романов В. Скотта, с расписанными стеклами (ho modern*****), с большим камином, дал мне топографическое понятие о пиршествах старых баронов. Библиотека, или the libraire, по числу книг est une librairie très mal fournie******, но шкапами своими очень великолепна из цельного магонского дерева (Пюклер М. говорит en bois de cèdre*******) и вообще вся boiserie******** резная и колонны, начиная от потолка до пола, удивительной работы и красивости. В других покоях также много хорошей boiserie, но мебли довольно обыкновенные. Жилых покоев мы не видели, потому что в них живет теперь la belle fille du duc de Norfolk*********, жена единственного сына его *Surrey*. Несколько замечательных семейных картин работы Lebrun, Angelica Kaufman, Holbein, Vandycke. Вид из некоторых окон обширный: море зелени, усеянное группами дерев, как островами. Башня с филинами. Пюклер говорит о старейшине их, который лаял, как собака, но мы его в живых уже не

---

* Провести у него ночь с одной очень красивой особой, хорошо играющей на рояле *(фр.)*.

** Замок Эрендель *(англ.)*.

*** Норфолькского *(англ.)*.

**** Баронский холл *(англ.)*.

***** Современный *(англ.)*.

****** Очень плохо снабженная книгами библиотека *(фр.)*.

******* Из кедрового дерева *(фр.)*.

******** Деревянная отделка *(фр.)*.

********* Невестка герцога Норфолькского *(фр.)*.

застали. С башни, как и всегда, уверяют, что в ясную погоду видишь за тридевять земель тридесятое царство — и собор Chichester и остров Wight, но мы ничего этого не видали. Сад, оранжереи: особенного ничего нет. Ежегодно созревают 500 ананасов, и по образцам, виденным нами, большой величины. Парк обширен, но мы не углублялись в него. Впрочем, Пюклер о нем мало говорит, а если было бы что описывать, то, несмотря на дождь, который так лил на него, он все не избавил бы читателей от прогулки. Да и указатели письменные и словесные, хотя англичане великие краснобаи и самохвалы, не соблазняли нас парком. Вероятно, не содержится он в требуемой щеголеватости. Есть башня, с которой можно обнять весь парк, но она была уже заперта, и ключник уже кончил свой день; а в Англии все на часы рассрочено, и не в известное время ничего не делается. Охотники проехали по парку и стадо оленей проскакало мимо нас по зеленому лугу и спустилось по склону горы в глубокий овраг. Новейшая часть замка, построенная отцом нынешнего дюка, стоила, сказывают, 800 000 ф[унтов] с[терлингов]. И как подумаешь, что это не из лучших замков, и что по всей Англии их может быть — сколько? — несколько сотен, что ли? то изумляешься богатству этой земли. Да прибавьте еще к наличному итогу присутствие нескольких столетий, которые более или менее сохранились в камнях, в деревьях, и эту вековую собственность, cette légitimité foncière, qui vaut bien la légitimité dynastique*, и нельзя не сказать, что Англия царственная земля и первая держава в Европе. Богатство, устройство германское имеет также свою цену, но все это мещанское, c'est la tragédie bourgeoise** в сравнении с Греческою царскою трагедиею.

Что за прелесть английская езда. Катишься по дороге, как по бархату, не зацепишься за камушек. О колеях и не слыхать. Лошади, пара в четвероместной карете, в которой сидело нас 7 человек, считая кучера, провезли нас свободно 35 верст в $2^1/_2$ час. У нас ездят скорее, но эта скорая езда мучительство для лошадей: чувствуешь, что они и кучер скачут из-под кнута и кулаков, но здесь кучерского голоса не слыхать, бичом своим он не погоняет и не хлопает. Словно машина катится. Возвратились

* Эта наследственная земельная собственность, которая не менее важна, чем наследственность династии *(фр.)*.
** Это мещанская трагедия *(фр.)*.

мы к девяти часам, сели обедать и выпили шампанского за здоровие присутствующей и отсутствующих имянинниц[3].

Мой *морганический* союз рушился. Леди Морган и племянница уехали третьего дня в Лондон. Племянница поет *Вот мчится тройка удалая* и очень порядочно выговаривает, только *сгрустнулось* затрудняет ее. Я обещал прислать ей музыку Вьельгорского на эти слова.

Мне иногда и хочется порядочно заняться английским языком, но потом, как обдумаешь, что говорят ли по-английски на том свете, да разочтешь, что я ближе к тому свету, нежели к здешнему, то печально и откажешься от труда безнадежного.

У кого есть ange tutélaire, а у меня un ange titulaire*, то есть титулярный советник.

В самый тот день, когда Рубини давал свой концерт, радикал Feargus O'Connor давал здесь свой meeting для предложения suffrage universel** и vote au scrutin***, и я, недостойный, пошел слушать Рубини. А есть еще люди, которые считают меня либералом.

1-го октября.

21-е купание. Tout dort et les vents et Neptune****. Вчера ездили мы верхом милей за шесть. Devil's Dyke (дьявольские плотины). Возвышение, с которого — все та же сказка — видны в ясную погоду со стороны моря остров Wight, а с другой — Виндзор, но по причине Альбионского тумана мы ничего не видали. Под горою большая лощина, точно шашечница, земля, разбитая на четвероугольники, зеленеющиеся или чернеющиеся, и обставленные живою оградою. В таком виде представляются почти все английские равнины. Солнце было как в дыму, род парной и испаряющейся репы.

Сегодня второе английское *языколомание*. Читал главу из *Спектатора* о мушках, вигах и тори и о барыне Rosalinda, a famous whig partizan, которая имела a very beautiful mole on the Tory-part of her forehead*****, так что часто ошибались и полагали, что она изменила интере-

---

* Ангел хранитель *(фр.)*. Ангел титулярный *(фр.)* (игра слов: tutélaire — хранитель, titulaire — титулярный).

** Всеобщее избирательное право *(фр.)*.

*** Голосование на выборах *(фр.)*.

**** Все спит, и ветры, и Нептун *(фр.)*.

***** Розалинде, знаменитой стороннице вигов... весьма хорошенькую родинку на правой стороне (Tory-part) своего лба *(англ.)*.

сам вигов. Мой учитель, который знает верно наизусть своего Адиссона, не менее того смеялся сызнова этим шуткам.

Здесь польский лекарь, réfugié *Konarski**, был в Вюрцбурге. Желал бы возвратиться в Польшу и ожидает общей амнистии.

2-го [*октября*].

22-ое купание и 3-ье языколомание. Как родятся Рафаэлями, Ньютонами, Паганини, особенно Паганини, так должно родиться с способностью произнести английский th и другие буквы qui jurent d'être ensemble**.

3-го [*октября*].

Третьего дня вечер у Stephens-овых, английский вечер: камин, чай, безразговорность и смотрение альбумов и карикатур. Между прочими картинами *будочник*, подаренный Мещерским, и работы какого-то знаменитого франц[узского] живописца в Петерб[урге]. Так подписано под картиною. Stephens, адъютант герцога Кембриджского, мастер рисовать и, подобно Жуковскому, собрал альбумы всех видов, снятых им в путешествии. Тут была [оставлено место для 1 слова] — родственница Гереро. Стефенсы — очень добрые люди.

Ездили мы с Леонтьевою в город *Lewis*. После моря и голых Брайтонских берегов глаза отдыхают на зелени холмов, деревьев и лугов, окружающих Lewis. Башня довольно высокая — развалины аббатства. Мы попали на скотский рынок, ярмонку. Все быки, коровы, бараны и свиньи и мясники были в движении. Во время luncheon*** нашего в гостинице подъезжает к крыльцу четвероместная карета, очень красивая, пара хороших лошадей. Кучер одет порядочно. Вылезают четыре человека также весьма пристойной наружности. Кто это: господа или мужики? Спор между нами. Вышло: мужики: т. е. *farmer*****, которые тотчас и отправились на свой базар.

4-го [*октября*].

Вчера и ныне 23-е и 24-е купание и четвертое и последнее язычное истязание. Учитель мой Rickard почти

---

* Эмигрант Конарски (*фр.*).

** Которые несовместимы (*фр.*).

*** Завтрака (*англ.*).

**** Фермеры (*англ.*).

со слезами расстался со мной, жалея, что теряет un élève, qui donnait de si grandes espérances*. Третьего дня обед у дяди, или брата, или племянника моего *lieutenant Colonel O'Reilly and the duchess of Roxburghe*** жены его. Мы не могли доискаться точно есть ли родство между нами, потому что фамилия O'Reilly разделена на много отраслей, но он обещал справиться, когда получит от меня дополнительные сведения, которые надеюсь отыскать в бумагах семейных, оставшихся в Остафьеве[4]; порядочно долго сидели за столом, со всеми английскими проделками, предложениями заздравных тостов, перекатыванием графинов кругом стола и, наконец, предложением урыльника, которым я не воспользовался, хотя par embarras, par contenance*** и от нечего делать я довольно накачал себя, чтобы было что выкачивать. Между тем доктор Jones давал в честь мою музыкальный вечер в тот же день и звал меня в 8 часов, а было уже около 10 и надобно было еще идти на верх пить кофе и чай к duchess****, которая в ожидании нас сидела одна в своем drawing-room***** и глядела на луну. По счастию, мой Mensbier, видя тоску поджидавшего меня д[октора] Jones, пошел по всему городу искать меня и, наконец, выручил из беды, вызвав из моего плена.

Вчера ездили с Леонтьевой и Стевенсами в Shoram смотреть Swiss-Cottage******, довольно милую игрушку, но здесь бесполезную. В Германии такой Café (кафе) был бы оживлен пивными четами, здесь нет этого рода забав. Все чинно, холодно и безмолвно — tout est trop comme il faut*******. У меня здесь есть молодой каммердинер Шарлотта Ивановна, которая каждое утро благопристойно и целомудренно приходит будить меня, стучась у дверей, смеется моему английскому косноязычию и пр. Однажды приносит она мне сапоги мои, и я говорю ей: I kiss your hand******** и спрашиваю: is it good English?—No, Sir,—отвечает она,—it is very shoking*********.

Вечером гулял по Cliff, смотрел на луну в большой

---

* Ученика, подававшего столь большие надежды *(фр.)*.

** Подполковника О'Рейлли и герцогини Роксбург *(англ.)*.

*** Из стеснения, из приличия *(фр.)*.

**** Герцогине *(англ.)*.

***** Гостиная *(англ.)*.

****** Швейцарский коттедж *(англ.)*.

******* Все слишком прилично *(фр.)*.

******** Целую вашу руку *(англ.)*.

********* Это хорошо сказано по-английски?— Нет, сэр... Это очень нарушает правила приличия *(англ.)*.

телескоп, который за несколько грошей показывают, но луна в море была еще лучше.

Le Siècle, Paris 2 Oct.* рассказывает, что когда император Николай получил la lettre de notification royale à l'occasion de la naissance du comte de Paris, il l'a lancée familièrement à la face de son premier aide-de-camp: «Est-ce que le cabinet des Tuileries ne sait pas, que je suis abonné à son Moniteur?»**

5-ое [*октября*].

25-ое купание. Вчера ходили смотреть сад адвоката Atree. Здесь сады редкость по причине каменистой почвы; сто родов pensées***. Потом на праздник стрелков archers. Не мастера. Вечером у Леонтьевой пела Ostergaard, датская певица. Голос свежий, сильный, но немного крикливый в высоких нотах. Дали ей арии из *Жизнь за Царя*.

Лондон, 12 окт[*ября*].

Я выехал из Брайтона 6-го. Поездку на остров Wight описал я жене в письме: дорогою два раза купался. Всего выкупался 28 раз. Сегодня с Озеровым были в Westminster и в Newgate: жизнь по смерти и смерть при жизни. В Newgate я ничего особенного не заметил и почти ничего того, что видел Пюклер Мюско. Около 200 заключенных, женщин 40, дети лет 13-ти. Все за кражу. Смертоубийц нет. Затворники строже содержатся. Не позволяют им пить ни водки, ни пива. Нет военного караула. Всего 14 смотрителей или сторожей. После были в Китайском базаре. При нынешней королеве не было смертной казни. Преступников выводят на место казни чрез кухню. В Westminster прекрасный памятник, статуя Horner. The poet's corner****. Были и в Hous of Lords, и в House of Commons. Не красна изба углами, а красна пирогами. Особенно в том виде, в котором мы их застали: все вынесено, чистят. Я сел на шерстяной мешок. Странное впечатление видеть пустынным и безмолвным то, что наполняет внимание мира и гремит из края в край, что раз-

* «Ле Сьекль», Париж 2 окт. *(фр.)*.

** Королевское уведомление по случаю рождения графа Парижского, он небрежно бросил его в лицо своего первого адъютанта, прибавив: «Разве тюильерийский кабинет не знает, что я подписчик «Монитёра»? *(фр.)*.

*** Анютиных глазок *(фр.)*.

**** Уголок поэтов *(англ.)*.

громило Наполеона и проч. Пещера Эола, объятого сном. Вечером был в Drury-Lane. «Дон-Жуана» уже не застал, а видел балет, который видел в Париже: *Хромой бес* и в котором Фанни Ельснер танцует качучу[5]. Сущая пародия Парижского балета. В Париже черт мелким бесом вертится, а здешний черт не на шутку бодается, брыкает, а публика смеется. Впрочем, теперь, не в сезонное время, публика средняя, все ложи, то есть большая часть, облеплена девами радости, из коих некоторые очень хороши.— Зала освещена хрустальными люстрами со свечами: не хорошо и заслоняет ложи.

Savernake Forest (графа Брюса).
17 октября 1838.

Последние дни пребывания моего в Лондоне описаны в письме к жене 16 октября, которое я оставил Бенкгаузену для отправления. Сегодня в шесть часов утра разбудили меня, в 7 без четверти был я уже в picadilles [Пиккадилли] за свои пекадилии, то есть за грехи свои, а в семь сидел в дилижансе, взяв за 30 шиллингов (да два шиллинга на водку кучеру) место insid to Marlborough*. 75 милей с лишком мы ехали славно и прежде трех часов по полудни были на месте. Я остался, а дилижанс пошел в Bath еще около 30 миль. Часть дороги, но весьма малую, можно проехать и по railway**. Мы ехали просто. Сторона прекрасная: все обработано, лесисто, довольно холмисто и обстроено красивыми городками и дачами. В Марльборуг меня выбрили. У английских брадобреев рука очень тяжела, даже когда и намыливают они, то голову шатают. Порядочные люди сами бреются, следовательно, не на ком хорошо выучиться.— Сел я в poste-chaise***, весьма порядочная, довольно низкая двуместная карета, желтою краскою выкрашенная, пара хороших лошадей, почталион, род жокея в синей куртке, верхом (5 миль — 7 1/2 шиллингов прогонов и еще два шиллинга на водку, вообще считают, что пара лошадей по два шиллинга за милю, со всеми шоссе платами и прочим) и отправился в Savernake forest, то есть назад из Марльборуга. Недалеко от города въезжаешь в лес, то есть парк, мир зеленый. В здешних рощах то хорошо, что они леса и луга вместе, а что луга эти лучше наших лучших газонов.

* Внутреннее до Мальборо *(англ.)*.
** Железной дороге *(англ.)*.
*** Почтовую карету *(фр.)*.

Местоположение дома и самый дом совершенно сельские: уединение, другого строения не видишь. У крыльца сказали мне, что хозяин вышел, то есть, что нет его at home*. В ту же минуту подъехала ко мне дама верхом, сказала, что гр[аф] Брус сейчас возвратится, и предложила мне ехать верхом. Но я не англичанин и не София Николаевна и не хотел быть aussitôt pris, aussitôt pendu** и отказался. Это была мачеха Бруса, вторая жена отца его лорда Ailsbury, молодая женщина и славящаяся здесь красотою.— Здешнее общество составляют леди Пемброк с сыном и дочерью красавицею, какой-то моряк с дочерью и, кажется, женою, хозяева Брусы и я. Леди Брус очень похорошела, посвежела и поздоровела после Киссингена. Дом небольшой, но уютный и красиво отделан. Здесь многие издерживают до 2,3 тыс. и более фунт. ст. на охоту. Многие имеют две, три охоты. Одна охота на паях, один содержит, а другие столько-то ежегодно взносят. Потом держат еще охоту с кем-нибудь сам-друг, сам-третей и еще третью маленькую про себя, для дней не назначенных; ибо здесь все рассчислено, напечатано. На все есть хартии. Охоты регулярные начинаются с 1-го ноября. До того ездят на охоту incognito, с 1-го ноября в красном кафтане (ответ Бруса).

18 октября. В 10 час. утра собрались завтракать, чай, кофе, котлеты, раки, знакомые остатки вчерашнего обеда, варение, следовательно, Кривцов прав. После собрались в гостиную. Здесь не замок и нет библиотеки, в которой обыкновенно сборное утреннее место. Лондонские журналы, рисунки заняли некоторое время. Впрочем, я думаю, мое присутствие несколько расстроивало обыкновенный порядок, ибо Брусы и Пемброки с Воронцовскою, то есть русскою кровью, ne sont plus des Anglais quand même*** и, вероятно, немного чинятся для гостей. Пошли гулять пешком по парку. Лес кругом на многие мили, лужайки с группами деревьев, и только. Однообразно, но берет свежестью, зеленью и английскою физиономиею. Луга здесь весь год зелены, и зимою зелень еще лучше. Во втором часу другой завтрак, luncheon, всякая всячина. После коляска, верховые лошади, кому что угодно и прогулка опять по парку. К прогулке приехала вчерашняя моя знакомка, леди Ailsbury и очень

---

* Дома *(англ.)*.
** Немедленно повешенным, как только попал в плен *(фр.)*.
*** Тем не менее уже не англичане *(фр.)*.

хороша! Белая, белокурые локоны, глаза темные, что-то великой княгини. Брус полковник yeomanry* и готовится показывать свой полк, съехались его офицеры и оловянными солдатиками учатся они, как маневрировать и командовать. Леди Пемброк, дочь Воронцова, из русской литературы только и знает что: «О ты, что в горести напрасно» ...Добрая, приветливая женщина, нежная мать. В лице есть что-то Полянской, но чище и пристойнее. Леди Гейтесбури, что была в Петерб[урге], занимается русскою литературою и получает из России книги и музыку.

Есть слова и выражения, которых нет в Англии, т. е. слова континентальные, например: *как-нибудь, покуда, по-домашнему, по-дорожному, запросто, à la guerre comme à la guerre*** и тому подобные.

Здесь все вылито в одну форму или в известные формы, и англичанин, где бы ни был, в известные часы входит в эти формы, которые переносит с собою или, лучше сказать, находит готовые из одного края Англии до другого, дома в Лондоне, у себя в деревне, в гостях, на больших дорогах, в трактирах. Suard где-то рассказывает, что на островах Hebridge приезд путешественника заражает воздух и дает кашель всем обывателям. Нет сомнения, что присутствие иностранца в английском обществе, пока он не выанглизируется, должно производить в англичанах раздражение, как присутствие разнородной или противуродной стихии. Кашель не кашель, а морозом кожу их должно подирать.

В английской жизни от того нет ничего нечаянного, d'imprévu*** и от того общий результат должен быть скука.

L'ennui nacquit un jour de l'uniformité****.

Англичане никогда не скажут: allons, que ferons nous maintenant*****. Давным-давно уже внесено в общее уложение, что делать в такой-то час и в такое-то время года.

Ne vous gênez pas, je vous prie, pour moi******,— континентальное выражение, которое иностранцу не приведется и не приходится сказать англичанину, ибо

---

* Кавалеристов-добровольцев *(англ.)*.

** На войне как на войне *(фр.)*.

*** Неожиданного *(фр.)*.

**** Скука родилась однажды в результате однообразия *(фр.)*.

***** Ну, что мы будем теперь делать? *(фр.)*

****** Прошу вас, не стесняйтесь из-за меня *(фр.)*.

англичанин ни для кого не женируется, а если что и сделает похожее на учтивость, на общежительское жертвоприношение, то вовсе не для вас, а для себя и потому, что так заведено. Ваша личность всегда в стороне, и если вздумается вам ее выставить, то англичанин вытаращит глаза на вас, или вас не поймет.

19-го [*октября*].

Tottenham Park, the seat of the marquis of Ailesbury. Little cottage Hall, the seat of general Popham*. W. Scott говорит об этом замке и рассказывает историю перехода его во владение фамилии Popham (Попем) в примечании X к поэме Rokeby. В портретной зале портрет беззаконного судии, в красном костюме, лицо плутовское.

Леди Craven, бывшая актриса, с дочерью miss Louisa, молодой Shelburne, старший сын маркиза Lansdown. Herbert, сын lady Pembroke — Воронцовой, а Пемброк — сын первого брака. Сегодня Herbert пел *Талисман*[6], вывезенный сюда и на английские буквы преложенный леди *Гейтесбури*. Он и не знал, что поет про *волшебницу-тетку*, которую сюда на днях ожидают с мужем и с графинею Choiseul. Леди Пемброк, уговаривая меня погостить подолее и приехать к ней, прельщает все братом. Особенно его одолжила бы она, встречая мною. Не знаю почему, но я уверен, что он меня терпеть не может, или знаю, потому что в натуре его есть что-то низкое и подлое, которое чутьем должно пронюхать презрение и отвращение мое к подлецам его разбора, имеющим все нужное, чтобы стать на высокой чистой степени, и вместо того торчащим на грязных запятках. Подлец поневоле, из куска хлеба, из честолюбия делает свое дело и выработывает свою участь потом и г... лица своего; пот крупными каплями и г... вонючими струями выступает на челе его и свидетельствует о немощи природы и о усилиях его выползти из нее. Бог в помощь, скажу ему, зажму нос, но не плюну на него, проходя мимо. В истории прошения, поданного нами императору Александру, об уничтожении рабства он обнаружил себя глазам моим. А после он умел так оподлить свой cocage, cet état si innocent et si inoffensif de sa nature**, что домашний стыд его, отражающийся на светлой государственной степени, им занимаемой, есть решительно

* Парк Тоттенгейм, местопребывание маркиза Эльсбэри. Малый Коттедж Холл — местопребывание генерала Попем *(англ.)*.

** Положение рогоносца, положение столь невинное и столь безвредное по своей природе *(фр.)*.

un outrage à la morale publique*, который не мог бы быть терпим там, где было бы общественное мнение. Не оправдываю Раевского, но одного виню, а другим гнушаюсь.

Я крепко обидел сегодня моего Бруса, сказав, что дом отца его вчерне не стоил бы на континенте более 500 или 600 000 франков, но уж, право, не более миллиона, а между тем он расстроил дела старика, имеющего миллион дохода. Понять этого не могу. Впрочем, ничто ему, зачем не повез он меня сегодня обедать к мачехе своей, при которой я еще разглядел и belle-fille**. А здесь en petit comité*** вечер был довольно скучен.

После того встретил я Воронцова в Лондоне в русской церкви — он был со мною очень учтив.

Лондон, 10 ноября.

Вчера имел я маленькую репетицию нашего пожарного кораблекрушения. Возвращаясь из New Stead Abbey****, пересел я в третьем часу утра из дилижанса в паровую карету в Road Station*****. В дилижансе спал я и полусонный пересел спать. Вдруг около трех часов пробуждает меня толчок в лоб или в правый глаз, спросонья не знаю. Карета остановилась. Мало-помалу сонные англичане кругом меня просыпаются, один из них с болью в ноге. Выходим из кареты, чувствуя, что есть что-нибудь необыкновенного, и видим паровую машину на боку, две первые кареты почти вверх ногами, то есть колесами. Одна из железных колей опустилась на новой дороге, вероятно, от частых дождей, и машина соскочила, по счастью остановилась в нескольких шагах, врывшись тяжестью своею в рыхлую землю. Всего один только проезжающий ранен. Удивительно, как уцелели стоявшие на машине. От трех часов до девятого бивуакировали мы на дороге в ожидании приезда другой кареты. Большая часть англичан тут же пошла опять спать в карете, как будто ни в чем не бывало. На пароходе была примерная покорность: здесь примерное хладнокровие.

Франкфурт, 9 декабря (н. ст.).

Swift сказал que dans l'á rithmétique des douanes deux

* Оскорбление общественной нравственности *(фр.)*.
** Падчерицу *(фр.)*.
*** В маленьком обществе *(фр.)*.
**** Ньюстедского аббатства *(англ.)*.
***** На станции *(англ.)*.

et deux ne font pas quatre, mais souvent ne font qu'un*. Le conseiller d'état Vincent de Gournay intendant du commerce en 1755**, полагал богатство в промышленности в то самое время, когда le docteur Guesnay полагал его в одной земле. Он первый сказал: «Laissez,— faire, laissez passer»***.

Roederer сказал: «La politique est un champ, qui n'a été parcouru jusqu'à ptesent qu'en aérostat; il est temps de mettre pied à terre»****. «Bonaparte,— говорит Лафает,— *Mes rapports avec le premier Consul,*— mieux organisè pour le bonheur public et pour le sien, eût pu, avec moins de frais et plus de gloire, fixer les destinées du monde et se placer à la tête du genre humain (тогда был бы он Христос, а не Бонапарт). On doit plaindre l'ambition secondaire qu'il a iue, dans de telles circonstances de régner arbitrairement sur l'Eurupe; mais pour satisfaire cette manie *geographiquement gigantesque et moralement mesquine* (прекрасно) il a fallu gaspiller un immense emploi de forces intellectuelles et phusiques: il a falli appliquer tout le génie du machiavélisme à la dégradation des idées libérales et patriotiques, à l'avilissement du parti, des opinions et des personnes etc. etc. etc.»*****. Дело в том, хотя и грустно сознаться, что в человеке много могущества если не для зла, то по крайней мере для личной выгоды своей, но гораздо менее для достижения благосостояния общественного. Увлекай толпу к своей цели, и она понесет тебя на плечах своих. Веди ее к цели ей благоприятной, она пятится и старается как бы тебя с ног свалить. Многие честолюбцы успели по крайней мере на время в своих предприятиях.

---

* Что в таможенной арифметике два и два не составляют четыре, а зачастую только одно целое *(фр.)*.

** Государственный советник, Винцент де Гурнэ, интендант коммерции в 1755 г. *(фр.)*.

*** Предоставьте события естественному ходу, не мешайте им *(фр.)*.

**** Политика — это такое поле, по которому до сих пор пробегали лишь в аэростате; пора спуститься на землю *(фр.)*.

***** Бонапарт... в *«Моих сношениях с первым консулом»,*— более приспособленный к достижению как общественного блага, так и своего, мог бы, с меньшими издержками и большей славой, предначертать (обозначить) судьбы мира и встать во главе рода человеческого. Следует пожалеть о его мелочном честолюбии, которое он обнаружил при подобных обстоятельствах, царствуя единовластно в Европе; но чтобы удовлетворить эту манию *гигантскую, в смысле географическом, и мелочную, в смысле нравственном* (прекрасно), пришлось израсходовать огромные умственные и физические силы; пришлось применить весь гений маккиавеллизма для разрушения всех либеральных и патриотических идей, унижения партии, мнений и отдельных личностей и т. д. и т. д. и т. д. *(фр.)*.

Много ли начтешь апостолов правды и человеколюбия, которые достигнули цели своей?

Далее Лафает говорит: «Quel sera pour lui pendant sa vie et surtout dans la postérité le résultat définitif du défaut d'équilibre entre sa tête et son coeur? Je suis porté à n'en pas bien augurer etc. etc.».

Sainte-Beuve говорит о Лафаете: «Je suis un peu effrayé par moment, je l'avoue, de cette unité et de cette perpétuité de raison, cela fait douter; quelques fautes de loin en loin rendraient confiance». Он писал из темницы: «Quoiqu'on m'aît ôté avec une singulière affectation quelques uns des moyens de me tuer, je ne compte pas profiter de ceux qui me restent, et je défendrai ma propre constitution aussi constamment, mais vraisemblablement avec aussi peu de succès, que la constitution nationale».— A ceux, qui lui enlèvent couteaux et fourchettes, il répond, *qu'il n'est pas assez prevenant pour se tuer*.— Quand on demandait à Sieyes ce qu'il avait fait pendant la terreur, il répondait «j'ai vécu». Lafayette pouvait plus à bon droit et plus à haute voix répondre, et il répondait: «Ce que j'ai fait durant ces douse années (du consulat et de'empire): *je me suis tenu debout*». C'était assez, s'était unique, au milieu des protestations universelles,— говорит Sainte-Beuve.— Ce sont là,— говорит он же о нем,— de ces volumes, qui comme ceux des vies de Plutatque, ne sont jamais dépareillés, même quand on n'en a qu'un.

La Belgique est une contrefaçon de la France, comme les ouvrages qu'elle publie (Moc.).

Le coton occupe (en Angleterre) 1 million 500 000 personnes. Ce commerce vaut au pays 34 mil. de livres sterl. Le capital flottant, employé dans le commerce, est de 200 millions de liv. sterl. 17 millions sont employés pour le salaire des ouvriers. Le commerce de la laine vaut au pays 27 millions de l. s. par an, il occupe plus de 4400 000 ouvriers. Le commerce de toile vaut'8 millions de l. s. 3 millions et 500 mille livres ster. de salaire sont distribués aux ouvriers. Le commerce de la quincaillerie vaut plus de 17 millions de liv. sterl. Il occupe plus de 300000 personnes (Villiers à la chambre des communes 19-го февраля 1839, по случаю прошений о изменении des lois de céréales). Тут же говорит он: la législature, par une restriction maladroite, apportée à l'échange des produits entre l'Angleterre et d'autres états a par cela même engagé ces états à fabriquer. Le préjudice est notoire, nos exportations ont fléchi de 20 pour 100, si l'on compare aux 5 dernières années les 5 années que suivi-

rent immédiament la conclusion de la paix.— Nous n'avons pas voulu de leur blé, ils ont refusé nos produits industriels*[7].

Париж, 30 января 1839.

Выехали из Франкфурта с молодым Штиглицом в среду 23 в 11 часов утра. На другой день ночевали в Metz, где нагнали жену. На другой день в Шато-Тьери, куда приехали в 3 часа пополуночи, а уверяли нас, что приедем к 11-ти до полуночи. В субботу утром были в Эпернэ. Видели погреба, или катакомбы Моэта. Миллион сто тысяч бутылок живого шампанского. В хороший год собирается 500 000 бутылок. Бочки разливаются в бутылки чрез 5 или 6 месяцев. Креман чрез год и виноград идет на него потем-

---

* Каков будет для него при жизни и особенно в потомстве окончательный результат от отсутствия равновесия между его головой и сердцем? Я склонен к печальным предположениям и т. д.

Сознаюсь, что порой я бываю напуган этим единством и постоянством здравого смысла, мне это внушает сомнения; если бы время от времени встречались ошибки, то они сделали бы меня более доверчивым. Несмотря на то что от меня отняли с исключительным притворством некоторые средства к самоубийству, я не собираюсь использовать те, которые еще остались в моем распоряжении, и я буду защищать свою собственную конституцию так же постоянно, убедительно и с таким же малым успехом, как и национальную конституцию. Тем, кто отнимает у него ножи и вилки, он отвечает, что *он недостаточно предупредителен, чтобы убить себя.*— Когда Сиесу задавали вопрос о том, что он делал во время террора, он отвечал: «я жил». Лафайет мог с большим правом и более громко ответить, и он отвечал: «Что я делал в течение этих двенадцати лет консульства и империи? *Я стоял во весь рост».* Этого было достаточно, это было исключение среди всеобщих заверений. Вот они, эти тома, которые, подобно томам жизнеописаний Плутарха, никогда не разрознены, даже если в наличии имеется только один.

Бельгия — это перепечатка Франции, как и публикуемые ею труды.

В Англии обработкой хлопка занято 1 миллион 500 000 человек. Торговля им дает стране 34 миллиона фунтов стерлингов. Текущий капитал, используемый в торговле, равняется 200 миллионам фунтов стерлингов. 17 миллионов расходуются на заработную плату рабочих. Торговля шерстью дает стране 27 миллионов фунтов стерлингов в год; она занимает более 400 000 рабочих. Торговля полотном дает 8 миллионов фунтов стерлингов; 3 миллиона и 500 тысяч фунтов стерлингов распределяются как заработная плата между рабочими. Торговля металлическими изделиями дает более чем на 17 миллионов фунтов стерлингов. В этой торговле занято более 300 000 человек (речь Вилье в Палате общин... хлебных законов). Законодательное собрание вследствие неловкого умолчания, относящегося к обмену товаров между Англией и другими государствами, тем самым побудило эти государства заняться промышленностью. Это принесло известный ущерб. Наш экспорт упал до 20 процентов, если сравнить 5 последних лет с последующими, непосредственно за заключением мира, 5 годами. Мы не захотели их зерна, они отказались от наших промышленных товаров *(фр.)*.

нее. Впрочем — по словам Моэта — разница между красными и белыми винами происходит от ферментации. Некоторая часть подвалов иссечена в камне и проходит под улицу. Всей окружности около lieue*. Русские выпили 30 000 бутылок.

Сульт сказал: «Entre moi et M-r Thier il y a un abîme *insurmonlable*». Human говорил королю: «Soult vous coûtera quelques millions par an, mais il les gagnera bien»**. Сульт государственный грабитель. Французы так глупы в государственном смысле, что народная любовь их к Сульту основана не на том, что он мог сделать в пользу Франции, но на приеме его в Англии, когда лондонская чернь бегала за ним и кричала ему: ура!

Terzo incommodo (cette belle langue italienne est tout faite pour l'amour). La Chartreuse de Parme***, роман Стендгаля.

Casto Giuseppe (proverbe italien, allusion au rôle ridicule de Joseph avec la femme de l'eunuque Putiphar)**** тут же.

Французы суетны и тщеславны до слепоты, до безумия. Союзные войска, вошедшие в Париж, не убедили их, что они были побиты не в едином сражении. Беременность герцогини Беррийской не убедила легитимистов, что она не была Орлеанская дева. Нынешний министерский и парламентальный кризис никого не убеждает, что они народ неспособный к представительному правлению, что их представительство народное ничего полного, ясного не выражает, что imbroglio*****, который разыгрывают они пред Европою, обличает их неспособность, их разладицу, недостаток в людях государственных, в людях деловых. Фразами, возмутительным красноречием можно ниспровергнуть правительство: но фразами нельзя создать правительство. Вот отчего Тьеры и другие разрушители загромождены обломками, которыми они завалили дорогу. Они разбили на щепки корабль, который шел не по их направлению, и сами сели на мель, потому что нового корабля построить не в силах.— Шатобриан справедливо заметил на днях у Ре-

---

* Лье *(фр.)*.

** Между мной и господином Тьером лежит *непреодолимая* пропасть. Сульт вам обойдется в несколько миллионов ежегодно, но он их честно заработает *(фр.)*.

*** *Третий лишний (ит.)* (этот прекрасный итальянский язык весь создан для любви). «Пармская обитель» *(фр.)*

**** Целомудренный Иосиф (итальянская пословица, намек на смешную роль Иосифа в отношении к жене евнуха Пентефрия) *(фр.)*.

***** Путаница *(ит.)*.

камье, как смешно притязание нынешней Камеры на всемогущество парламентальное, сей Камеры si infime*, которая сама не знает чего хочет и не умеет выпутаться из глухого переулка, куда залезла[8].

Экс-министр Roy (богатейший человек во Франции) говорил, что ничего нет легче, как управлять французами в смутное время, и нет ничего труднее, как управлять ими во времена спокойные.— Поэтому можно определить их характер таким образом: la sécurité les rend inquiets et tracassiers; la peur leur donne du courage et de la résolution**.

30-го марта.

Прелестный quator в «Donna del Lago»*** во 2-м акте: Гризи, Лаблаш, Иванов, Альбертаци. Голос Гризи и громовой стук Лаблаша. В театре шум: бросили билет на сцену. Долго кричали: «Le billet, le billet!»**** Наконец, перед 2-м актом, кто-то выходит на сцену и объявляет, que la police défend de lire les billets, qui sont jetés sur la scène.— «A bas la police! le billet!»*****—пуще кричать начинают. Выходит Гризи и оркестр начинает играть — не дают ей петь и кричат: «Le billet!» Она движениями и поклонами показывает, улыбаясь, что нельзя удовлетворить требованию публики. Публика не унывает и не сдается и вопит громче прежнего: le billet. Три раза Гризи уходит и возвращается и говорит: «Jlest défendu de lire... Le billet!»****** — один ответ ей. Она уходит. Кричат Рубини. Он является и говорит, que l'on va distribuer à l'orchestre la partition de l'air de Niobe*******. Гром рукоплесканий. Партер на своем поставил. Рубини пропел арию Niobé.

La duchesse de Liancourt говорит, que la garde nationale a *le patriotisme du mobilier*********.

У кн. Ливен Гизо и Монтрон говорили о Louis Philippe; имя Кромвеля как-то вмешалось в разговор. Гизо говорил, что в этом отношении Филипп совершенно чист et qu'on

---

* Такой ничтожный *(фр.)*.

** Безопасность делает их беспокойными и суетными; страх придает им мужества и решительности *(фр.)*.

*** Квартет в «Женщине с озера» *(фр.)*.

**** Билет! Билет! *(фр.)*.

***** Что полиция запрещает читать записки, подброшенные на сцену.— Долой полицию! Билет! *(фр.)*

****** Запрещено читать... билет! *(фр.)*

******* Что оркестру будет роздана партитура арии Ниобеи *(фр.)*.

******** Герцогиня де Лианкур говорит, что национальная гвардия обладает *патриотизмом меблировки (фр.)*.

ne parviendra jamais à en faire un tyran.— «Bah, je le crois bien,— прервал Монтрон,— il ne sait même pas être usurpateur»*.

Луи Филипп, читая речь Ройе-Коллара, в которой, упоминая о июльском престоле, он сказал, que mes mains n'ont point contribué à élever,— сказал: *ni les miennes non plus*»**.

Вчера 1-го апреля давали в первый раз Le lac des fées***. Музыка Обера показалась мне очень незначительна. Декорации превосходны, особенно последние в 5-м акте.

Назначение нового временного министерства обнародовано было вчера. Я сказал que c'est la montagne, qui a accouché non d'une souris, mais d'un poisson d'avril****.— В некоторых салонах ожидают важных последствий. У Рекамье Шатобриан говорил об абдикации.— Я был у Ламартина. Он не предвидит большой опасности и уверен, что на другой же день настоящего, т. е. заправского министерства все войдет в прежнее спокойствие, что Франция не хочет перемены etc. Вчера кучер в кабриолете спрашивал меня: не будет ли шума в Париже? Что он слышал разговор двух проезжих, которые говорили между собою, что дело так не обойдется. Он же говорил мне, что во все продолжение этого министерского междуцарствия работа их шла очень плохо и что едва выработывали они на корм лошадей. Вообще мастеровые и продавцы жаловались на большое бездействие.

Бывшая актриса m-lle Contat говорила: «On ne sait que devenir à 40 ans, quand on n'a su qu'être belle». Она же: en parlant de la constance et de lafidélité, сказала: «L'une est la durée des goûts, l'autre celle des sentiments». Она же: «On juge de l'esprit aux paroles et du caractère aux actions»*****.

Когда король предложил Тьеру посольство — он отвечал ему, что с благодарностью принимает это назначение,

---

* Никогда не удастся сделать из него тирана.— Ба! Я уверен в этом... он не умеет быть даже узурпатором *(фр.)*.

** Что мои руки никогда не содействовали его возвышению — (сказал): *ни мои также (фр.)*.

*** Волшебное озеро *(фр.)*.

**** Что эта гора, родившая не мышь, а первоапрельскую шутку *(фр.)*.

***** Не знаешь, что с собой делать в 40 лет, если только и умеешь, что быть красивой *(фр.)*. ...говоря о постоянстве и верности... первое выражает собой продолжительность вкусов; вторая — продолжительность чувств... Об уме судят по словам, о характере — по делам *(фр.)*.

но желает знать наперед: quelle était la politique qu'il serait obligé de représenter à une cour étrangère*.

3 апреля.

Вчера был я у Моле с Л. Веймаром, который меня ему представил. *Моле не сказал мне ни единого слова.* Впрочем, он был в жарком разговоре с Фюльшироном и другими 221. Вообще осуждают короля, что он не хочет лично открыть заседание палат. Бель-Стендаль говорил, что qu'en France il ne faut jamais accepter un ridicule** и продолжать свое дело как будто ни в чем не бывало. Le ridicule tombera, ou sera comme non avenu***. Тут же Бель импровизировал маленькую речь, которую он произнес бы на месте короля. От Моле поехал я к кн. Ливен. Тут герцогиня Талеран-Дино с своими пышущими глазами. Под старость она, говорят, лучше, нежели была прежде. Кн. Ливен говорит, что она была прежде так худа, qu'on ne voyait en elle que ses deux yeux****. Монтрон — ancien rué***** — приятель Талерана, ныне полуслепой. Три знаменитости английского парламента: Брум, Линдурст, один из корифеев тори, Эллист, союзник нынешнего министерства. Зная Брума по одним карикатурам его, он показался мне почти красавцем. Толковали о новом французском министерстве, об открытии палат без короля. Брум говорил, que c'etait quasi un coup d'Etat****** и что на английском языке есть слово для выражения подобной меры. Англичане *разносторонне* трунили друг над другом, говоря о министерском кризисе, который и у них готовится. Эллис говорил Линдурсту, что если министерство тори и установится, то не надолго, месяца три не более, и что и оно не обойдется без союза радикалов, и Линдурст с этим почти соглашался. Зачем же затевают и они этот перелом, если не надеятся на прочный успех? Брум с шуточною важностью объявил, что он теперь conservatif*******. Не знаю, доктринерство ли это во мне или пуританизм, но я не люблю видеть, когда государственные люди шутят, говоря о государственных делах, которые должны иметь влияние на

* Какова будет политика, которую он должен будет представлять при иностранном дворе *(фр.)*.

** Во Франции никогда не следует принимать всерьез смешное *(фр.)*.

*** Смешное исчезнет и как будто его не бывало *(фр.)*.

**** Что в ней были видны только ее два глаза *(фр.)*.

***** Старый плут *(фр.)*.

****** Это был почти государственный переворот *(фр.)*.

******* Консервативен *(фр.)*.

решительную участь государства. Кажется, Гюго сказал: «L'amour est chose grave!»* и еще более l'amour de la patrie**. Совестливый любовник не будет всуе говорить о тайнах любви своей и о своей любовнице. А если нет *патриотической любви,* если не она главное и единственное побуждение всех действий зачинщиков какого бы то ни было государственного преобразования, то нет во мне веры к этим государственным людям и нет веры к их делам. Они не апостолы, а адвокаты; нет в них вдохновения, нет даже убеждения; это промысел. Со всем тем Брум очень мил.

Король сказал о Пасси: «C'est Roland moins sa femme»***. Талеран сказал о M-me Flahaut и ее сыне: «Elle est un vieux intriguant et lui une vieille coquette»****. Несчастный *Лунин* прежде его сказал о *Луниных — Риччи*: «On a beau dire ce qu'on veut, mais ma tante est un très brave homme et ma cousine un bien bon garcon»*****.

За час пред тем Бель-Стендаль рассказал мне у Моле другой анекдот о M-me Flahaut. Она уверила Талерана, что ее сын и его сын, и узнавши, что кто-то в Mémoires своих хотел объяснить, чей он сын в самом деле, она отправилась к нему и умоляла его не разуверять Талерана.— Я часто замечал, что умнейшие и степеннейшие немцы и англичане высоко ценят французские острые слова, даже когда они не отменно остры. Брум в том числе. Впрочем, нет сомнения, что есть большая выгода и уловка в искусстве резюмировать целое положение, целую эпоху, всего человека одним удачным словом. А французы мастера в этом деле. Брум рассказывал свою стычку с Cousin в Институте за Гелоизу Абеларовскую. Dupin, во время антракта заседания палаты, приехал в Институт и хотел прочесть свой Mémoire, о чем-то. Но Кузен так горячился и так плодовито рыцарствовал за Гелоизу, что Dupin ждал и боялся упустить время. Он написал карандашом на бумажке: «écrasez moi ennuyeux chevalier d'Heloise»****** и передал Бруму. Тургенев давно рассказывал мне об этом заседании.

Все друг у друга спрашивают: будет ли шум, будет

* Любовь — это серьезная вещь! *(фр.)*

** Любовь к родине *(фр.)*.

*** Это Роллан минус его жена *(фр.)*.

**** Она старый интриган, а он — старая кокетка *(фр.)*.

***** Можно говорить что угодно, но моя тетушка — бравый мужчина, а моя кузина — славный парень *(фр.)*.

****** Раздавите же этого скучного рыцаря Элоизы *(фр.)*.

ли тревога в Париже? Кто-то сказал вчера: «Il faut le demander à Mr. Ellis»* — он приятель Тьера.

5-го [апреля].

Вчера был в открытии Камеры депутатов, обедал в Cercle, вечером в бенефисе Женни Вернре. Был еще у Дантана в Madeleine. Не было вчера возмутительных движений, но были возмутительные прогулки, возмутительные *рекогносцировки* à la porte St. Denis, à la rue de la Paix**. Я ничего не видал. Брум обедал вчера у короля и сказывал, что квесторы Камеры Лаборд и кто-то другой уверяли, что было собрано до 5000 народа пред Камерою. «Moi, qui me connais en fait d'âmeutes,— говорит Брум,— je suis convaincu qu'il avait pas mille personnes»***, что и я полагаю. Он говорит, qu'il avait promis à quelqu'un de venir diner *après l'âmeute, comme on dit après l'opera*****. Не помню кто рассказывал мне, что в России, проезжая в рабочую пору и в рабочий день чрез какую-то деревню и видя весь народ, расхаживающий по улице, спросил он с удивлением у мужиков о причине такого явления: *мы бунтуем,* отвечали ему спокойно несколько голосов.

Третьего дня обедал я с Reboul у Тургенева.

Статья Persil «Crise ministérielle»***** — 25-го апреля «Journ[al] de Dé[ats]».

C'est toufours la même idée.— Três bien, отвечает Arnal, mais quand on n'a pas de quoi en changer. Le commerce mettrait le feu aux quatre coins du monde pour une aune de calicot (du Pin). Vous allez encore l'enduire de cigage anglais pour la faire relutre******,— сказал Dupin, когда ему говорили о торжественном приеме Сульта в Лондоне.

До Июльской революции спрашивали о Тьере, s'il avait de quoi vivre convenablement.— «Mais oui,— отвечала его приятельница,— M-r Tiĕr a de quoi vivre: *il a 24 heures à depenser par jour*»*******.

---

* Надо спросить об этом у г-на Эллис *(фр.)*.

** У ворот Сен-Дени, на улице де ла Пэ (Мира) *(фр.)*.

*** Что касается меня, который знает толк в беспорядках... я уверен, что там не было и тысячи человек *(фр.)*.

**** Что обещал кому-то прийти обедать *после бунта так, как говорят: после оперы (фр.)*.

***** «Министерский кризис» *(фр.)*.

****** Это все та же мысль.— Очень хорошо... но когда ее нечем заменить. Торговля способна подожечь мир с четырех углов за отрез коленкора (дю Пен). Вы опять покроете его английской ваксой, чтобы заставить блестеть *(фр.)*.

******* ...Имеет ли средства, чтобы жить прилично. Ну, конечно... господину Тьеру есть на что существовать: он может расходовать ежедневно по 24 часа *(фр.)*.

Ce mal dont souffre tant mes amis et les tiens,
Frère, c'est la douleur de n'être pas chrétien.
(Ferdinand Dugue. Le vol des heures)*.

La dette anglaise équivaut à 750 francs par tête d'habitant du royame uni. En France le capital de la dette est de 4 milliards 450 millions pour 34 millions d'habitants, ce qui revient par tête à 131 fr.— а что в России?

В Америке: l'état de New York donna l'exemple en matières de travaux publics à une époque où la population était de moins de quatorze cent mille âmes, en empruntant pour l'ouverture de ses canaux une somme d'environ 55 millions ou de 39 fr, par tête. Dans peu d'années la somme doit être portée à 180 millions pour moins de 3 millions d'habitants ce qui représentera 60 fr. par tête.— L'Etat de Pensylvanie a une dette de 180 millions sur un million sept cent mille âmes, c. à. d. que par tête d'habitant elle est presque égale en capital nominal à celle de la France, avec cette différence, que le taux des intérêts y est supérieur d'un quart au moins.— L'état d'Illinois, dont la population ne doit pas depasser 300 000 âmes, s'est lancé dans une entreprise qui réclamera 120 millions ou 400 fr., par tête de la population actuelle. En Angleterre la presque totalité de la dette est de trois pour cent et celle de l'Etat d'Illinois est constituée en six pour 100.

St. Thomas d'Acquin где-то сказал: «C'est une erreur fré quente parmis les hommes de se croire noble parce qu'ils sont issus de nobles familles... si tout ce qui procède du noble héritait de sa noblesse, les animaux, qui habitent sa chevelure et les autres superfluités naturelles qui s'engendrent en lui, s'anobliraient à leur manière»**.

---

* Зло, от которого так страдают мои и твои друзья, брат мой,— это скорбь, происходящая от того, что они не христиане (Фердинанд Дюгэ. Полет часов) *(фр.)*.

** Английский долг равняется 750 франкам с головы каждого обитателя соединенного королевства. Во Франции долговым накоплением являются 4 миллиарда 450 миллионов на 34 миллиона жителей, что составляет на каждого по 131 франку.

...штат Нью-Йорк дал пример в области общественных работ в то время, когда население составляло менее миллиона четырехсот тысяч душ, сделав заем в сумме примерно 55 миллионов, или 39 франков с человека, для открытия своих каналов. Через несколько лет эта сумма возрастает до 180 миллионов менее чем на 3 миллиона жителей, что составляет 60 фр. на каждого. Штат Пенсильвания имеет долг в 180 миллионов на один миллион семьсот тысяч душ, т. е. в отношении к каждому жителю долг в номинальном капитале почти равен долгу Франции, разница в том, что расценка процентов здесь повышена почти на четверть. Штат Иллинойс, население которого не должно превышать 300 000 душ, занялся предприятием, которое потребует 120 миллионов, или 400 фр.

Король Дон-Педро, в драме Морето, говорит Д. Родригу, у которого похитили невесту: «Je ne veux pas, que vous vous battiez; je voudrais que vous vous fissiez battu»*. Морето совместил Лопа и Кальдерона на испанской сцене. Очень хорошая статья о нем в «Revue des deux Mondes» 15 mars 1840**.

В отрывке Пушкина *Записки М.* сказано: «При отъезде моем (из немецкого университета) дал я прощальный пир, на котором поклялся я быть вечно верен дружбе и человечеству *и никогда не принимать должности цензора»*. Забавно, что эти последние слова вычеркнуты в рукописи красными чернилами ценсора.

Вот слава! В новое издание сочинений Пушкина едва ли не попали стихи Алексея Михайловича Пушкина на смерть Кутузова, напечатанные в Вест[нике] Европы 1813. Я их подметил и выключил[9].

Глинка говорил мне, что в известные три дни свободного книгопечатания при Екатерине, кроме послания к слугам Ф. Визина, напечатано еще похвальное слово Екатерине Сумарокова и Перевоз *куриозной души чрез Стикс* Олсуфьева. Надобно эти сведения исследовать.

15 апреля 1841.

Отпевали Шишкова в Невском. Народа и сановников было довольно. Шишков не велел себя хоронить прежде шести суток. Шишков был и не умный человек, и не автор с дарованием, но человек с постоянною волею, с мыслью, idée fixe***, род литературного Лафаета, non le héros des deux mondes****, но герой двух слогов *старого и нового,* кричал, писал всегда об одном, словом имел личность свою, и потому создал себе место в литературном

на каждого из теперешних жителей. В Англии почти вся совокупность долга составляет три процента; что касается до штата Иллинойс, то там это выражается в шести процентах.

Святой Фома Аквинский... часто заблуждаются, считая себя благородными, потому что они произошли из благородных семей... если бы все, что имеет благородное происхождение, наследовало бы благородство (своих предков), то и насекомые, которые заводятся в волосах, и другие естественные паразиты, которые зарождаются в нем, также будут в своем роде облагорожены *(фр.)*.

* Я не хочу, чтобы вы дрались; я бы хотел, чтобы вы уже подрались *(фр.)*.

** «Ревю де де Монд», 15 марта 1840 *(фр.)*.

*** Навязчивой идеей *(фр.)*.

**** Не герой двух миров *(фр.)*.

и даже государственном нашем мире. А у нас люди эти редки и потому Шишков у нас все-таки историческое лицо. Я помню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов и ужасались их государственной неблагопристойности, но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием. Следовательно, они были кстати, по Сеньке шапка. Карамзина манифесты были бы с бóльшим благоразумием, с бóльшим искусством писаны, но имели ли бы они то действие на толпу, на большинство, неизвестно. А если бы и имели, то что это доказало бы? Что ум и нелепость все равно. А мы все думаем, что все от нас, все от людей. Замечательно, что Шишков два раза перебил место у Карамзина. Император Александр имел мысль назначить Карамзина мин[истром] просвещения (и назначил после Разумовского), а в другой раз государственным секретарем после падения Сперанского. Перебил он и третье место у него: президента Академии. *Новый слог* победил *старый,* то есть Карамзин Шишкова, естественнее было бы Карамзину быть в лице президента представителем русского языка и русской литературы.

Шишков писал в 1812 году письмо к государю, коим он убеждал его оставить армию. Государь ничего не отвечал и никогда не упоминал Шишкову об этом письме, но спустя несколько дней оставил армию. Письмо было написано с согласия гр. Н. А. Толстого и кажется Балашова. Слышал я это от Шишкова.

Крылов говорил о Шишкове: «Он хорошо знает как писать не должно, но не знает как должно писать. Можно доверять его обвинениям, но нельзя следовать его советам. Он похож на человека, который будет говорить вам, что опасно варить кушание в нелужоной посуде и что для избежания вреда надобно всегда лудить ее суриком».

18-го [*апреля*].

Перед свадьбою, в городе, много говорили об обнародовании освобождения крестьян, по крайней мере в Петерб[ургской] губернии. При этом случае рассказали мне ответ старика Философова. Александр советовался с ним о поданном ему проекте об освобождении крестьян: «Царь,— отвечал он,— вы потонете в нашей крови». Этот вопрос, важнейший из всех государственных и народных вопросов. Следовательно, должно о нем помышлять. Но как разрешить его? И как разрешится он? Во всяком случае не теперь приступать к разрешению. У нас нет ни

одного государственного человека в силах приступить к нему.

Бездарность, талантливый — новые площадные выражения, вкравшиеся в наш литературный язык. Дмитриев правду говорил, что наши новые писатели учатся языку у лабазников.

Доход таможенный в Англии на 1839 г. составил 580 мил., во Франции 104 мил. Большая часть сего дохода в Англии падает на статьи потребления, а именно: сахар, чай, спиртуозные напитки, вина, табак, кофе и какао, фрукты, зерна, провизии царства животного, т. е. 485 мил. или 81 со ста всех таможенных доходов. Вот это доход и торговля. А доход России, сего сторукого Бриарея, который может запустить одну лапу в Китай, другую в Персию, третью в Америку и так далее! Армии и отношения внешней политики государств должны быть обращены в одно: на расширение торговых сношений. А у нас о них и не помышляют. Мы проливаем кровь свою за Кавказом, а англичане там торгуют. Нет ничего хуже политики сентиментальной, которая руководствуется антипатиями и симпатиями произвольными и предубеждениями.

Меншиков говорит, что после конвенции нашей с Австриею о плавании по Дунаю Австрия должна назначить Воронцова послом своим в Петербург.

Тьер искусный и бойкий политический памфлетер. Но из того не следует, что он великий государственный человек. Разве каждый отважный и ловкий застрельщик или даже и удачный партизан годится в полководцы? Беда во Франции в том, что каждый журналист смотрит в депутаты, а каждый речистый депутат в министры.

(Из речи Baring, chancelier de l'échiquier, chambre des communes 30 avril 1841)*. Расходы прошедшего года составляли 49 милл. 499 000 фунт. ст. (миллиард 237 мил. 475 000 франков) — доходы расчисленные 48 мил. 641 000 ф. с. (миллиард 216 мил. 025 000 фран.). Предполагаемый дефицит должен был составить 858,00 ф. с. (21 мил. 450 000 ф.). Но ныне оказывается, что дефицит составляет 1 мил. 840 000 ф. с. (46 мил. фр.).

Д. П. Бутурлин рассказывал мне, что отец его был

---

* Баринга, канцлера казначейства. Палата общин 30 апреля 1841 *(фр.)*.

по деревне своей соседом Новикова. Когда Новиков по восшествии Павла на престол возвратился из ссылки в свою деревню, созвал он соседей на обед, чтобы праздновать освобождение. Перед обедом просил он позволения у гостей посадить за стол крепостного человека, который добровольно с 16-летнего возраста заперся с ним в крепость. Гости приняли предложение с удовольствием. Чрез несколько времени Бутурлину сказывают, что Новиков продает своего товарища. При свидании своем с ним спрашивает его: правда ли это? «Да, отвечает Новиков, дела мои расстроились и мне нужны деньги. Я продаю его за 2000 руб.». Я и прежде слыхал, что Новиков был очень жесток с людьми своими.

Император Павел, приехав однажды в Москву, радовался, что повсюду народ бегает за ним и толпится везде, где он ни покажется. Мне очень приятно, говорил он Обольянинову, это доказательство народной любви. «Простите меня,— отвечал Обольянинов,— но я тут никакой любви не вижу. За две недели до приезда вашего имп[ераторского] вел[ичества] проводили чрез Москву слона, и также народ бегал за ним».— Этот ответ не похож на Обольянинова. (Впрочем, Обольянинов, как и все царствование Павла, были, вероятно, излишне очернены. Довольно и того, что было в самом деле; но враждебные партии не довольствуются истиною. Я после слышал, что Обольянинов был человек не злой и не без смысла.)

В рукописях Пушкина нашел я следующее: «Читал сегодня послание к[нязя] Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум, резкость, но что за звуки! *Кому был Феб из Русских ласков?* Неожиданная рифма Херасков не примиряет меня с такой какофонией; Баратынский прелесть»[10].

Сальванди, в ответ политико-академической речи В. Гюго (в которой он, между прочим, хвалит Дантона), очень умно сказал ему: Napoléon, Syeyès, Malesherbes ne sont pas vos ancêtres, monsieur. Vous en avez de non moins illustres; J. B. Rousseau, Clément Marot, Pindar, le Psalmiste*. (Давид, кажется, тут лишний.) Это мне напоминает мой разговор с Гюго, когда я был у него в Париже. Я все старался направить его на литературу, а он все сворачивал на политику, на поляков, на императора

* Наполеон, Сиейс, Мальзерб, сударь, вовсе не ваши предки. Ваши предки не менее знамениты: Ж. Б. Руссо, Клеман Маро, Пиндар. Псалмопевец *(фр.)*.

Николая.— J'aime l'empereur Nicolas, mais si j'étais a sa place, voici ce que je ferais etc*.

«Если я имел бы честь заседать в Государственном Совете, я сказал бы» (говорил Шепелев) — «глупость»,— прервал его Бороздин.

On a dit: «Les dieux s'en vont. Moi, je dis: la France s'en va! Les français avalent très bien une révolution, mais ne savent pas la digérer»** (Из письма моего Тургеневу). «La Marseillaise de la paix» Ламартина:

Chacun est du climat de son intelligence,
Je suis concitoyen de toute âme qui pense;
La vérité, c'est mon pays!
La fumée en courant *léchera* ton ciel bleu***.

Зачем же дать язык дыму? Вот что французы называют романтизмом.

«Мопс без ошейника и без цепи» — название русской книги в каталоге Пушкина.

«Старина и новизна» 1772 года напеч[атана] в Петерб[урге] [11].

На латинском языке говорится: *dura* lex, sed lex****. Можно сказать это и по-русски. Заметим, однако же, что здесь речь идет не о Г-же Лекс.

Отрывок из письма Жуковского к Тургеневу:

23 июня/3 июля. Дюссельдорф. Я уже более недели в Дюссельдорфе, в своем маленьком домике, в котором со мною пока одно только мое семейное счастие, но где еще нет и долго не может быть ни порядка, ни уютности, ибо нет никаких мебелей: все надобно заказывать, а пока бивуакировать. Я еще ни к кому в Россию не писал о себе, пишу к тебе первому. Вот моя история: 3/15 мая отправился я из Петербурга и 17-го встретил мою невесту в Бонне. Она со своими ехала в Майнц, где мы условились съехаться, чтобы оттуда прямо в Канштат для венчания.

---

* Я люблю императора Николая, но если бы я был на его месте, то сделал бы следующее и т. д. *(фр.).*

** Кто-то сказал: боги уходят. Я же говорю: Франция уходит! Французы хорошо глотают революцию, но не умеют ее переварить *(фр.).*

*** «Марсельеза мира» Ламартина:
Каждый равняется по климату своего разума;
Я являюсь согражданином каждого мыслящего человека.
Истина — вот моя страна!
Мимоходом, дым оближет твое голубое небо *(фр.).*

**** *Жесток* закон, но все же закон *(лат.).*

Сделалось то, что редко на свете случается. Все, что мы предположили, *исполнилось* в точности. Я назначил для своего венчания 21-го мая, так и сделалось. 21 мая из Лудвигсбурга, где мы ночевали, проехали мы рано по утру в Канштат. Я тотчас отправил за русским <попом> священником в Штутгард, а Рейтерн все устроил для лютеранского обряда, и в пять часов после обеда на высоте Ротенберга, в уединенной надгробной церкви св. Екатерины, совершился мой брак тихо и смиренно; в Канштате был совершен лютеранский обряд. А в полночь, вместе с женою, отправился я в Вильбад, где блаженно провел один с нею первые две недели моей семейной жизни и где на всю остальную жизнь уверился (с глубокою благодарностью к богу, даровавшему мне желанное счастие), что при мне есть чистый ангел ободритель, освятитель, удовлетворитель души, и с ним все, чем жизнь может быть драгоценна. Эти две недели Вильбадского уединения были решительны навсегда. Я знаю, какое счастие бог даровал мне, и верю ему: оно не переменится, как бы ни были обстоятельства жизни радостны или печальны. Теперь я в Дюссельдорфе. Когда приведу несколько в порядок мою материальную жизнь, примусь за работу. За какую? Еще не знаю, ибо хотя я и не в *чаду* счастия, но еще не думал и не могу думать ни о чем кроме его»[12].

Leur mission à eux était de démontrer le néant du passé, et de formuler la loi de l'avenir. Pas davantage! «Les jeunes dens, a dit Coethe, se figurent que leur jour du bartême est le jour de la création» (Marmier: Mittaeilungen tiber Goethe — par. J. W. Riemer)*.

В одно время с выпискою из письма Жуковского дошло до меня известие о смерти Лермонтова. Какая противоположность в этих участях. Тут есть однако какой-то отпечаток провидения. Сравните из каких стихий образовалась жизнь и поэзия того и другого, и тогда конец их покажется натуральным последствием и заключением. Карамзин и Жуковский: в последнем отразилась жизнь первого, равно как в Лермонтове отразился Пушкин. Это может подать повод ко многим размышлениям.— Я говорю, что в нашу поэзию стреляют удачнее, чем в Лудвига Филиппа: вот второй раз, что не дают промаха.— По

---

* Их задачей было показать ничтожество прошлого и определить закон для будущего. Не больше того! «Молодые люди,— сказал Гете,— воображают, что день их крестин был днем творения» (Мармье. Беседы о Гете, собранные Ж. В. Римером) *(фр., нем.)*.

случаю дуэли Лермонтова кн. Алек[сандр] Ник[олаевич] Голицын рассказывал мне, что при Екатерине была дуэль между кн. Голицыным и Шепелевым. Голицын был убит и не совсем правильно, по крайней мере так в городе говорили, и обвиняли Шепелева. Говорили также, что Потемкин не любил Голицына и принимал какое-то участие в этом поединке. Кн. Алек[сандр] Никол[аевич] видел написанную по этому случаю записку Екатерины: она, между прочим, говорила, что поединок, хотя и преступление, не может быть судим обыкновенными уголовными законами. Тут нужно не одно правосудие, но и правота (La justice ne suffit pas, il faut de l'équite)*, что во Франции поединки судятся трибуналом фельдмаршалов, но что у нас и фельдмаршалов мало и этот трибунал был бы неудобен, а можно бы поручить Георгиевской думе, то есть выбранным из нее членам, рассмотрение и суждение поединков. Она поручала Потемкину обдумать эту мысль и дать ей созреть[13].

Меншиков говорит о проконсуле Гане, que s'est Han de Courlande, Roman circassier (роман В. Гюго Han d'Islande). Его же называют Paul de Kock — он Павел**.

Наша литературная бедность объясняется тем, что наши умные и образованные люди вообще не грамотны, а наши грамотные вообще не умны и не образованы.

Мороз (ныне сенатор) был в старину при кн. Лопухине и при княгине. Ростопчин говорил, что ей всегда холодно, потому что Мороз дерет ей по коже. О Морозе есть также стихи Неелова.

Меншиков говорит о сыне Канкрина: «s'est une tête de veau à la financière»***.

Когда весь город был занят болезнью графа Канкрина, герцог Лейхтенбергский, встретившись с Меншиковым, спросил его: «Quelles nouvelles a-t-on aujourd'hui de la santé de Cancrine? De fort mauvaises,— отвечал он,— il va beaucoup mieux»****.

---

* Недостаточно правосудия, нужна справедливость *(фр.)*.

** Это Ган курляндец, черкасский роман (роман В. Гюго Ган Исландец). Его же называют Поль де Кок *(фр.)*. (Игра слов: петух по-немецки Hahn, по-французски — Coq.)

*** Это телячья голова, приготовленная a la финансист *(фр.)*.

**** Что нового сегодня о болезни Канкрина? Плохие новости,— отвечал он,— ему гораздо лучше *(фр.)*.

Забавная шутка, но не шуточное свидетельство о единомыслии нашего министерства.

К[нязь] Иван Голицын рассказывал слышанное им от к[нязя] Платона Зубова. В день восшествия на престол Екатерины II прискакала она, кажется, в Измайловскую церковь для принятия присяги. Нужно было прочесть манифест. Манифест второпях не был заготовлен. Не знали, что делать. Заметив общее недоумение, кто-то в синем сюртуке выходит из толпы и вызывается прочесть манифест. Соглашаются. Он выходит вперед, вынимает из кармана какую-то бумагу и начинает будто по ней читать наобум и экспромтом манифест обыкновенного при таких случаях содержания. Этот импровизатор был актер Волков. Екатерина в благодарность за то, что он выручил ее из беды, назначила ему значительный пенсион с обращением оного и на все потомство его. Павел прекратил пенсион (надобно удостовериться в истине этого анекдота)*.

Екатерина недовольна была Англиею. В это время назначила она аудиенцию английскому послу и приняла его в собственном своем кабинете. Как только вошел он в дверь, собаки бросились и залаяли. Посол смутился. «Ne craignez rien,— сказала она,— et prenez place. Chien qui aboye ne mord pas, c'est le cas de l'Angleterre»** (Тоже переданное Голицыным от Зубова).

Для некоторых любить отечество — значит дорожить и гордиться Карамзиным, Жуковским, Пушкиным и тому подобными и подобным. Для других любить отечество — значит любить и держаться Бенкендорфа, Чернышева, Клейнмихеля и <подобное тому> прочих и прочего. Будто тот не любит отечество, кто скорбит о худых мерах правительства, а любит его тот, кто потворствует мыслью, совестью и действием всем глупостям и противозаконностям людей облеченных властью? Можно требовать повиновения, но нельзя требовать согласия.

У нас самые простые понятия, человеческие и гражданские, не вошли еще в законную силу и в общее употребление. Все это от невежества: наши государственные люди не злее и не порочнее, чем в других землях, но они необразованнее.

---

* Позднейшая помета Вяземского: Списано.

** Не бойтесь... и садитесь. Собака, которая лает, не кусается, это можно отнести к Англии *(фр.)*.

Прения палаты депутатов во Франции не представляют никогда вида генерального сражения между двумя воюющими силами, двумя мнениями. Нет, это беспрерывные поединки частных личностей.

Александр Гурьев говорит, что указ об обязанных крестьянах возрождает 200 вопросов и не разрешает ни одного, что эта мера, по видимому и по мнению зачинщиков — *переходная мера,* а между тем предписывает заключать *условия вечные,*— что указом земля признается неотъемлемой собственностью помещиков, а между тем предписывается часть этой земли отдавать в вечный наем крестьянам и потомству их, тогда как закон о хлебопашцах вольных*.

Je vous rends votre testament comme vous le désignez, sans l'avoir lu. Une certaine crainte s'est emparée de moi au moment où j'allais l'ouvrir. Rire de son contenu m'est impossible, malgré que vous l'ayez craint. C'est un malheureux sujet, sur lequel je n'aime à plaisanter, quoique souvent j'en ai l'air. N'acceptez jamais. Voilà les raisons pour lesquelles je ne *veux* pas y croire — c'est le seul moyen qui me reste pour conserver nos relations d'amitié.— Maintenant c'est peut-être vous qui vous moquerez de moi**.

Булгарин напечатал во 2-ой части «Новоселья» 1834 года повесть: «Приключение квартального надзирателя», которая кончается следующими словами: «Это я заметил, служа в полиции». Фаддей Булгарин.

Вот славный эпиграф!

Шведский король в рескрипте на имя Государственного Совета от 15 сент. 1842 пишет, между прочим, говоря о шведских ассигнациях: «Je voudrais pouvoir affranchir le pays de cette charge et j'indique dans le travail ci-joint quelques moyens pour y parvenir. («Sur les banques», сочинение короля). Ce sont les guerres continielles, qui ont

---

* Не кончено.

** Возвращаю вам ваше завещание по вашему указанию, не прочитав его. Когда я собирался вскрыть его, меня охватил некоторый страх. Мне было невозможно смеяться над его содержанием, хотя вы этого боялись. Это печальная тема, над которой я не люблю шутить, хотя часто я кажусь шутником. Никогда не верьте этому. Вот причины, по которым я не хочу ему верить, и это единственный способ, остающийся в моем распоряжении, чтобы сохранить наши дружеские отношения. Теперь, может быть, вы посмеетесь надо мной *(фр.)*.

surtout amené *le déplorable état des finances qui fait tant souffrir la Suède,*— mais la Providence a pris la Suède sous sa protection; il lui reste maintenant à mettre en ordre ses finances. *Elle doit et elle peut le faire. La nécessité l'exige, et la nation le demande**.— Хорошо и нашему Госуд[арственному] Совету получить бы такую грамотку.

Chez nous on n'a aucum respect pour la loi et pour la légalité. Personne n'a conscience de l'enfreindre ou d'y échapper. C'est que chez nous la loi n'est pas une *puissance morale,* mais une *volonté personnelle.* La loi n'est pas chez nous la clef et le point culminant de l'édifice social, au dessus de la loi il y a encore autre chose de plus fort que la loi. Et puisque un homme est sujet à se tromper, on croit qu'il est permis à son tour de tromper, cet homme, d'autant plus qu'il n'est pas présent partout et pour tous et que cette omnipotince étant subdivisée en millier de pouvoirs subalternes, on se dit que ce n'est pas le pouvoir que l'on trompe, mais ses délégués, qui la trompent de leur côté**.

Nous n'avons point en Russie d'élément de révolution: nous n'avons que des éléments de dissolution***.— Самодержавие в хороших руках и на известное время дело благое и нужное. Но самоволие всегда вредно и гибельно.

«Дворянам дозволяется также вступать в службы союзных держав и выезжать в чужие краи с узаконенными

---

* Я хотел бы иметь власть освободить страну от этого груза и в прилагаемом труде указываю на некоторые средства, чтобы этого достигнуть («О банках», сочинение короля). Постоянные войны были причиной того, что *финансы пришли в плачевное состояние, заставляющее так страдать Швецию,*— но Провидение взяло Швецию под свою защиту: ей остается лишь привести в порядок свои финансы. Она должна и она может это сделать. *Этого требует необходимость и этого просит нация (фр.).*

** У нас нет никакого уважения к закону и к законности. Никто не совестится избегать или уклоняться от законов. Это происходит потому, что у нас закон не является *властью моральной,* а представляет собой только *личную волю.* Закон у нас не является ключом и кульминационной точкой социального здания; над законом властвует еще нечто более сильное, чем закон. И так как человеку свойственно ошибаться, то считают, что этого человека можно обманывать в свою очередь, тем более что он не вездесущ и что это всемогущество делится на тысячи подчиненных ему властей; поэтому мы можем уверять себя, что обману подвергается не власть, но ее уполномоченные, которые обманывают ее со своей стороны *(фр.).*

*** В России мы не имеем элементов революции: мы имеем лишь элементы разложения *(фр.).*

паспортами; но во всякое российскому самодержавию нужное время, когда служба дворянства общему делу потребна, всякий дворянин обязан, по первому позыву от самодержав[ной] власти, не щадить ни труда, ни самой жизни для службы государственной» (187, глава III о дворянстве). Свод зак[онов] издан. 1842.

«Дворянин свободен от всякого телесного наказания как по суду, так и во время содержания под стражею» (195).

Выписано из свода законов издания 1842. Этими статьями подтверждается дворянская грамота, данная Екатериною II: *Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 года на вечные времена и непоколебимо.* Эта вечность, эти права и вольности частью ниспровергнуты указом*[14]. Остается только отменить и 15 пункт дворянской грамоты: «телесное наказание да не коснется благородного».

24 mai 1844.

Ce que nous avons à craindre ce n'est pas une révolution, mais une désorganisation, une dissolution. Le principe, le cri de guerre d'une révolution: ôte toi, que je m'y mette! n'est point applicable chez nous. Nous n'avons ni classe constituée, ni ordre de choses préparé pour renverser ce qui existe et se mettre à sa place. Nous n'aurons que des ruines. C'est un édifice qui croulera. S'entend bien que je ne parle que de l'édifice gouvernemental. La nation a des éléments de vitalité et de conservation.

Louis 14 disait: l'état c'est moi! Tel autre pourrait dire avec plus de justesse: l'anarchie c'est moi!**

25 juin.

A rebours des autres pays, chez nous c'est le gouverne-

---

* Не кончено.

** *24 мая 1844.*

Нам следует опасаться не революции, но дезорганизации, разложения. Принцип, военный клич революции: Сойди с места, чтобы я мог его занять!— у нас совершенно неприменим. У нас не существует ни установившегося класса, ни подготовленного порядка вещей, чтобы опрокинуть и заменить то, что существует. Нам остались бы одни развалины. Такое здание рухнет. Само собой разумеется, что я говорю только о правительственном здании. Нация же обладает элементами жизнеспособности и самосохранения.

Людовик XIV говорил: «Государство — это я!» Кто-то другой мог бы сказать еще более верно: анархия — это я! *(фр.)*

ment qui est révolutionnaire et nation conservatrice. Le gouvernement est aventureux, impatient, intempestif, novateur, démolisseur.

Ou bien il est plongé dans un sommeil apathique et ne fait rien pour réondre aux nécessités et aux voeux du moment. Ou bien réveillé en sursaut, comme si quelque mouche venait de le piquer, il agite spontanément une question ardente, sans en calculer la portée et qui pourrait mettre aisément le feu aux quatre coins du pays, si l'instinct et le bon sens de la nation ne venaient paralyser cet élan et le rendre comme non avancé. Témoin la question des serfs obligés. Qui pourrait nier que la question de l'esclavage ne soit chez nous une question des plus graves et dont la solution ne soit désirée par tous les esprits éclairés et bien intentionnés; mais encore faut-il préparer les éléments et les conditions de cette solution et non la jetter comme une bombe dans la foule. L'application de la loi telle qu'elle a été promulguée est impossible; voilà la part du gouvernement. La nation en a arrété les fâcheux effets en la laissant tomber à plat; voilà la part des gouvernés.

Le gouvernement fait le désordre: le pays fait la police d' une manière négative; sans protestation, sans remontrance, il annule de fait les mauvaises mesures du gouvernement. Le gouvernement l'interpelle: il ne répond pas. A cette question point de réponse.

La majorité des mesures prises par le gocvernement est telle, que bien des hommes sensés et consciencieux ne se les expliquent pas autrement que comme un effet de quelque influence secréte, de quelque conspiration occulte qui agit sur le pouvoir à son insu et le pousse dans une voie fatale pour le conduire à l'abyme. Bien des hommes qui occupent des postes éminents dans l'état vous diront que Kisseleff est à la tête de cette conspiration. Je ne partage nullement cette opinion et ne reconnais en lui aucune vélléité, aucune arriere-pensée révolutionnaire, C'est un esprit assez intelligent, mais superficiel et sans portée, sans coeur, source, d'où selon Vauvenargue, jaillissent les grandes pensées, beaucoup de suffisance, d'audace, la soif de la célébrité, unie à une grande insouciance pour l'opinion publique et mépris des hommes, despote par goût, par habitude et par médiocrite, car il n'y a que les intelligences supérieures qui soient conciliantes et concessionnaires, gâté et ennivré par les succes de son proconsulat dans les principautés qu'il a soit-disant régénéré et constituées et dont il a rapporté des idées gouvernementales trop légèrement acquises et qu'il croit pouvoir

arrliquer à la Russie, voici ce qu'il est comme homme d'état. Mieux quidé, mieux employé il eût été un fonctionnaire public utile et très brillant au second rang. Mais chez nous le pouvoir n'a nullement la connaissance et l'instinct des hommes.

Cette conjecture, quoique erronée dans le fait qui pousse à chercher une conspiration secrète et permanente dans les mauvaises measures du gouvernement, est encore un indice très remarquable de la sagesse et des bons instincts de la nation. L'inviolabilité du souverain, le principe que le souveran ne peut mal faire, idée abstraite admise de droit dans les états constitutionnels, est chez nous admise et en pratique toute puissante de fait. Ce principe couvre et sauve la responsabilité du prince et maintient le principe monarchique, ainsi qu'aux époques de calamité publique, de choléra, le peuple s'obstine à ne pas y voir un fléau envoyé par dieu, mais un méfait des hommes, un empoisonnement, de même à la vue des calamités publiques qui partent de mauvaises mesures prises par le gouvernement. Le peuple n'y voit pas la main du souverain, mais celle de ses ennemis cachés. Son amour pour lui n'en souffre pas, ainsi que la foi dans les cas précédents. Ce sont des préjugés, soit, mais en attendant ces préfugés sont salutaires et conservateurs, tandis que telle vérité n'est que subversive*.

---

* *25 июня.*

В отличие от других стран, у нас революционным является правительство, а консервативной — нация. Правительство способно к авантюрам, оно нетерпеливо, непостоянно, оно — новатор и разрушитель. Либо оно погружено в апатический сон и ничего не предпринимает, что бы отвечало потребностям и желаниям момента, либо оно пробуждается внезапно, как бы от мушиного укуса, разбирает по своему произволу один из жгучих вопросов, не учитывая его значение и того, что вся страна легко могла бы вспыхнуть с четырех углов, если бы не инстинкт и не здравый смысл нации, которые помогают парализовать этот порыв и считать его несостоявшимся. Об этом свидетельствует вопрос об обязанных крестьянах. Никто не сможет отрицать, что вопрос о рабстве является у нас важным вопросом, разрешения которого желают все просвещенные и благонамеренные умы. Но ведь следует подготовить основания и условия этого решения, а не бросать его, как бомбу, в толпу. Невозможно применить закон таким, каким он был опубликован,— вот действие правительства. Нация приостановила неблагоприятные последствия этого закона, вызвав его полное крушение,— вот действие подданных.

Правительство производит беспорядки: страна выправляет их способом непризнания; без протеста, без указаний страна упраздняет плохие мероприятия правительства. Правительство запрашивает страну, она не отзывается, на вопрос нет ответа.

Многие вполне здравомыслящие и добросовестные люди объясняют себе большую часть мероприятий правительства лишь как результат

У нас запретительная система господствует не в одном тарифе, но во всем. Сущность почти каждого указа есть воспрещение чего-нибудь. Разрешайте же, даруйте иногда хоть ничтожные права и малозначительные выгоды, чтобы по губам чем-нибудь сладким помазать. Дворянская грамота, дарованная Екатериною, не отяготительна, не разорительна для самодержавной власти, но и ее приняли как благодеяние. А вы и этот медный грош обрезали. Власть должна быть сильна, но не досадлива.

У нас *самодержавие* значит, что в России все *само собою держится:* при действии одних людей все рушилось бы давным-давно.

В диком состоянии человечества дикарь действует одною силою, одним насильством: он с корня рубит дерево,

---

чьего-то тайного влияния, скрытого заговора, воздействующего на власть без ее ведома и толкающего ее на роковой путь, ведущий в пропасть. Многие из людей, занимающих в государстве видное положение, скажут вам, что заговор этот возглавляется Киселевым. Я нимало не разделяю этого мнения и не признаю в нем никакого революционного покушения и умысла. Он обладает довольно острым умом, но умом поверхностным, недальновидным, чуждым сердцу, тому источнику, откуда, по словам Вовенарга, исторгаются великие мысли; в нем много самодовольства, дерзости, жажды славы, соединенной с большой беспечностью к общественному мнению и презрением к людям. Он деспотичен по своим вкусам, привычкам и благодаря своей посредственности, ибо только люди высокого ума способны на податливость и уступки, он избалован и опьянен успехами своего проконсульства в областях, им, так сказать, возрожденных и благоустроенных, откуда он вывез слишком легко приобретенные идеи о государственном управлении, которые он полагает применить к России; вот что собой представляет Киселев как государственный человек. Если бы лучше им руководили и использовали более умело, он был бы полезным и блестящим второстепенным деятелем на общественном поприще. Но у нас власть совершенно лишена способности узнавать и чувствовать людей.

Это предположение, хотя и ложное, заставляющее искать в дурных мероприятиях правительства тайную и постоянную конспирацию, является еще и замечательным признаком мудрости и добрых побуждений наций. Неприкосновенность государя, принцип, заключающийся в том, что государь не может плохо поступить, и представляющий собой абстрактную идею, юридически принятую в конституционных государствах, принят и у нас воплощен практически. Этот принцип покрывает собой и спасает ответственность государя и укрепляет монархические основы так же, как это было в эпохи народных бедствий, например, холеры, когда народ упрямо не желает признавать божьей кары, а усматривает в них человеческие злодеяния, отравления; то же происходит при виде бедствий, исходящих от дурных мероприятий правительства. Народ видит в его поступках руку не государя, а его тайных врагов. Его любовь к государю от этого не страдает, так же как в вышеизложенном случае не страдала вера в бога. Пусть это предрассудки, но эти предрассудки спасают и сохраняют в то время, как некие истины только разрушительны *(фр.)*.

чтобы сорвать плод, убивает товарища, чтобы присвоить себе его звериную кожу: в состоянии образованном человек выжидает, чтобы плод упал на землю или подставляет лестницу к дереву, у товарища выменивает или покупает кожу, иногда его обманывает, но за то и сам обманут бывает. Это все дело житейское. У нас власть никогда ничего не выжидает, не торгуется с людьми, не уступает. Это сила, но сила вещественная, против которой даже и при общем повиновении противодействует сила умственная, которая рано или поздно возьмет верх.

Перовский делает какое-то новое положение о б... Оно может быть и хорошо и нужно для общественного здравия. Но кому будет поручен надзор за ними и за исполнением установленных правил? Полицейским чиновникам, то есть отъявленным взятошникам и грабителям. Все эти предохранительные и блюстительные средства принесут один верный и неминуемый результат: побор с девок и полицейский налог на б...и. Прежде чем писать уставы, приготовьте блюстителей и исполнителей этих уставов, а то вы, как крестьянин Крылова, сажаете лисицу стеречь курятник.

1-го окт[ября] 1844.

Тьер говорил Тютчеву, что видя однажды Louis Philippe, очень озабоченного недоброжелательством к нему императора Николая, он сказал ему: «Mais faites avec l'empereur Nicolas ce que Suard faisait avec sa femme»*. Разумеется, что любопытство короля было забавно возбуждено отчаянною выходкою и он спросил объяснения.— «La femme de Suard,— говорил Тьер,— était fort accariatre et taquine; au beau milieu de la nuit elle réveillait son mari et lui disait: Suard, dorstu? — Oui, et pourquoi? — Je ne t'aime pas.— Bon, cela viendra plus tard, répondait il, se retournait de l'autre côté et s'endormait de plus belle. Au bout d'une heure le même manège: Suard, dors-tu? — Oui! — J'en aime un autre! — Bon, répondait le mari,— cela passera! et la dessus il reprenait son sommeil»**.

Тютчев очень хорошо судит Тьера и вовсе не признает

* Но поступайте с императором Николаем так, как Сюард поступал со своей женой *(фр.)*.

** «Жена Сюарда... была очень сварливой и вздорной; так, среди ночи она будила своего мужа и говорила ему: Сюард, ты спишь?— Да, а что?— Я тебя не люблю.— Ладно, это придет после,— отвечал он, поворачивался на другой бок и засыпал как ни в чем не бывало. Спустя час та же проделка: Сюард, ты спишь?— Да!— Я люблю другого!— Хорошо,— отвечал муж,— это пройдет! И на этом засыпал снова» *(фр.)*.

в нем государственного человека. «Comme sous la restauration,— говорил он,— il y avait des voltigeurs du siècle de Louis 15, ainsi Thiers est un voltigeur de l'empire. Il en est encore au lendemain de la bataille de Waterloo»*.

Тютчев говорит, что по возвращении его из-за границы более всего поражает его: отсутствие России в России. «A l'étranger toute discussion sérieuse, tout débat politique, toute question d'avenir aboutit toujours à la Russie. On en parle sans cesse, on la voit partout. Arrivé en Russie, vous ne la voyez plus. Elle disparait complètement de l'horizon»**.

Из всех наших государственных людей только разве двое имеют несколько русскую фибру: Уваров и Блудов. Но, по несчастию, оба бесхарактерны, слишком суетны и легкомысленны, то есть пустомысленны. Прочие не знают России, не любят ее, то есть не имеют никаких с нею сочувствий. Лучшие из них имеют патриотизм официальный, они любят свое министерство, свой департамент, в котором для них заключается Россия — Россия мундирская, чиновническая, административная. Они похожи на сельского священника, который довольно рачительно, благочинно совершал бы духовные обряды в церкви во время служения, но потом не имел бы ничего общего с прихожанами своими. А сколько еще между ними и таких священников, которые совершенно безграмотны и валяют обедню сплеча.

Вся государственная процедура заключается у нас в двух приемах: в рукоположении и в рукоприкладстве. Власть положит руки на Ивана, на Петра и говорит одному: ты будь министр внутренних дел, другому — ты будь правитель таких-то областей, а Иван и Петр подписывают имена свои под исходящими бумагами. Власть видит, что бумажная мельница в ходу, что миллионы нумеров вылетают из нее безостановочно, и остается в спокойном убеждении, что она совершенно права перед богом и людьми.

Одна моя надежда, одно мое утешение в уверении, что он и они увидят на том свете, как они в здешнем были

* Так же, как при реставрации... были канатные плясуны века Людовика XV, так же Тьер является канатным плясуном империи. Он все живет завтрашним днем битвы при Ватерлоо *(фр.)*.

** За границей всякий серьезный спор, политические дебаты и вопросы о будущем неминуемо приводят к вопросу о России. О ней говорят беспрестанно, ее видят всюду. Приехав в Россию, вы ее больше не видите. Она совершенно исчезает с горизонта *(фр.)*.

глупы, бестолковы, вредны, как они справедливо и строго были оценены общим мнением, как они не возбуждали никакого благородного сочувствия в народе, который с твердостью, с самоотвержением сносил их как временное зло, ниспосланное провидением в неисповедимой своей воле. Надеяться, что они когда-нибудь образумятся и здесь, безрассудно, да и не должно. Одна гроза могла бы их образумить. Гром не грянет, русский человек не перекрестится. И в политическом отношении должны мы верить бессмертию души и второму пришествию для суда живых и мертвых. Иначе политическое отчаяние овладело бы душою.

Как в литературной сфере Блудов рожден не производителем, а критиком, так и в государственных он рожден для оппозиции. Тут был бы он на месте и лицо замечательное. В рядах государственных деятелей он ничтожен.

Список с подлинного собственноручного письма к графу Витгенштейну, главнокомандующему 2-ой армиею:

Граф Петр Христианович!

Вам известна непоколебимая воля брата моего Константина Павловича, исполняя которую я вступил на его место. Богу угодно было, чтоб я вступил на престол с пролитием крови моих подданных; вы поймете, что во мне происходить должно и верно будете жалеть обо мне. Что здесь было, есть то же, что и у вас готовилось и что, надеюсь, с помощиею божиею, вы верно помешали выполнить. С нетерпением жду от вас известий на счет того, что г[раф] Чернышев вам сообщил. Здесь открытия наши весьма важны и все почти виновники в моих руках. Все подтвердилось по смыслу тех сведений, которые мы и от г[рафа] Дибича получили.

Я в полной надежде на бога, что сие зло истребится до своего основания.

Гвардия себя показала как достойно памяти ее покойного благодетеля.

Теперь бог с вами, любезный граф; моя доверенность и уважение вам давно известны, и я их от искреннего сердца здесь повторяю.

Ваш искренний
Николай

С.-Петербург
15 декабря 1825 г.

В сем письме, между прочими ошибками, замечательна следующая: *все почти виновники,* вместо: *почти все ви-*

новники. И точно, в числе было не мало *почти виновников.— Гвардия себя показала* etc. Да кто же, кроме части гвардии, и начал возмущение?[15]

В Зимнем Дворце находились картины (кажется четыре), изображающие некоторые мгновения воцарения Екатерины II, как она явилась в Измайловский (кажется) полк. Николай I приказал повесить их там, где стоит его судно (рассказано очевидцем).

Как трудно найти у нас людей, которые согласовали бы признаваемые ими правила с последствиями, из них истекающими. Многие, например, осуждают les ordonnances de Charles X* и оправдывают сопротивление народа, к коему служили они поводом, а между тем предают анафеме июльскую революцию, воцарение Филиппа и прочие последствия. Но разве эта революция не вся заключается, как в полном зародыше, в этом сопротивлении? Если Карл X уступил бы, отменил бы свои *именные указы* и признал бы законным вооруженное вмешательство народа, разве этим самым не провозгласилось бы правило de la souverainété du peuple**? Разве он, после своего поражения и преклонения воли своей пред волею народа, мог бы удержать в себе царское достоинство, целость прав своих и святость догмата de la légitimité***? Отречение его за себя и за преемника своего в мирное время, в законное время могло бы быть действием свободным и обязательным для народа; но тут не он уже был хозяин или, по крайней мере, полный хозяин; следовательно, не мог он располагать царством и будущим, когда и настоящее уже не в его руках было. Все держится и все цепляется между собою.

Иезуитский послушник Иван-Ксаверий Гагарин говорил Тургеневу в S. Acheul (сен[тября] 1844), что между прочими причинами, довершившими его направление к Римской церкви и обращение, отвратив от неполноты нашего учения, главнейшие: полемические и апологетические сочинения преосвященного Филарета (Разговор *испытующего* и проч.) и книга Андрея Муравьева *Правда* etc., на которую он написал замечания по ее появлении, сообщенные Тургеневу еще в 1842 [году], а потом про себя подробное опровержение[16].

---

* Ордонансы Карла X *(фр.)*.

** Суверенитета (верховной власти) народа *(фр.)*.

*** Законности *(фр.)*.

Прежде нежели делать ампутацию должно промыслить оператора и приготовить инструменты. Топором отрубишь ногу, так, но вместе с тем и жизнь отрубить недолго. У нас хотят уничтожить рабство — дело прекрасное, потому что рабство — язва, увечье. Но где у вас врачи, где инструменты? Разве ваша земская полиция, ваша внутренняя администрация готовы совершить искусно и благонадежно эту великую и трудную операцию? В этом заключается вся важность вопроса.

Перед домом, который занимает Киселев, есть панорама Парижа. Кто-то спросил Меншикова, что это за строение? «Это панорама,— отвечал он,— в которой Киселев показывает будущее благоденствие крестьян государственных имуществ».

Когда Киселев отнял у Канкрина Лесной институт и дачу, которую он для себя устроил, Канкрин сказал, что это министерство не только имуществ, но и преимуществ.

Вронченко рассказал мне, что Канкрин, говоря о нем в Париже с нашим поверенным в делах, Киселевым, хвалил его способности, но прибавил: «Боюсь, что он будет слишком *любострастен* к министрам».— Он хотел сказать подобострастен.

Bressan хотел дать для своего бенефиса «Marion de Lorme»*, уже пропущенную с некоторыми обрезками театральною ценсурою и гр. Орловым. Волконский потребовал пиесу и показал ее государю. Она подана ему была 14 декабря. Он попал на место, где говорится о виселицах, бросил книжку на пол и запретил представление.

14 нояб[ря] 1845.

Вчера был у гр[афини] Канкриной при открытии духовного завещания покойного графа. Из посторонних лиц были еще приглашены П. И. Полетика и сенатор граф Кушелев-Безбородко. Завещание написано в сентябре 1842 г. все собственноручно графом Канкрином по-русски. Начинается оно тем, что всем состоянием своим обязан он милостям государей, и особенно ныне царствующего императора, следовательно все благоприобретенное, и что может он располагать им по желанию своему. Жене оставляет он дом, кажется, какую-то деревню и весь капи-

* «Марион де Лорм».

тал свой, все прочее ей же в пожизненное владение, но без *отчуждения.* С чувством особенной любви и нежности говорит он о жене своей, благодарит ее за попечения ее о нем, о воспитании детей, коим, к сожалению своему, не мог он, по многотрудным своим государственным заботам, заняться, как желал бы того; извиняется перед нею, если по своему *холодному* или *суровому* нраву (не помню в точности выражение) не был он всегда внимателен к ней как бы следовало. Говорит, в одном месте, о трудах, понесенных им для *любезнейшей нашей России,* и о *неприятностях,* кои он испытал особенно в последнее время, прибавляя: *неприятелей имею, но их не заслужил.* Наличными деньгами, то есть билетами кредитных установлений, оставил он менее *пятисот тысяч рублей на ассигнации.* Графине известны были городские толки о бесчисленных миллионах, оставленных графом,— и она пригласила нас именно с намерением, чтобы были свидетелями того, что по духовному завещанию откроется, и для того, чтобы оправдать память мужа.

Киселев говорит о Вронченко: это Каратыгин нашей министерской труппы.— В прениях Совета и Комитета министров он ужасно размахивает руками, хватается за парик.

Блудов говорит о Перовском (Лев Перовский, мин[истр] в[нутренних] д[ел]): «C'est toujours une bête, mais quelquefois c'est une bête féroce»*.

28 ф[евраля] 1846.

Отпевали Полевого в церкви Николы Морского, а похоронили на Волковом кладбище. Множество было народа. По-видимому, он пользовался популярностью. Я не подходил к гробу, но мне сказывали, что он лежал в халате и с небритою бородою,— такова была его последняя воля. Он оставил по себе жену, девять человек детей, около 60 000 р. долга и ни гроша в доме. По докладу графа Орлова, пожалована семейству его пенсия в 1000 р. сер[ебром]. В литераторском кругу — Одоевский, Сологуб и многие другие — затевают также что-нибудь, чтобы прийти в помощь семейству его. Я объявил, что охотно берусь содействовать всему, что будет служить свидетельством участия, вспомоществованием, а не торжествен-

* Это всегда животное, но иногда это хищный зверь *(фр.)*.

ным изъявлением народной благодарности, которая должна быть разборчива в своих выборах. Полевой заслуживает участия и уважения как человек, который трудился, имел способности — но как он писал и что он писал, это другой вопрос. Вообще Полевой имел вредное влияние на литературу: из творений его, вероятно, ни одно не переживет его, а пагубный пример его переживет и, вероятно, надолго. «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» издаются по образу и подобию его. Полевой у нас родоначальник литературных наездников, каких-то кондотьери, ниспровергателей законных литературных властей. Он из первых приучил публику смотреть равнодушно, а иногда и с удовольствием, как кидают грязью в имена, освященные славою и общим уважением, как, например, в имена Карамзина, Жуковского, Дмитриева, Пушкина. Белинский — Полевой, объевшийся белены.

Я первый готов советовать правительству не обольщаться умом, не думать, что каждый умный человек на все способен. Можно иметь много ума, здраво рассуждать о людях и вещах и все-таки не быть годным занять такое или другое место. Вольтер мог бы быть очень худым министром и даже директором департамента. Но, с другой стороны, позволю себе заметить правительству: что не следует и пугаться ума, отрекаться от него, как от сатаны, и всех дел его и поставить себе за правило, что глупость или, по крайней мере, пошлая посредственность одна благонадежна и вследствие сего растворять ей двери настежь во все правительственные места. Сенявин, товарищ министра внутренних дел, посажен в Сенат.

Есть у нас какое-то правило, по коему не определят человека губернатором в такую губернию, где он имеет поместье. Ребяческое соображение. Если человек добросовестен и честен, то не станет обижать чужих, в пользу своих. Если нет в нем чести и добросовестности, то не более и не менее станет он кривить душою и наживаться на счет ближнего. Напротив, есть более надежды, что дворянин, помещик той губернии, в которой он и губернатор, захочет поддержать свою честь и сделать себе почетное имя посреди природных своих сограждан. В экономическом отношении также есть выгода. В своей губернии, при пособиях деревни, губернатору жить дешевле и, следовательно, менее побуждений к лихоимству. Губернатор-пролетарий входит в чуждую ему губернию как в завоеванную землю. У него тут нет земляков и, следова-

тельно, некого совеститься и стыдиться. Выгонят его с места, он не останется в губернии под судом и нареканием своих единоземцев и товарищей по дворянству. Правилу тому подобному и еще более несообразному следует правительство и в другом отношении: оно неохотно определяет людей по их склонностям, сочувствиям и умственным способностям. Оно полагает, что и тут человек не должен быть *у себя,* а все как-то пересажен, приставлен, привит, наперекор природе и образованию. Например, никогда не назначили бы Жуковского попечителем учебного округа, а суют на эти места Крафстрема, Траскина. А если Жуковскому хорошенько бы поинтриговать и просить с настойчивостию, то, вероятно, переименовали бы его в генерал-майоры и дали бы ему бригаду, особенно в военное время.

Адмирал Рикорд говорил о смерти Полевого: лучше умерло бы двадцать человек наших братьев генералов. Государь одним приказом мог бы пополнить убылые места, но назначения таких людей, как Полевой, делаются свыше.

В одно время с появлением статьи моей о подписке на сооружение памятника Крылову вышла и статья Булгарина о Крылове, где он между прочим меня ругал. Рикорд, повстречавшись со мною на Невском проспекте, сказал мне: «Благодарю вас, князь, за вашу прекрасную статью, славно написана, но спасибо и Фаддею, мастер писать, славно написал»[17].

Средняя цена во что обходится на заводе (в Малор[оссийских] Губер[ниях]) приготовление ведра вина есть 45 к. с[еребром], таким образом, для достижения существующей ныне нормальной цены вину необходимо будет предполагаемый акциз определить в 1 р. сер[ебром].

По приблизительным сведениям выкуривается ежегодно вина:

в Черниг[овской] губ.	3 761 655
— Полт[авской] —	2 962 933
— Харьк[овской] —	2 646 753
	9 371 341

Ныне чистый государственный доход с трех губерний по винной части составляет 1 961 002 р.

С повышением цены на вино потребление, а с тем вместе и приготовление его должно уменьшиться, допуская даже наполовину, то все-таки, при новом предположении,

казенный доход возвысится до 4 685 670. Можно отдать этот акциз на откуп с уменьшением 15 процентов в виде опыта на два года. Увеличить еще акцизный сбор с шинков, разделяя их по удобствам местоположений на три разряда: с первых брать по 60, со вторых по 40, с третьих по 20 р. с. в год. Этою мерою без всяких насилий уменьшится необходимо число мест раздробительной продажи, и следовательно уменьшится в народе пьянство.

«Pour le protestant, l'écriture prime l'église comme autorité, et la conscience prime l'église comme interprète. Mais la conscience, ne prononce que pour celui qui la possède, et non pour autrui. Chacun sait qu'ausum homme ne peut remplacer pour lui sa propre consicence, dont les impulsions lui sont à coup sûr une règle plus certaine et plus claire que toutes celles qui lui seraient imposées du dehors par gens, dont ce qu'il sait de plus positif, c'est qu'ils ne peuvent être ses juges en matière de foi. Les protestants ne repoussent le pape qu'à cause de cette prétention, même d'un jugement infaillible, et les gouvernements politiques ou les corps ecclésiastiques, qui dans la réforme prétendent dominer sur les convictions, en déterminant les questions de croyance, font une oeuvre tout aussi anti-chrétienne que celui qu'ils appellent «Antéchrist» (M i l t o n. «Semeur», 25 févr. 1846).

Contraindre l'incrédule à revêtir les dehors de la foi, ou l'homme consiencieux à agir contre sa conscience, aboutit à un seul et même résultat, celui de les pousser l'un et l'autre dans la voie de l'hypocrisie et du péché. Est-ce ainsi que l'état comprend l'avancement de la gloire de dieu et du bien des âmes? Si tel n'est pas son but, tel est du moins l'effet de son influence et de son intervention dans les questions religieuses, en sorte que le mal, qu'il produit est en proportion directe de l'intérêt qu'il prend aux affaires de l'église» (Тут же. M i l t o n. Traité sur la doctrine chrétienne)*.

---

* «Что касается протестанта, священное писание считает церковь авторитетом, совесть же расценивает ее только как посредника. Но совесть подымает свой голос только за того, кто ею обладает, а не за кого-либо иного. Каждому известно, что ни один человек не может передать ему свою совесть, внушения которой являются для него более верным и ясным руководством, нежели те, которые исходят от людей, извне. Потому что он знает, самым положительным образом, что люди не могут быть его судьями в области веры. Протестанты отрицают папу только в силу его претензии на право непреложного суждения; что же касается до политических правительств или корпораций духовенства, которые в реформе претендуют господствовать над убеждениями, ограничивая круг вопросов

Этим обличается нелепость и преступление религиозных обращений, предпринимаемых гражданскою властью, и уголовных наказаний, постигающих тех, которые добровольно, по собственному влечению совести, приемлют другое вероисповедание. Правительство не признает преступлением самое перекрещение христианина из одного вероисповедания в другое, ибо само побуждает и поощряет к перемене исповедания, но полагает правом своим заставить любить бога, служить и молиться ему, как оно хочет. Обращение униатов в православие род révocation de l'édit de Nantes*, с тою разницею, что протестующим не позволили бы переселиться в другое государство.

Mémoire sur l'instruction publique et la législation relativement à la Russie**.— К императору Александру от Лагарпа:

«Il faut que les Russes, tant gouverneurs que gouvernés perdent l'habitude des sauts en administration, la-quelle est devenue pour eux une seconde nature, apprennent à connaître et à priser une marche lente et régulière, dont l'invariable gravité impose à tous et mette le gouvernement lui-même dans l'heureuse impuissance d'agir à la légerè. (А мы и доныне все делаем скачками. Петр Великий делал скачки богатырские, а теперь делают детские скачки, то вперед, то назад, то в сторону.) К этому есть выноска, где выставляется пример Пруссии:

«les monarques prussiens sont absolus, et cependant ils n'osent se permettre *l'arbitraire* et leurs sujets jouissent d'un très haut degré de liberté.— Quelques ministres y ont aussi hasardé de temps en temps de couvrir du manteau royal leurs bévues et leurs mesures arbitraires; mais la fermeté des dicastères, qui armés d'arguments irrésistibles réclamaient d'un ton respectueux en faveur de la justice et du bon sens, les arrêta toujours à leur débat sans parle-

---

веры, то они совершают такое же антихристианское дело, как тот, кого они называют «Антихристом» (Мильтон. «Сеятель». 25 февр. 1846).

Заставить неверующего приспособиться к внешним обрядам веры или совестливого человека поступить против совести значит привести их к одному и тому же результату, толкнуть того и другого на путь лицемерия и греха. Неужели так понимает государство приближение славы божией и блага для человеческих душ? Если у него иная цель, то таков, по крайней мере, результат его влияния и его вмешательства в религиозные вопросы, так что зло им совершаемое находится в прямом отношении к интересу, который он проявляет к делам церкви» (Мильтон. Трактат о христианском учении) *(фр.)*.

* Отмены Нантского эдикта *(фр.)*.

** Записки о народном образовании и законодательстве в России *(фр.)*.

ment et sans assemblée nationale». (Карамзин также, оспоривая реформы, предполагаемые Александром, говорил ему: «Commencez Sire, par tuer l'arbitraire».)

«Peu de nations — (говорит Лагарп) — méritent plus ce que vous destinez ă la vôtre, Sire! Elle a du caractère, de l'audace, de la bonhomie et de la gaîté. (Он мог прибавить: «et beaucoup de bon sens»). Quel parti tirer de ces éléments et combien l'on en a abusé pour la rendre malheureuse et cesıelements et combien l'on en a abusé pour la rendre malheureuse et l'avilir». Он советует, для исполнения сих реформ, употребить немцев и поляков, принадлежащих государству: «En employant indifféremment ces individus de tribus diverses, regardés trop souvent comme étrangers dans votre empire, vous leur prouverez qu'ils n'ont tous qu'une même patrie. Vous leur apprendrez à s'enorgueillir du nom de *citoyens russes** — (чему и доныне научить не успели, а напротив, почти вовсе разучили).

«Vous voulez éclairer doucement votre peuple, le rendre digne d'apprécier les bienfaits de la liberté civile et l'en faire jouir sans qu'il puisse en abuser. Pour atteindre ces deux grands buts, Sire, c'est par les fondements et non par les décorations qu'il faut commencer. La Russie aura le bonheur unique de ne pas recourir à ces assemblées légis-

---

* Следует, чтобы русские правители так же, как и управляемые, потеряли бы привычку скачков в управлении, которая превратилась как бы в их вторую природу, и научились бы познавать и ценить медленный и ровный ход событий, неизменная важность которого обязывает всех и ставит само правительство перед счастливой невозможностью действовать легкомысленно.

Прусские монархи не ограничены в своей власти, и, однако, они не осмеливаются прибегать к *произволу* и их подданные пользуются высшей степенью свободы.— Некоторые министры пытались там время от времени прикрывать свои ошибки и произвольные мероприятия — королевской мантией. Но твердость дикастеров, которые, вооружившись неопровержимыми аргументами, почтительным тоном требовали правосудия и здравого смысла, всегда останавливала спор без парламента и без национального собрания [...]. Начните, государь, с уничтожения самовластия.

«Немногие нации... более заслуживают того, что вы, государь, предназначаете для вашей. Она наделена характером, смелостью, добродушием и веселостью. (...и большим количеством здравого смысла). Какую выгоду можно извлечь из этих качеств и как ими злоупотребляли, чтобы сделать несчастной и унизить ее».

Используя без различия этих разноплеменных лиц, которых в вашей империи слишком часто рассматривают как иностранцев, вы им докажете, что у них у всех одна родина. Вы их научите гордиться именем *русских граждан (фр.)*.

latives, qui trompant presque partout l'espoir des gens de bien, auraient discrédité les principes, même s'ils pouvaient jamais l'être par les bévues de la pauvre humanité. Sa destinée lui a donné pour empereur un citoyen qui peut et qui veut pour elle, tout ce que ces assemblées auraient dû effectuer ailleurs.

Instruction et législation, approprıées aux besoins de votre empire, telles sont les deux grandes divisions de vòtre travail»*.

Он советует приготовлять исподволь освобождение крестьян, так сказать осуществить его на деле, не провозглашая свободы на словах, «faire du moins en faveur des cultivateurs mais en les préservant *toujours sous le point de vue d'obtenir une simplification d'économie,* en se gardant bien de laisser échapper un mot en faveur de la liberté»**,— так, говорит он, поступлено было в Дании. Он советует начать с казенных крестьян и вообще советует ни в чем не торопиться: «J'ose donc vous en conjurer pour l'amour des principes, pour le bien que vous voulez aux hommes, pour votre sûreté et pour votre gloire, opposez-vous avec force à tout ce qui précipiterait le temps. Je parle à un monarque citoyen, et crois agir conformément aux vrais principes en insistant auprès de lui, pour qu'il conserve *intacte* l'autopité dont il ne veut faire qu'un bon usage»***.

---

* Вы хотите понемногу просвещать народ, сделать его способным оценить блага гражданской свободы и дать ему возможность наслаждаться этим благом, не злоупотребляя им. Для того, чтобы приблизиться к этим двум великим целям, государь, надо начинать с фундамента, а не декораций. Россия будет единственной счастливицей, которая обойдется без законодательных собраний, почти повсеместно обманывающих надежды благонамеренных людей; они были бы готовы развенчать и принципы, если бы таковые и возникли, в силу заблуждений бедного человечества. Судьба России подарила ей в качестве императора гражданина, который хочет сделать для нее все то, что эти собрания должны были бы совершить в других странах.

Образование и законодательство, приуроченные к потребностям вашей империи,— таковы два великих раздела вашего труда *(фр.)*.

** Осуществлять в пользу земледельцев, но все время охраняя их *под видом достижения более упрощенной экономики* и воздерживаясь проронить хотя бы одно слово в защиту свободы *(фр.)*.

*** Итак, я осмеливаюсь умолять вас, ради любви к принципам, ради блага, которое вы желаете принести людям, ради вашей безопасности и вашей славы, твердо возражайте против всего, что преждевременно. Я обращаюсь к монарху-гражданину и полагаю, что действую согласно истинным принципам, настаивая, чтобы он сохранил в *неприкосновенности* свою власть, которую он хочет использовать только для добрых целей *(фр.)*.

Этими словами кончает он: «Alexandre peut-être aimable et bon en société; l'empereur doit être grave, sévère, ami de l'ordre, inaccessible aux petites considérations, inébranlable dans sa marche, *homme de la nation entière* et non pas celui des ministres et des courtisans»*.

Выше, говоря о составлении Совета при министерстве народного просвещения, он продолжает: «Le ministre serait chargé du travail courant auprès de V. M. I. et afin qu'elle pût toujpurs voir clair, il faudrait qu'elle admit tous les 8 ou 15 jours au moins les membres du conseil devant elle»**.

Lettres et instructions de Louis XVIII au Comte de St-Priest, précédées d'une notice par M. de Barante 1845***. Письма и инструкции довольно малозначительны, но статья Баранта очень хороша. Говоря о St-Priest, он мимоходом рассказывает умно, ясно ход революции. Рюльер сказал о Вержене: «*Une médiocrité imposante*»****. Барант говорит, что этот приговор несправедлив. «M-r de Calonne était un homme, dont la conversation brillante et facile séduisant une société frivole, et même des gens plus sérieux; mais il n'avait aucune connaissance positive, ni pratique des affaires. Il appartenait tout antier à cette *époque de projets, d'engouements, d'opinions tranchantes, de présomption et d'imprévoyance*»*****.

Не похож ли портрет на Киселева? —

Королева говорила: «Hélas! il n'y a plus de bonheir pour moi depuis qu'ils m'ont faite intrigante. Les reines ne peuvent être heureuses qu'en ne se mélant de rien. Je céde

---

* Александр может быть любезен и добр в обществе; император должен быть серьезен, строг, он должен быть другом порядка, он должен быть недоступен для мелких соображений, непоколебим в своем продвижении вперед, он — человек, принадлежащий всей нации, а не только министрам и придворным *(фр.)*.

** Министру следовало бы поручить вести всю текущую работу при в[ашем] и[мператорском] в[еличестве]; для большей ясности в делах вам надлежало бы один раз в 8 или по крайней мере в 15 дней созывать членов совета *(фр.)*.

*** Письма и инструкции Людовика XVIII графу де Сен-При, с предисловием г-на де Баранта 1845 *(фр.)*.

**** *Величественная посредственность (фр.)*.

***** Г-н де Калони был человеком, блестящая и легкая беседа которого привлекала не только легкомысленное общество, но даже и более серьезных людей; но он не обладал ни положительными сведениями, ни практическим знанием дел. Он всецело принадлежал этой *эпохе прожектерства, пристрастия к резким мнениям, тщеславия и непредусмотрительности (фр.)*.

à la nécessité et à ma mauvaise destinée»*.— Неккер espérait que l'opinion publique serait à la fois sage et force: il jouissait de son immense popularité et la croyait une puissance.— — Mais nul homme d'état ne fut jamais moins armé en guerre pour entrer dans les luttes d'une révolution»**.—

Когда в королевском совете толковали о выборе места для собрания des états généraux*** и поочередно называли Париж, Тур, Троа, Орлеан,— король все молчал,— наконец сказал: «ce ne peut-être que Versailles, à cause des chasses»****. Другой в подобных обстоятельствах мог бы выбрать место не по поводу охоты, а по поводу разводов. Когда Неккер советовал королю, после Версальской передряги, перенестись в Париж, St-Priest сказал: «Sire, si vous êtes conduit demain à Paris, votre couronne est perdue»*****.— Мирабо обвинял St-Priest в Собрании, что когда парижские бабы требовали хлеба 5 октября, он будто отвечал им: «Quand vous aviez un roi vous aviez du pain; aujourd'hui vous en avez douze cents, allez leur en demander»******. St-Priest [отказался?] от слов, ему приписываемых враждою Мирабо, который ненавидел его, «peut-être,— говорит Барант,— parce qu'il lui savait plus de hardiesse et de résolution qu'aux autres»*******. Король не доверял вполне ни министрам своим, ни частным и *подспудным* советникам (чтобы не сказать *тайным* советникам), ни агентам своим, которых он употреблял то по внутренним интригам, то по внешним перепискам. Между тем он мало обманывал себя: пытался противоборствовать революции, но с безнадежностью (découragement): уступал ей, но с отвращением. «Je finirai comme les rois faib-

---

* Увы! для меня не существует больше счастья с тех пор, как они меня сделали интриганкой. Королевы могут быть счастливы, только не вмешиваясь ни во что. Я уступаю необходимости и моей судьбе *(фр.)*.

** Надеялся, что общественное мнение будет одновременно сильным и мудрым. Он пользовался своей огромной популярностью и считал его могуществом.— — Но ни один государственный деятель не был менее вооружен, чем он, для того, чтобы вступить в революционную борьбу *(фр.)*

*** Генеральных штатов *(фр.)*.

**** Это может происходить только в Версале, так как там есть возможность поохотиться *(фр.)*.

***** Государь, если вы поедете завтра в Париж, ваша корона будет потеряна *(фр.)*.

****** Когда у вас был один король, вы имели хлеб; сегодня у вас их двенадцать сотен, просите хлеба у них *(фр.)*.

******* Быть может... потому что он считал его более смелым и решительным, чем других *(фр.)*.

les,— говорил он часто,— on me tuera»*. Побуждения его были чисты, он был справедлив и нравствен; он желал блага своему государству, но так же вяло, как самому себе, не стесняясь, не приневоливая себя ни в чем, не выходя из круга своих привычек, не налагая на себя ни забот, ни труда. Никогда не ободрял он никого из служивших ему ни словом одобрения, ни похвалы; il ne faisait nul accueil à un étranger. Sa bonté n'avait rien d'expansif, ni de sympathique, c'était une forme de sa faiblesse**. St-Priest отправлен был в Петербург. Le prince Potemkin vivait encore et avait une haute position, mais l'amant favori de Catherine etait alors Zuboff. M-r de St-Priest se souvient de M-me de Pompadour, qu'il avait vue ainsi, permettant les infidélités du Roi, et même les favorisant, en gardant la position officielle de maîtresse; seulement les amours de Catherine ne l'empêchaient point d'être un grand souverain***. Екатерина приняла его очень милостиво, но не очень поддавалась видам его и предложениям: «Je n'ai nul droit,— говорила она,— à me mêler des affaires intérieures de la France. J'ai pour principe,— прибавила она,— denepoint commencer une entreprise nouvelle avant d'avoir terminé celle dont je suis occupée. J'ai sur les bras une guerre avec les Turcs dont je veux attendre la fin»****. Барант говорит, что не Турция озабочивала ее, а раздел Польши, который она предвидела et qu'elle voulait être en mesure d'accomplir.— «Nous savons bien que M. de Lafauette sauverait le roi,— говорили в Тюллерийском дворце,— mais il ne sauverait pas la royauté. Si M-r de Lafauette nous sauve,— говорила madame Elisabeth,— qui nous sauvera de M-n de Lafauette?»***** Королева, го-

* Я кончу, как все слабые короли... меня убьют *(фр.)*.

** Он не принимал никого из иностранцев. Его доброта не отличалась ни экспансивностью, ни мягкостью; это было только проявление его слабости *(фр.)*.

*** Князь Потемкин был еще жив; он еще имел высокое положение, но любовником-фаворитом Екатерины был в то время Зубов. Г-н де Сен-При вспоминает о госпоже де Помпадур, которую он видел в таком же положении, допускающей и даже поощряющей неверности короля, но сохраняющей официальное положение любовницы. Разница в том, что любовные связи Екатерины не мешали ей быть великой государыней *(фр.)*.

**** Я не имею никакого права... вмешиваться во внутренние дела Франции. Мое правило... никогда не предпринимать ничего нового, не закончив того дела, которым я занята. У меня на руках война с турками, и я хочу довести ее до конца *(фр.)*.

***** И хотела быть в силах его совершить.— «Мы хорошо знаем, что г-н де Лафайет мог спасти короля... но он не смог бы спасти королевскую власть. Если г-н де Лафайет нас спасает,—...госпожа Элизабет,— кто же нас спасет от г-на де Лафайета?» *(фр.)*

воря о принце Конде, военном предводителе эмиграции, которого она никогда не любила, сказала: «il serait pourtant dur d'être sauvé par ce maudit borgne»*. То же мог сказать Александр о Кутузове, которого он также не любил. (Д. П. Бутурлин рассказывал мне слышанное им от гр[афа] Комаровского, который был дежурным при государе в день, когда Кутузов призван был в Каменно-Островский дворец для принятия начальства над армиею в 1812 г. Час, назначенный для свидания, наступил, прошло еще несколько времени, Кутузов не являлся. Государь с нетерпением и гневом осведомлялся: приехал ли он? едет ли? Несколько фельдъегеров разослано было во все стороны, чтобы узнать, что с ним делается. Наконец, приехали с известием, что Кутузов в Казанском соборе служит молебен. Приехал, долго был в кабинете государя, государь проводил его до передней комнаты, возвращаясь один к себе, мимо Комаровского, сказал ему: «ce n'est pas moi, qui l'ai voulu, c'est la nation. Quant à moi, потирая руки себе, je m'en lave les mains»**.

Павел, на просьбу Людовика XVIII, дал ему убежище в маленьком княжестве Геверском (Gevers) в Вестфалии, принадлежащем ему по наследству по кончине Екатерины.— Людовик XVIII прислал императору Павлу из Митавы, чрез аббата Еджеворта, орден св. Лазаря. Император рассердился и не принял ордена, как второстепенного. Прислан был орден св. Духа. Описывая жизнь короля в Митаве, где он завел себе Версальский двор со всеми обрядами, интригами царедворцев и где, dans une calme et douce position fondée sur la conscience béate de son droit, semblait se croire en jouissance de l'essentiel della royauté***, Барант говорит: «Les hommes sensés, le voyant si satisfait, le plaignaient, non point, de ses malheurs, *mais de son contentement*»****.

St-Priest родился 12 марта 1735 г. и умер 26 февраля 1821 г. Он отец нашего генерала St-Priest. Отвечая St-Priest на Memoire, им поднесенный королю в 1799 г.

---

* Было бы, однако, жестоко быть спасенной этим проклятым кривым *(фр.)*.

** Не я, а нация его хотела. Что до меня... я умываю руки *(фр.)*.

*** В спокойном и приятном положении, основанном на блаженном сознании своего права, он, казалось, чувствовал себя владеющим основной сущностью королевской власти *(фр.)*.

**** Рассудительные люди, видя его столь удовлетворенным, жалели его не за его несчастья, но за его довольство *своим положением* *(фр.)*.

о восстановлении королевской власти во Франции с некоторыми уступками духу времени и силе совершившихся событий, Людовик XVIII сказал между прочим: «Si je suis un jour roi de fait, comme je le suis de droit, je veux l'être *par grâce de Dieu*»*. Многие тогда осмеивали, и осмеивают и ныне, королевские замашки этого царя без престола и даже забытого и частью незнаемого народом, от которого он отречься не хотел, но как бы то ни было события доказали, что голос внутренний, который поддерживал и руководил его, был не обманчив, а голос промысла. Он на своем поставил: возвратился во Францию королем и королем в ней умер.— По указанию Баранта, в императорской нашей библиотеке есть письмо Людовика XVIII от 6 июня 1800 г. к Павлу I с изъяснением благодарности за великодушные поступки его и с приложением d'un projet très ingénieux du roi pour la fusion des deux calendriers grec et romain**, писанный собственноручно.— Из записки St-Priest о Турции, в которой он был послом, Napoleon a puisé l'idée de son expédition d'Egypte***.

St-Priest получил от Екатерины Св. Андрея и пенсию.

11-го июня 1846. Дача Маринина.

Говоря о жестокостях французов в Алжире, Ламартин превосходно сказал в Палате Депутатов 10 июня 1846 года:

«Il y a quelque chose de plus cruel, en effet, que la cruauté individuelle, c'est la cruauté froide d'un système faux.—— Il y a quelque chose de plus cruel que Néron et Tibère****,— говорит он перед этим.

«Tout peut s'écrire,— говорит Гизо,— et il n'y a pas d'absurdité qui ne trouve une tête pour s'y hicher»*****.

Граф Канкрин, во все свое слишком двадцатилетнее министерство не отметил *секретно, нужно, весьма нужно,* сколько Вронченко отметил в месяц. Все это вывеска большой мелкости. Глядя на большую часть этих бумаг, спра-

* Если я буду когда-нибудь королем на деле, так же как я являюсь им по праву, то я хочу, чтобы это совершилось *милостью божией* *(фр.)*.

** Искусного проекта короля о слиянии греческого и римского календаря *(фр.)*.

*** Наполеон почерпнул мысль о походе в Египет *(фр.)*.

**** В самом деле, существует нечто более жестокое, нежели жестокость отдельных лиц, это холодная жестокость ложной системы.—— Существует нечто более жестокое, нежели Нерон и Тиберий *(фр.)*.

***** Написать можно обо всем... и нет такой нелепости, которая не нашла бы головы, чтобы приютиться в ней *(фр.)*.

шивается: для чего они *нужны* и от кого они *секретны?* Может быть еще секрет, когда бумага пишется от лица к лицу непосредственно, собственноручно. Но какой секрет в бумаге, которая прошла чрез два или три канцелярские мытарства?

Василий Перовский, принимая морское ведомство, когда оно являлось к нему, сказал: «Теперь, что казак управляет морскою силою можно надеяться, что дела хорошо пойдут». Частные лица, даже сами действующие лица, по русскому благоразумию и русской смышлености, сейчас схватывают смешную и лживую сторону каждого неправильного положения; но власть лишена у нас этого природного и народного чутья. Разумеется, и Меншиков был импровизированный моряк, но Меншиков a la spécialité d'être un homme universel*, а что нашли морского в Перовском? Разве неудачный поход его в Хиву на верблюдах, названных, кажется Шатобрианом, les vaisseaux du désert**.

Le Peuple par Michelet [Народ, соч. Мишле][18]. Среди многих нелепостей, громких и пустых фраз, проявляются и истины. Вообще довольно верно то, что он осуждает, но когда начнет советовать, учить, преподавать, тут не только ум за разум, но вранье за горячку переходит. «Надобно,— говорит он,— преподавать: la patrie comme dogme et principe, puis la patrie comme légende. Nos deux rédemptions par la sainte pucelle d'Orléans, par la révolution, l'élan de 92, le miracle du jeune drapeau, nos jeunes généraux admirés, pleurés de l'ennemi, la pureté de Marceau, de magnanimité de Hoche, la gloire d'Arcole et d'Austerlitz etc. etc.***, а почему же не прибавляет он l'humiliation de Waterloo****, ибо нет сомнения, что Аустерлиц, рано или поздно, должен был кончиться Ватерло или добровольною смертью Европы, чего ожидать было нельзя. Во многих местах он подражает Мицкевичу, но в Мицкевиче, под туманом заблуждений, все-таки теплит-

---

* Имеет специальность быть универсальным человеком *(фр.)*.

** Кораблями пустыни *(фр.)*.

*** Родину как догмат и принцип, затем родину как легенду. Мы имели два искупления: через Орлеанскую девственницу и через революцию, мы имели порыв 92 года, чудо молодого знамени, молодых генералов, которыми восхищался и которых оплакивал враг, чистоту Марсо, великодушие Гоша, славу Арколя и Аустерлица и т. д. *(фр.)*.

**** Унижение Ватерлоо *(фр.)*.

ся, светится какая-то вера, верование, а в Мишеле все это театрально, пустозвучно. «Rome est le pontificat du temps obscur, la royauté de l'équivoque, et la France a été le pontife du temps de lumière*. Следующее замечание довольно справедливо: «Toute autre histoire est mutilée, la nôtre seule est complète; prenez l'histoire d'Italie, il y manque les derniers siècles; prenez l'histoire de l'Allemagne, de l'Angleterre, il y manque les premiers; prenez celle de la France; avec elle, vous savez le monde**.

Но вопрос: чему учиться из этой истории: тому ли, что должно делать, или тому, чего избегать должно, чего делать не должно? Главная мысль сочинения также справедлива, что вообще говоря о *peuple* [народе] принимают всегда за целое некоторые части его: une classe peu naturelle, dépravée; ce n'est point là le peuple, il faut le prendre dans sa masse, dans sa profondeur***. Сравнение *детей и народа:* l'enfant explique le peuple,— l'instinct de l'anfant n'est pas pervers, ni l'instinct des peuples-enfants****. И у нас несправедливо было бы изучать и оценивать *народ* (у нас нет слова *peuple* в этом особенном значении). *Крестьянство — христианство, мир православный;* в городских фабричниках, в мастеровых, в дворовых. Ищите его ниже, то есть глубже.— C'est une grande gloire que nos vieilles communes de France, d'avoir trouvé les premières le vrai nom de la patrie. Dans leur simplicité pleine de sens et de profondeur, elles l'appelaient: l'amitie [la patrie n'était encore que dans la commune; on disait: *l'amitié de Lille, l'amitié d'Aire etc.******.

Когда вошло у нас в употребление слово: *отечество?* Жаль, что оно принадлежит среднему роду. Оно облекается в какое-то отвлеченное понятие. Нельзя олицетворить его: отечество, отечествие, отчизна, отчина, все это более тесное значение места родины, последовательности от

---

* Рим — это первосвященство темных времен, царство двусмысленностей, Франция же была первосвященником светлого времени *(фр.)*.

** История всех других стран искажена, только наша сохранила свою целостность; возьмите историю Италии, в ней отсутствуют последние столетия; возьмите историю Германии, Англии — там нет первых веков. Возьмите историю Франции; читая ее, вы узнаете мир *(фр.)*.

*** Класс, мало естественный и развращенный; это совсем не народ, его надо брать в массе, во всей его глубине *(фр.)*.

**** Ребенок служит объяснением народу. Инстинкт ребенка не может быть извращенным так же, как и инстинкт народов-детей *(фр.)*.

***** Великая слава нашим старым французским коммунам, что они первые нашли истинное имя для родины. В своей простоте, полной глубины и здравого смысла, они называли ее: дружба (Родина была еще только в коммуне; говорили: дружба Лилля, дружба Эра) *(фр.)*.

отца. *Отечество, отчество* слишком сходны одно с другим. Нет слова *patriotisme, patriote*. Любовь к отечеству*, холодное и неправильное выражение: означает отношение к чему-то, а не чувство чего-то — Vaterland**.

Меншиков, говорят, вне опасности и выздоровливает. Стало быть Перовский — адмирал на час.

Когда старику Пашкову, кажется, Василию Александровичу, дали Андрея и все удивлялись, спрашивая за что, Меншиков сказал, что за службу его по морскому ведомству: «он десять лет не сходит с судна».

Тютчев говорит, что Нессельроде напоминает ему египетских богов, которые скрывались в овощи: «On sent bien qu'il y a un dieu, caché làdessous, mais on ne voit qu'un légume»***.

«Imaginez-vous le Tout-Puissant capricieux»****,— говорил он о ком-то.

Глотка греческое слово, по-французски glotte, petite fente du larynx*****. В академическом русском словаре не обращено внимания на греческое происхождение некоторых наших слов, а если и бывают ссылки, то на латинские слова.

«Le vrai est [ce qu'il peut] comme il peut, et n'a de mérite que d'être ce qu'il est» (M-me de Staal-Delaunay)******.

«Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет», говорили славяне, призывая варягов. И ныне то же можем сказать и говорим. Россия в этом отношении все еще та же. Нынешнее немецкое владычество в администрации России повторение Норманского. И тогда славянский народ не онорманили, и ныне русский народ не онемечили, но официальная Россия — не русская. Слова Погодина: влияние варягов на славян было более наружное, они образовали государство,— может быть применено ныне к немцам и вообще к иноплеменному люду. Разница

* *Патриотизм, патриот (фр.).*

** Отечество *(нем.).*

*** Чувствуется, что здесь внутри скрывается бог, но не видно ничего, кроме овоща *(фр.).*

**** Вообразите себе всемогущего господина капризным *(фр.).*

***** Маленькая щель в гортани *(фр.).*

****** Истина такова, какою может быть, и не имеет другой заслуги, как быть тем, что она есть (г-жа де Сталь-Делонэ) *(фр.).*

разве в том, что норманская, то есть иноплеменная сила, воплотилась во втором периоде в русском Петре. Но и он, вероятно, находил, что наша земля велика и обильна, а наряда в ней нет, и призывал немцев на помощь.

28 октября 1846.

Странная моя участь: из мытаря делаюсь ростовщиком, из вице-директора департамента внешней торговли становлюсь управляющим в Государственный Заемный банк. Что в этих должностях, в сфере этих действий есть общего, сочувственного со мною? Ровно ничего. Все это противоестественно, а именно потому так быть и должно, по русскому обычаю и порядку. Правительство наше признает послаблением, пагубною уступчивость советоваться с природными способностями и склонностями человека при назначении его на место. Человек рожден стоять на ногах: именно потому и надобно поставить его на руки и сказать ему: иди! А не то, что значит власть, когда она подчиняется общему порядку и течению вещей. К тому же тут действует и опасение: человек на своем месте делается некоторою силою, самобытностью, а власть хочет иметь одни орудия, часто кривые, неудобные, но зато более зависимые от ее воли.

22-го числа октября призвал меня Вронченко и предложил мне это место. Я представил ему слегка свои возражения, говоря, что это место менее всего соответствует моим способностям, привычкам etc. Но, разумеется, эти возражения не могли иметь ни веса, ни значения, ибо они были в противоречии с общим положением дел в России. Что дано мне от природы — в службе моей подавлено, отложено в сторону: призываются к делу, применяются к действию именно мои недостатки. У меня нет никакой способности *к положительному делопроизводству,* счеты, бухгалтерия, цифры для меня тарабарская грамота, от коей кружится голова и изнемогают все способности, все силы умственные и духовные: к ним-то меня и приковывают роковыми кандалами. Было бы это случай, исключение, падающее на мою долю — делать нечего, беда моя, да и только. Знать, так на роду моем написано; но дело в том, что это общее правило, и мое несчастие есть вместе и несчастие целой России.— На конце поприща моего я вхожу в темный бор людей и дел. Все мне незнакомо и все в противоположности с внутренними моими стихиями.

Меня герметически закупоривают в банке и говорят: дыши, действуй.

Вероятно, никто не встречал нового назначения и повышения с таким меланхолическим чувством, как я. Впрочем, все мои ощущения, даже и самые светлые и радостные, окончательно сводятся во мне в чувство глубокого уныния.

15 авг[уста] 1847.

Я писал Жуковскому о нашей народной и руссо-славной школе: «Tout ce qui n'est pas clair n'est point français»*, говорят французы в отношении к языку и слогу.— Всякая мысль не ясная, не простая, всякое учение, не легко применяемое к действительности, всякое слово, которое не легко воплощается в дело, не русские мысль, учение, слово. В чувстве этой народности есть что-то гордое, но вместе с тем и холопское. Как пруссаки ненавидят нас потому, что мы им помогли и выручили их из беды, так наши восточники ненавидят Запад. Думать, что мы и без Запада справились бы — тоже, что думать, что и без солнца могло бы светло быть на земле. Наше время, против которого нынешнее протестует, дало однако же России 12-й год, Карамзина, Жуковского, Державина, Пушкина. Увидим, что даст нынешнее. Пока еще ничего не дало. Оно умалило, сузило умы. Выдумывать новое просвещение, на славянских началах, из славянских стихий — смешно и безрассудно. Да и где эти начала, эти стихии? Отказываться от того просвещения, которое ныне имеем, в чаянии другого просвещения, более родного, более к нам приноровленного, то же, что ломать дом, в котором мы кое-как уже обжились и обзавелись, потому что по каким-то преданиям, гаданиям, ворожейкам где-то, в какой-то потаенной, заветной каменоломне должен непременно скрываться камень-самородок, из которого можно построить такие дивные палаты, что пред ними все нынешние дворцы будут казаться просто нужниками. Вот эти руссославы и ходят все кругом этого места, где таится клад, с припевами, заговорками, заклятьями и проклятьями Западу, а все ничего вызвать и осуществить не могут. Один пар бьет столбом из-под обетованной их земли. Эти руссославы гораздо более немцы, чем русские.

29 июня 1555—1557 достигнув Переволока, Шемякин отрядил князя *Александра Вяземского,* который близ Черного острова встретил и побил несколько сот астрахан-

---

* Все, что не ясно — то не по-французски *(фр.)*.

цев — (Поход на Астрахань. Царствование Иоанна. Карамзин.)

Вигель, в записках своих упоминая о Козодавлеве, говорит между прочим, что он был и добрый человек и даже не худой христианин, но видно было из всего поведения и поступков его, что он более надеялся на *милосердие божие,* нежели на *правосудие.* В записках его много злости и много злопамятности, но много и живости в рассказе и в изображении лиц. Верить им слепо, кажется, не должно. Сколько мог я заметить, есть и сбивчивость и анахронизмы в событиях. К тому же он многое писал по городским слухам, а не всегда имел возможность проникать в сокровенные причины описываемых им явлений, а мы знаем, как слухи служат иногда неверными и часто совершенно лживыми отголосками событий. Со всем тем эти записки очень любопытны и Россия со всеми своими оттенками политическими, правительственными, литературными, общежительными, включая столицы и провинцию, и личностями отражается в них довольно полно, хотя, может быть, и не всегда безошибочно и непогрешительно верно.

Вчера вечером читал он у нас многие отрывки из них. 17 окт[ября] 1847[19].

5 декабря 1848.

Сейчас узнаю, что я пожалован кавалером ордена Св. Станислава 1-й степени. Видно, что я устарел и что дух во мне укротился. Эта милость меня не взбесила, а разве только немножко сердит. Во все продолжение службы моей я только и хлопотал о том, чтобы не получать крестов, а чтобы срочные, оказываемые мне милости обращались в наличные награждения, а не личные. При графе Канкрине я успевал в этом. Мои нынешние сношения с министром уже не таковы. Ордена в некотором отношении похожи на детские болезни: корь, скарлатину. Если не перенесешь их в свое время, то есть в молодых летах, то можешь подвергнуться действию их на старости лет. Бог помиловал меня до нынешнего дня, но неминуемая скарлатина 1-го Станислава постигла и меня на 56 году жизни моей. Поздненько, но не можно сказать: vaut mieux tard que jamais*. Всего забавнее, всего досаднее, что должно будет еще благодарить за это.

---

* Лучше поздно, чем никогда *(фр.).*

Прошлого года по представлению моему не дали 1-го Станислава Скурыдину, потому что я его не имел. Теперь могу привить его другим. La plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a*.

Впрочем, все это, может быть, к лучшему. Лишениями, оскорблениями по службе нельзя было бы задеть мое самолюбие. Провидение усмиряет мое самолюбие ниспосылаемыми мне милостями. Все мои сверстники далеко ушли от меня. Отличие, полученное мною, ни от кого меня не отличает, а, напротив, более прежнего записывает в число рядовых и дюжинных. Когда я ничего не получал, я мог ставить себя выше других или, по крайней мере, поодаль, особняком. Теперь, получив то, чего не мог не получить, самолюбию моему уже нет никакой уловки, никакой отрады. Оно подрезывается под общую мерку и должно стать на уровень со всеми.

Боюсь только, чтобы не оскорбился Политковский, видя, что я догнал его.

6 февраля 1849.

Представлялся сегодня государю благодарить за Станислава. Кажется с 39-го или с 40-го года не был я во дворце. Государь говорил мне о моей *пирушке* в честь Жуковского и о желании, чтобы он скорее возвратился. Я нашел, что государь очень переменился в лице: что-то как будто растянулось в чертах и поблекло[20].

(Письмо Жуковского к императрице, сообщенное мне ее величеством чрез Смирнову):

«Всемилостивейшая государыня!

При отъезде моем из Петербурга, когда я имел счастие прощаться с вашим имп[ераторским] вел[ичеством], вам угодно было позволить мне написать вам о том, что будет со мною; но Вы тогда же приказали, чтобы я написал не иначе, как по прошествии некоторого времени, дабы мне можно было говорить с вами о новой жизни своей не сгоряча, а познакомившись с нею коротко и осмотревшись около себя без всякого предубеждения. Вот уже более двух месяцев, как я женат, я знаю коротко судьбу свою и теперь с большим убеждением, нежели в первые минуты, благодарю бога, который ее сам, без моего ведома, для меня устроил и мне даровал без моего ожидания и искания. Не могу придумать ничего, что бы я теперь пожелал

* Самая красивая девушка не может подарить более того, чем обладает *(фр.)*.

прибавить к моему смиренному, ясному счастию: оно полное. И мне особенно радостно сказать это вашему вел[ичеству], ибо никто лучше вас не знает цены такого блага; а мое, сверх того, есть ваше создание. Теперь из семейного моего приюта, которого покоем и верностию обязан благотворительности тех, коим лучшее время жизни моей посвящено было с любовию, смотрю с благодарностию на мое прошедшее и с особенным чувством воспоминаю те светлые дни, в которые вы были ко мне так милостивы, вы мой идеал доброты, прелести и величия. Этот идеал, старый любимый друг души, никогда не покинет меня и будет добрым гением моей домашней жизни.

Не стану обременять внимание вашего вел[ичества] подробным описанием того, что со мною было в последнее время: если эти обстоятельства будут для вас любопытны, то они все описаны в письме моем к гос[ударю] наследнику. Но для меня необходимо сообщить вам, всем[илостивейшая] гос[ударыня], продолжение того письма, которое вам угодно было прочитать в Пет[ербурге]. Необходимо потому, что оно познакомит вас с тем добрым созданием, которое бог теперь соединил со мною. Из него увидите, какого рода счастие мне теперь в удел досталось. (Это письмо получено мною в Берлине: то, что не было читано ваш[им] вел[ичеством], начинается, кажется, с 7 страницы. Осмеливаюсь просить о его мне возвращении.) Вместе с этим письмом вверяю и ее, мою добрую жену, вам, как моему провидению: уверяю вас, что вера в вашу к ней милость есть одно из необходимых благ, входящих в состав моего семейного счастия. Но это счастие будет весьма просто. Что ожидает меня впереди, не знаю,— будь, что угодно богу. Моя же цель состоит теперь в том, чтобы обратить все свое внимание, все свои желания единственно на то, что здесь одно *на потребу,* а для достижения к этой цели имею в жене своей надежного помощника. Ее простая, неиспорченная душа, хотя и не богата знаниями, исполнена высокого просвещения. И дай бог, чтобы в остающиеся мне годы я, при этом главном, мог совершить что-нибудь и такое, что и после меня осталось бы добрым обо мне воспоминанием.

Оканчиваю письмо мое повторением моей глубочайшей благодарности перед вами, всем[илостивейшая] госуд[арыня], за все благотворения, коими так щедро вы осыпали меня в прошедшем. Одним из главных, или главнейшим из сих благотворений почитаю *возможность,* которую вы даровали мне *знать близко вашу высокую*

душу. Это знание всегда было и навсегда останется моим любезным сокровищем. Сохрани бог вас, государя и все милое царское семейство в неизменном счастии, на радость и благоденствие нашего общего отечества.

Вашего имп[ераторского] вел[ичества] верноподданный

В. Жуковский»

7—19 августа 1841 г.
Дюссельдорф

Было еще письмо к цесаревичу, большое, с подробным описанием брачного обряда, поездки. Душа Жуковского и неловкость его видна в нем *насквозь.* Тонкая бумага так сквозит и так мягка, что чернила расплылись по ней, и я с трудом мог все разобрать, а цесаревичу будет еще труднее. В этом письме выписаны Жуковским несколько строк из письма к нему цесаревича, в коем он говорит, что в день, назначенный для его свадьбы, он много думал о нем и молился за него, желая ему семейного счастия, которое он теперь ценить может, *«с ангелом моим Мариею»*[21].

[ЗАПИСИ П. А. ВЯЗЕМСКОГО 1850—1860 ГОДОВ]

Адам Смит, самый ревностный проповедник *свободной торговли,* умер главным управляющим таможен шотландских. (Flourens, похвальное слово Веньямину Делессерту, в Академии наук — «J[ournal] des Débats» 7 Mars 1850.)

Титов передал мне слово, сказанное Карамзиным о политической экономии: «Эта наука — смесь истин, известных каждому и предположений весьма гипотетических».

Франклин провел несколько из последних лет жизни своей во Франции. Пред отъездом, когда уговаривали его остаться в Париже, он отвечал друзьям своим: «Я очень приятно провел мой вечер; когда настает час ложиться спать, надобно каждому возвратиться домой. Мне очень тяжело уезжать; часто даже колеблюсь; но надеюсь, что исполню то, что прилично».

Можно каждому применить эти слова к жизни своей; перед тем, чтобы вкусить вечный покой, хорошо бы каждому возвратиться домой, то есть в себя, и отказаться от света и от всех житейских попечений и удовольствий.— Так сделал Нелединский.

Catherine II avait l'Habitude de dire que *l'oeil du maître engraisse les chevaux*. Elle savait questionner et écouter. On en apprend plus, disait elle, en parlant à des ignorants qu'en s'adressant aux savants.— Ceux-ci seraient honteux de ne pas répondre même sur des choses dont ils n'ont aucune connaissance, et qui n'osent jamais prononcer ces quatre mots si commodes pour nous ignorants: *je ne sais pais*.

Dans un voyage qu'elle avait fait sur les bords du Volga, elle avait demandé aux habitants de ces rives s'ils étaient contents de leur sort. La plupart étaient pêcheurs. «Nous serions satisfaits du fruit de nos traveaux, répondirent ils, si l'on ne nous obligeait pas à envoyer à vos écuries une assez grande quantité de sterlets qui se vendent très cher: c'est un lourd tribus». Vous faites bien de m'en avertir, leur dit-elle en riant. Je ne savais pas que mes chevaux mangeaient du sterlet.

(«Catherine II et son règne» par E. Jauffret. 1860, 2 vol.)*[22] «Notre temps est atteint d'un mal déplorable. Il ne croit à la passion qu'accompagnée de dérèglement; l'amour infini, le parfait dévouement, tous les sentiments ardents, exaltés, maîtres de l'âme, ne lui semblent possibles qu'en dehors des lois morales et des convenances sociales; toute règle est à ses yeux un joug qui paralyse, toute soumission — une servitude qui abaisse, toute flamme s'éteint si elle ne devient un incendie. Mal d'autant plus grave que ce n'est pas un accès de fièvre, ni l'emportement d'une force exubérante: il a sa source dans des doctrines perverses dans le rejet de toute loi, de toute foi, de toute existence surhumaine, dans l'idôlatrie de l'homme se prenant lui-même pour dieu, lui-même et lui seul, son seul plaisir et sa

---

* Екатерина II имела привычку говорить, что *хозяйский глаз откармливает лошадей*. Она умела спрашивать и слушать. Можно научиться большему, говорила она, в беседе с невеждами, чем обращаясь к ученым.— Последние постыдились бы не ответить на вопрос о вещах, о которых они даже не имеют никакого представления, и никогда не осмелились бы произнести четыре слова, столь удобных для нас, невежд: *я не знаю*.

Путешествуя по берегам Волги, она спросила у жителей этих мест, довольны ли они своей судьбой. Большая часть жителей были рыбаками. «Мы были бы довольны плодами наших трудов,— ответили они,— если бы нас не принуждали посылать в ваши конюшни довольно большого количества стерлядей, которых можно продать очень дорого, это очень тяжелый налог». Хорошо, что вы предупредили меня об этом, сказала она им, смеясь; я не знала, что мои лошади едят стерлядь («Екатерина II и ее царствование», соч. Э. Жоффре, 1860, 2 тома) *(фр.)*.

seule volonté! Et à ce mal vient s'en joindre un autre non moins déplorable, l'homme non seulement n'adore plus que lui-même, mais il ne s'adore que dans la multitude où tous se confondent, il porte envie et haine à tout ce qui s'élève au-dessus du commun niveau; toute supériorité, toute grandeur individuelle, quelqu'en soient le genre et le nom, semble à ces esprits à la fois en délire et en décadence, une iniquité et une oppression envers ce chaos d'êtres indistincts et éphémères qu'ils appelent l'humanité; quand ils aperçoivent dans les régions élevées de la société quelque grand scandale, quelque exemple, odieux de vice et de crime, ils triomphent, ils exploitent ardemment contre les supériorités sociales ces apparition sinistres, qui éclatent dans leurs rangs. Ils voudraient faire croire, que ce sont là les moeurs-générales, les conséquences naturelles de la haute nai ssance, de la grande fortune, de la condittion aristocratique, n'importe à quel tître et sur quelle base elle s'élève».

(Guizot, L'amour dans le mariage, étude historique. Revue des deux mondes, 1 Mars 1855)*.

---

* «Наше время поражено ужасным злом. Страсть допускается только в сопровождении беспорядка; бесконечная любовь, безупречная преданность, все пламенные возвышенные чувства, владеющие душой, кажутся возможными только вне нравственных законов и общественных приличий; в глазах нашей эпохи всякое правило является ярмом, парализующим действия, всякая покорность — унизительным рабством; всякое пламя гаснет, если оно не становится пожаром. Это зло тем более серьезно, что оно не является ни лихорадочным приступом, ни увлечением исключительной силы: его источником являются извращенные учения, отрицание всякого закона, всякой веры, всякого сверхчеловеческого существования; идолопоклонство человека, считающего себя богом и признающего только себя и себя одного, только свое наслаждение и только свою волю! К этому злу присоединяется другое зло, не менее сильное: человек не только поклоняется сам себе, но он поклоняется себе только в толпе, в которой все смешано; он полон зависти и ненависти ко всему, что возвышается над общим уровнем; всякое превосходство, всякое личное величие, какого бы ни было оно рода и как бы ни называлось, представляется этим умам, находящимся одновременно в бреду и разложении, беззаконием и покушением против того хаоса неопределенных и недолговечных существ, которых они называют человечеством. Когда им удается заметить в верхних слоях общества какойнибудь крупный скандал, какое-нибудь гнусное проявление порока и преступности, они торжествуют, они яростно натравливают на высшие общественные круги этих мрачных выродков, которые блистают среди них. Они хотели бы заставить поверить, чтобы подобные нравы обычны, что они естественные последствия высокого происхождения, крупных состояний, аристократических свойств, невзирая ни на среду, ни на почву, на которой они выросли» (Гизо. Любовь в браке, исторические этюды. «Ревю де дё Монд», 1 марта 1855) *(фр.)*.

Как все это идет к нашей литературе — и особенно к нашим обличителям и повествователям[23].

Москва, 5 окт[*ября*] *1860.*

Два раза был я у Ермолова. Ум и память еще очень свежи, но иногда говорит как-то с трудом, тяжело и невнятно.— Разговор зашел об умении выбирать людей и о том, как редко это умение встречается в правителях.— «Вот если я пред кем колена преклоню,— сказал он,— то это пред незабвенным: ведь можно же было когда-нибудь ошибиться, нет, он уж всегда как раз попадал на неспособного человека, когда призывал его на какое бы то ни было место».

Он говорил, что в Турецкую кампанию старик Прозоровский считал за мальчика Кутузова, уже после Аустерлица — а этот мальчик и сам уже начинал ходить как на лыжах. Ермолов говорит про себя, что ему 84 года.

Говорили вчера про войну 1812 г.— По словам его, наши две армии чудом сошлись под Смоленском — и Наполеон мог бы легко разбить нас поодиночке. Он читал отрывки из писем к нему Багратиона, во время отступления. Между прочим, пишет он, что если будут продолжать отступление, он выйдет в отставку — ужасно поносит действия Барклая — говорит: *«Мы обосрали границу свою и бежали».* При всем уважении к храбрости и к дарованиям Багратиона, Ермолов говорит, что ему нельзя было поручить предводительство армиею и что, и по соединении двух армий, мы не в силах были предпринять против неприятеля наступательные действия, что разделение на две армии было пагубное, особенно по несогласию и неприязни двух главнокомандующих.— Ермолов писал о том импер[атору] Александру сильное письмо.— На одном из военных советов Ермолов предлагал решительную меру — кажется, Тучков сказал, что лучше *обождать до вечера.* Хорошо, ваше пр[евосходительство],— возразил Ермолов,— если вы заключите с Наполеоном условие, что он вас *оставит жить до вечера*[24].

При Павле, когда Ермолов служил в Петербурге по артиллерии, он неизвестно за что был сослан в Калугу. Чрез несколько времени объявлено ему высочайшее прощение. Он возвращается в Петербург. Спустя две недели сажают его в крепость в казематы — также не сказавши ему ни слова о причине и поводах к заточению его. Просидел он там два месяца — и сослан на жительство в Кострому, где нашел сосланного Платова.

Говорили о смерти Хомякова. «Очень жаль его, большая потеря, да нельзя не пожалеть и о — «о семействе его» — тут кто-то сказал. Нет,— продолжал Ермолов,— что же, он семейству оставил хорошее состояние, а нельзя не пожалеть о Кошелеве, который без него остался при собственных средствах, т. е. дурак дураком».

13 октября 1860. Петерб[*ург*].

Один неловкий, кривой шаг влечет за собою другой, третий и так далее. Варшавское свидание с австрийск[им] имп[ератором] волнует Европу, сердит и пугает Россию, а путного ничего не принесет. Сближение с Австрией, говорят, не будет. К чему же эти шаги вперед, чтобы окончательно оставаться на своем месте? Тут нет ни расчета, ни рассудительности, ни достоинства. А между тем это сближение вынудило другую неловкость, другую жертву. Государь должен был писать Наполеону и объяснить ему всю *невинность* этого свидания, т. е., так сказать, извиниться пред ним, что он в Варшаве примет австрийского императора. Другое нарушение личного достоинства своего. А вот и третье щекотливое или язвительное последствие. Австрийский император приедет в Варшаву, дав конституцию своим народам, или что-то вроде конституции, а следовательно и полякам, у которых мы в той же Варшаве отняли конституцию, или что-то вроде конституции, им нами некогда данной. Это может быть и штучка, пущенная на нас Венским кабинетом, который был всегда большим штукарем. Все эти неловкости от того, что егоза — Горчаков не может сидеть покойно: он не может понять, что после Крымской войны и Парижского конгресса дипломатии нашей подобает одна пассивная роль. Он в политике своей смотрит не на Россию, а на себя в зеркало — и принимает разные позы, чтобы придать себе более важности, становится на цыпках, чтобы придать себе более роста. Дипломатия хороша и ее другие слушают, когда перья ее очинены острыми штыками, а чернила разведены порохом. Но у нас пока штыки притупились и порох выдохся. До войны, до нашего обезоружения задор Горчакова, может быть, был бы и уместен и в прок: но теперь это анахронизм, et une humiliation de plus*.

Горчаков, новый Jérome, pâturait à la recherche d'une

* И еще большее унижение *(фр.)*.

position sociale: только он à la recherche d'un congres*. Как ни бился несчастный этот Еремка, но ничего добиться не мог. Теперь обрадовался он возможности сочинить маленький конгрессик в Варшаве. А между тем Прусский министр Шлейниц отказался туда ехать и послал своего подмастерья. Слышно, что и принц-регент неохотно поехал в Варшаву. Но что Горчакову за дело? Все же будет ему что по возвращении своем рассказывать здешним дамам о своих Варшавских словесных похождениях и победах.

Pétersbourg ne me fait pas toujours l'effet d'une maison de fous, mais souvent d'une maison d'idiots**. Это не дом умалишенных, а дом ума неимущих.

Варшавский съезд, сочиненный Горчаковым, напоминает мне мой святочный куплет о Госуд[арственном] совете. Он может пригодиться и здесь с некоторыми изменениями:

Наш краснобай, в Варшаву
Конгрессик второпях
Созвал себе на славу:
Европу обнял страх.
Не бойся, говорит, сиди себе в покое,
Мы не обидим никого:
Мы право, право ничего,
Хоть нас числом и втрое.

Наша дипломатия, под направлением Горчакова, похожа на старую нарумяненную, с фальшивыми зубами кокетку. Она еще здесь и там подмигивает, улыбается, чтобы выказать подставные свои зубы, заманивает, иногда грозит своим сухим и морщинистым пальцем. Но никто уже не поддается ее приманкам, никто не обращает внимания на угрозы ее. А она все продолжает жеманиться, ломаться, любезничать, *будировать*. Все это по образцу и подобию Горчакова, который сам старая кокетка.

После причащения, Бажанов спросил импер[атрицу] Алекс[андру] Фед[оровну] простила ли она всем, против которых имела она злопамятство. Она призадумалась и отвечала: нет. Духовник увещал ее держаться христианского правила. «Если так,— сказала она,— прощаю

---

* ...Иероним бродил по пастбищу в поисках общественного положения: только он в поисках конгресса *(фр.)*.

** Петербург не всегда производит на меня впечатление дома умалишенных; часто он кажется мне домом идиотов *(фр.)*.

австрийскому императору все зло, которое он сделал покойному императору и нам». Это повторение того, что было при кончине Николая Павловича, когда сама императрица спросила его: не осталось ли на душе его озлобления против кого-нибудь. Он отвечал: «Нет, прощаю и австрийскому императору, который так жестоко переворачивал нож в ране, им нанесенной мне,— и готов молиться за него и за *султана»:* последнее слово проговорил он улыбаясь (рассказано мне Блудовым, который слышал это от имп[ератрицы] Алек[сандры] Фед[оровны][25].

КНИЖКА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

(1838—1848)

Выписки об Англии. Брайтон, 20 [*н. с.*] *сент. 1838*[1].

Punch, le polichinelle anglais*. Пюклер рассказывает все содержание и весь ход этой национальной кукольной комедии. Есть сходство с тою, которая у нас представляется.

Говорят, что дома не только арендуются на столько-то лет, но и продаются в вечное и потомственное владение. Вообще дома строются на *живую нитку,* «de là vient,— говорит Пюклер,— que dans les maisons de Londres on n'est pas toujours sur de sa vie»**. Мой *Mensbier* сказывал мне, что ему однажды хотелось выучить вальсу знакомых ему девушек, но он не мог продолжать, потому что стены дома тряслись, а надобно знать, что Менсбир тень человека, убившего плоть свою на уроки немецкого языка, род мученика Феодосия.

[Сравнение благосостояния Франции и Англии]

«Далее Пюклер приводит еще сильнейшее доказательство в пользу Англии. По исчислению его в Англии занимается хлебопашеством пятая часть целого народонаселения 3 королевств. Во Франции le quatre cinquième. Et suit de là, qu'il reste dans le premier pays les 4 cinquièmes pour les manufactures, le commerce et les autres professions, tandis qu'en France, il ne reste qu'in cinquième***. (После этого предстоит вопрос: что желательнее в нравственном отношении, не говорю чисто политическом, иметь *богатое государство или* большее число *посредственно достаточных людей?* Впрочем, Франция не пример, после 50-летней передряги и нескольких столетий, готовивших эту передрягу).

---

* Панч, английский полишинель *(фр.)*.

** Отсюда происходит... что вы никогда не уверены в своей жизни, живя в лондонских домах *(фр.)*.

*** Четыре пятых. Отсюда следует, что в первой стране четыре пятых остаются для промышленности, торговли и других профессий, в то время как во Франции остается лишь пятая часть *(фр.)*.

В каком-то английском романе сказано: «C'est bien vrai, répond un français, un duc cirait mes bottes à Naples et à Pétersbourg un prince russe me rasait tous les matins»*.

Ship est la terminaison ordinaire du titre. Une fille de marque ladyship**. Пюклер называет каких-то девиц véritables celships anglaises. Cel signifie anguille***. По-русски лучше: *стерлядьшип,* потому что есть что-то *стерляжье* в английской продолговатости, желтизне и речной природе. Недаром говорю, что во всем есть здесь что-то корабельное. Английский *шип,* наш *вичь* омоним *корабля,* родоначальника английского могущества и дворянства англичан между народами[2].

Poètes populaires, ou ouvriers de la France: Jasmin (perruquier), Beureville (potier d'étain), Théodore Le Breton (ouvrier dans une fabrique d'indiennes), Magu (tisserand), Reboul(boulanger), Durand (menuisier), Hégésippe Moreau (compositeur d'imprimerie)****.

Lecteurs, laissez tomber une noble indulgence, Car peut être ces vers sont mes derniers accords:

Oui, de mes jours flétris déjà j'use la trame
La pensée a brisé mon âme,
Le travail a brisé mon corps.

(«Heures de repos d'un ouvrier», poésies de Le Breton, publiées en 1837)*****[3].

Ella a mio sangue
Io l'ho tradita******,

* Совершенная правда, отвечал один француз, что в Неаполе какой-то герцог чистил мне сапоги, а в Петербурге один русский князь ежедневно меня брил *(фр.).*

** *Шип* — это обычное окончание титула. Именитая девушка — ледишип *(фр.).*

*** Настоящие английские сельшип. Сель по-английски значит угорь *(фр.).*

**** Французские поэты из народа или из рабочих: Жасмен (парикмахер), Бёрвиль (лудильщик), Теодор ле Бретон (рабочий на фабрике хлопчатобумажных тканей), Магю (ткач), Ребуль (пекарь), Дюран (плотник). Эжезипп Моро (наборщик) *(фр.).*

***** Читатели, проявите благородную снисходительность, так как, может быть, эти стихи будут моими последними аккордами:

Да, мною изношены нити моих уже увядших дней,
Мысль разбила душу,
Труд разбил мое тело.

(«Часы отдыха одного рабочего», стихотворения ле Бретона, изданные в 1837 г.) *(фр.).*

****** В ней моя кровь,
И я ее предал *(ит.).*

«Lucia». Sa voix descend jusqu'au la grave et monte jusqu'au fa aigu. C'est un baryton, mais de ceux, que leur organe rend propres à chanter même les parties basses*[4].

Мое письмо к доктору Арендту.

В болезнь мою, я поручал жене передать вам после моей смерти мои Брегетовые часы. Но вы умереть мне не дали, и я нахожу гораздо приличнее и приятнее еще заживо просить вас, почтеннейший и любезнейший Николай Федорович, принять их от меня и хранить на память о ваших искусных и дружеских обо мне попечениях и на память о неизменной благодарности телесно и душевно вам преданного и обязанного

Вяземского.

13 марта 1842. Петербург.

На другой день Арендт привез мне часы обратно и просил дозволить ему хранить одну записку. Он никогда не хотел брать от меня денег за лечение[5].

---

* [...] «Лючии». Его голос спускается до нижнего ля и подымается до верхнего фа. Это баритон, но из тех, голос которых позволяет им петь басовые партии *(фр.)*.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ[1]

Вероятно, никто более меня не удивится появлению в печати полного собрания всего написанного мною в прозе в течение шестидесятилетия и более. Это уже не в чужом, а в собственном пиру похмелье. Впрочем, голова моя, кажется, крепка: чернилами допьяна я никогда не упивался.

В наше скороспелое и торопливое время такое позднее появление довольно любопытно. У нас издаются книги только что вчера дописанные; листы высохнуть еще не успели: кажется, не только у нас, но и везде иные издают книги, которые только завтра напишутся, а пока спешат издать в свет пробные листы. Что до меня касается, следует еще заметить, что предлагаемое ныне собрание сочинений моих предпринято не по моему почину и, так сказать, от меня заочно. Благоприятели предложили, а я согласился. Как и почему согласился я, читателям и публике знать в подробности не нужно. Это дело домашнее. Впрочем, не один раз друзья мои убеждали меня собрать и издать себя. Кажется, и посторонние лица, и даже литературные недоброжелатели мои удивлялись, с примесью некоторого сожаления, что нет меня на книжном рынке. Дело в том: в старое время, то есть когда был я молод, было мне просто не до того. Жизнь сама по себе выходила скоропечатными листками. Типография была тут в стороне, была ни при чем. Вообще я себя расточал, а оглядываться и собирать себя не думал. Далее, когда деятельность литературы нашей начала сходить с пути, по которому я следовал, и приняла иное направление, на вызов издать написанное мною и разбросанное по журналам отвечал я: «теперь поздно и рано». *Поздно* — потому, что железо остыло, а должно ковать железо, пока оно горячо, то есть пока участие читателей еще живо и сочувственно, пока не развлеклось оно новыми именами, новыми приемами. *Рано* — потому, что не настала еще пора, когда старое так состарится, что может показаться новым и молодым.

По неизменному житейскому порядку и круговращению, так бывает во многом: жизнь и история налицо — они засвидетельствуют правду этих слов. Легко может статься, что многое из ныне животрепещущего и господствующего не переживет века и дня своего. Другое, ныне старое и забытое, может очнуться позднее. Оно будет источником добросовестных изысканий, училищем, в котором новые поколения могут почерпать если не уроки, не образцы, то предания, не лишенные занимательности и ценности не только для нового, настоящего, но и для будущего. Слова: прошедшее, настоящее, будущее — имеют значение условное и переносное. Всякое настоящее было когда-то будущим, и это будущее обратится в прошедшее. Иное старое может оставаться в стороне и в забвении; но тут нет еще доказательства, что оно устарело; оно только вышло из употребления. Это так, но запрос на него может возродиться. Антикварии, продавцы старой мебели, старой утвари так же удачно торгуют старьем, как и соседняя с ними лавка сбывает свой свежий и по последнему требованию изготовленный товар. Одно здесь условие: старое должно иметь свою внутреннюю и весовую или художественную ценность. В таком товаре есть большая, неувядаемая живучесть. Отлагая в сторону стыдливую скромность и не подвергая себя упрекам в излишней гордости, полагаю, что предлагаемый здесь товар не лишен, в некоторой степени, того и другого свойства. Следовательно, и моя речь впереди. Стоит только дождаться удобного часа, а он пробьет уже без меня, но пробьет. Впрочем, некогда и я имел свой час и часы били еще с трезвоном и курантиками. Поздняя старость имеет право говорить о себе в третьем лице. Старик в собственных глазах своих уже не *я*, а *он*. В таких условиях выхожу пред общественное судилище. Доволен буду я и малочисленным одобрительным вниманием некоторых читателей; равнодушен буду,— по крайней мере, так мне кажется, пока я еще в кулисах и на сцену не вышел,— к строгим приговорам других судей, тем более, что этот суд будет что-то вроде посмертного суда. Меня вполне живого он уже не застигнет. На долгом веку моем был я обстрелян и крупными похвалами и крупною бранью. Всего было довольно. Выдержал я испытание и заговора молчания, который устроили против меня. Я был отпет: кругом могилы моей, в которую меня живого зарыли, глубокое молчание. Что же? Все ничего. Не раздобрел, не раздулся я от первых, не похудел — от других. Натура одарила меня большою живу-

честью, и телесною и внутреннею. Это может быть досадно противникам моим. Я здоров своим здоровьем и болен своими болезнями. Чужие не могут придать мне здоровья, не могут со стороны привить мне и недуги. Злокачественные поверия и наития бессильны надо мною.

Как бы то ни было, вот являюсь я весь налицо. Был старый чиновник; он прошел долголетнее служение и получил заслуженные им знаки отличия. Но он не носил на себе этих знаков, не развешивал их на шее и груди своей. Он держал их за образом, пред которым теплилась неугасимая лампада. Он берег эти кресты на день погребения своего. Без суеверия и страха сдается иногда и мне, что я выступаю с литературными регалиями своими на прощание с авторскою жизнию и со всякою другою. Эти регалии улягутся на подушках, которые будут сопровождать мой гроб. Мир им и мне!.. Скажу, что Карамзин сказал в надгробной надписи в 1792 году, в год рождения моего; это также живая старина:

Покойся, милый прах, до радостного утра.

Я верую в утро и воскресение мертвых, следовательно, и в свое.

I

Заговорив о себе немножко, хочется поговорить еще более. Чернила соблазнительны. Они имеют нечто общее с вином, чтобы не сказать с кровью. Пьяница может на некоторое время наложить на себя трезвое пощенье; но попадись на язык его капля вина, он снова предается запою. Так первая капля крови действует на некоторых зверей, к сожалению, и на некоторых людей. Эта капля пробуждает свойственную им кровожадность. Не даром говорил Фридрих Великий, что в каждом человеке таится тигр. Ему верить можно. Он, в свое время, был и великий проливатель крови и великий проливатель чернил. Радуюсь, что судьба поставила меня в возможность подражать ему только в последнем отношении.

Вот в чем дело. Полное издание сочинений писателя есть, так сказать, и выставка жизни его. К выставкам прилагаются обыкновенно указатели и пояснительные каталоги. Так хочется поступить и мне. К выставке моей считаю не лишним приложить некоторые отметки и комментарии. Это будет род авторской исповеди: смесь свидетельства о рождении, литературного формулярного списка и предсмертного духовного завещания. Сам не

знаю, что из всего этого выйдет. Но что-нибудь да выйдет. Дам волю памяти своей и старческой болтливости.

II

С тех пор, что помню себя, во мне проявлялись и копошились какие-то бессознательные зародыши, литературные и авторские. Например, во время оно «Московские Ведомости» выходили два раза в неделю, по средам и субботам. Я всегда караулил появление их в доме нашем и с жадностию кидался на них. Но искал я не политических известий, а стихотворений, которые в них изредка печатались. Более всего привлекали меня объявления книгопродавцев о выходящих книгах. Читал я эти объявления с любопытством и благоговением, тем более, что объявления писались тогда витиевато и кудряво. Бывали еще объявления от переводчиков, которые предостерегали совместников своих, чтобы они не брались за перевод такого-то романа, потому что он уже переводится и скоро поступит в продажу: эти объявления заставляли трепетать мое сердце. Я завидовал счастливцам, которые переводят. Должно сознаться, что не одни книжные оповещения обращали детское внимание мое. В «Московских Ведомостях» зачитывался я и прейс-курантом виноторговцев, особенно нравились мне поэтические прозвания некоторых вин, например, Lacryma-Christi* и другие, равно благозвучные. Тут, может быть, пробуждалась и звенела моя поэтическая струна, а может быть просто, но все-таки поэтически, отзывалось предвкусие или предчувствие, что некогда буду и я с приятелями моими, Денисом Давыдовым и графом Михаилом Вьельгорским, неравнодушным ценителем благородного сока виноградных кистей. За давностию времени не берусь решить, кто тогда брал верх надо мною: Аполлон или Вакх. Помнится мне, что еще прежде находил я удовольствие и даже наслаждение в первоначальном чтении по складам. Сочетание азбучных букв в один звук ласкало мой музыкальный слух. Вообще, детская память моя очень чутка. За последующие годы она слабее и безответнее. Помню, как дядька мой, Lapierre, секал меня, четырех- или пятилетнего мальчика, бритвенным ремнем в нижегородском генерал-губернаторском доме. Лет тридцать спустя, если не более, заходил я в этот дом и, кажется, узнавал комнату, в которой соверша-

* Слеза Христа *(лат.)* — название итальянского вина.

лась экзекуция надо мною, и припоминал ее вовсе без злопамятства. Да, милостивые государи, меня секли ремнем, и после несколько раз секали розгами, однажды, и собственными руками отца моего, за персик, который я тайно присвоил себе и съел. Впрочем, не за лакомство свое был я наказан, а за ложь, то есть за то, что не хотел признаться в проступке своем. Мне было тогда лет восемь или девять. Не помню, плакал ли я под розгами, но помню слезы на глазах отца. Сознаюсь в том и убежден я, что эти наказания нисколько не унизили характера моего. О наказаниях много ныне толкуют, но не доходят до того заключения, что почти все наказания свойства более или менее физического или телесного. Содержание в тюрьме, ограничение пищи, приневоливание к работам: разве все это нравственные наказания? Нет, это те же розги, бичующие тело. Странные понятия и умозаключения наших филантропов. Они допускают нравственные наказания: унижение, пристыжение самолюбия и достоинства человека, гласное, публичное посрамление, ошельмование человека; но крепко стоят за неприкосновенность тела: спины его и других частей. Но разве тело почетнее и выше нравственных и духовных свойств человека? Сколько несостоятельности, неблагоразумия, противоречий в человеческих понятиях и соображениях! Как много суемыслия и суесловия в иных *принципах,* в так называемых системах и учениях. В учебных заведениях среднего разряда телесные наказания торжественно отменены. Это событие празднуют, как погашение огней инквизиции в Испании или взятие и разрушение Бастилии в Париже. Не спорю, что, может быть, бывали, даже и положительно бывали, злоупотребления в праве и обычае подвергать учеников телесным наказаниям. Но нет сомнения, что эти злоупотребления бывали редки: бывали прискорбным исключением, а не общим правилом. Впрочем, вспыльчивый, заносчивый, раздражительный, несправедливый учитель и наставник могут и не вооруженные розгами пагубно действовать на учеников, вверенных заботливости их. Могут они оскорблять их и зарождать в них чувства непокорства и злобы одними обидными словами, одним суровым и беспощадным обращением с этим чутким, впечатлительным и часто злопамятным возрастом. Но зато ныне, при новых порядках, за шалость, которая в доброе старое время вызвала бы на шалуна домашнюю, семейную, патриархальную расправу в уверенности, по русской поговорке, что до свадьбы заживет, ныне, вместо розог

и за неимением других под руками средств, отрока-шалуна выгоняют и исключают из заведения, то есть разом губят его настоящее и будущее его. Родители, отдавая детей своих в училища, вправе предполагать, что эти заведения не только учебные, но вместе с тем воспитательные и образовательные. Они, так сказать, передают начальству заведения обязанности и права свои в отношении к своим детям. Какой добросовестный и благоразумный, не говорю уже чадолюбивый и нежный, отец решится за шалость, и даже за проступок, выгнать сына своего из родительского дома и бросить его на улицу? Таким поступком доказал бы он, что не умеет быть отцом и не достоин быть отцом. На то и дети и отроки, на то и обязательное попечение о них, чтобы мерами нежной и неусыпной наблюдательности и строгого изыскания развивать в отрочестве зародыши и отрасли всего хорошего и отсекать — без каламбура — худые и пагубные отпрыски и наросты. Само собою разумеется, что о жестокости в наказаниях здесь и речи быть не может. Такая жестокость, явно уличенная, должна быть строго преследуема и караема законом как в домашнем, так и во внедомашнем воспитании, подобно тому, как изыскивается законом за всякое умышленное насильство или увечье, нанесенное другому. В краткое и, откровенно сознаю, почти бесполезное прехождение мое по министерству просвещения я всегда, по возможности, протестовал против подобных изгнаний из учебных заведений. Чтобы не приписывали мне более того, что я действительно думаю, нужным считаю договорить, что вовсе не выставляю себя присяжным защитником розог. Не полагаю, что в них заключается единственно спасительное пособие воспитания; но также не полагаю, чтобы совершенная отмена их была вполне плодотворная и радикальная мера. Разумеется, после отмены их мудрено и, может быть, опасно возвратиться к ним. Но человеческий род так создан, что для многих и во всех возрастах страх наказания нужен. Если достаточно было бы благодетельной силы слова, чтобы человека вполне приучить к одному добру и отучить от всякого зла, то, кажется, лучше Евангелия уже ничего придумать нельзя. Но и оно не всех направляет и не всех исправляет, а потому позволю себе сказать в заключение, что педагогии и ныне не следует по этому вопросу отдохнуть на лаврах своих и притупившихся розгах. Сей вопрос, как говорится, остается пока еще открытым. Многое можно сказать *за* и многое *против*.

Вообще, в детстве моем учился я лениво и рассеянно.

Во мне не было никакого прилежания и после мало было усидчивости. В уме моем нет свойства устойчивости. Мой отец, вероятно, заметивший этот умственный недостаток, хотел одолеть его и подчинить дисциплине математического учения. Хотел угомонить меня, так сказать, выпрямить и отрезвить в умственной гимнастике цифр. Но усилия его были напрасны. Я не поддавался. Математика в детстве и отрочестве моем была мне пугалом. Позднее осталась она для меня тарабарскою грамотою. Несмотря на то, многие из зрелых годов жизни моей провел я по ведомству цифирному: то по делам внешней торговли, то по управлению государственным заемным банком; по счастию, ни тут, ни там при мне обмолвки в итогах не было. Бог охраняет невинность. Такие встречаются в жизни противоречия и несоответственности. Родитель мой хотел сделать из меня математика, судьба сделала меня стихотворцем, не говорю: поэтом, ради страха иудейского и из уважения к критикам моим, которые заключили, что я не совсем поэт или совсем не поэт. Кажется, они то же говорят и о Дмитриеве. Это меня утешает. Кстати о нем. Он бывало говорил, шутя, что Аполлон внушил мне страсть к стихам на зло отцу моему и в отмщение однофамильцу нашему, екатерининскому кн. Вяземскому, за то, что он преследовал Державина[2]. Отца огорчала моя рассеянность или *развлекательность:* она была еще сильнее лени моей. Впрочем, это была, может быть, одна внешняя лень, которая закрывала мою внутреннюю деятельность. Отец упрекал меня, что когда я возьму книгу в руки, то начну читать ее без разбора, то с середины, то с конца, и поэтому без толка и без пользы. Замечание его должно быть справедливо, потому что и позднее читал я более урывками. В жизни моей я очень многое прочел, но мало дочитал. И ныне у меня нередко две-три книги перебивают одна другую. Вообще, я довольно сметлив: из нескольких страниц постигаю сущность книги и часто отрываюсь от пищи, не дождавшись насыщения. Так можно обращаться с романами, особенно с нашими, и вообще с книгами легкого содержания. С другими книгами подобное обращение невыгодно. Но я всегда предпочитаю занятие труду. Это также — погрешность и недостаток. Без труда ни до чего положительно и обстоятельно не дойдешь. Есть древняя поговорка: «Смертный, скользи, а не напирай». Эта поговорка эпикурейская. Более строгая и глубокая мудрость, напротив, предписывает: напирай! Постоянный напор одолевает препятствия, а на каждом пути, пред-

стоящему человеку, препятствия встречаются. Вообще могу сказать о школярном возрасте своем и о последовавших возрастах, что я знал и знаю многое, чего можно было бы и не знать, а многое не знаю, что знать необходимо. Если не ошибаюсь, этот недостаток правильной экономии, эта неурядица нередко встречаются в общей нынешней образованности. Предметы знания до бесконечности умногосложились, а едва ли трудолюбие усилилось соразмерно с ними.

В детстве моем, вероятно, был я не *серьезное* дитя, а скорее несколько угрюмое. Ловкости, удальства, резвости во мне не было. Старик Pingot, наш танцмейстер, говаривал, что я мешок. Не помню, чтобы я когда-нибудь с увлечением предавался детским играм. Братьев у меня не было, следовательно, в доме я был довольно одинок. Дядьке моему, Никите, который впоследствии сделался ужасным пьяницей и забавлял Жуковского, любил я передавать осколки из разговоров, подслушанных мною у отца моего. Вероятно, ни дядька, ни я не понимали толково и хорошо этих выдержек. Но, может быть, и тут уже прорывались некоторые намеки на свойственную мне наблюдательность и на развитие способностей моих в упражнениях литературного сыщика и общежитейского сплетника.

Отец был со мною взыскателен и строг. Я более боялся, нежели любил его. Любовь моя и уважение к нему были, так сказать, чувством и плодом посмертным. Я был вообще неуступчив и парадоксален. Однажды заметили мне за обедом, что я съел много хлеба и много выпил воды. На это возразил я, что остаются еще при мне крохи хлеба и что графин не совершенно опустел. Отец приказал оставить для завтрашнего дня на прокормление и потребление мое то, что называл я остатками. Был я довольно труслив и, вероятно, уже и тогда нервического сложения. Отец хотел победить во мне и этот недостаток. Меня заставляли одного барахтаться в Остафьевском пруду с тем, чтобы выучился я плавать. Летом, в темную ночь, посылали меня одного в рощу. Разумеется, на всякий случай следили за мною, но тогда я этого не знал.

Между тем, отношения мои к отцу не всегда бывали так натянуты и строги. Помню, что он часто смеялся моим детским устным выходкам. Вероятно, были и они проблески некоторой стороны будущего авторства моего. Речь моя была иногда довольно бойка и оригинальна. Помню, что из многочисленных посетителей дома нашего, умней-

шие, например, князь Белосельский, Нелединский, граф Лев Разумовский, князь Яков Лобанов, обращались ко мне, вызывая на какую-нибудь шутку или детскую остроту. Выше сказал я, что учился плохо в детской комнате; но зато рано начал я практическое учение в салоне нашем: метко вслушивался я в разговоры, которые раздавались вокруг меня. В этом отношении дом наш был для меня живою школою. Разумеется, многого из разговоров не понимал я, иное понимал криво. Но все же кое-что схватывал. Таким образом мой ум мог развиться довольно рано, хотя и не совсем правильно.

Также рано начал я писать стихи и, здесь можно сказать, совсем неправильно. Первоначальные стихи мои были французские. Видно, что эта способность моя была гласно признаваема и дома. При подарке на новый год карманной книжки отцу с тремя портретами нашими вызвали меня приложить стихи к этому поднесению. Заметим мимоходом, что эти портреты писаны были графом Ксавье де Местром, известным после автором «Путешествия кругом комнаты моей», «Сибирячки» и других сочинений, исполненных дарования и оригинальной прелести. Тогда жил он в Москве эмигрантом и занимался живописью для снискания средств к существованию.

В 1805 году написал я французские стихи на смерть Нельсона. Нечего и говорить, что все это было более или менее безграмотно. Но червяк стихотворства уже шевелился во мне. Правильно, или, по крайней мере, правильнее, стал я писать гораздо позднее. Едва ли не со времени сближения моего с Жуковским. После слышал я от прежних учителей своих, что я казался совершенно тупым и будто отсутствующим при преподавании их; но если когда-нибудь, в уроке или в книге, приводились стихи или речь заходила о чем-то баснословном и поэтическом, то внимание мое внезапно просыпалось и сосредоточивалось. Лицо мое просияет, и я становлюсь совершенно другим мальчиком.

Впервые слышанные мною оды Ломоносова приводили меня в упоение. Не вникал я в их смысл, но с трепетом заслушивался я стройных и звучных их волн. От Державина был я без ума. Коротко знакомый Карамзину, Ив. Сем. Набоков, газетный цензор при Московском Почтамте, был часто жертвою моей державиномании. При удобном случае то и дело отпускал я ему строфы из поэм Державина. Раз он не вытерпел и сказал мне: вы удивительно напоминаете мне приятеля моего, который ужасно на-

доедал мне Державиным. Монологи и сцены из трагедий Расина и Вольтера, которые мне давали выучивать наизусть, были для меня и прежде не уроками, а наслаждением. И теперь еще слышится мне, как декламировал я тираду из «Альзиры»[3]: «Mânes de mon amant»* и прочее.

Но не одни князья поэзии: Ломоносов, Державин, Расин, Вольтер, покорили меня могуществу своему. Сознаюсь, что бывал я в плену и у князя Шаликова, с которым, впрочем, были мы и после хорошими приятелями. Была в отрочестве моем пора, когда вкусил я от «Плодов свободных чувствований»; под этим названием изданы были в свете молодые сочинения Шаликова, собрание разных сентиментальных и пастушеских статей. Однажды с профессором Рейсом, у которого я жил по назначению отца моего, ходили мы на Воробьевы Горы. Тут встретился я с крестьянином, и под сентиментальным наитием Шаликова начал я говорить крестьянину о прелестях природы, о счастии жить на материнском лоне ее и так далее. Собеседник мой, не вкусивший плодов, которыми я обкушался, пучил глаза свои на меня и ничего не отвечал. Наконец, спросил я его: доволен ли он участью своею? Отвечал: доволен. Спросил я его: не хотел ли бы он быть барином? Отвечал он: нет, барство мне не нужно. Тут я не выдержал: вынул из кармана пятирублевую синюю ассигнацию, единственный капитал, которым я владел в то время, и отдал ее крестьянину. Долго радовался я впечатлению, которое оставила во мне это прогулка à la Chalikof[4]. Была у меня полоса Сумароковская; это было время военное: захотелось мне испытать силы мои на лирической трубе, но не по следам Ломоносова, а Сумарокова. Вот и начал я:

Воспой, о, Муза, песнь высоку
И в струны лиры ударяй,
Воспой врагов ты суматоху
И славу россов возглашай.

Я очень дорожил словом *суматоха*. Мне казалось, что тут есть какой-то отзыв своевольной и, так сказать, фамилиарной поэзии Сумарокова в противоположность с поэзиею Ломоносова, несколько чопорною и официальною; а может быть, и просто увлекала меня некоторая аналогия в звуках: Сумароков, суматоха. Впрочем, я и ныне не

---

* Душа моего любовника *(фр.)*.

отрекаюсь от Сумарокова. Почитаю его одним из умнейших и живейших писателей наших. Пушкин говаривал, что он вернее знал русский язык и свободнее владел им, чем Ломоносов.

Если речь дошла до исповеди в грехах юности или, правильнее, отрочества моего, то нужно упомянуть, что первая эпиграмма моя, или будто эпиграмма, пала на долю Мерзлякова. И вот по какому поводу. При определении моем в дом профессора Рейса (зять известного и домового врача нашего Керестури) приглашены были для преподавания мне наук лучшие профессора блестящего периода Московского университета: Буле, Рейнгардт и другие. В числе их должен был быть и Мерзляков. Немецкие профессора добросовестно и аккуратно проливали на меня лучи познаний своих. Один Мерзляков оставался при обещаниях. Наконец, отправили меня к нему, чтобы разведать о причине упорного отсутствия его. Не застал я его дома. Мало знакомый тогда с русскими эпистолярными приличиями, оставил я ему записку, которая так начиналась: Господин Мерзляков, прошу вас etc. На другой день университетский сторож принес мне на грязном лоскутке бумаги записку, приблизительно такого содержания: «Господин Вяземский, я не школьный учитель, готовый ходить в дом к какому-нибудь немцу, чтобы давать вам уроки». Записка огласилась. Немецкие профессора взволновались. Кажется, даже сделан был выговор Мерзлякову от имени Михаила Никитича Муравьева, тогдашнего куратора Университета Московского. С моей стороны амбиция была тоже затронута, и вот чем она разразилась. Скажем наперед, что Мерзляков в то время подписывал стихотворения свои, печатаемые в «Вестнике Европы», следующими буквами *Мрзк,* или чем-то подобным.

РАЗГОВОР

— Ты знаешь ли, мой друг, кто *мерзкий* сочинитель?—
— Какие пустяки! Он школьный наш учитель.—
— Да, кто ж тебе сие сказал?—
— В письме он сам мне написал.

Эпиграмма безграмотная! Но она имела большой успех в кругу немецкой профессуры. А товарищ мой по учению, какой-то Челищев — не знаю, что с ним сделалось — добрый малый, но вовсе не эпиграмматический, сказал мне, что я собаку съел. Заметим мимоходом, хотя

и не без хвастовства, что Жуковский сказал мне однажды, разумеется, гораздо позднее, что я съел целую свору собак. Впрочем, какова ни есть моя эпиграмма, она была мой первый шаг, mon premier coup de feu*, на поприще, на котором я впоследствии перестреливался более или менее удачно.

Однажды навсегда обязан я объяснить читателю, что в рассказах моих не всегда держусь хронологического порядка. Хронология — наука чисел, а я, как уже известно, плохой счетоводец. Выбрасываю из мешка, что попадется. Подбираю воспоминания свои более по мастям. Если будет у меня биограф, пусть он потрудится сводить и группировать года мои, как следует. А работать на него и за него не намерен. Иной ум плотно переплетен в одну книгу: страницы в строгом порядке следуют одна за другою. Другие умы худо переплетены, сшиты на живую нитку, страницы перемешаны. Мой ум состоит из летучих листиков.

Теперь прошу читателя поворотить несколько обратно. В детской или отроческой жизни моей совершился крутой поворот.

Было уже сказано, что мой отец был вообще недоволен мною, особенно учением моим. Не ему в укор, не себе в оправдание, а для соблюдения истины скажу, что мое учение ни в каком случае не могло быть успешно, потому что оно не было правильно. Отец был человек большого ума и высокой, по тому времени, образованности. Когда воспоминаю о нем, почти всегда вижу его в вольтеровском кресле с книгою в руке.

Само собою разумеется, что он хотел и из меня сделать человека просвещенного. Не знаю, как и чем объяснить себе, но выборы наставников, гувернеров, учителей моих были вообще неудачны. Не в деньгах было дело. Отец имел порядочное состояние и денег на воспитание детей своих жалеть бы не стал. Много перебывало при мне французов, немцев, англичан; но ни один из них не был способен приучить меня к учению, а это главное в деле первоначального воспитания. О русских наставниках и думать было нечего. Их не было,— не знаю, много ли их теперь. Надобно было ловить иностранцев на удачу. Припоминается мне один дядька, немец, который должен был наблюдать за мною и учить меня немецкому языку. Тогда

---

* Мой первый выстрел *(фр.)*.

в Москве, в Охотном ряду, был большой трактир, известный под именем «Цареградский». Это был, по нынешним понятиям, род кофейной, куда стекались иностранцы, в особенности учителя, род биржи, рынка, куда приходили нанимать домашних учителей. Мой немец выговаривал себе, между прочими условиями, позволение отлучаться вечером часа на два. Эти часы были посвящены цареградскому сборному месту. Возвращался он оттуда всегда более или менее навеселе. Отец, окруженный приятелями и посетителями и увлеченный живостью разговора, того заметить не мог. Но дети чутки и вообще наставников своих не любят. Кто-то из домашних посетителей спросил меня: как доволен я новым наставником своим? Il cultive volontiers la vigne du Seigneur*,— отвечал я. Вероятно, подслушал я это выражение где-нибудь на лету и употребил его кстати. Мой ответ имел большой успех. Однажды ментор мой возвратился грузнее обыкновенного. Я подошел к нему и спросил: как сказать по-немецки — вонять.— Stinken. А зачем спрашиваете вы это?— продолжал он.— Чтобы сказать вам: Sie stinken nach vino**.— Неправильны были слова мои, но попали они в цель. На дерзость мою дядька жаловался отцу. Мне было крепкое родительское головомытье, но и ментора выгнали из дома.

Все эти обстоятельства вразумили родителя моего, что домашнее, одиночное воспитание для меня не годится. В Москве учебных общественных заведений в почете не было. Не знаю, как и через кого отец вошел в сношения с иезуитским заведением в Петербурге. Однажды, это было летом, в селе нашем Остафьеве, отец вызывает меня к себе. Нашел я его на террасе, выдающейся в сад. Перед ним был стол, на столе бумага, чернильница и перья. Довольно сурово, но видимо и грустно озабоченный, приказал он мне сесть и писать под диктовку его. Диктовал он на французском языке. В импровизации своей — он мастер был говорить и большой диалектик — изложил он картину моего воспитания, не отвечающего желаниям его; беспощадно вычислял все недостатки и погрешности мои. Обвинительный акт ничего не пропустил и был полновесен. Между прочим отец упоминал, как доволен он дочерьми своими, которые утешают и радуют старость его, тогда как я...

---

* Он охотно возделывает виноградник Господний *(фр.)*.

** От вас несет вином *(нем.)*.

Тут умиление и слезы не дали ему возможности продолжать. Он отпустил меня и приказал мне переписать набело продиктованное им[5].

Скажу откровенно. Я не был растроган этою сценою. Вероятно, казалось мне, что суд и приговор, надо мною произнесенные, были слишком строги. Я как будто чувствовал, что не я один виноват в неудовлетворительных последствиях воспитания моего. Тогда был при мне наставником и преподавателем француз Дандилли, и, кажется, с некоторыми притязаниями на родственное свойство с известным духовным писателем Arnaud d'Andilly. Но как бы то ни было, ни в нравственном, ни в ученом и учебном складе своем не отвечал он требованиям и условиям звания своего. Он был не глупый француз, добродушный, уживчивый, очень веселый, забавный краснобай; в доме нашем был он всеми любим. После того завел он в Москве французскую книжную лавку. До конца жизни его оставался я с ним в коротких и приятельских сношениях. Гораздо позднее прочтение этой бумаги пробуждало во мне умиление и сожаление, что я не в радость был отцу моему.

(III—IV)

Вскоре после наказной грамоты отец мой, несмотря на лета свои, немощи и особенно домоседные привычки, сам отвез меня в Петербург. Я был помещен в иезуитский пансион. После предварительного и легкого испытания определен был я во второй класс, то есть средний. В этом классе товарищи были все более или менее ровесниками моими. Это было по учению. Но вскоре отношения и сношения мои связались гораздо теснее с воспитанниками старшего класса. Все были они старше меня; иные опереживали меня четырьмя и пятью годами. Они возвысили меня до себя и обходились со мною, как с ровнею. Тогда это меня радовало, но я не сознавался, и самолюбие мое не обольщалось. Но теперь не могу не заключить, что, стало быть, в то время я чего-нибудь да уже стоил. Стало быть, в характере моем, в уме были до некоторой степени развиты привлекательные свойства, которые сближали меня с старшим поколением. Ныне с умилением приношу дань благодарности этим товарищам, которые призрели меня. Но едва ли не над одними могилами раздается голос моей признательности. Смерть всех их перебрала. По крайней мере не знаю, где отыскать мне живого товарища. Но

память о них и о той счастливой поре жизни еще жива во мне.

Вызовем некоторые имена из этой приснопамятной для меня дружины, из этого рассадника, в котором развивались и созревали будущие силы. Юшков, уже и тогда ваятель, или резчик, но из бумаги и из карт, будущий охотник до лошадей и знаток; он искусно и изящно вырезывал статных и породистых лошадей, которыми любовались мы и даже промышляли, пуская их между собою в продажу и обмену. Челищев, смуглый, черноволосо-кудрявый, которого прозвали мы цыганом. Приятная симпатическая личность. Брусилов, будущий герой многих не писанных, но осуществившихся романов. Энгельгардт, Обресков, Северин, Смирнов. Некоторых из них встречал я после по пути жизни и всегда сходились мы, как некогда бывшие товарищи, бывшие рекрутские однокашники. С одними разрознила нас смерть, с другими — жизнь. С одним Севериным отроческое товарищество, по благоприятному стечению обстоятельств, обратилось в крепкое и до конца неизменное дружество. В пансионе он прекрасно учился и был поведения образцового. Одаренный отличными способностями, он и тогда уже обещал быть правильным, осторожным и оглядливым дипломатом. Энгельгардт — он впоследствии хорошо и всенародно был знаком Петербургу. Расточительный богач, не пренебрегающий веселиями жизни, крупный игрок, впрочем, кажется, на веку своем более проигравший, нежели выигравший, построитель в Петербурге дома, сбивающегося немножко на Парижский Пале-Рояль, со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами. Построение этого дома было событием в общественной жизни столицы. Пушкин очень любил Энгельгардта за то, что он охотно играл в карты, и за то, что очень удачно играл словами. Острые выходки и забавные куплеты его ходили по городу: и в пансионе еще промышлял он этим, между прочим, и на мой счет, как говорится. Тотчас по водворении моем приветствовал он меня следующим куплетом:

Mon Prince,
De quelle province?
— Coucou,
De Moscou*

Можно представить себе, с каким единогласием весь пансионский люд подхватил этот куплет. Мне прохода не

---

* Мой князь, из какой губернии?— Ку-ку, из Москвы *(фр.)*.

давали: преследовали меня, встречали и провожали этою импровизациею. Одно время воспитанники забавлялись пусканием мыльных пузырей. Северин был всегда довольно худощав, а тогда и ростом мал. Он проходил по двору, когда слетал один из этих пузырей. «Посторонись!» — закричал ему кто-то со второго этажа. Энгельгардт не пропустил случая и сказал:

О, день, счастливый день, в который
Котенок смерти избежал,
Когда пузырь полет своей скорый
На малой точке основал.

Северин и в пансионе прозван был котенком, как бы в предсказание того, что в Арзамасе будет он значиться Резвый Кот. Позднее Энгельгардт забавно и удачно пародировал строфу Онегина о знаменитой танцовщице Истоминой. Речь идет об известном картежнике:

Тщедушный и полувоздушный,
Тузу козырному послушный etc.

Алексей Обресков, старший сын генерала Михаила Алексеевича. Судя по впечатлениям моим и дальним воспоминаниям, заключаю, что он носил в себе залоги блестящего будущего. В натуре его было что-то благородное, мыслящее и степенное. Но этим задаткам не дано было вполне развиться и созреть. Не много лет по выходе из пансиона был он смертельно ранен на приступе Рущука. Кажется, был он адъютантом при молодом предводителе войск наших, графе Каменском, которого также преждевременная смерть похитила с поприща, богатого многими надеждами, не обратившимися в события. Мне рассказывали, что, умирая от ран своих, Обресков полушутя, полугрустно часто твердил: ну, милый Алексей Михайлович, как думаешь, останешься ли ты жив или нет? Жизнь, еще мало им испытанная, жизнь, только что расцветающая и не дожившая до терний, разумеется, улыбалась ему и обольщала его. В шуточной предсмертной беседе его с самим собою отзывается и звучит нота силы характера и себялюбивой скорби.

Другой товарищ наш, Смирнов, встретил также молодую смерть на этом злополучном приступе. Милый образ его возбуждает во мне особенно сочувственное и умилительное воспоминание. Все было в нем привлекательно: красивая наружность, выразительные глаза, в лице све-

жесть и румянец цветущей молодости, стройный, статный рост, золотистого оттенка волосы. Внутренние качества превышали внешние: любезный нрав, радушная откровенность, чистая и возвышенная душа, целомудрие и какое-то нравственное благоухание веяло от него. Он, без сомнения, был чистейшее существо из многолюдного нашего кружка. Был он веселого настроения, но и мечтателен с поэтическим оттенком. Он влюблен был в поэзию Оссиана и вместе с тем в кавалергардский мундир. Любимою мечтою его, задушевным желанием было определиться в этот полк тотчас по выходе из пансиона. С глазами зависти смотрел он на молодого, красивого Чернышева, впоследствии князя и военного министра, которого встречали мы в Аничковской церкви, куда ходили мы по воскресеньям и праздникам. Смирнов имел склонность к рисованию. В свободные от уроков часы любил он рисовать сцены из оссиановских поэм. Но Фингалы и другие герои, плывшие в облаках с арфою в руке, были всегда и обязательно облечены в полную кавалергардскую амуницию. Он с первого раза полюбил меня нежною и руководительною любовию старшего брата. Я также полюбил его с нежностию, но и подчиненностию. Наставления, предостережения его носили отпечаток чистой нравственности, заботливости и дружества. Из него, без сомнения, вышел бы замечательный человек, образец всего чистого и прекрасного в сфере нравственной и житейской деятельности. Собственно для меня был бы он другим Жуковским. Лучшей и вернейшей похвалы, сердечнейших поминок о нем придумать не могу, как сближением имени его с именем для меня дорогим и незабвенным.

В этой среде избранных товарищей ум мой и вообще настроение мое развивались и созревали не по годам, может быть, в некотором отношении даже слишком рано. Но это, кажется, так в русской натуре: или бесплодие, или скороспелки. Литература, особенно русская, была не чужда этому кружку. Пушкина еще не было, Жуковского еще почти не было, Крылова также. Державин, Карамзин, Дмитриев были нашими любимыми руководителями и просветителями. Я был еще профан, или новичок-послушник, в этой области. Многие из товарищей знали наизусть лучшие строфы Державина, басни, а еще более сказки Дмитриева. Все это пробуждало мои литературные наклонности. Внешние голоса доходили также до наших монастырских келий. По воскресеньям и большим праздникам воспитанники отпускались к родным и к лицам, извест-

ным начальству нашему. У меня в Петербурге близких родственников не было. По большей части оставался я, подобно другим безродным товарищам, дома. В утешение водили нас в близкий Летний Сад. Летом ректор, патер Чиж, который особенно любил и как-то отличал меня, иногда брал меня и на дачу, в семейство голландского купца, который имел магазин в доме, принадлежавшем Римской церкви. Там, кроме особого и лакомого угощения, забавлялся я игрою в кегли. Вечером, когда возвращались домой счастливцы, которые провели день в семейном кругу или в большом свете, вестям и рассказам не было конца. К ним я жадно прислушивался. Зародыши будущего мирянина и светского человека пробуждались во мне. Это также было нечто вроде школы житейской и литературной. Дети и отроки вообще чутки и зорки. Например, мы из окон подметили, что в известный час почти ежедневно император проезжал верхом по переулку вдоль дома нашего. Навстречу, как по заведенному порядку, выезжала карета. И лошадь государя и карета, в которой сидела красивая дама, останавливались друг пред другом. По-видимому, на несколько минут завязывался разговор. Разумеется, все это подглядывали мы осторожно и тайком. Тогда не были еще в ходу исторические романы. Вальтер Скотт не проложил им еще пути в литературе. Но мы, как-то самоучкою, дошли до понятия, что могут быть исторические и державные романы.

Здесь прощусь с товарищами веселого возраста жизни моей. Мы вместе расцветали. Такая пора оставляет по себе в сердечной памяти глубоко грустное, но и сладостное впечатление. Скажу с Гёте и Жуковским:

Не говори с тоской: их нет!
А с благодарностию: были.

Простившись с друзьями, не могу воздержаться от сердечной потребности помянуть также добрым словом и теплое гнездо, которое некогда нас собрало и приютило. И здесь, вероятно, тешу я себя одного, да и то с каким-то самоотвержением. Здесь вступаю на жгучую почву, но я давно опален и обстрелян. Огня не боюсь. Знаю, что в настоящее время иезуиты не в чести не только на Западе, но и у нас, вероятно, более из подражания. Мы довольно склонны развертывать *зонтики* свои (на нашем богатом языке нет, между прочим, слова parapluie, Regenschrim)*,

* Зонтики *(фр., нем.)*.

когда идет дождь, например, в Париже. Пословица говорит: лежачего не бьют. Кажется, тем паче не следовало бы бить отсутствующего или даже не бывалого, а мы все-таки бьем по пустому месту. Не пускаюсь в отыскание и в исследование иезуитских действий и влияний на римском церковном Западе. Это не мое дело. Но спрошу: где у нас эти пугала, эти опасные и грозные иезуиты, которые, как тени и призраки, пробегают еще по страницам печати нашей? Где, за редкими, совершенно личными исключениями, искать их в последнем столетии истории нашей? Где вредные для государственного объединения нашего обращения или совращения с пути православия единоверцев наших? Когда и были они, то много ли их? Скажем: за глаза несколько десятков, считая в них и женщин. Стоит ли из этого горячиться и бить в набат, как при пожаре или нашествии неприятеля? Стоит ли говорить и писать об этом? Это капля в море, или капля, выцеженная из моря. А сколько пролито было чернил ради этой капли. В числе их были и умные и бойкие, но на какой конец? Мудрено объяснить. Не вступаюсь за отщепенцев, не берусь оправдывать их. Готов я согласиться, что некоторые отреклись от церкви по легкомыслию, по неведению сущности церкви нашей; другие, если можно употребить подобное выражение в таком случае, обратились по моде. Знаю женщин, которые оримлянились, когда было поветрие на обращение, и возвратились в лоно православной церкви, когда поветрие и мода миновались!

Но в их числе есть и люди, которые поступили по совести, особенно из тех, которые после посвятили себя духовной и монашеской жизни. Есть и такие в среде отпадших братьев наших. Религиозная совесть имеет свои тайны, которые легко и необдуманно оценивать и в особенности порочить нельзя. Во всяком случае не дело христиански-евангельское закидывать каменьями и отпадших и блуждающих братьев. Молитесь за них, если вам их жаль, но не поносите их. Остроумия и перунов ваших не расточайте на них.

Вообще нельзя не заметить, что у нас бывают охотники создавать пред собою и пред обществом чудовищные страшилища, чтобы доставить себе удовольствие ратовать против них и протыкать их своими спасительными перьями. Эта способность пугать и напугивать бывает иногда очень забавна, но бывает часто и вредна. В таком настроении духа противоречия неизбежны. Высокомерие и малодушие, трусливость и задорливость сталкиваются на каж-

дом шагу. То ставят Россию так высоко, что она вне всех возможных покушений на нее, то уже так низко, что она, тщедушная, разлетится в прах, при малейшем враждебном дуновении. Мы уже не говорим, что врага шапками закидаем, но еще думаем, что можем Европу закидать словами. В политике и в литературе анахронизмы приводят к ошибочным заключениям. Пожалуй, найдутся у нас публицисты, которые начнут пугать нас набегами печенегов. Но мне иезуиты у нас те же печенеги.

Но, после долгого отступления, пора возвратиться мне к своим собственным иезуитам. Эти иезуиты, начиная от ректора, патера Чижа, были — по крайней мере, в мое или наше время — просвещенные, внимательные и добросовестные наставники. Уровень преподавания их был возвышен. Желавшие учиться хорошо и основательно имели все способы к тому и хорошо обучились; примером служит, между прочим, Северин. Обращение наставников с воспитанниками было не излишне строгое: более родительское, семейное. Допускалась некоторая свобода мнений и речи. Однажды кто-то сказал во время класса, что из всех иезуитов любит он наиболее Грессета. Известно, что этот французский поэт принадлежал иезуитскому ордену и вышел из него. Шутка остряка была и принята шуткою. Меня товарищи также вызывали на подобные выходки. «Вяземский, отпусти bon mot»*, говаривали мне. Моих тогдашних bon mots я, по совести, не помню. Но упоминаю о том мимоходом: видно, и тогда уже промышлял я этою *устною литературою,* которую так любезно приписывал мне граф Орлов-Давыдов в приветствии своем на пятидесятилетнем моем юбилее. В числе воспитанников был я далеко не из лучших; но, не знаю почему, был одним из числа любимейших духовным начальством. Со всем тем могу сказать утвердительно и добросовестно, что никогда не слыхал я ни слова, никогда не замечал малейшего намека, которые могли бы указать, что меня или других желали переманить на свою сторону. Никогда не было попытки внушить, что Римская церковь выше и душеспасительней православной. А ум мой и тогда был уже настолько догадлив, что он понял бы самые извилистые и хитрые подступы. Никакого различия не было в обращении с воспитанниками обоих исповеданий. Паписты не пользовались пред нами никакими *прерогативами* и льготами. В костел нас не водили. По воскресным и праздничным

* Шутка, острое слово *(фр.)*.

дням бывали мы в русской церкви. Великим постом мы говели, как следует. Правда, в течение года держались мы не русских постных дней, то есть не середы и пятницы, а римских. По пятницам и субботам угощали нас католическим пощением: говядины не было за общею трапезою. Но эта желудочная пропаганда, кажется, не могла иметь большого влияния на умы и религиозные чувства наши. Так было в мое время. Не отвечаю за то, что могло быть после. Говорили позднее, что иезуиты завербовали в свою веру молодого воспитанника князя Голицына и к тому же племянника князя Александра Николаевича, обер-прокурора святейшего синода. Если оно так, то нельзя не сознаться, что пресловутая иезуитская хитрость и пронырливость на этот раз ужасно опростоволосилась. Выбор их был очень неудачен. Как бы то ни было, это совращение, действительное или мнимое, послужило отчасти падению и изгнанию иезуитского ордена из России. Не тем будь он помянут, приятель наш, Александр Тургенев, был одним из деятельных орудий сего почти государственного переворота, de ce coup d'état à la Pombal*. Изгнание их, или похищение в ночное время, сопровождалось довольно крутыми и вовсе ненужными полицейскими мерами. Кроткое правление императора Александра I отступило в этом случае от *легальности,* а чем необходимее бывают меры строгости, тем более при исполнении оных требуется бдительное и точное соблюдение *легальности,* то есть законности. Поспешность насилия, заносчивая страстность не совместимы с законом. Несмотря на дружбу свою к Тургеневу, Карамзин не одобрял вообще ни этой меры, ни приемов, с которыми она совершалась. Консервативный Карамзин был в этом случае либеральнее приятеля своего, либерала Тургенева. По выходе из пансиона был я в переписке с патером Чижом.

Этим заключается период отрочества моего. Здесь расстаюсь и с иезуитами. Гораздо позднее встречался я на Востоке с некоторыми личностями, принадлежавшими ордену. Всегда удивлялся я их деятельности и самоотвержению. Разбросанные поодиночке в местах пустынных, в арабских бедных селениях, преподаватели Евангелия и грамотности бодро и плодотворно носили они свой крест и совершали трудный подвиг. Римская церковь может быть властолюбива; но этих отдельных миссионеров и апостолов христианства обвинять в властолюбии нельзя.

---

* Переворот в стиле Помбаля *(фр.)*.

Они самоотверженные и бескорыстные послушники. Забавно же обвинять их в том, что преподают они римское законоучение, а не православное. Между тем найдутся люди, которые ставят им и это в преступление и за это ненавидят их. Не забывают ли они в пылу православия своего, что Евангелие писано для всех народов, для всех христиан, а не в пользу того или другого вероисповедания и прихода.

V

Из учебного паломничества возвратился я в Москву, в родительский дом — еще отроком по возрасту, но почти уже молодым человеком по выправке и развитию. Должно прибавить, что из иезуитского пансиона перешел я, не на долгое время, в пансион, учрежденный в Петербурге при новообразованном педагогическом институте. Это, кажется, было создание Ник. Ник. Новосильцева. Директором заведения был Энгельбах. Там встретился я с некоторыми товарищами, также перебежчиками из-под иезуитского крова. Не хочу и не могу сказать ничего худого о моем там пребывании; но не могу сказать и ничего особенно хорошего. Учебный и умственный уровень заведения был вообще ниже иезуитского как по преподавателям, так и в отношении к ученикам. Помню только одного учителя французского языка, Брошье. Он умел, как француз, придавать урокам своим оживление и разнообразие: он был с нами разговорчив. Для одного из таких уроков перевел я статью Карамзина под именем «Деревня». В одном месте говорит он, что предпочитает картины природы картинам великих живописцев.— «Если так,— сказал мне Брошье,— и если у родственника вашего есть такие картины, то попросите его мне их отдать: я их предпочитаю природе». В 1806 г. Карамзин прислал мне из Москвы, уже как питомцу муз, стихотворение свое: «Песнь воинов». Эта присылка меня очень возвысила в глазах моих товарищей. «Ces vers sont-ils bien ronflants?»* — спросил меня Брошье. Тут высказался и француз, и литератор, и щекотливый француз-патриот. Гораздо позднее этот Брошье был хорошо известен Петербургу, особенно посещавшим графа Алексея Федоровича Орлова, у которого он был близким и домашним человеком: вероятно также по пансионским преданиям учебного заведения аббата Николя.

* Не оглушают ли эти стихи? *(фр.)*.

В новой моей ученической среде я также не по чину и не по возрасту вращался с поколением меня опередившим. Не знаю, как это случилось, но я познакомился и сблизился с некоторыми из педагогических студентов. Мы жили с ними на одном дворе, но совершенно отдельно. В памяти моей сохранился один из них, по имени Бобриков или что-то на это похожее. Помнится мне, принадлежал он, хотя и с побочной стороны, семейству графа Бобринского. Он познакомил меня с стихотворениями французского поэта Парни, которого элегия впоследствии была так верно и так нежно передана Батюшковым на русском языке. Помню, что по этому поводу прозвал я бедного Батюшкова в шуточном послании:

Певец чужих Элеонор.

Домой возвратился я благополучно; хотя со времени отсутствия моего отец не очень имел повод утешать себя вестями об успехах моих по наукам и о моем поведении, принят был я им ласково, и вообще семейством нежно и радостно. Упомянул я о поведении своем: благодаря Бога, ничего особенно порочного не было; но были шалости и предосудительные уклонения. В пребывании моем во втором пансионе пользовался я большею и чрезмерною свободою в вакантные дни: ходил я один в театр, в маскарады. По преданию, а не по памяти, знаю, что однажды в театре я очень шумел и бурлил, из чего и для чего, сказать не умею. Но приятельница отца моего Екат. Влад. Апраксина подметила это из ложи своей и донесла отцу. Может быть, вследствие этого и вызвали меня обратно в Москву.

Как известно, родительский дом был одним из гостеприимнейших. Гости его принадлежали более или менее к разряду людей образованных и *разговорчивых,* в смысле и значении разговора дельного, просвещенного и приятного. Подобные дома вывелись или выводятся не только у нас, но вообще и во всей Европе. Жаль: такие дома были практическою и дополнительною школою для молодежи. В этой атмосфере было много образовательной жизни и силы, много было и литературного. Худо верую в литературу, которая рождается и сосредоточивается в самой себе,— вне больших житейских течений. Что ни говори о так называемых *салонах,* но они бывают нередко произрастительными и плодотворными почвами. Блестящая и многознаменательная французская литература последней половины 18-го столетия расцвела и созрела на

этой почве. Как бы то ни было, в подобной умственной среде понятия и наклонности мои еще более развились. В доме отцовском женский элемент господствовал наравне с мужским. Тут, в сфере умственного соревнования, проглядывало между двумя полами истинное *равноправие,* которое женщины ищут ныне в химических лабораториях, в фельдшерских и анатомических театрах.

Разумеется, женский элемент, который нашел я в доме нашем, не праздно отозвался во мне и в молодом и впечатлительном сердце моем. Впрочем, по домашним преданиям, рано начал я быть Сердечкиным: именно *Сердечкиным* — в смысле более платонической, нежели материальной любви. Так вообще было со мною и после, и всегда. Но вот детская легенда моя. Когда ехали мы в Нижний Новгород, куда отец был назначен генерал-губернатором, незадолго до кончины императрицы, мы на дороге где-то и у кого-то остановились переночевать. В доме была дочка, которая, так гласит предание, очень мне понравилась и за которою я весь вечер ухаживал. Было мне тогда года четыре. На другой день, когда семейство наше собралось в дальнейший путь, ищут меня, а меня нет. Наконец отыскивают где-то под диваном, куда залез и запрятался я, чтобы не расставаться с маленьким моим кумирчиком. Не ясно помню этот романический эпизод, но домашние удостоверяли в правдивости его. Кстати скажешь: se non è vero, è bien trovato*.

По системе вероятностей и правдоподобий и судя a posteriori**, готов я согласиться, что оно так и было. После таких ранних и с продолжениями впредь романических приключений на деле, как не пришло мне никогда в голову написать вымышленный роман? Подите, объясните. Впрочем, я очень взыскателен и не легко удовлетворяем по части романов. На всем веку своем едва ли шесть прочитал я с полным удовольствием и никогда не признавал в себе сил и достаточного дарования, чтобы пополнить это число седьмым. Удачно и вполне удовлетворительно, то есть упоительно, написанный роман есть по мне самое увлекательное и потрясающее чтение. Это почти событие в жизни. С подобным романом сживаешься не только во время чтения, но живешь им долго и после чтения. Романы второстепенные, второй руки, плоды одной деятельной и

---

* Если и неправда, то хорошо придумано *(ит.)*.
** Задним числом *(лат.)*.

рутинной посредственности, эти плоды могут быть более или менее лакомы, судя по вкусам; но с дерева не срываю их и за столом до них не дотрагиваюсь.

Со вступлением Карамзина в семейство наше[6] — русский литературный оттенок смешался в доме нашем с французским колоритом, который до него преодолевал. По возвращении из пансиона нашел я у нас Дмитриева, Василия Львовича Пушкина, юношу Жуковского и других писателей. Пушкин, еще до отъезда своего, уже отдавший пером Дмитриева отчет в путевых впечатлениях своих, только что возвратился тогда из Парижа[7]. Парижем от него так и веяло. Одет он был с парижской иголочки с головы до ног. Прическа à la Titus, углаженная, умащенная древним маслом, huile antique. В простодушном самохвальстве давал он дамам обнюхивать голову свою. Не умею определить: смотрел ли я на него с благоговением и завистью или с оттенком насмешливости. Вероятно, было и то и другое. Но мог ли я думать тогда, что спустя несколько годов будем мы на ты и в самой короткой дружеской связи? Дмитриев говаривал о нем, что он кончит тем, что будет дружен с одними грудными младенцами, потому что чем более стареет, тем все более сближается с новейшими поколениями. Грешно было бы мне поминать его слегка, а паче того насмешливо. Он был приятный, вовсе не дюжинный стихотворец. Добр он был до бесконечности, до смешного; но этот смех ему не в укор. Дмитриев верно изобразил его в шутливом стихотворении своем, говоря за него: «я право добр, готов сердечно обнять весь свет»*. Меня любил он с особенною нежностию, могу сказать, с балующею слабостью. Зять его, Солнцев, говорил, что сердечные привязанности его делятся на три степени: первая — сестра его Анна Львовна, вторая — Вяземский, третья — однобортный фрак, который выкроил он из старого сюртука, по новомодному покрою фрака, привезенного в Москву Павлом Ржевским.

Не знаю, почему в этот список просится один Машков, маленький, горбатый. Казалось мне, что отец очень охотно разговаривал с ним: но в моих глазах, вероятно, горб его был главным attraction**. Впрочем, помнится мне, что он был дядя поэта Майкова. Однако может быть и ошибаюсь.

---

* Таков смысл; самих стихов в точности не припомню. *(Примеч. Вяземского.)*

** Притягательное свойство *(фр.)*.

В ряду литературной молодежи был тут и новичок, которого отличили отец мой и Карамзин. Он даже запросто обедывал у нас: в то время это было исключение. В старину обедывали семейно, а ужинали в гостиных с гостями. Ужин был завершение, увенчание заботливого дня; послеужинный разговор был свободнее и мог быть продолжительнее разговора послеобеденного. Теперь съезжаются за пять минут до обеда и обыкновенно разъезжаются после кофе. Выгоды и прелести общежития и разговорчивости от этого страдают. Имени новичка нашего в точности не помню, чуть не Бошняк ли? может быть, потомок саратовского коменданта, с которым возился и боролся Державин во время пугачевщины. Как бы то ни было, он занимался естественными науками, в особенности монографиею паука. Вероятно в нынешнее время занимался бы он и потрошением лягушек. Закончу смотр и перекличку свою заметкою довольно забавною, заметкою совершенно семейною и домашнею. Сестра моя, впоследствии жена князя Алексея Григорьевича Щербатова — Жуковский посвятил памяти ее несколько трогательных стихов в «Певце в стане русских воинов»,— сестра моя, старшая меня тремя годами, и я были вовсе не довольны водворением Карамзина в наше семейство. В нас таилась глухая оппозиция против этого брака: детские сочувствия наши были на стороне армейского майора, помнится, Струкова, который был несчастным соперником Карамзина. Он был к нам внимателен и ласков; вероятно он заискивал наш союз ценою субсидий: гостинцами и конфектами. Карамзин не обращал внимания на союзников. Забавно, что, когда брак был уже решен, мы с сестрою изливали грусть свою стихами самого Карамзина. Вечером ходили мы по длинному коридору и вполголоса, с сжатым сердцем и слезами на глазах, от лица Струкова мурлыкали:

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя.

Увы! насильно милым
Не будешь никому...

Таким образом вооружились мы против Карамзина собственным его оружием. Но у нас, детей, велись с ним и другие счеты, и по другой причине грызлись у нас зубы

на него: именно зубы. В те редкие вечера, когда салоны наши не переполнялись посетителями, а было два-три человека, иногда и никого, отец оставлял нас, детей, ужинать с собою, обыкновенно в одиннадцатом часу. Понятно, что эти дни дорого ценились нами. Не знаю, по какому случаю и по каким соображениям, Карамзин бывал гостем нашим именно в эти исключительные дни. Отец был великий устный следователь по вопросам метафизическим и политическим; сказывали мне, бывал он иногда и очень парадоксальный, но и блестящий спорщик. Беседы и прения его с Карамзиным длились без конца. В ожидании вожделенного ужина мы дремали в соседней комнате, а ужин был все отлагаем позднее и позднее. Князь Яков Иванович Лобанов говаривал, что когда отец мой, в жару спора, нанижет себе на пальцы несколько соленых крендельков, которые подавались закускою при водке, то беда: ужин непременно успеет остыть. Он же говорил: к Вяземскому на ужин никогда не опоздаешь; повар его только в полночь ходит закупать провизию. Эти домашние запоздалые ужины худо располагали нас к Карамзину. Мы детским чутьем угадывали, что отец не разговаривался бы так долго с майором Струковым. Поэтому гувернер мой, француз Дандилли, прозвал Карамзина: monsieur minuit et demi*; долго в детской нашей ходил он под этим прозвищем. Впрочем, кажется, он несколько задобрил меня, подарив первые часы, которыми пришлось мне щеголять. «Для молодого человека всего нужнее уметь узнать время»,— сказал он, вручая мне свой подарок.

VI

С водворением Карамзина в наше семейство письменные наклонности мои долго не пользовались поощрением его. Я был между двух огней: отец хотел видеть во мне математика; Карамзин боялся увидеть во мне плохого стихотворца. Он часто пугал меня этою участью. Берегитесь, говаривал он, нет никого жалче и смешнее худого писачки и рифмоплета. Первые опыты мои таил я от него, как и другие проказы грешной юности моей. Уже позднее, и именно в 1816 году, примирился он с метроманиею моею. Александр Тургенев давал в Петербурге вечер в

---

* Господин полуночник *(фр.)*.

честь его. Все арзамасцы были налицо: были литераторы и другого лагеря. Хозяин вызвал меня прочесть кое-что из моих стихотворений. Выслушав их, Карамзин сказал мне: «Теперь уже не буду отклонять вас от стихотворства. Пишите с Богом». На этом вечере познакомился я с Крыловым. Он также был один из благоприветливых слушателей и просил меня повторить чтение одного из стихотворений, которое наиболее понравилось ему. Эти два знака отличия, полученные мною на поле битвы, порадовали меня и польстили самолюбию моему. Они же порешили и, так сказать, узаконили участь мою. О, радость! о, радость! о, восторг! и я, и я пиит!— мог сказать я с простодушным Василием Львовичем. Жребий брошен. С того дня признал я и себя сочинителем. И пошла писать!— то есть: пиши пропало! скажет один из моих строгих критиков.— Может быть, оно и так, но есть еще другая поговорка: что напишешь пером, не вырубишь и топором. И вот почему, в добрый или худой час,— все едино, появлюсь я на печатной скамье подсудимого пред судилищем почтеннейшей публики.

VII

Жуковский, мой благосклонный, но, когда нужно, и строгий судья, сказал, что могу присвоить себе стих Буало. Кажется, можно приблизительно перевести на русский язык сей стих следующим образом:

И стих мой, так иль сяк, а что-нибудь да скажет.

Нечего и говорить, что ни Жуковский не величал меня, ни я себя не величаю знаменитым французским сатириком. Но я думаю, что определение Жуковского довольно верно. Оно мне в похвалу и в укор. Заявляю здесь сказанное мною однажды навсегда. Ныне сужу себя и говорю о себе как о постороннем. И в самом деле, не в стороне ли я от самого себя после всего, так долго пережитого мною? Было кем-то сказано, что человек зрелых лет должен быть сам врачом своим, то есть знать сложение свое, темперамент свой, знать, в гигиеническом отношении, что может быть ему полезно, что вредно. То же можно применить и к нравственному распознаванию себя. В некотором возрасте человек лучший свой судия, если, впрочем, не одержим он неизлечимою болезнью самообольщения. Человек уже на покое, или на последнем повороте жизни, должен и может смотреть без лицеприятия на дела своих *давно минувших лет*. Эти дела для него уже *преданья ста-*

рины глубокой. Он вслушивается в них, а пересочинить их не может.

Возвратимся к сказанному Жуковским. Весь вопрос здесь заключается в том, чего более: du bien ou du mal*, более ли сказано так или более сяк. Но я плохой математик: итогов выводить не буду. Предоставляю этот труд журнальным бухгалтерам. Сам же скажу, что должно быть довольно того и другого. В стихах и в прозе у меня много неровностей — и нельзя им не быть. Я никогда не писал прилежно, постоянно; никогда не изучал я систематически языка нашего. Как певцы-самоучки, писал я более по слуху. Писал я более урывками, под вдохновением или под осязанием мысли и чувства. Писал я, когда что-нибудь внутреннее или внешнее заживо задирало меня, когда мне именно хотелось *сказать* или *высказать* что-нибудь так или сяк, опять все равно. Натура моя довольно живучая и произрастительная, но не трудолюбивая; напротив, труд пугает ее, она сжимается под давлением его. А что ни говори, труд есть родник, двигатель всякого положительного успеха и возможного усовершенствования. Без терпения труда быть не может. Бюффон сказал и доказал, что терпение есть одно из главных свойств гения. Если так, то как далек я, Боже мой, от гениальности. У меня литература была всегда животрепещущею склонностью, более зазывом, нежели призванием. Если и было это призвание, то охотно сознаюсь, что я не выдержал, не вполне оправдал его. Никогда, или так редко, что не стоит упоминать того, не вел я жизни литературной, как вели ее, например, Жуковский, Пушкин. О Карамзине уже не говорю: он был воплощенный труд, воплощенное терпение. Я более предавался течению жизни: сперва молодости, с увлечениями ее; позднее более или менее сухим обязанностям службы, личным заботам, горьким испытаниям жизни, частым и вынужденным странничествам. К тому же, нечего таить, какая-то врожденная беспечность, просто лень, никогда не допускали пера быть постоянною принадлежностью руки моей. А перо взыскательно: оно требует прилежного ухода за собою; без этого оно непослушно и ртачливо. При этом приятели мои еще дивились, что мог я столько написать при своей развлеченной жизни, могли бы они сказать и отвлеченной; много из жизни моей пошло и на внутренние, созерцательные и мечтательные думы. Много про-

---

* Хорошего или плохого *(фр.)*.

жил я жизнью одинокою, жизнью про себя. Знаю, язык мой не всегда правилен; не довольно внимательно и строго покоряюсь законам его. Увлекаюсь не желанием, а скорее бессознательною потребностью сказать иначе, чем сказали бы другие. Это может быть достоинством, но может быть и погрешностью, быть силою, но и немощью. Александр Тургенев в одном письме своем из напечатанных по смерти его очень невыгодно и с какою-то досадою отзывается об этом наездничестве пера моего. В укоризне его есть доля правды; но Тургенев в литературе принадлежал *пуританской* школе, которой между нами главным представителем был Блудов. Сознаюсь, я от некоторых неологизмов в словах и в слоге не прочь. Разнообразие и разнозвучие, в меру и с чутьем, нужны и цену свою имеют. Так же и Карамзин в письме к Дмитриеву говорит, что должно выдрать бы мне уши за перевод мой речи, произнесенной императором Александром на Варшавском сейме; разумеется, обвинение падает на неправильность языка. Здесь есть некоторый повод к оправданию. Не вся речь переведена мною. Новосильцов, около полночи, прислал в канцелярию французский подлинник для немедленного перевода его на русский язык. Многие слова политического значения, выражения чисто конституционные были нововведениями в русском изложении. Надобно было над некоторыми призадумываться. Для скорости мы разобрали речь по клочкам и разделили их между собою, чиновниками канцелярии. Каждый переводил как умел. Но я остался как-то официальным и ответственным переводчиком речи. Государь был переводом доволен; помню, что на обеде у князя Зайончека государь милостиво благодарил меня за перевод. Кстати скажу, что и после был я в канцелярии Новосильцова главным действующим лицом по редакционной русской части. Были труды гораздо важнее перевода сеймовой речи. В канцелярии был у нас юрист и публицист, француз Deschamps. Ему Новосильцов передавал соображения и мысли свои: француз, набивший руку себе во Франции в изготовлении и редакции подобных проектов, писал их, так сказать, прямо набело. Переливка этих работ в русские формы наложена была на меня. В один из приездов моих в Петербург из Варшавы император удостоил меня особенною послеобеденною аудиенциею в Каменноостровском дворце. С полчаса, если не более, изволил говорить он о трудах наших по канцелярии Новосильцева, о воззрениях своих на Польшу и на другие политические события и соображения.

Тут косвенно были, или по крайней мере так казалось мне, маленькие, не буквально выраженные, но понятные намеки на противоположные мысли Карамзина. Например, государем было сказано: «Quelques uns pensent, que les désordres dont nous sommes parfois témoins, sont inhérents aux idées libérales: tandis qu'ils ne sont que des abus ces idées et de ces principes»*. Государь говорил также о предположениях своих в отношении к будущему государственному устройству России. Говорил он все время по-французски: речь его была стройна, плавна и отличалась изящностью и ясностью; день, ознаменованный этим разговором, остается историческим днем в жизни моей. Перевод слов: constitution и liberal — словами: государственное уложение и законносвободный, принадлежат самому государю. При конце аудиенции мог я, между прочим, убедиться в умении государя, или, лучше сказать, в прирожденной ему способности, часто малозначащим словом польстить человеку и порадовать его личною и приветливою внимательностью.

Я приехал из Варшавы чрез Ригу. Песчаная, утомительная, продолжительная езда от Митавы вывела меня из терпения. Я был зол на себя и на дорогу, которую выбрал. В Риге хотели обратить внимание мое на картину города, Двины, моста, сплошь, как перилами, окаймленного коммерческими судами. Но я ничего ни слышать, ни видеть не хотел; в отмщение митавским пескам я крепко зажмурил глаза: так и проехал. Видно, Карамзин рассказал государю эту выходку эксцентрическую. Отпуская меня, император, с своею ласковою и выразительною улыбкою, спросил меня: а что, вы и теперь поедете на Ригу?

Забыл я сказать, что Новосильцев имел намерение отправить меня прямо к государю с изготовленною работою нашею для объяснений по редакции, если государь потребовал бы их. Но канцелярские интриги этому помешали. Уже позднее, и то совершенно случайно, довелось мне иметь вышеупомянутую беседу, для меня достопамятную. Но нет медали, у которой не было бы своей обратной стороны. Где-нибудь и когда-нибудь, если Бог даст, рас-

---

* Некоторые полагают, что беспорядки, свидетелями которых мы являемся,— следствие либеральных идей, тогда как они в действительности происходят от злоупотребления этими идеями и этими принципами *(фр.)*.

скажу, как благоволительное обращение государя со мною, ни по летам моим, ни по официальному служебному положению моему не имевшим на то права, обратилось позднее в неудовольствие на меня.

Впрочем, скажу заранее, что тут было много моей вины, то есть недосмотрительности, неосторожности, а еще более виноваты были в том посторонние влияния и неблагоприятные обстоятельства. Государь не мог поступить иначе: он должен был вызвать меня из Варшавы; но в то же время велел он сказать мне чрез Карамзина, что всякая другая служба остается для меня вполне открытою.

VIII

Вышесказанное мною вообще относится до пребывания моего в Варшаве и до некоторых обстоятельств, вытекающих из этого пребывания. Хочется мне несколько остановиться на этом и определить варшавский период жизни моей, тем более что он имел довольно важное влияние и на многие последовавшие за ним годы. К тому же не был он чужд и литературной деятельности моей. По распущении Московского ополчения оставался я в Москве в службе, не в службе, в отставке, не в отставке, а причисленным по-прежнему к межевой канцелярии, или, вернее сказать, не отчисленным от нее. Начальник сей канцелярии, сенатор Обресков, при котором я служил, умер в 1814 году. Время было не до канцелярских строгих порядков и взысканий; но я не думал выяснить свое служебное положение: ни служба, ни начальство не заботились обо мне. Наступил 1817 год. Приехал в Москву генерал Мих. Мих. Бороздин, в свое время блестящий воин на полях сражений и равно блестящее лицо в салонах обеих столиц. В детстве моем заглядывался я на него и любовался красивою и мужественною наружностью и отличающейся от других изящною и щегольскою осанкою. Он был один из ближайших приятелей отца моего, который шутя прозвал его Неаполитанским королем, по поводу предводительства его русскими войсками в Неаполе в царствование императора Павла. Заметим уже кстати и мимоходом, что отец прозвал вместе с ним Польским королем и известного в царствование Екатерины II Корсакова, который очень дорожил орденом Польского Белого Орла и никогда не снимал его с себя. Отец мой говаривал, что ему очень приятно и лестно играть у себя дома в бостон с двумя

величествами. По приезде в Москву Бороздин отыскал меня и очень обласкал, как сына приятеля своего. Он дружески укорял меня в тунеядстве моем и говорил, что в молодых летах сыну Андрея Ивановича стыдно бить баклуши и быть каким-то Митрофанушкою, недорослем в обществе. К тому же времени приехал из Варшавы и Новосильцев, вызванный государем, который тогда со всем двором имел пребывание в Москве. Бороздин был приятелем и Новосильцева. Вероятно, говорил он ему обо мне; однажды пригласил он меня обедать с Новосильцевым, представил и, так сказать, без особенных предварительных объяснений со мною передал меня ему на руки. Новосильцев благосклонно принял меня: участь моя была решена, если не против воли моей, то, так сказать, почти мимо воли моей, но, однако же, не без признательности к участию, принятому во мне старым приятелем отца. При расставании моем с Москвою и беззаботною жизнию моею написал я стихотворение: «Прощание с халатом», которое было тогда же напечатано в журнале «Сын Отечества» и имело некоторый успех. До Варшавы знал я почти одну Москву. В Петербург наезжал я только на короткое время, за границею же не бывал. Варшава, тогда блестящая, не только *мирная,* но и празднующая перерождение свое, повеяла на меня незнакомым, новым воздухом. Я скоро и легко акклиматизировался, да иначе и быть не могло. Почин мой в Варшаве был самый благоприятный. В Новосильцеве нашел я начальника, которого лучше и придумать нельзя, начальника, чуждого всякого начальствования. С первых дней приезда моего я сделался у него домашним; в течение нескольких лет, до дня отъезда моего, эти отношения ни на один день, ни на одну минуту не изменялись. Даже и после, когда уведомлял он меня по высочайшему повелению, что не должен и не могу я возвращаться в Варшаву, официальное письмо его запечатлено было чувством благорасположения его ко мне. Государь, в то же самое время приехавший из Москвы для открытия первого Польского сейма, был ко мне отменно внимателен и милостив. Он даже изволил удостоить жену и меня своим августейшим посещением. Правда, сказали мне тогда, что царское посещение относится вообще к хозяйке дома, а не к хозяину, который, как отцы при крестинах детей своих, должен блистать отсутствием своим; но бессознательное нарушение мое придворного этикета и приличия сошло благополучно. Государь был очень весел и разговорчив. Между прочим

изволил он спросить меня: прочел ли я Историю Карамзина, которая только что вышла в печати. На мой ответ, что еще не успел я прочесть, государь, с видом какого-то самодовольства, сказал мне: «А я прочел ее с начала до конца». Еще до Варшавы государь явил нам знак благоволения своего. Дорогою, где-то в Царстве Польском, обогнал он нас, узнал, велел коляске своей остановиться и вышел из нее навстречу к нам, также вышедшим из кареты. Государь был бодр, свеж и тщательно и красиво убран и одет, как будто бы выходил из уборной комнаты своей в Зимнем дворце. Я ехал больной, чуть ли не в халате, не мытый, не бритый, неряшливый. Дорогою, перед тем, пролежал я, больной простудою и колотьем в боку и в груди, в каком-то местечке; в нем не было никаких пособий и помощи: ни доктора, ни хорошей воды, ни белого хлеба, ни уксуса. Как-то уже дня три или четыре спустя гродненский губернатор, узнав о болезни моей, прислал нам белый хлеб, лимоны и другие припасы и снадобья. На другой день приезда нашего в Варшаву государь изволил прислать нам фельдъегеря осведомиться о здоровье моем. Он же уведомил и Новосильцева, что новый чиновник его едет к нему больной. Для людей, опасающихся начинать и предпринимать что-нибудь в понедельник, замечу, что мой пример может подкрепить их суеверье. В Москве все было уже готово к нашему отъезду в Варшаву. Но теща моя, П. Ю. Кологривова, давала бал в воскресенье в честь государя и царской фамилии. Неловко было уехать до бала. А между тем скорый отъезд государя и предварительный отъезд свиты его угрожали нам препятствиями и частыми и долгими остановками по почтовому тракту. Я сам питаю некоторое почтительное отвращение в отношении к понедельнику. Таким образом, детей наших отправил я вперед в воскресенье, чтобы застраховать их от худого наития понедельничного глаза, а сам предал себя на волю Божию и решил, что мы выедем тотчас после бала, то есть на рассвете понедельника. Так и было. Этот крутой переворот из бальных платьев в дорожные, из блеска многолюдного праздника в дорожную повозку внушил мне тут же стихотворение «Ухаб», которое, помнится, напечатано в «Сыне Отечества». Начинается оно так:

Над кем судьбина не шутила,
И кто проказ ее не раб?
Слепая приговор скрепила,
И с бала я попал в ухаб.

В ухабе, сидя как в берлоге,
Я на досуге рассуждал.
И в жизни, как и на дороге,
Ухабов много насчитал.

Далее не помню[8].

Но возвратимся к зловещему понедельнику. Не только крепко захворал я дорогою, но в Несвиже, где ночевали мы, нас совершенно обокрали: платья, несколько тысяч рублей, лежавшие в мешке, и разные другие предметы, дорожные или хозяйственные, которые везли мы в Варшаву, все было дочиста прибрано и похищено. Чтобы иметь возможность ехать далее, жена должна была заложить, для выручения некоторой суммы, разные свои кольца, серьги и ценные вещи. По счастию, догнал нас И. С. Тимирязев, тогда адъютант великого князя Константина Павловича, и, сжалясь над бедствием нашим, ссудил нас двумя тысячами рублей. Avis au lecteur*. Вот что значит пускаться в путь в понедельник.

Приезд государя в Варшаву еще более оживил ее. Поляки впечатлительны: на них сильно и горячо отражаются и радость и горе; свита императора была многолюдна и блистательна: князь Волконский, граф Уваров, Милорадович, Остерман, князь Меншиков, генерал Потемкин, любимец Семеновского полка и гвардии, граф Чернышев и многие другие более или менее известные военные лица; по части гражданской граф Каподистриа с двумя своими правыми руками: графом Матушевичем и Севериным; государственный секретарь Марченко с арзамасцем Жихаревым. Все съехались более или менее доброжелательными и вежливыми гостями; даже и не совершенно сочувствующие возрождению Польши увлекались новостью и блестящею обстановкою зрелища. Пред ними, как и предо всеми, ставилась и разыгрывалась новая драма. На военных же особенно отсвечивались славные дни недавних побед и вступления в Париж Победителя.

IX

Но пора спуститься с временного подножия человека полуполитического, куда попал я, на смиренный участок, которым наделен я в области литературной.

---

* Обращение к читателю *(фр.)*.

Странное дело: очень люблю и высоко ценю певучесть чужих стихов, а сам в стихах своих нисколько не гонюсь за этою певучестью. Никогда не пожертвую звуку мыслью моею. В стихе моем хочу сказать то, что сказать хочу: о ушах ближнего не забочусь и не помышляю. Не помышляю и о том, что многое не ладит со стихами: стихи, или поэзия, всего не выдерживают. Коровы бывают и очень красивые: но седло им нейдет. Мысль, стихом оседланная, может никуда не годиться. Мое упрямство, мое насильствование придают иногда стихам моим прозаическую вялость, иногда вычурность. Когда Вьельгорский просил у меня стихов, чтобы положить их на музыку, он всегда прибавлял: только, ради Бога, не умничай; мысли мне не нужны, мысли на ноты не перекладываются. Вьельгорский именно в цель попал. В стихах моих я нередко умствую и умничаю. Между тем полагаю, что если есть и должна быть поэзия звуков и красок, то может быть и поэзия мысли. Все эти свойства или недостатки побудили Пушкина, в тайных заметках своих, обвинить меня в какофонии: уж не слишком ли? Вот отметка его: «Читал сегодня послание кн. Вяземского (видно он сердит, что величает меня княжеством) к Жуковскому (напечатанное в «Сыне Отечества» 1821 года). Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! «Кому был Феб из русских ласков»,— неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой *какофонией*»*[9].

Воля Пушкина, за благозвучность стихов своих не стою, но и ныне не слышу *какофонии* в памятных стихах. А вот в чем дело: Пушкина рассердил и огорчил я другим стихом из этого послания, а именно тем, в котором говорю, что *язык наш рифмами беден.*— Как хватило в тебе духа, сказал он мне, сделать такое признание? Оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление, лично ему нанесенное. В некотором отношении был он прав, как один из высших представителей, если не высший, этого языка: оно так. Но прав и я. В доказательство укажу на самого Пушкина и на Жуковского, которые позднее все более и более стали писать белыми стихами. Русская рифма и у этих богачей обносилась и затерлась. Впрочем,

---

* Прим. Хочу ль сказать, к кому был Феб из русских ласков?
Державин рвется в стих, а втащится Херасков.

Это перевод стихов Буало: La raison dit Virgile et la rime Quinault. [Разум говорит: Вергилий, рифма говорит: Кино] *(фр.). (Примеч. Вяземского.)*

не сержусь на Пушкина за посмертный приговор. Где гнев, тут и милость; Пушкин порочит *звуки* мои, но щедро восхваляет меня за другие свойства: не остаюсь в накладе.

Малозвучность и другие недостатки стиха моего могут объясниться следующим. Я никогда не пишу стихов моих, а сказываю их в прогулках моих; это не вполне *импровизация,* а что-то подобное тому, импровизация с урывками, с остановками. В этой пассивной стихотворческой гимнастике бывают промахи и неправильные движения. После выпрямлю их, говорю себе,— и иду далее, а когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бывает уже поздно; поправить, выпрямить не удается: поправить лень да и жар простыл. Мало заботясь о них, отпускаю стихи мои на Божий свет, как родились они с своими хорошими приметами, если таковые есть, с своими калечностями, когда таковые окажутся.

Что говорю о стихах своих, могу вообще сказать и о прозе своей. И тут и там заметен недостаток отделки, оконченности. Не продаю товара лицом. Не обделываю товара, а выдаю его сырьем, как Бог послал.

Скажу и здесь: если Карамзин и Пушкин бывали ко мне строги, то порою бывали и милостивы. Они нередко сочувствовали плодам пера моего, драли меня за уши, но гладили и по головке, одобряли, поощряли меня. То же скажу о Дмитриеве, Жуковском, Батюшкове, Баратынском, Дашкове, Блудове. Могу сказать, что я избалован был как строгими замечаниями их, так и похвальными отзывами. В самой строгой критике, когда она основательна и сметлива, может быть слышна нота сочувствия.

X

Поверят ли мне или нет, но утверждаю, что собственно для публики я никогда не писал. Когда я с пером в руке, она мне и в голову не приходит. Впрочем, публика делится на два разряда, а именно читающих и читателей. Тут почти та же разница, что между пишущими и писателями. Нечего и говорить, что в том и другом случае большинство на стороне первых. Признаюсь, во многом я не прочь от меньшинства; разумеется, и числительная сила большинства имеет достоинство свое. Например, гораздо выгоднее иметь при себе тысячу рублей, нежели десять. Но едва ли не будет приятнее иметь за себя десять умных людей, нежели тысячу глупцов. Впрочем, о вкусах спорить нечего. Я и не спорю.

При таком настроении моем само собою разумеется, что я никогда не подыскивался, не старался угождать прихотям и увлечениям читающей публики. Не ставил себе в обязанность задобрить ее. В этом отношении за мною никакого художества, никакого *сочинительства* не бывало. Преимущественно писал я всегда для себя, а потом уже для тесного кружка избранных; в них не последнее место занимали мои избранницы. Критикой и похвалами их бывал я равно доволен. Первою я часто пользовался с повиновением; часто, а не всегда, другими радовался, а иногда гордился. На критику печатную обращал я вообще мало внимания, с нею не советовался, ей не верил. Это неверие крепко держится во мне и ныне. Впрочем, настоящей критики, за редкими исключениями, у нас не было; нет ее и теперь. Теперь еще менее, нежели прежде. Каченовские, Сенковские, Булгарины далеко не были светилами критики; но все же была в них некоторая литературная основа. Они кое-чему обучились, кое-что прочитали.

В старину, то есть в нашу молодость, выражение: *залихватский, залихватское* было в общем употреблении, преимущественно в простонародии и на офицерском языке. Ныне оно сделалось заштатным, как иные города, некогда цветущие и довольно многолюдные. Слово свое время выжило, но сущность его осталась. Она легко может быть применяема к литературе и особенно к критике.— «Да ты сам тому виноват,— сказал бы мне Александр Тургенев,— ты сам дал тому пример в «Телеграфе»[10].— Может быть, скажу я. Но известно, что последователи худого примера всегда еще ухудшают его. Шалопайство пера гуляет по страницам журналов. Правда, есть и глубокомысленная, или головоломная, критика, но попробуй ее — и провалишься.

Иной, например, ничему не учился, сделался самоучкою невежества своего. Но в уме, в замашках мысли его была какая-то бойкость и русская сметливость; он кое-что угадывает. Но оставленное им по себе потомство наследовало от него одно обширное неведение; блестящие же качества его ускользнули от наследников. Влияние ложной школы, ложного авторитета утверждается в обществе с неимоверною скоростью и крепостью, как влияние прилипчивой болезни. У нас, например, встречаешь людей не без ума, не без дарования и общей европейской образованности, которые, не запинаясь, не заикаясь, ставят им подобного литературного выскочку рядом

с именем Пушкина, а может быть, еще готовы признать превосходство первого над последним по благотворному влиянию, которое тот и другой оказали на ход литературы нашей. Что прикажете делать ввиду подобной ереси? Впрочем, плоды ее очевидны и поразительны.

Сказанное мною — не сетования оскорбленного самолюбия, не придирки злопамятства. На моем долгом веку всего было довольно. И я жил в счастливой Аркадии, и меня хвалили, и мне кланялись журналы, и меня называли печатно остроумнейшим писателем. И мало ли еще какие бывали величания. Меня и очень бранили. Все это дело житейское и бывалое. Скажу и я с Пушкиным:

E sempre bene*, господа!

От журнальных похвал не раздувался я; от браней не худел. Позднее настала пора *заговора молчания*. Критически печать меня заживо похоронила; не потрудилась даже выставить надгробную надпись. Что же, почему и этому не быть? Мертвые срама не имут.

Les absents n'ont pas toujours tort,— сказал я когда-то,— mais ce sont les presents qui ont souvent tort**. Особенно в такую глухую пору, когда между отсутствующими числятся: Дмитриев, Батюшков, Жуковский, Баратынский и некоторые другие; когда Карамзин и Пушкин едва ли уже не откланиваются пред читающею публикою. Да, Господи Боже мой! как был бы я глуп, если не умел бы ценить свое достохвальное исключение; могу только сказать с смирением и благодарностью, что не по заслугам моим такая честь мне оказывается.

Для полноты автобиографических заметок считаю нелишним сказать и следующее. Стороною доходили до меня слухи, что в некоторой залихватской печати хожу я под разными прозвищами забавными и насмешливыми. Честью удостоверяю, что эти выстрелы в меня остались промахами для меня. Не имел я и не имею понятия о них. Мне даже прислали за границу для показа одну подобную статью. Так и лежит она у меня по сию пору недочитанная. Любопытство мое притупилось. В старину любил я гарцевать в чистом поле, пред неприятелями своими, ныне и эта охота отпала; да и прежде не самолюбие

---

* И отлично *(ит.)*

** Отсутствующие не всегда виновны... но присутствующие часто виновны *(фр.)*.

действовало во мне, а какая-то задорливость. Баратынский говаривал о мне, что в моих полемических стычках напоминаю я ему старых наших бар, например Алексея Орлова, который любил выходить с чернью на кулачный бой.

Если еще и ныне случается мне тряхнуть стариною, то, право, не в защиту свою, а просто оттого, что приходится невтерпеж, когда наши политические *репортеры* слишком зарапортуются или наши *питомцы сороковых годов*, какая-то эгира, внесенная в нашу литературную хронологию, слишком заговорятся. Да, пожалуй, найдутся добрые люди, которые скажут, что в словах моих сквозят сетования литературного крепостника, жалеющего о блаженных временах цензуры. Нисколько. Хотя довольно долго промышлял я делами цензуры, хотя в проезд мой чрез Берлин одна из наших заграничных непризнаваемых (méconnue) знаменитостей, проходя мимо меня, и пробормотала про себя: «вот идет наша русская цензура», но я до цензуры не безусловный охотник. Не безусловный поклонник и безусловных льгот свободной печати. Впрочем, желаю им здравствовать и процветать, но с тем, чтобы этот цвет приносил зрелые и здоровые плоды. Не следует забывать, что льготы, дарованные печати, не всегда еще открывают путь истинным успехам литературы. Бывает и так, что они только развязывают руки самонадеянным посредственностям.

За границею получаю несколько русских газет и журналов, но, признаюсь, мало читаю их, а выписываю для очистки совести. Жизнь так коротка, а мой остаток и так еще окорочен, что берегу время свое на чтение более полезное и приятное. Может быть, вследствие того я и виноват пред журналами и газетами нашими и пропускаю бессознательно многие сокровища, которые в них таятся. Но на ловца зверь бежит: как-то попадаю я чаще на след красного зверя политической или литературной бестактности, незнания первых элементарных правил литературного благоприличия; скажем откровенно одним словом, на глупость или на бессовестную неправду.

Нет сомнения, что и ныне есть в литературе нашей почетные личности, которые уважаю и мнением которых дорожу. Вполне признаю и ценю их суд, всегда готов советоваться с ними и покоряться советам их. Но не менее того, я как-то одинок в современной литературе нашей. Нет уже прежних спутников моих, ровесников, так сказать, единоверцев. Нет того полного сочувствия,

которое развилось и окрепло на родной почве товарищества, общих привычек, понятий, склонностей, направлений. Теперь, когда напишу что-нибудь, чем я сам доволен и что кажется мне удачно, не чувствую потребности, увлечения прочесть сгоряча написанное мною друзьям моим. Этих друзей уже нет. Мне, и радуясь собою, грустно радоваться одиноко. Не могу бежать к Батюшкову, Жуковскому, Пушкину, чтобы поделиться с ними свежим, только что созревшим, только что сорванным с ветки плодом моей мысли, моего вдохновения. Оценка их была бы и моею окончательною оценкою; одобрение их было бы освящением моей радости. Это одиночество, может быть, и есть повод к некоторому охлаждению к самому себе, и, может быть, к малому сочувствию и часто равнодушию к тому, что у нас пишется.

XI

Выше было уже сказано, что я вообще писал не усидчиво, а более урывками. В литературной жизни моей были только два периода довольно постоянной деятельности, а именно, когда я участвовал в издании журнала «Телеграф» и когда писал биографию Фон-Визина. Обе деятельности были почти случайные. Одна обязана холере, другая вот каким обстоятельствам. Полевой был в то время еще литератором in partibus infidelium*. Едва ли не против меня были обращены первые действия его. По крайней мере ему приписывали довольно бранное послание на имя мое, напечатанное в «Вестнике Европы», в ответ на мое известное, и также не слишком вежливое послание к Каченовскому. Как бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывал у меня по утрам. Однажды застал он у меня графа Михаила Вьельгорского. Речь зашла о журналистике. Вьельгорский спросил Полевого, что он делает теперь.— Да покамест ничего,— отвечал он.— Зачем не приметесь вы издавать журнал? — продолжал граф. Тот благоразумно отнекивался за недостатком средств и других приготовительных пособий. Юноша был тогда скромен и застенчив. Вьельгорский настаивал и преследовал мысль свою; он указал на меня, что я и приятели мои не откажутся содействовать ему в пред-

* Не при деле *(лат.)*.

приятии его, и так далее; — дело было решено. Вот как в кабинете дома моего, в Чернышевом переулке, зачато было дитя, которое после наделало много шума на белом свете. Я закабалил себя «Телеграфу». Почти в одно время закабалил себя Пушкин «Московскому Вестнику». Но он скоро вышел из кабалы, а я втерся и въелся в свою всеми помышлениями и всем телом. Журнальная деятельность была по мне. Пушкин и Мицкевич уверяли, что я рожден памфлетером, открылось бы только поприще. Иная книжка «Телеграфа» была наполовину наполнена мною или материалами, которые сообщал я в журнал[10].

Журнал удался: от него пахло новизною. Многое из напечатанного в нем входит ныне в собрание сочинений моих. Но, вероятно, не все. За давностью не упомню всего. Своих не познаше. Сначала медовые месяцы сожития моего с Полевым шли благополучно, работа кипела. Не было недостатка в досаде, зависти и брани прочих журналов. Все это было по мне; все подстрекало, подбивало меня. Я стоял на боевой стене, стрелял изо всех орудий, партизанил, наездничал и под собственным именем, и под разными заимствованными именами и буквами. *Журнальный сыщик* все ловил на лету. Потеха, да и только. Но после издатель начал делать попытки по своему усмотрению: печатал статьи, изъявлял мнения, которые выходили совершенно вразрез с моими, прибавлю — не в отношении политическом и либеральном,— нет, просто в личном и чисто в личном и чисто литературном. Мне это не понравилось, и я отказался от сотрудничества. Впрочем, может быть, и Полевой рад был моему отказу. Журнал довольно окреп, участия моего было уже не нужно, а между тем, по условию, должен был я получать половину чистой выручки. Журналисту и человеку коммерческому легко было расчесть, что лучше не делить барыша, а вполне оставить его за собою. Что же? Полевой был прав, и я нисколько не виню его. Был прав и я. Литературная совесть моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умеет она мирволить и входить в примирительные сделки. Жуковский, а особенно Пушкин, оказывали в этом отношении более снисходительности и терпимости. Я был и остался строгим пуританином.

При переезде в Петербург на житье принимал я участие в литературной газете Дельвига, позднее в «Современнике» Пушкина. Но деятельность моя тут и там далека была от прежней моей «телеграфической» деятельности.

Над Москвою в 1831 г. грянула холера. Перед тем проезжал я, или, говоря служебным языком, был откомандирован в Москву графом Канкриным для устройства первой промышленной выставки в Москве.

Появление холеры в столице застало меня в подмосковной, в селе Остафьеве. Часть семейства моего в нем жила. Нужно было без отлагательства решиться на одну из двух предстоящих мер: остаться в деревне или сейчас перебраться с детьми в город. Чрез несколько часов Москва должна быть оцеплена: по дорогам учреждены карантины. В Москве уже гнездилась болезнь; но в ней были все врачебные пособия и удобства, чтоб по возможности бороться с нею. В деревне ее не было, могла она и не быть. Но в случае вторжения мы были бы совершенно безоружны против врага. Ответственность, лежавшая на мне, как на отце семейства, была тяжела и, признаюсь, не по силам моим. Вообще я не человек скорых и окончательных решений. В борьбе с жизнью я более Фабий Кунктатор, более свойства выжидательного. Здесь же отвиливать, мешкать было нечего. Я решился оставаться в деревне. Бог меня надоумил и благословил решение мое. Первое время заточения было тяжкое. Всегда ожидаю скорее худого, нежели надеюсь на хорошее. Мало-помалу мы обжились в своем карантине. Для развлечения моего пришла мне счастливая мысль. Давно задумал я заняться биографиею Фон-Визина. Несколько страниц было уже написано; материалов под рукою было довольно. Вспомнил я о них, принялся за работу, и она закипела. Под боком у меня была библиотека обширная, иностранная и русская. Она была для меня богатою житницею. За работу принялся я не с пустыми руками: пересмотрел, перебрал, перечитал многие десятки книг исторических и литературных. Тут на опыте убедился я в пользе и правдивости учения, что *все во всем* (tout est dans tout). Все в мире часто незаметно, но более или менее связывается и держится между собою. Ни в физическом, ни в нравственно-человеческом мироздании нет пустых мест. Все последовательно и соответственно занято. Нередко одно слово, одно имя, одно малейшее событие может вас увлечь в разнообразные и далекие изыскания. Так было и со мною. Много исторических сочинений перебрал я по поводу Фон-Визина, прочитал я, или пробежал, почти всю старую русскую словесность, между прочим едва ли не всего Сумарокова. Прочитал я даже более половины многотомного собрания Российского театра. Подвиг,

скажу, геркулесовский, более — бенедиктинский. Иногда из целой книги извлекал я две-три строки, два-три слова, нужные мне для одной поверки, для одной заметки. Тредьяковский и Фридерик Великий в своих исторических записках были мне равно полезны. По возможности, все писанное мною было обдумано и проверено. Терпение и труд мой были вознаграждаемы сознанием, что поступаю добросовестно. Никогда письменная работа, ни прежде, ни после, не была для меня так увлекательна, как настоящая, на которую навела меня холера. Работал и писал я прилежно, усидчиво, по целым часам до обеда, вечером за полночь.

Уже при последних издыханиях холеры навестил меня в Остафьеве Пушкин[11]. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною. Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и судил о труде моем с авторитетом писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил он, нежели критиковал. Между прочим, находил он, что я слишком живо нападаю на Фон-Физина за мнения его о французах и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями. Этого чувства я не знаю. Как бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем. Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд.

Книга, написанная мною, долго пролежала у меня[12]. Для полноты автобиографического очерка своего скажу о ней еще несколько слов. Я уже заметил, что однажды написанное мною не что иное, как отрезанный ломоть. Оно уже не входит в состав жизни моей, не живая часть меня. Отпадшие листья не принадлежат уже дереву, которое породило и воскормило их. Вот что вывело Фон-Визина моего на белый свет. В отсутствия, иногда довольно продолжительные, директоров я управлял департаментом внешней торговли; при нем издавалась «Коммерческая газета» и была типография. По старому ремеслу обращал я на них особенное внимание. Управляющий типографиею был человек, знающий свое дело и усердный к нему. Он часто просил меня дать ему что-нибудь моего на станки его. Я вспомнил о спящей царевне своей, то есть о рукописи, и отдал ее в типографию. Фон-Визин

был напечатан, помнится мне, в числе шести или осьми сот экземпляров. Отданы были они на руки книгопродавцам. Кажется, издание разошлось. На мою долю выручка пала, много сказать, экземпляров на сто, прочие как-то улетучились. Habent sua fata libelli*, особенно мои. Книга разошлась, но как-то молча. По крайней мере не случалось мне встречать в журналах общей оценки ее, исследований по существу. Были одни случайные отметки о некоторых частностях. Бывали из нее и заимствования, но тоже не гласные. Меня также обходили молча. А, казалось бы, книга открывала поле для критики мыслящей и дельной. Если не была она литературное событие, то все же была любопытная и довольно серьезная попытка. Впрочем, молчанию о ней были и свои законные причины. Бранить книгу было как-то неловко: брани мало поддавалась она. Не за что было ухватиться. Хвалить ее также не подобало. В это время литературные фонды мои значительно понизились на журнальной бирже, и не мои одни; другие капитальные дома, не то что моя фирма средней руки, были мало-помалу подорваны, и доверие к ним было поколеблено. Видите ли в чем дело; я тогда уже перестал слыть либералом, а по сознанию Белинского, главного основателя, пророка и законодателя нового верования, вся суть литературы заключается в либерализме. Мы, может быть, по-своему и оставались либералами, но либерализм наш был старого покроя. Наш заключался в правилах и чувствах, а не в жаргоне (jargon), то есть не в каком-то условном, искусственном, поддельном наречии. Как бы то ни было, обо мне молчали.

Один Гоголь открыто подал голос за меня, но и то не совсем удачно, то есть не в меру. Гоголь, хотя и малоросс, то есть человек осторожный и себе на уме, бывал подчас чистокровный великоросс, то есть кидался в крайности:

О росс, о род великодушный,
О твердо-каменная грудь!

(Державин)

Мы любим идти напролом и наудалую. Запой есть не только особенно свойственная русскому человеку физическая болезнь, она и нравственная. Мы почти все делаем запоем, и дурное и хорошее. Проспавшись и отрезвившись, мы не отвечаем за сказанное и сделанное

* Книги имеют свою судьбу *(лат.)*.

нами в припадке своем. Так обыкновенно судят и присяжные заседатели в уголовных делах, предаваемых суждению их.

Вот слова Гоголя: «Из поэтов времени Пушкина отделился князь Вяземский. Хотя он начал писать гораздо прежде Пушкина, но так как его полное развитие было при нем, то упомянем о нем здесь. В князе Вяземском — противоположность Языкову. Сколько в том поражает нищета мыслей, сколько в этом обилие их. Стих употреблен у него, как первое попавшееся орудие: никакой наружной отделки его, никакого также сосредоточения и округления мысли, затем чтобы выставить ее читателю, как драгоценность. Он не художник и не заботится обо всем этом. Его стихотворения — импровизация, хотя для таких импровизаций нужно иметь слишком много всяких даров и слишком приготовленную голову. В нем собралось обилие необыкновенное всех качеств: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводов, чувство, ум, остроумие, веселость и даже грусть; каждое стихотворение его — пестрый фараон всего вместе. Он не поэт по образованию: судьба, наделивши его всеми дарами, дала ему как бы в придачу талант поэта, затем чтобы составить из него что-то полное. В его книге «Биография Фон-Визина» обнаружилось еще виднее обилие всех даров, в нем заключенных. Там слышен в одно и то же время политик, философ, тонкий оценщик и критик, положительный государственный человек и даже опытный ведатель практической стороны жизни, словом, все те качества, которые должен заключать в себе глубокий историк в значении высшем, и если бы таким же пером, каким начертана биография Фон-Визина, написано было все царствование Екатерины, то можно сказать почти наверно, что подобного по достоинству исторического сочинения не представила бы нам Европа. Но отсутствие большого и полного труда есть болезнь князя Вяземского, и это слышится в самых его стихотворениях. В них заметно отсутствие внутреннего гармонического согласования в частях, слышен разлад: слово не сочеталось со словом, стих со стихом, возле крепкого и твердого стиха, какого нет ни у одного поэта, помещается другой, ничем на него не похожий; то вдруг защемит он чем-то вырванным живьем из самого сердца, то вдруг оттолкнет от себя звуком, почти чуждым сердцу; слышна несобранность в себя, неполная жизнь своими силами; слышится на дне всего что-то придавленное и угнетенное. Участь

человека, одаренного способностями разнообразными и очутившегося без такого дела, которое бы заняло все до единой его способности, тяжелее участи последнего бедняка. Только тот труд, который заставляет целиком всего человека обратиться к себе и уйти в себя, есть наш избавитель. На нем только, как говорит поэт:

Душа прямится, крепнет воля,
И наша собственная доля
Определяется видней.

(Полн. собр. сочин. Н. В. Гоголя. Москва. 1862. III, стр. 459—461).

Уф! Задыхаюсь и изнемогаю и от похвал, которые нагромоздил на меня Гоголь, и от протяжности периода, в котором он одним духом сколотил все эти похвалы. Вот куда следовали бы точки и двоеточия, которых требовал от меня Дмитриев. Выпискою нашею хотели мы указать на преувеличение, которым увлекался автор. Мы сердечно благодарны ему за лестный отзыв его обо мне и о труде моем. Если сбавить и наполовину все то, что им сказано, то и тогда еще будет с меня избыточно довольно. Но разберем критически эти похвалы.

Во-первых, какую можно определить равномерность между биографиею частного человека и историею долгого и славного царствования великой государыни?

Во-вторых, положим, что история, написанная мною, была бы удовлетворительна, почему ничего *подобного, по достоинству, исторического сочинения не представила бы нам Европа?* Вот здесь наталкиваемся мы на великороссийское самохвальство. Обыкновенно в смирении мы тише воды, ниже травы; в высокомерии мы выше кедра ливанского.

Писать историю, даже роман, мне никогда в голову не приходило. Однажды, по кончине Пушкина, император Николай в благоволительном разговоре со мною спросил меня, не возьмусь ли я продолжать труд Пушкина относительно истории Петра Великого? С благодарностью, но и с сознанием способностей и недостатков своих отклонил я милостивое и лестное предложение.

В том же месте Гоголь после больших похвал не скупится и на укоризны. Между прочим говорит он: «отсутствие большого и полного труда есть болезнь князя Вяземского». С этим приговором я совершенно согласен, но с оговоркою. Полно, *болезнь* ли это? — разве недо-

статок. И когда сей недостаток сознаваем самим человеком и, глядя на других, не затевает он труда выше сил своих, то эта мнимая *болезнь* есть, напротив, признак *здоровья*, а *недостаток* есть сила *здравомыслия*. Лучше казаться больным, а быть здоровым, нежели казаться здоровым, а на деле оказаться больным.

XII

Теперь несколько слов о самом издании всего написанного мною в прозе. О стихотворениях речь впереди. Первый вопрос заключается в том: всего ли меня печатать или только выборку из меня? С своей стороны, я более держался последнего соображения. Но благоприятели мои, которые приняли на себя труд собрать воедино разбросанное стадо мое, порешили иначе. Покоряюсь воле их. Издание некоторых стихотворений моих под названием «В дороге и дома» совершилось также без прямого или исключительного участия моего. Оно составлено по почину и главному распоряжению покойного Лонгинова. Я был тогда за границею, по болезни моей, и, признаюсь, оставался довольно равнодушен к исходу этого предприятия. Вполне благодарен я ему за труд, добросовестно и с умением им исполненный; но скажу откровенно, что я не совершенно согласен с ним относительно выбора его из моих стихотворений. Иного не внес бы я в избранное собрание, другое, как, например (исчисляю их по памяти): «Уныние», «Первый снег», «Послание к Денису Давыдову» и некоторые другие стихотворения, по сочувствию моему, имели бы более права на перепечатание, нежели другие, попавшиеся в книгу.

О нынешних добродеющих издателях моих скажу, что они, может быть, и правы, издавая и предавая меня на суд читателей целиком. Литературная жизнь писателя есть также своего рода жизнь человека. «Еже писах, писах»: что прожил, то прожил. Выходи на этот суд, каков ты ни есть. Судья, то есть читатель и критик, присудят сами, что должно тут пойти на правую сторону, что ошую; я же тут при решении суда и приговоре остаюсь ни при чем. Впрочем, меня будут судить задним числом, по большей части не меня настоящего, а меня некогда бывшего. Со всем тем скажу откровенно и без лицеприятия, что собрание сочинений моих имеет некоторое

законное основание, sa raison d'être*. Я все-таки, хорошо или худо, был человеком литературным, ничего из человечески-литературного не было мне чуждо. Из классического образования своего помню изречение: Homo sum...**

Нас на Руси немного. Пробелов оставлять не подобает. Как уже сказал я: в природе пустых мест нет, и все во всем, следовательно, есть место и мне.

Кажется, довольно откровенно говорил я о своих писательских недостатках. Да позволено мне будет быть присяжным стряпчим за себя и выставить то, что признаю добрыми качествами своими.

Начну с того, что отыскиваю в себе собственное, коренное, родовое; ничего не перенимал я, никому рабо-лепно не следовал. Скажу с французом: рюмка моя маленькая, но пью из своей рюмки, а что рюмка моя не порожняя, тому свидетель Пушкин. Он где-то сказал, что я один из тех, которые охотнее вызывают его на спор. Следовательно, есть во мне чем отспориваться. Пушкин не наткнулся бы на пустое. Споры наши бывали большою частью литературные. В политических вопросах мы вообще сходились: разве бывало иногда разномыслие в так называемых чисто русских вопросах. Он, хотя вовсе не славянофил, примыкал нередко к понятиям, сочувствиям, умозрениям, особенно отвращениям замкнутой в самой себе России, я вообще держался понятий международных, узаконившихся у нас вследствие преобразования древней России в новую, совершившегося по почину и богатырской воле и силе Петра. И мне иногда хотелось сказать Пушкину с Александром Тургеневым: «да съезди, голубчик, хоть в Любек».

Есть у меня свойство, которое можно назвать погрешностью, но можно назвать его и избытком. Я держусь последнего определения. В статьях моих, вообще во всем, что пишу, встречается много вводных подробностей, отступлений от прямого текста, замечается какая-то штучная, наборная, подборная, нередко мозаическая работа. Я как будто боюсь не успеть другой раз высказать все, что у меня на уме: не верую в завтрашний день и спешу сегодня же высыпать весь мой мешок. Это, разумеется, вредит общему построению и единству изложения моего; но зато оно придает сытность содержанию. Кормлю

* Право существовать *(фр.)*.
** Есмь человек *(лат.)*.

гостя моего разнородностью пищи, по крайней мере не держу его на сухоядении.

Позволю себе неологизмы, то есть прибавления к словарю Российской Академии; но по крайней мере, как мне кажется, вольности мои не произвольны, а вытекают обыкновенно из самого состава и наказа языка. Например,— и за примером идти недалеко — за несколько строк пред сим употребил я слово *сытность*, которого нет в наших словарях, даже у Даля, а этому слову следует быть, потому что есть слово *сытный. Сытость* имеет другое значение: *сытность* может произвести *сытость* — то есть что-то вроде пресыщения. Я полагаю, что почти все прилагательные наши могут быть преобразуемы в существительные нарицательные. Почему из слова *прекрасное* не сделать нам слово *прекрасность*, как мы из *будущее* вывели *будущность;* прекрасность выражает свойство красоты. И так далее. Есть *неологизмы* и *чужесловия*, которые просятся в наш язык или, скорее, на которые напрашивается наш язык. Смешно, из какого-то педантизма или патриотизма не оказывать им гостеприимства; мы все полагаем, что наш язык очень богат; — согласен, но во многом он и очень беден. Разумеется, хозяину должно уметь выбирать гостей своих, а не растворять дверей настежь пред всяким сбродом, как то бывает часто у наших писателей.

Ум мой был воспитан и образован во французской школе. Я учился и другим иностранным языкам, занимался по временам немецкою, английскою, итальянскою литературою, но все это были более или менее случайные знакомства. Связь моя укрепилась с одною французскою литературою, особенно минувшего столетия. Это, кажется, сильно отозвалось во мне. Вообще я не полиглот, не Мезофанти, с которым был я знаком в Риме и который писал мне русские стихи. Но при всем моем французском отпечатке сохранил или приобрел я много и русского закала. Простонародные слова и выражения попадались мне под перо, и нередко, кажется, довольно удачно. Впрочем, за простонародием никогда и не гонялся, никогда не искал я образовать школу из него. Этот русский ключ, который пробивался во мне из-под французской насыпи, может быть, родовой, наследственный. Родитель мой также был питомцем и представителем французской образованности. Между тем Жуковский говорил мне, что он всегда удивлялся ловкости и сноровке, с которою в разговоре переводил он на русскую речь мысль, види-

мым образом сложившуюся в уме его по-французски. Впрочем, я много прочел русских книг. Когда Жуковский готовил издание «Образцовых сочинений», я много помогал ему и перерыл целую кипу русских книг, особенно старого времени, если не древних. Но, кажется, и в самом уме моем есть какой-то русский сгиб и склад. Эта смесь французского с нижегородским, над которою смеялся Чацкий, имеет, может быть, свою и хорошую сторону.

Говоря выше о своих занятиях филологических, забыл я сказать, что в разные времена первой молодости моей изучал я и латинский язык и римскую литературу, особенно Овидия и Горация. В старых бумагах моих отыскиваю целые страницы, исписанные мною на латинском языке. Но латынь не далась мне, не укрепилась за мною, как вообще не укрепляется она за нами, русскими. У нас нет ни исторической, ни народной почвы для латынства. В нас на севере нет ничего латынского, ничего того, что людям прирождено на западе и на юге. Разумеется, не протестую против изучения классических языков; хочу только примером своим отметить, что, за весьма редкими исключениями, учение это легко испаряется из нас, потому что оно мало применимо к действительности. Впрочем, был такой случай, что меня всенародно провозгласили и классиком. Расскажу его в надежде, что он позабавит некоторых читателей, утомившихся моими частыми отступлениями. Однажды приехал я в свою костромскую вотчину, в известное в краю торговое и промышленное село Красное. В воскресенье, по совершении обедни, священник сказал мне в церкви приветственную речь. Говорил он с жаром, народ слушал с благоговением. Выхваляя мои гражданские и помещичьи доблести, продолжал он, указывая на меня: «Вы не знаете еще какого барина Бог вам дал; так знайте же, православные братья: он русский Гораций, русский Катулл, русский Марциал!» При каждом из этих имен народ отвешивал мне низкие поклоны и чуть ли не совершал знамения креста. Можно себе представить, каково было слушать мне и какую рожу делал я при этой выставке и пытке.

Под конец — маленькая исповедь: перечитав написанное мною выше, вижу, что в некоторых местах отзываюсь и сужу я иногда довольно и, может быть, излишне резко. Сознаюсь и каюсь. Каюсь-то каюсь, но не исправляюсь. Так бывает и со многими покаяниями. Настоящая статья, как уже сказано, есть что-то вроде

отчета за минувшее мое: род предсмертного духовного завещания. Пред смертью лукавить грешно и смешно; ни в мешке, ни в могиле шила не утаишь. Умолчания и упущения здесь неуместны; не хочу казаться хуже, чем я есть, но не хочу казаться и лучше; также не желаю никого оскорбить, но не желаю и задобривать. Человек, хотя несколько принадлежащий общественной деятельности на том или другом поприще, подлежит с своими хорошими и худыми качествами общественному суду: он его достояние и собственность. До поры и до времени не каждый вправе, не каждый имеет уполномочие касаться до этой собственности. Но самому можно распоряжаться собственностью своею, распоряжаться самим собою.

Был у меня приятель, даже друг: остались мы друзьями до конца; ныне уже нет его на свете[13]. Он жил за границею. Император Николай бывал иногда недоволен грехами языка моего и давал мне это чувствовать. Приятель мой знал это; между тем портрет мой висел в кабинете его, который государь должен был занять в одну из своих заграничных поездок. Как тут быть? Оставить ли обличительный портрет как он есть или, для большей осторожности, снять его на время со стены? Наконец, храбро и великодушно решился он на первое. Позднее говорил он жене моей, что хотел оказать себя пред государем в полной обстановке своей, и выгодной и неблагоприятной. Подобно и я: оставляю на стене портрет мой во весь рост; ничего не утаиваю из него, ничего в нем не поправляю. Как я есмь, как он есть, так и будет он друзьям и благоволителям на память, другим на суд и порицание[14].

(1877)

ЗАПИСКА* О КНЯЗЕ ВЯЗЕМСКОМ, ИМ САМИМ СОСТАВЛЕННАЯ[1]

Обращая внимание на мое положение в обществе, вижу, что оно в некотором отношении может показаться неприязненно в виду правительства: допрашивая себя, испытывая свою совесть и свои дела, вижу, что настоящее мое положение не естественное, мало мне сродное, что оно более насильственное, что меня, так сказать, втеснили в него современные события, частные обстоятельства, посторонние лица и, наконец, само правительство, которое, приписав мне неприязненные чувства к себе, одним предположением уже облекло в сущность и дело то, что, может быть, никогда не существовало. Как бы то ни было нынешнее мое невыгодное положение есть более следствие того, что некогда было, нежели непосредственное следствие того, что есть и быть не переставало. Отдав отчет в некоторых эпохах жизни моей, в некоторых свойствах моего характера, исповедовав откровенно образ мыслей и чувств моих, я, может быть, успею разуверить тех, которые судят более меня по предубеждениям, данным обо мне недоброжелательством, <доставленным>** нежели по собственным моим делам. В сей надежде решил я составить о себе записку и предаю ее беспристрастию моих судей.

До 1816-го года был я не замечен правительством, темная служба моя, пребывание в Москве, хранили меня в неизвестности. В то время не было еще хода на слово *либерал*, и потому мои тогдашние шутки, эпиграммы пропадали так же невинно, как и невинно были распускаемы.

---

* Примечание П. А. Вяземского: Следующая записка была через Жуковского доставлена гр. Бенкендорфу, им положена государю, который приказал препроводить ее в Варшаву к в[еликому] к[нязю] Константину Павловичу.

В письме к к[нязю] Голицыну с именами Греча и Булгарина упоминаю и Воейкова. Не очень стою за честность его, но обдумавши дело, прихожу к заключению, что несправедливо назвал его. Тут, вероятно, действовал один Булгарин, а Греч разве только что потакал.

** Зачеркнуто карандашом.

Приезд в Москву Николая Николаевича Новосильцева переменил мою судьбу. По некоторым благодарным преданиям о прежней службе его, я уважал Новосильцева. Между тем мне всегда казалось, что мне нельзя служить с удовольствием иначе, как под начальством человека просвещенно образованного, лично мною уважаемого, и потому, остававшись в долгом бездействии, я стал искать случая служить при нем. В этой взыскательности, в этом, так сказать, романическом своенравии, заключается, вероятно, одна из главных причин моих неудовольствий. Не видя на поприще властей человека, которому мог бы я предаться совестью и умом, после ошибки своей и разрыва с службою под начальством Новосильцева пребывал я всегда в нерешимости и не вступал в службу, хотя многие обстоятельства и благоприятствовали моему вступлению. Я был определен к Новосильцеву и приехал в Варшаву вскоре после государя императора. Открылся сейм. На меня был возложен* перевод речи, произнесенной государем. Государь, <увидевшись со мною> увидя** меня на обеде у Новосильцева, благодарил меня за перевод. С того времени государь при многих случаях изъявлял мне лично признаки своего благоволения. Вступление мое, так сказать, в новую сферу, новые надежды, которые открывались для России в речи государевой, характер Новосильцева, лестные успехи, ознаменовавшие мои первые шаги, все вместе дало еще живейшее направление моему образу мыслей, преданных началам законной свободы и началам конституционного монаршического направления, которое я всегда почитал надежнейшим залогом благоденствия общего и частного, надежнейшим кормилом царей и народов. Вслед за этим был поручен мне перевод на русский язык Польской хартии и дополнительных к ней уставов образовательных. Спустя несколько времени, поручено было Новосильцеву государем императором составить проект конституции для России. Под его руководством занялся этим делом бывший при нем французский юрист Deschamps: переложение французской редакции на русскую было возложено на меня. Когда дело подходило к концу, Новосильцев объявил мне, что пошлет меня с оконченною работою к государю императору в Петербург и представит меня

* Не вполне. За краткостью времени речь была передана по клочкам чиновникам канцелярии. [Позднейшее примеч. Вяземского карандашом.]

** Позднейшее исправление Вяземского.

как одного из участников в редакции, дабы государь император мог в случае нужды потребовать от меня объяснения на проект и вместе с тем передать мне свои высочайшие замечания для сообщения ему, Новосильцеву. Намерение послать меня с таким важным поручением огласилось в нашей канцелярии; в ней имел я недоброжелателей, открылись происки: старались охолодить Новосильцева к возложенному на него делу, ко мне, к отправлению меня в Петербург. Дело, которое сначала кипело, стало остывать. Немало смеялись над Прадтом, сказавшим, что Наполеон однажды вскричал: «Un homme de moins et j'étais encore le maître du monde-et cet homme c'est moi»*,— прибавляет Прадт. Пускай посмеются и надо мною: но едва ли не вправе сказать: Не будь я в канцелярии Новосильцева, и Россия имела бы конституцию**.

Не помню, когда проект, у нас составленный, был поднесен государю. В приезд мой в Петербург 1819-го года имел я счастие быть у государя в кабинете его на Каменном Острове. Велено мне было приехать в четыре часа после обеда за письмом к Новосильцеву. Государь говорил со мною более получаса. Сначала расспрашивал он меня о Кракове, куда я незадолго перед тем ездил; оправдывал свои виды в рассуждении Польши, национальности, которую хотел сохранить в ней, говоря, что меры, принятые императрицею Екатериною при завоевании Польских областей, были бы теперь несогласны с духом времени; от политического образования, данного им Польше, перешел он к преобразованию политическому, которое готовит он России. Сказал, что знает участие мое в редакции проекта русской конституции, что доволен нашим трудом, что привезет его с собою в Варшаву и сообщит критические замечания свои Новосильцеву, что он надеется непременно привести это дело к желательному окончанию, что на эту пору один недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысли для него священной; что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях, коих предубеждения и легкомыслие приписывают сим полити-

---

* Одним человеком меньше, и я еще был бы властелином мира, и этот человек — я *(фр.)*.

** Канцелярская зависть ко мне затормозила дело. То есть не канцелярская, а одного Байкова. (Позднейшая вставка Вяземского.)

ческим правилам* многие бедственные события, современные, когда, при беспристрастнейшем исследовании, люди сии легко могли бы убедиться, что беспорядки оные проистекают от причин совершенно посторонних. Предоставляю судить, какими семенами должны были подобные слова оплодотворить сердце, уже раскрытое к политическим надеждам, которые с того времени освятились для меня самою державною властию. Здесь должно прибавить еще, что в самый тот приезд мой в Петербург я был соучастником и подписчиком в записке, поданной государю, по предварительному его на то соизволению: от имени графа Воронцова, князя Меньшикова и других, в которой всеподданнейше просили мы его о позволении приступить к теоретическому рассмотрению и к практическому решению важного государственного вопроса об освобождении крестьян от крепостного состояния. Государь, говоря после с Карамзиным о том, что желание освобождения крестьян разделяется многими благомыслящими русскими помещиками, назвал ему в числе других и меня. Тут Карамзин и узнал о поданной нами бумаге и о участии моем в ней, потому что мы обязались держать попытку нашу в тайне, пока не последует на нее решительное высочайшее согласие. Генерал-адъютант Васильчиков, сперва подписавший эту бумагу, а на другой день отказавшийся от своей подписи, вероятно, был главнейшею причиною неудачи в деле, которое началось под счастливым знамением**.

Сим кончается пора моих блестящих упований. Вскоре после того политические события, омрачая горизонт Европы, набросили косвенно тень и на мой ограниченный горизонт. Государь приехал в Варшаву. Открылся второй Сейм. Он уже не был празднеством для Польши, ни торжеством для государя. Разными мерами, не расчетливою государственною пользою внушенными, привели польские умы в некоторое раздражение, поселили

---

* Примечание. Décordres qui leur seraient comme inhérents tandis qui etc., etc. (Беспорядки, которые им были как бы присущи, в то время как... и т. д. и т. д.) Говорил он по-французски. В этих последних словах был, вероятно, намек на противоположные мнения Карамзина. *(Примеч. Вяземского.)*

** Примечание. Посредником и, так сказать, докладчиком между нами и государем был Мих[аил] Сем[енович] Воронцов. Илар[ион] Вас[ильевич] Васильчиков объяснял свое отступление особенно тем, что он не отделенный сын при отце и потому не считает себя вправе вмешиваться в вопрос помещико-крестьянской. Записку нашу писал, вероятно, Николай Тургенев. *(Примеч. Вяземского.)*

в государстве недоверчивость. Поляками управлять легко, а особливо же русскому царю. Они чувствуют свое бессилие. С поляками должно иметь мягкость в приемах и твердость в исполнении. Они народ нервический и щекотливо-раздражительный. Наполеон доказал, что легко их заговаривать. В благодарность за несколько политических мадригалов, коими ласкал он ее самохвальное кокетство, Польша кидалась для него в огонь и в воду. Благомыслящие из польских либералов говорили мне, что поляки должны всегда иметь в виду, что царь конституционный в Польских преддвериях, император самодержавный дома в России. Эта истина была слишком очевидна и служит обеспечением. Но видно посредники между государем и Польшею поступали ошибочно: верно ли государь не хотел размолвки с нею, ни еще того вернее, она с ним, но между тем в речи государя при закрытии второго сейма размолвка огласилась и разнеслась с высоты трона по Европе, которая всегда радуется домашним ссорам в России, как завистливые мелкопоместные дворяне радуются расстройству в хозяйстве богатого и могущего соседа. Я был любим поляками, в числе немногих русских был принимаем в их дома на приятельской ноге. Но ласки отличнейших из них покупал я не потворством и не отриновением национальной гордости, напротив, в вопросах, где отделялась русская польза от польской, я всегда крепко стоял за первую и вынес не один жаркий спор по предмету восстановления старой Польши и отсечения России от областей, запечетленных за нами кровью наших отцов. Дело то, что, живя в Польше, не ржавел я в запоздалых воспоминаниях о поляках в Кремле или русских в Праге, а посреди современников и соплеменных я был с умом и душою открытыми к впечатлениям настоящей эпохи. Должно еще признаться, что мое короткое сношение с поляками казалось тем более на виду, что я был из числа весьма немногих русских в Варшаве, с которыми образованные из поляков могли иметь какое-нибудь сношение. Я всегда удивлялся равнодушию нашего правительства в выборе людей на показ перед чужими. Без сомнения, надежнейшая порука наша есть дубина Петра Великого, которая выглядывает из-за голов наших у европейских политиков: могущество может обойтись без дальнейшего мудрствования, но нравственное достоинство народа оскорбляется сим отречением от народной гордости. Самая палица Алкида была принадлежность полубога. Русская коло-

ния в Варшаве не была представительницею пословицы, что должно товар лицом продавать. В числе русских чиновников было мало лицообольстительных, и потому польское общество не могло обрусеть. Частные лица не содействовали мерам правительства и общежитие не довершало дела, начатого политикою. Эта разноголосица должна была иметь пагубные последствия. Не знаю, от сей ли связи моей с Польшею или от других причин, но судьба моя потускнела в одно время с судьбою Польши. Государь в это пребывание в Варшаве не удостоил меня ни раза своего личного внимания, хотя и был я награжден чином. На другой день отъезда его призвал меня к себе Новосильцев и рассказал мне следующее: «Вчера государь, прощаясь со мною, спросил у меня: «Не знаешь ли, что Вяземский имеет против меня? он во все время пребывания моего здесь бегал от меня, так что не удавалось мне сказать ему ни слова». Не знаю, что отвечал ему Новосильцев, но я из отзыва государя заключил, что я был обнесен государю и что он, не желая показать, что не дорожит мнением, которое ему обо мне внушили, и вместе с тем, не желая и меня оскорбить, может быть, напрасно, искал благоприятной уловки для соглашения двух противоречий. Государь поехал на Тропавский конгресс. И тут, если бы не канцелярские приписки, то, вероятно, судьба моя впоследствии не поворотилась бы так круто. Служба моя в Варшаве начинала быть очень не по мне. Поверив опытом предание, которому я прежде поработился суеверно, увидел я, что ни ум, ни совесть мои не могут подчиниться начальнику, избранному мною. Граф Каподистрия был ко мне хорошо расположен. Я стал просить его взять меня к себе из канцелярии Новосильцева, хотя на время Конгресса. Он, понимая мое положение, охотно согласился содействовать моим желаниям: говорил обо мне Новос[ильцеву], но ходатайство осталось без успеха, вероятно, по прежним канцелярским проискам. С Тропавского конгресса решительно начинается новая эра в уме императора Александра и в политике Европы. Он отрекся от прежних своих мыслей; разумеется, пример его обратил многих. Я (хотя это местоимение тут и очень неуместно, но должно же употребить его, когда идет дело обо мне) остался таким образом приверженцем мнения уже не торжествующего, но опального. Не вхожу в исследование, полезно ли было сие обращение или превращение господствующих мнений, но, кажется, нельзя обвинить меня, что я по совести своей

не пристал к новому политическому шизму. Нельзя не подчинить дела свои и поступки законной власти. Но мнения могут вопреки всех усилий оставаться неприкосновенными. Русская пословица говорит: у каждого свой царь в голове. Эта пословица не либеральная, а просто человеческая. Как бы то ни было, но положение мое становилось со дня на день затруднительнее. Из рядов правительства очутился я невольно и не тронувшись с места в ряду <противников его> будто оппозиции*. Дело в том, что правительство перешло на другую сторону. В таком положении все слова мои (действий моих никаких не было), бывшие прежде в общем согласии с господствующим голосом, начали уже отзываться диким разногласием. Эта частная несообразность; несозвучность была большинством выдаваема за мятежничество. С одной стороны, обнаруживалась нетерпимость и <гонение> преследование** нового обращения; с моей, признаюсь охотно, обнаруживался, может быть, излишний фанатизм страдальчества за гонимое исповедание. Письма мои, сии верные, а часто и предательские зерцала моей внутренней жизни, отражали сгоряча впечатления, коими раздражала меня моя внешняя жизнь. Письма мои с того времени находились под надзором: я узнал после, что некоторые места из оных были превратно, если не злоумышленно, перетолкованы. Часто многое из них оставалось и недоступно понятию тех, которым поручено было их читать. Нет сомнения, что его высочеству великому князю не было досужно читать все мои письма, а из канцелярии его как военной, так и гражданской, решительно не было ни одного человека, который мог бы понимать своенравный слог писем, написанных шутливо и бегло***. Но о свойстве моих писем и вообще о степени ответственности, которую можно определить частной переписке, буду говорить после. Письма в жизни других — эпизоды, у меня — они история моей жизни. Я поехал в Москву, тогда, как узнал после, был, по предписанию из Варшавы, предан особому и тайному**** надзору полиции. Тут вскоре поехал я в Петербург обратным

---

* Позднейшее исправление Вяземского.

** Позднейшее исправление Вяземского.

*** Примечание. Мне после говорили, что в[еликий] к[нязь], прочитав эти слова, сказал: «Хорошо Вяземский отделал канцелярию мою». *(Примеч. Вяземского.)*

**** Позднейшая вставка Вяземского.

путем в Варшаву, где хотел, устроив свои денежные дела, подать просьбу в отставку. Пред самым отъездом получил я письмо официальное или полуофициальное на французском языке и собственноручное от Новосильцева, в котором объявляет мне гнев государя императора. На меня пало два обвинения. Первое, что до сведения государя императора, в проезд его через Варшаву, доведено было, что в разговорах моих я горячо защищал мнения, произносимые в Палате французских депутатов теми из членов, коим приписываются все бедствия, постигшие Францию. Второе, что, выезжая из Варшавы, не явился я <за приказаниями> откланяться* к великому князю. В заключение сказано было, что государь, желая чтоб мнение чиновника, употребленного правительством, не было в разногласии с видами его и чтобы, с другой стороны, не подавал он примера неуважительности к особе его августейшего брата, запрещает мне въезд в Варшаву. В этих двух обвинениях оправдываюсь тем, что Франция не была тогда еще раздираема бедствиями революции, что обе партии, разделявшие и разделяющие и поныне палату депутатов и самые умы Франции, входили неизбежно в сущность стихии правления, существующего в ней, что сие тем доказывается, что часто король из среды нынешних противников министерства, и следовательно правительства, избирает своих завтрашних министров. Поэтому бескорыстным пристрастием к талантам той или другой стороны, в тяжбе французских мнений я никак не мог видеть русское преступление; впрочем, и самые разговоры мои о таких предметах не могли иметь никакой политической важности: они возникали и умирали в приятельских беседах. Не знаю, какою таинственною силою воскресили их из мертвых и поставили их против меня обвинительными привидениями. Что же касается до другого обвинения, то клянусь совестью, что никак не полагал обязанностью явиться к великому князю перед отъездом моим и не знал, что это в числе установленных обыкновений. Напротив, полагая, что все мои сношения с великим князем существуют только в силу его милостивого благорасположения ко мне, то, уже лишенный оного и чуждый ему по роду службы своей, я даже и не имел права, так сказать, насильственно поддерживать сии сношения, для него тогда уже неугодные. Письмо Новосильцева взволно-

* Позднейшее исправление Вяземского.

вало меня, хотя, отдам ему справедливость, и было <умерено> оно приправлено* выражениями его сожаления, что он лишается во мне чиновника, которого всегда уважал. Выше сказал я, что думал и прежде оставить Варшавскую службу, но мне казалось, что могли поступить со мной иначе. Неприятный великому князю, я, конечно, не мог быть оставлен в Варшаве, а государь император не мог колебаться в чувствах и выборе. Я должен был быть удален, но не изгнан позорно, когда дети мои и дела мои требовали присутствия моего, и весь дом мой еще был в Варшаве. Дождавшись возвращения моего, Новосильцев изъявил бы мне о воле государя, чтоб я переменил службу и местопребывание, и все бы обошлось без огласки. <Сие> Подобное** снисхождение ко мне тем было бы естественнее, что по самому письму Новосильцева видно, что не имели достаточного обвинения против меня, или имели такие, в которых не хотели сознаться. В первую минуту волнения написал я прошение на высочайшее имя об отставке моей из звания камер-юнкера. Сей крутой и необыкновенный разрыв со службою запечатлел в глазах многих мое политическое своеволие. Карамзин был тогда в Царском Селе, и император также. Я уведомил Карамзина о случившемся со мною, когда уже подано было мое прошение, и заклинал его об одном, не ходатайствовать за меня при государе. С свойственным ему благородством и нежным участием в судьбе близких его сердцу он просил у государя не помилования мне, но объяснения в неприятности, постигнувшей меня. Письмо Новосильцева не казалось ему достаточным, и он подозревал меня в утаении от него вины более положительной. Государь подтвердил с некоторыми развитиями то, что сказано было в письме, и прибавил, что, несмотря на то, я могу снова вступить в службу и просить, за исключением Варшавы, любого места, соответственно моему чину. Я упорствовал в своем намерении, вопреки советам и убеждениям Карамзина. Сим кончилось мое служебное поприще и началось мое опальное. Вот во всей истине мое варшавское приключение, которое и ныне еще упоминается мне в укоризну и придает какую-то бедственную известность моему имени, когда друзья мои говорят в мою пользу сановникам, знающим меня по одному слуху. Говорю только о сущности и официально-

* Позднейшее исправление Вяземского.
** Позднейшее исправление Вяземского.

сти моего приключения, а впрочем, до сей поры не знаю его прикладных подробностей; а в подобных делах тексты маловажны; вся важность в тайных пояснительных комментариях. Могу по крайней мере сказать решительно, что в поведении моем в Варшаве не было ни одного поступка предосудительного; в связях моих ничего враждебного и возмутительного против правительства и начальства. Я поддержал там с честью имя Русского, и, прибавлю без самохвальства, общее уважение ко мне и сожаление, что меня удалили из Варшавы, показывают, что я не был достоин своей участи и что строгая мера, меня постигшая, была несправедливостью частною и ошибкою политическою. Могу сослаться на письмо ко мне князя Зайончека, которого нельзя подозревать в невоздержанном либерализме. Я писал ему из Москвы по делу постороннему; он, отвечая на письмо мое, отзывался о моем пребывании в Варшаве и о сожалении, от своего имени и всех сограждан, что меня уже там нет, в выражениях самых лестных. С того времени я более жил в Москве и предался занятиям литературным. Эпиграммы мои, звание критика навлекли на меня недоброжелателей. Имя мое, оглашенное у правительства, показалось доступною поживкою людям, кои служат правительству, стараясь уверить его, что у него много противников. В новое доказательство тому, упомяну о следующем. Несколько дней после отставки моей государь, по обыкновению своему гуляя с Николаем Михайловичем Карамзиным в Царскосельском саду, сказал ему однажды: вот вы заступаетесь за князя Вяземского и ручались, что в нем нет никакой злобы, он на днях написал ругательные стихи на правительство. Карамзин, пораженный сим известием, сказал, что спорить не смеет, но, зная меня и мой характер, не может поверить, чтобы я именно в минуту оскорбления и огласки стал изливать свое неудовольствие в пасквилях. Государь обещал принести на другой день письменное доказательство и в самом деле показал Карамзину тщательно и красиво переписанные стихи, ему неизвестные, где выведено было сатирическое сравнение Петербурга с Москвою[2]. По счастию между прочими стихами, Карамзин встретил такие, которые отдельно давно были ему известны. Он сказал о том государю. Что же вышло? Государю представили за новые стихи, написанные мною лет за десять перед тем, и, следовательно, шалость моей первой молодости. Карамзин сказал тут государю, что в тот же день дело

объяснится, что он меня ждет из Петербурга к обеду, чтобы отпраздновать вместе день моего рождения, и спросит меня о стихах. Государь, по редкой черте добродушия и тонкой вежливости, просил Карамзина оставить это дело и не расстроивать радости семейного свидания неприятными впечатлениями. Промышляющие моими политическими мнениями начали промышлять и моею частною жизнью. Я знаю, что государь отзывался людям, которые ему говорили обо мне, с благонамеренностью, как о человеке не строгого и не трезвого жития*. Я никогда не любил ни ханжить, ни шарлатанить своими мнениями и нравами. Не почитаю себя вправе оспоривать у кого бы то ни было награды целомудрия, но решительно и гласно говорю, что и в самые молодые лета мои не бывал я никогда распутным и развратным. Любя заниматься по утрам, любил я всегда поздно обедать; ранние желудки некоторых московских бригадиров, знавши, что я иногда встаю со стола в седьмом часу вечера, люблю продолжать застольные разговоры за рюмкою вина, в кругу близких приятелей, не могли переварить моих поздних обедов и, вероятно, почли их попойками. Впрочем, после я также имел случай увериться, что государь был ко мне расположен благосклоннее. Убежден людьми мне близкими, просил я наконец у государя чрез Карамзина в случае ваканции вице-губернаторское место в Ревеле, который мне полюбился после лета, проведенного мною для морских купаний. Государь <мне обещал> приказал обещать мне** это место, когда оно упразднится. Если же государь и продолжал до конца быть <худого> не совсем хорошего*** мнения обо мне, то и это понимается. Последние годы царствования его были годами недоверчивости и опасений. Глухое роптание предвещало, что волнение назрело: подозрения его не были определительны и могли падать на меня наравне с многими другими, в особенности же после моей варшавской огласки. Но и в таком случае должен я признаться с благодарным уважением к его памяти, что и подозрение его было незлобно. С ходатайства Карамзина дал он сейчас высочайшее соизволение свое на покупку имения моего в казенное ведомство, когда он узнал, что я прошу

* Примечание. Кн. Зенеида Волконская, жившая тогда в Москве и с которою был я в приятельских сношениях, говорила государю с участием о моем московском житье-бытье. *(Примеч. Вяземского.)*

** Позднейшее исправление Вяземского.

*** Позднейшее исправление Вяземского.

о том, для устройства дел своих, пришедших в упадок. Как бы то ни было и на каком замечании я у правительства ни находился, но я не был тревожим в последние годы царствования покойного императора. 19-ое ноября 1825 года отозвалось грозно в смутах 14-го декабря. Сей бедственный для России день и эпоха кровавая, за ним следующая, были страшным судом для дел, мнений и помышлений настоящих и давно прошедших. Мое имя не вписалось на его роковые скрижали. Сколь ни прискорбно мне было, как русскому и человеку, торжество невинности моей, купленное ценою несчастия многих сограждан и в числе их некоторых приятелей моих, падших жертвами сей эпохи, но по крайней мере я мог, когда отвращал внимание от участи ближних, поздравить себя с личным очищением, совершенным самими событиями. Мне казалось, что я в глазах правительства отъявленный крамольник, бывший в приятельской связи с некоторыми из обвиненных и оказавшийся совершенно чуждый соумышления с ними, выиграл решительно свою тяжбу. Скажу без уничижения и без гордости: имя мое, характер мой и способности мои могли придать некоторую цену завербованию моему в ряды недовольных, и отсутствие мое между ими не могло быть делом случайным и от меня независимым. Это должно было переменить мнение обо мне[3]. По странному противоречию, предубеждение против меня не ослабло и при очевидности истины. Мне известно следующее заключение обо мне: отсутствие имени его в этом деле доказывает только, что он был умнее и осторожнее других*. Благодарю за высокое

---

* Примечание. Это сказал Блудову император Николай. Некоторые попытки, разумеется, весьма неопределенные и загадочные, были пущены на меня, но нашли во мне твердое отражение. Я всегда говорил, что честному человеку не следует входить ни в какое тайное общество, ne tut ce qui pour ne pas risquer de se trouver en mauvaise compagnie [Хотя бы для того, чтобы не очутиться в дурном обществе *(фр.)*]. Всякая принадлежность тайному обществу есть уже порабощение личной воли своей тайной воле вожаков. Хорошо приготовление к свободе, которое начинается закабалением себя. Une grande partie des sociétés secrètes se composent de beaucoup de niais, et de quelques ambitieux et malintentionnés [Большая часть тайных обществ состоит из множества глупцов и из нескольких честолюбцев и злонамеренных *(фр.)*].

Пропагандисты и вербовщики находили, между прочим, что я недостаточно ненавижу немцев и заключили, что от меня проку ожидать нечего.— Мне говорили после, что Якубович и Александр Бестужев были откомандированы в Москву, чтобы меня ощупать и испытать. Они у меня обедали. Разговор коснулся немцев в России. В продолжение споров я сказал наотрез, что не разделяю этих Lieux communs [общих мест], которые в ходу у нас. *(Примеч. Вяземского.)*

мнение о уме моем; но не хочу променять на него мое сердце и мою честь. В таких словах отзывается или неумышленность неведения, или эхо замысловатой клеветы. Нет, те, которые меня знают, скажут, что ни сердце, ни ум мой не свойства расчетливого и промышленного. Если я был бы хоть и <сокрытым> неизвестным* содействующим лицом в бедственном предприятии, то верно был бы налицо сотоварищей в несчастии. Ни в каком случае меня не пощадили бы: ни подсудимые, потому что они не пощадили никого, ни судии, потому что, еще того вернее, я не имел в них ни одного доброжелателя. Кстати о характерических отзывах, обо мне распускаемых, припомню еще один. Мне известно, что до правительства было доведено в последний мой приезд в Петербург слово, будто сказанное Александром Пушкиным обо мне: *вот приехал мой Демон!* Этого не сказал Пушкин или сказал да не так. Он не мог придать этим словам ни политический, ни нравственный смысл, а разве просто шуточный и арзамасский**, если только он и произнес их. (В Арзамасе прозвище мое Асмодей***.) Они не в духе Пушкина, ни в моем. По сердцу своему, он ни в каком случае не скажет предательского слова, по уму, если и мог бы он быть под чьим влиянием, то не хотел бы в том сознаться, а я ни чьим, а еще менее пушкинским соблазнителем быть не могу. Я был неосторожен, в мнениях своих заносчив, за себя, но везде, где только имел случай, умерял всегда невоздержанность других. Ссылаюсь на письма мои, которые столько раз бывали в руках правительства. Сюда также идет опровержение донесения, или просто лживого доноса, представленного нынешнему правительству о каком-то тайном, злонамеренном участии, или более направлении в издании *Телеграфа*. Не стану входить в исследование: может ли быть что-нибудь тайное, злоумышленное в литературном действии, когда существует цензура, мнительная, строгая и щекотливая, какова наша; скажу просто: я печатал сочинения свои стихами и прозою в Телеграфе, потому что по условию, заключенному на один год с его издателем, я хотел получить несколько тысяч рублей и таким оборотом заменить недоимки в оброке с крестьян наложением добровольной подати на публику. В этих несправедливых притязаниях, как

* Позднейшее исправление Вяземского.
** И арзамасский. (Позднейшая вставка Вяземского.)
*** Слова в скобках. (Позднейшая вставка Вяземского.)

и в последнем доносе на меня, также по поводу журнала мне неизвестного, который будто готовлюсь издавать под чужим именем, вижу одно гнусное беспокойство некоторых журналистов, позорящих деятельностью своею русскую литературу и русское общество... Они помнят мои прежние эпиграммы, боятся новых, боятся независимости моего прямодушия, когда предстоит мне случай вывесть на свежую воду их глупость или криводушие, боятся некоторых прав моих на внимание читающей публики, боятся совместничества моего для них опасного, и в бессилии своем состязаться со мною при свете дня, на литературном поприще, они подкопываются под меня во мраке свойственном их природным дарованиям и насущному ремеслу. Вот, однако же, тайные пружины, которые, так сказать, без ведома власти, настроивают гнев ее против гражданина, несмотря на преданность сих мнимых прислужников ее, конечно, более их достойного снисходительности и внимания правительства*. Не знаю, их ли злоба или злоба других, но направление ее в ударе, нанесенном мне в последнее время, достигло до высшей степени. В сообщении по высочайшей воле, доставленном от графа Толстого к князю Голицыну в Москву, по поводу журнала, о котором я не имел понятия, нанесены чести моей живейшие оскорбления. *Никто без суда не накажется*, а разве <обесчещение> обесчестить человека** не есть наказание, и тем тягостнее, когда оно негласно. Гласная справедливость носит в себе предохранительное и удовлетворительное <возмездие> противоядие, <которым прикрывает> которое спасает*** жертву ей подпавшую; но полугласность, как удар незримого врага, неизбежим и неотразим. Поносительное для меня отношение графа Толстого известно во многих канцеляриях. Разве такая оскорбительная полугласность не есть лютейшее наказание для человека, дорожащего своим именем? Судебным порядком я не мог подлежать наказанию. Следовательно, я был наказан без суда и без справедливости. И все это последствие отступлений от правосудия из какого источника истекает? Из корыстолюбия каких-нибудь подлых газетчиков, которые боятся, что новый газетчик отобьет у них подписчиков. Прави-

* Слова: «сих мнимых... правительства» — вписаны рукою Вяземского в период переписки «Исповеди» В. Ф. Вяземской в оставленное ею свободное место.
** Позднейшее исправление Вяземского.
*** Позднейшее исправление Вяземского.

тельство в таком случае поступает и вопреки благонамеренным видам, нарушениям общей справедливости, лицеприятными исключениями, и вопреки пользе просвещения, стесняя деятельность и совместничество умов*. Злоупотреблением имени моего наказан и издатель газеты предполагаемой, которому запретили ее издавать, думая, что он находится в каких-то сношениях со мною, когда я ни лица, ни имени его не знаю. В этом отношении еще замечу, что правительство, стесняя мои занятия литературные, лишает меня таким образом общего права пользоваться моею собственностью на законном основании. Такое нарушение справедливости не входит, без сомнения, в намерения правительства, но не менее того истекает из мер, им принимаемых. Что же касается до приговора, мне изреченного, не знаю, до какой степени имеют право позорить имя человека за поступки, не входящие в число ни гражданских, ни политических преступлений: заблуждения, в которых можно каяться духовному отцу, не подлежат расправе светской власти. Но как бы то ни было могу сказать решительно, что ни в каком отношении не заслуживаю выражений, употребляемых обо мне. *Развратная жизнь, недостойная образованного человека, предосудительность поведения, которое может служить к соблазну других молодых людей и вовлечь их в пороки*, суть обвинения такого рода, что примененные ко мне, они, без сомнения, возбудят негодование каждого честного человека, меня знающего, и сожаление, что правительство слишком легковерное к выдумкам клеветы основывает мнения свои о людях на подобных показаниях. Удивляюсь, что граф Толстой, хотя и был бы он в этом случае одним безусловным исполнителем, мог без всякой оговорки, без малейшей попытки объяснения подписать свое имя под таким поносительным приговором. Или нет в нем памяти, или должен он знать меня таким, каким знал в долгом пребывании своем в Москве. Он знал мои связи, смею сказать уважение, которым пользуюсь в обществе и которым обязан своему характеру, именно поведению своему, ныне его же рукой опятненному, а не блеску почестей или богатства, часто заменяющих в глазах света недостаток в качествах не столь случайных. Правительство лучше

* Слова: «И все это последствие... и совместничество умов» — написаны на нижнем поле как вставка в текст во время копирования документа.

моего знает, кто мои недоброжелатели и тайные враги: пускай велит оно исследовать, кого могу назвать в числе людей о мне благорасположенных и в числе друзей своих и <сею> этою поверкою надеюсь, убедится, что имею полное право равно гордиться и неприязнью одних и дружбою других*, которую умел я заслужить. Повторяю сказанное мною в письме к князю Голицыну в ответ на сообщенную мне бумагу графа Толстого. Я должен просить строжайшего исследования поведению моему. Повергаю жизнь мою на благорассмотрение государя императора, готов ответствовать в каждом часе последнего пребывания моего в Петербурге, столь неожиданно оклеветанного!

Ныне слышу уже, что обвинение меня в *развратной жизни* устранено, а говорят о каком-то письме моем или сочинениях моих, попавшихся в руки императора и коих содержание должно мне повредить. Обвинение обвинению <различно> рознь**. На обвинение в предосудительности нравов моих и поведения моего в Петербурге прошу и суда и ограждения меня вперед от подобной клеветы наказанием клеветников. Если обвинение падает на какое-нибудь мое сочинение, прошу объяснений и потребовать меня к ответу; если на мои письма, прошу выслушать мое оправдание[4]. Возмутительных сочинений у меня на совести нет. В двух так называемых либеральных стихотворениях моих: *«Петербург»* и *«Негодование»* отзывается везде желание законной свободы монархической и нигде нет оскорбления державной власти. Первое кончалось воззванием к императору Александру: писано оно было в Варшаве, вскоре после первого сейма. Тогда гласным образом ходило оно по Петербургу. Второе менее известно: я узнал после, что правительству донесено было о нем, но не знаю, было ли оному доставлено, но если ничего к нему не прибавили *добровольные издатели или предатели* (не editori, a traditori), то не боюсь заключений, которым оно даст повод. Писано оно было в Варшаве: в самую эпоху борьбы или перелома мнений, и, разумеется, должно носить оно живой отпечаток мнений, которым я оставался предан и после их падения. В разные времена писал я эпиграммы, сатирические куплеты на лица, удостоенные доверенности правительства, но в них ничего не было мятежного, а просто свет-

* Одних, других. (Позднейшая вставка Вяземского.)
** Позднейшее исправление Вяземского.

ские насмешки. Такие произведения не могут быть почитаемы за выражение целой жизни и служить вывеской человека; они беглые выражения минуты, внезапного впечатления, и отпечатление их на умы также есть минутное. Соглашаюсь, что в глазах правительства они должны казаться предосудительными и некоторым образом нарушают согласие, которое для общего благоденствия господствовать должно между правительством и управляемыми. Но в этом отношении прямодушное исследование обязано разборчиво отделить *проступок* от *преступления*, шалость ума от злоумышления сердца и не столько держаться *буквы*, сколько *духу*. Теперь приступаю к письмам моим, единственному обвинительному факту в тяжбе моей, который не могу опровергнуть и в котором должен прямодушно оправдываться. Письма мои должны разделиться на два разряда, согласно с двумя эпохами жизни моей: службы и отставки. Невоздержанность письменных моих мнений во время службы непростительна. Такого свойства оппозиция у нас, где нет законной оппозиции, есть и несообразность и даже род предательства. Это походит на действие сатира, который в одно время дует холодом и теплом. Гласно служить правительству, и следовательно, <даешься> предать себя орудием в его руки, а под рукою, хотя и без злоумышления, <действуешь>* действовать против него во всяком случае не благовидно**. В случаях противоречия кровным мнениям своим и задушевным чувствам с званием, с обязанностями, на себя принятыми, должно по возможности принести покорное сознание правительству или оставить службу. Следовательно, в этом отношении я был виноват: правительство какими способами бы то ни было поймало меня en flagrant-délit***, и я должен нести наказание вины моей. Это не сомнительно в глазах холодного и строгого суда, но есть справедливость, которая выше правосудия. Теперь для нравственного исследования предосудительности моих писем должно бы подвергнуть их сполна не одностороннему рассмотрению, взвесить на весах беспристрастия те мнения и выражения, которые могут быть ходатаями за меня, судить о всей переписке моей, как будут судить о всей жизни человека на страшном суде, а не так, как судит инквизиция по от-

---

* Два позднейших исправления Вяземского.

** Последние пять слов позднейшая вставка Вяземского.

*** На месте преступления *(фр.)*.

дельным поступкам, по отрывкам жизни, составляющим в насильственной совокупности уголовное дело, тогда как в целом порочность сих отрывков умеряется предыдущими и последующими. Должно бы обратить внимание на время, в которое писаны были сии письма, и может быть волнение, в них отзывающееся, отголосок тогдашней эпохи, отпечаток тогдашнего перелома и раздражения, оправдается самою сущностью событий. В другом отношении моей переписки, кажется, предстоит мне более способов к оправданию. Со времени моей отставки, не принадлежащий уже к числу исполнителей правительственных мер, я полагал, что могу свободнее судить о них. К тому же, что есть частное письмо? Беседа с глазу на глаз, род тайной исповеди, сокровенных излияний того, что тяготит ум или сердце. Когда исповедь <становится> может становиться* делом? Тогда, когда открывает она умысел, готовый к исполнению. Но если исповедь ограничивается одними мнениями, одними впечатлениями преходящими, как и самые события, то можно ли искать поводов к ответственности в сей исповеди, так сказать, не облеченной в существенность! Должно еще смотреть на лица, к кому письма написаны? Если они выказывают намерение действовать на эти лица или через них на другие и на общее мнение, если они в некотором отношении род поучений, разглашений, то предосудительность оных размеряется целью, на которую они метят. Но если письма, хотя и содержания неумеренного, надписаны к людям, коих лета, мнения, положение в обществе уже ограждают их от постороннего влияния, если они писаны к близким родственникам, к жене, то всякое злонамерение в писании оных не устраняется ли самою очевидностью? Одно нарушение тайны писем, писанных не для гласности, составляет их вину и определяет меру их ответственности; но нарушение оным совершается против воли писавшего: как же может он за них ответствовать? В таком случае если допустить нарушение тайны, то должно добросовестно судить о перехваченных письмах, и в таком случае могут служить признаком прямодушной, хотя и неуместной откровенности, должно видеть в них иногда игру ума, склонного к насмешке, иногда игру желчи или раздражения нервов, невинный свербеж руки. Не заключить ли о них, о благородстве того, кто пишет, и не признать ли их залогами его добросовестности и доверен-

* Позднейшее исправление Вяземского.

ности, которую заслуживает его характер?[5] Я знал, что правительство имеет в руках своих частные письма, знаю, что мои чаще других попадаются ему, что я от них пострадал, а между тем продолжаю подавать орудие на себя. Что же это доказывает? Что я по совести своей убежден, что в письмах, каковы мои, нет преступления, что, чистый в побуждениях своих, я не забочусь о истолкованиях и превратных заключениях, к которым сии письма могут подать повод. Это неосторожно, но не преступно. Главная предосудительность сего поступка заключается в том, что кажусь своевольным и будто с намерением вызывающим на себя неудовольствие правительства, что не щажу лиц, к которым пишу, и вообще своих приятелей, на коих может падать некоторая ответственность за связи со мною. Такие соображения должны внушить невыгодное мнение о неосновательности моей, легкомыслии и вообще повредить достоинству характера, которое каждый человек обязан соблюдать ненарушимо и свято. Сознание в сем отступлении от обязанностей своих может послужить залогом, что впредь не буду преступать их. Затворю к себе окно, из которого выглядывала невоздержанность слов моих в наготе на соблазн прохожих. Что нет собственно порочной невоздержанности в побуждениях и намерениях моих, кажется, достаточно доказано всею исповедью моею, приносимою ныне в виде покаяния и оправдания. В свою защиту прибавлю еще одно замечание, в изустной речи более непосредственного действия на внимание и круг действия обширнее: нет сомнения, что нашлось бы против меня столько же, если не более обличительных ушей, сколько нашлось обличительных глаз; но, сколько мне известно, речи мои не бывали обращаемы орудием на меня. Следовательно, я не искал никогда славы быть проповедником, провозгласителем своих мнений, хотя и знаю, что каждое слово изустное имеет тысячу эхов и между тем неуловимо, тогда как письменное слово действует одновременно на одно лицо и воплощается только тогда, когда предательскою силою может погубить вас. Признаюсь, однако же, иногда в письмах своих дозволял себе и умышленную неосторожность. В припадках патриотической желчи, при мерах правительства не согласных, по моему мнению, ни с государственною пользою, ни с достоинством русской нации[6], при назначении на важные места людей, которые не могли поддерживать <возвышенное бремя> высокого и тяжкого бремени, на них <возложенное> возложен-

ного*, я часто нарочно передавал сгоряча письмам моим животрепещущее соболезнование моего сердца: я писал часто в надежде, что правительство наше, лишенное независимых органов общественного мнения, узнает, перехватывая мои письма, что есть, однако же, мнение в России, что посреди глубокого молчания, господствующего на равнине нашего общежития, есть голос бескорыстный, укорительный представитель мнения общего. Признаюсь, мне казалось, что сей голос не должен пропасть, а может возбудить чуткое внимание правительства. Пускай смеются над <сим> моим** самоотвержением бесплодным для общей пользы, над сим добровольным мученичеством донкихотского патриотизма, но пускай также согласятся, что если оно не признак расчетливого ума, то по крайней мере оно несомненное выражение чистой совести и прямодушного благородства. Могу утвердительно сказать, что все мнения мои, самые резкие, были отголосками общего мнения, то есть в известной честной среде*** они имели невыраженный, но не менее того в существе своем гласный отголосок в общем мнении****. Никогда, никакое чувство злобное, никакая мысль предательская, не омрачала моей нравственной жизни. В минуты досады, грустного разуверения в своих надеждах я мог, *по авторской своей раздражительности*, выходить из границ должного благоразумия и должного хладнокровия. Легко судить меня по письмам: но чем же я виноват, что Бог назначил меня быть грамотным, что потребность сообщать и выдавать себя посредством дара слова, или, правильнее, дара письменного, пала мне на удел в числе немногих из русских. Не мудрено, что те, к которым пристал стих Пушкина (а у нас их много): нигде *ни пятнышка чернил*, не замарали совести своей чернильными пятнами и что мои тем более на виду. Верю, что отблески мыслей должны казаться кометами в общем затмении русской переписки, в общем оцепенении умственной деятельности. Но неужели равнодушие есть добродетель, неужели гробовое бесстрастие к России может быть для правительства надежным союзником? А где есть живое участие, где есть любовь, там должны

---

* Позднейшее исправление Вяземского.

** Позднейшее исправление Вяземского.

*** Шесть последних слов позднейшая вставка Вяземского.

**** Слова «они имели... общем мнении» отмечены Вяземским карандашом.

быть и увлечение* и раздражительность? Мелкие прислужники правительства, промышляющие ловлею в мутной воде, могут, подтрушивая, ему передавать сплетни и отравлять их ехидною примесью от себя. Но правительство довольно сильно и должно быть довольно великодушно, чтоб сносить с благодарностью даже несправедливые укоризны, если они внушены прямодушием.

Кажется, сим может ограничиться моя исповедь: я высказал себя всего. Теперь правительство пускай ищет меня здесь, а не в неверных и отрывчатых изображениях, доныне ему известных. Если я хотел бы написать просто оправдание, адвокатную защиту себе, то, без сомнения, мог бы написать ее в ином виде, с большим искусством, с единым направлением к цели: оправдать себя. Чувствую, что и здесь многое из сказанного мною может подать повод к подтверждению заключения обо мне уже состоящего. Но я сказал выше, я всегда имел отвращение от шарлатанства и ханжества. Не хотел даже невинно притворствовать в этом случае. Говоря о том, что было, изъясняя себя, я должен был переноситься в мысли, которые мне тогда были свойственными, а не искать в риторических уловках противоречия самому себе, когда совесть моя не нуждалась в этом притворстве. Мне хотелось написать эту записку, как пишу свои письма, с умом на просторе, с сердцем наголо. В ней, так сказать, зеркало моей жизни, моих мнений, моей переписки, но зеркало не разбитое, не искривленное злонамеренностью. Надеюсь на беспристрастие моих судей, прошу их благоприятно или нет, но судить обо мне по этому изображению.

Еще одно слово. Мое устранение от службы, бездействие в приискании случая быть принятым в оную, после попытки моей, сделанной в Петербурге, и лестного отзыва[7], сообщенного мне генералом Бенкендорфом от имени государя, может навести подозрение на искренность желания моего быть совершенно очищенным во мнении правительства. Ссылаюсь на письмо мое к генералу Бенкендорфу, прося тогда быть употребленным при Главной квартире действующей армии или по какой-нибудь части отдельной, входящей в состав предстоящих дел, я был побуждаем не одним честолюбивым умыслом: нет, но лета, семейные обстоятельства, ограниченность моего состояния препятствуют мне в свободном избрании службы. Штатные места у нас доставляют малое жалова-

---

* И увлечение — позднейшая вставка Вяземского.

нье, а служба, требующая постоянного пребывания в городе, неминуемо вовлекает в новые расходы: служба по одному из министерств вынудила меня переселиться со всем семейством в Петербург, и тут также встречаю упомянутое неудобство. В мои лета, с непривычкою к службе практической тяжело было бы привыкать к ней, уединясь в каком-нибудь губернском городе: такая школа могла бы скорее отучить от службы, чем приохотить к ней. Зная, на что я гожусь и на что неспособен, мог бы я по совести принять какое-нибудь место доверенное, где употреблен бы я был для редакции, где было бы более пищи для умственной деятельности, чем для чисто административной или судебной. Я когда-то сказал о себе: «я думаю, мое дело не действие, а ощущение. Меня должно держать как комнатный термометр, который не может ни нагреть, ни освежить покоя, но никто скорее и вернее не почувствует настоящей температуры». Могу применить это наблюдение о себе и к службе моей: я не хотел бы по крайней мере на первый раз быть действующим лицом, в какой бы то ограниченной части ни было, а просто лицом советовательным и указательным, одним словом, хотел бы я быть при человеке истинно государственном служебным термометром, которым мог бы и ощущать и сообщать. Могу отвечать за подвижность моей ртути, она не знала бы застоя. Беда вся в том, что у меня ее слишком много и что мой термометр не привилегированный. Впрочем, для устранения всякого подозрения обо мне, для изъявления готовности моей совершенно себя очистить во мнении я готов принять всякое назначение по службе, которым правительство меня удостоит*.

---

* Эта записка по приказанию императора Николая была препровождена к цесаревичу в Варшаву. В Петербурге она, кажется, не произвела никакого действия на тех, для которых она писана. В Варшаве, вероятно, было другое. Вполне ли она прочитана была великим князем или нет, неизвестно. Но дело в том, что вскоре после того кн. Александр Федорович Голицын, приехавший из Варшавы в Москву и мало мне тогда знакомый, начал разными обиняками говорить мне, что ему известно, как желал бы цесаревич иметь письмо от меня, дабы мог он содействовать возвращению моему на службу. При всей заносчивости в[еликого] к[нязя] он имел много прямоты и благородства. Ознакомившись несколько с моею запискою, он мог убедиться, что я не так *черен,* каковым кажусь некоторым господам. Легко статься, что он почувствовал, что слишком порывисто подействовал на судьбу мою. Как бы то ни было возобновлению сношений моих с ним и письму его к государю обо мне обязан я поступлением моим снова на службу. *(Примеч. Вяземского.)*

КОММЕНТАРИИ

В настоящий сборник вошли записные книжки П. А. Вяземского, служившие дневниками, а также два его автобиографических опыта — «Автобиографическое введение» к Полному собранию сочинений и «Записка о князе Вяземском, им самим составленная».

Тексты книжек, а также «Записка...» печатаются по изд.: Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848).— М., 1963. (По этому изданию даются и переводы иноязычных текстов.) «Автобиографическое введение» — по изд.: Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского.— Т. I.— Спб., 1878.— С. L—IX. Тексты книжек частью заново сверены с оригиналами.

Сохранены существенные особенности авторской орфографии и пунктуации; названия городов и учреждений, личные имена не приводятся в соответствие с современной нормой и не унифицируются. Зачеркнутое Вяземским заключено в угловые скобки. Восстановленные слова или части слов и другие дополнения к тексту — в прямых скобках.

При комментировании использованы комментарии В. С. Нечаевой к указанному изданию записных книжек Вяземского.

В комментариях приняты следующие сокращения:

АбТ — Архив братьев Тургеневых.— Спб.; Пг., 1911—1921.— Вып. 1—6.

Акад.— Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— Т. 1—16.— М.; Л., 1937—1949.

Вяземский — Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского.— Т. I—XII.— Спб., 1878—1888.

Вяземский-1935 — Вяземский П. А. Избр. стихотворения.— М.; Л., 1935.

Вяземский-1958 — Вяземский П. А. Стихотворения.— Л., 1958.

Вяземский-1982 — Вяземский П. А. Соч.: В 2 т.— М., 1982.

Вяземский-1986 — Вяземский П. А. Стихотворения.— Л., 1986.

Гиллельсон — Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество.— Л., 1969.

Записные книжки — Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848).— М., 1963.

Звенья — Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства общественной мысли XIX века.

ЛН — «Литературное наследство».

ОА — Остафьевский архив Вяземских.— Спб., 1899—1913.— Т. 1—5.

Переписка — Переписка А. С. Пушкина: В 2 т.— М., 1982.

РА — «Русский архив».

ДНЕВНИКИ

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1107, лл. 1—45. На наклейке и внутренних верхней и нижней сторонах обложки — записи рукою Вяземского (Записные книжки.— С. 399).

[1] Эпиграммы опубликованы Вяземским в «Полярной звезде» 1823 года (с. 84, 87) с заменой в первом тексте «Дамон» на «Критон» и с исключением третьего стиха во втором.

[2] Далее следует одна не заполненная текстом страница.

[3] Ср.: ОА.— Т. I.— С. 114—115 письмо Вяземского к А. И. Тургеневу из Варшавы от 24 августа 1818 г.

[4] Записи о Величке Вяземский опубликовал в «Литературной газете» 1830 года (Ч. I.— № 30.— С. 243), подвергнув стилистической правке и дополнив.

[5] Под Подольском Московской губернии находится Остафьево, имение князей Вяземских.

[6] На полях против этого места запись рукою А. И. Тургенева: «Прошу выписать мне непременно проэкт его о жидах».

[7] После записей о поездке в Краков Вяземский оставил несколько страниц чистыми, вероятно предполагая расширить записи по памяти, однако заполнил эти страницы только в последующие годы (Записные книжки.— С. 401). Хронологически следующей записью, как указала В. С. Нечаева, был текст первого наброска стихотворения «Петербург». Часть текста стихотворения Вяземский напечатал в «Полярной звезде» 1824 года (с. 256). См. также: Вяземский-1935.— С. 137—141, 487—488; Вяземский-1982.— Т. I.— С. 85—88, 392—394; Вяземский-1986.— С. 464—465.

[8] Данная редакция стихотворения является самой ранней. Следующий этап работы над текстом отражает список, опубликованный В. С. Нечаевой в 1935 г.: Вяземский-1935.— С. 137—141. В изд. Вяземский-1958, с. 111—114 опубликовано с учетом позднейшей авторской правки.

[9] Заключительная строфа стихотворения Вяземского «Море», написанного в Ревеле летом 1826 г. Опубликовано в «Северных цветах» (1828.— С. 18). Текст в «Записной книжке» и в «Северных цветах»

несколько отличается от текста в письме к Пушкину (см.: Переписка.— Т. I.— С. 248—251).

[10] Черновые наброски, возможно, связанные с работой Вяземского над текстом «Моря».

[11] Стихотворение вписано В. Ф. Вяземской с некоторыми поправками, сделанными П. А. Вяземским. В. С. Нечаева относит стихотворение «к началу «опального житья» Вяземского в Остафьеве (1821—1829) » (Записные книжки.— С. 402).

[12] Записи рассказов И. И. Дмитриева сделаны, по-видимому, после отставки Вяземского в Москве.

[13] Об этой поездке см.: ОА.— Т. I.— С. 164—166 (письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 6 декабря 1818 г.), с. 171 (письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 13 декабря 1818 г.).

[14] Общество шубравцев было основано в Вильне в 1816 г., закрыто по распоряжению правительства — в 1822 г.; шубравцы издавали «Уличные известия». В 1820 г. Томаш Зан и другие какое-то время ориентировались на опыт шубравцев, создавая свое общество «променистых» («лучистых»), однако сближения не произошло.

[15] См. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 20 декабря 1818 г. из Минска о работе Новосильцева с царем, уезжавшим в тот день в Петербург (ОА.— Т. I.— С. 178).

[16] «Мне хочется видеть движение жизни в русском теле...» — писал Вяземский к А. И. Тургеневу 3 июля 1822 г., объясняя смысл поездки. (ОА.— Т. II.— С. 269). См. также: ОА.— Т. II.— С. 271.

[17] Зябловский Е. Ф. Новейшее землеописание Российской империи. Ч. I.— 2 изд.— Спб., 1818.— С. 292.

[18] Речь идет об истории любви Пьера Абеляра (1079—1142) к Элоизе. Влюбленные тайно обвенчались, но были вынуждены уйти в монастырь.

[19] Пушкин В. Стихи. Проза. Письма.— М., 1989.— С. 157 («Опасный сосед»).

[20] Далее следуют 16 страниц выписок из книги М. Ф. Фора «Париж. Воспоминания о Севере, или Война, Россия и русские, или рабство». (Париж, 1821) и приводимые ниже записи об отправленных письмах (подробнее см.: Записные книжки.— С. 404—405).

[21] После записи писем автографы стихотворений Е. А. Баратынского «Откуда взял Василий Непотешный...» и «Хотите ль знать все таинства любви...» (см.: Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы.— М., 1982.— С. 361.), записи рукою В. Ф. Вяземской о болезнях детей и хозяйственные, о покупках, рукою П. А. Вяземского о денежных расходах (Записные книжки.— С. 406). Последние помечены «12 декабря» (1827).

[22] Вяземский выехал из Москвы в с. Мещерское к семье 12 декабря 1827 г., о чем накануне писал к А. И. Тургеневу (ОА.— Т. III.— С. 169).

[23] См.: Броневский В. Б. Записки морского офицера, в про-

должении кампании на Средиземном море, под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, от 1805 по 1810 год.— Ч. II.— М., 1819.— С. 186—196.

[24] Ср.: Лубяновский Ф. П. Воспоминания//РА.— 1872.— С. 519—522. Сопоставление «происшествия» с 14 декабря весьма показательно. Ср. запись от 4 декабря 1830 г. в восьмой записной книжке: «Подпрапорщики не делают революции, а разве производят частный бунт. 14 декабря не было революциею».

[25] Ж.-М. Шопен переводил на французский язык сочинения Пушкина, Державина и других русских поэтов. Вслед за упоминанием о нем следует запись о расходах в Мещерском и приводимые ниже данные о переписке за январь — май 1828 г. (Мещерское, Москва).

[26] Далее следует «Счет деньгам, издержанным в Петербурге со дня приезда 27-го февраля» и в том числе запись: «18 апреля 1828 г. Преполовенье. Григорий Рубцов. Корабельное коммерческое училище».

[27] Далее две страницы хозяйственных записей рукою В. Ф. Вяземской. Там же нижеследующая запись рукою Вяземского.

[28] Далее несколько строк рукой неустановленного лица.

[29] Далее — рука Вяземского.

[30] Запись использована Вяземским в книге о Фонвизине (глава VI). Далее следуют выписки из писем Гиббона, также использованные в книге о Фонвизине. См.: Записные книжки.— С. 409.

КНИЖКА ПЯТАЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1109. На наклейке на верхней крышке переплета — надписи, сделанные неустановленными лицами: «Вяземский кн. П. А. Записная книжка 1825, 1826, 1827» и «(Муравьев Сергей)». На первой странице книжки рисунок карандашом.

[1] *Екатериненталь* — предместье Ревеля, куда Вяземский приехал 6 июля 1825 г. и где оставался до 18 августа (ОА.— Т. V.— Вып. I.— С. 52—89). Нарвский водопад находится в полутора верстах от Нарвы Петербургской губернии, на реке Нарове.

[2] 4 августа 1825 г. Вяземский отправляет текст стихотворения к Пушкину (Акад.— Т. XIII.— С. 199—201; Переписка.— Т. I.— С. 212—216). Текст в записной книжке — более ранняя редакция стихотворения по сравнению с посланной Пушкину. Пушкин сделал целый ряд замечаний, указав на неточность «некоторых выражений» (Акад.— Т. XIII.— С. 209—210; Переписка.— Т. I.— С. 218—220). Вяземский возражал и основных замечаний не принял, как это видно из отданного им в «Северные цветы на 1826 год» (с. 63) доработанного варианта стихотворения.

[3] Этот стих был использован Вяземским в стихотворении «Море» (1826).

[4] Выписки из «Revue Encyclopédique» (1825.— № 1). Первые цита-

ты — из статьи Сисмонди «Обозрение деятельности и прогресса народов за последние двадцать пять лет» (с. 34). Далее — название книги, рецензия на которую А. Тайландье помещена на с. 55—67 журнала. Затем Вяземский выписал заглавия следующих изданий: «Satire di SalvatoreRosa» («Сатиры Сальватора Розы»).— Londres, 1823; «La Bastonnade et la Flagellation pénales, considérées chez les peuples anciens et chez les modernes», par M. le comte Lanjuinais («Наказание палками и бичеванием у древних и современных народов». Соч. графа Ланжюине»). Paris, 1825. Далее Вяземский выписал из рецензии на поэму, посвященную Казимиру Делавиню, несколько стихов из этой последней (с. 208—209 журнала). Затем записано заглавие книги В. Боттенштеттена «L'Homme du Midi et l'homme du Nord ou L'influence du climat», рецензия на которую помещена на с. 141—143 журнала. В заключение следуют замечания и выписки в связи с изданием: «Byron, écrit pendant le séjour de l'auteur à Pise, avec le noble lord dans les années 1821 et 1822» («Южанин и северянин, или влияние климата»; «Байрон, написано во время пребывания автора в Пизе вместе с благородным лордом в 1821—1822 гг.»). Подробнее см.: Записные книжки.— С. 414.

[5] Байрон. «Чайльд Гарольд», песнь III, строфа XCVII.

[6] В Ревеле Вяземский встретил «семейство Сергея Львовича (Пушкина) без сыновей». 12 августа он послал текст стихотворения к жене (ОА.— Т. V.— Ч. I.— С. 85, 86). С некоторыми переделками стихотворение напечатано в «Северных цветах на 1826 год» (с. 3). 4 августа Вяземский писал к Пушкину: «Здесь есть и Льва Сергеича сестра, милое, умное, доброе создание, с которою видимся раз десять в день и говорим о племяннике Василья Львовича» (Акад.— Т. XIII.— С. 199). Об отношении к Вяземскому Ольги Сергеевны некоторое представление дает ее приписка к письму Вяземского к Пушкину от 31 июля 1826 г. из Ревеля (Акад.— Т. XIII.— С. 290).

[7] Начало стихотворения с некоторыми изменениями опубликовано было в «Северных цветах на 1826 год» (с. 108).

Здесь кончаются записи Вяземского 1825 года (есть еще страница с записями расходов с 7 июля по 3 сентября 1825 г.). К пятой книжке Вяземский вернулся через год, когда вновь приехал в Ревель с семьей Карамзина (выехал из Петербурга 13 июня и оставался в Ревеле до 4 сентября). Перед записью об Ивановом дне — перечень расходов, помеченный 25 июня 1826 г.

[8] Ср.: Северные цветы на 1829 год.— С. 218, 219; Вяземский.— Т. VIII.— С. 18—19.

[9] Выражение «яркие заплаты» Пушкин употребил в 1824 г. в «Разговоре книгопродавца с поэтом».

[10] Указ о И. В. Шервуде последовал 1 июня 1826 г. См.: Шильдер Н. Николай I, его жизнь и царствование.— Т. I.— Спб., 1903.— С. 450.

[11] Вяземский предлагает заменить «верный» на «скверный». Необходимость «разрешить... ошибку правописания» связана с тем, что первое из этих слов писалось через ять, второе — через е.

[12] Граф Г. В. Орлов издал два тома басен Крылова в Париже в 1825 г. См.: Бычков А. Ф. О баснях Крылова в переводах на иностранные языки//Сборник II-го Отделения императорской Академии наук.— Т. VI.— Спб., 1869.— С. 271.

[13] Последняя фраза не закончена и за нею следуют полстраницы чистых.

[14] Письмо Вяземского к А. И. Тургеневу связано с решением Н. И. Тургенева остаться за границей.

[15] Галилеем Вяземский называет Карамзина, скончавшегося 22 мая 1826 г.

[16] 13 июля были казнены пятеро декабристов. В этот же день царь подписал манифест по случаю приговора Верховного уголовного суда и окончания дела.

[17] См.: Шильдер Н. Николай I, его жизнь и царствование.— С. 684, 699—700.

[18] Две следующие страницы книжки не заполнены.

[19] Вяземский имеет в виду «Историю Наполеона и великой армии в 1812 году» Ф.-П. Сегюра, первым изданием вышедшей в 1824 г. Книги Мервиля и Б.-Ж.-Э. де ла Виль де Ласепеда вышли в Париже в 1826 г.

[20] Английское издание «Итальянца» Анны Радклиф вышло в свет в 1797 г. Русский перевод появился в 1802—1804 гг. Вяземский читал, можно думать, французский перевод этого романа и книг Гете и Вальтер Скотта, упоминающихся ниже.

[21] Вяземский отвечает на письмо Жуковского из Эмса, полученное 30 июля (ОА.— Т. V.— Вып. II.— С. 65). Об отправленном своем письме к Жуковскому Вяземский сообщал А. И. Тургеневу 11 августа (АбТ.— Т. I.— С. 37).

[22] Далее одна страница оставлена чистой.

[23] Первый стих трагедии Вольтера «Заира» (1732).

[24] Далее — небольшой список книг о Байроне (Записные книжки.— С. 418).

[25] Это последняя ревельская запись. Ср.: ОА.— Т. V.— Вып. II.— С. 76. В Москву, намеренно опоздав на коронацию Николая, Вяземский приехал около 20 сентября, выехав из Ревеля 4 сентября. Вяземский упоминает роман австрийской писательницы Каролины де Грейнер Пихлер (1769—1843), известный ему во французском переводе (Париж, 1824). Второй том «Мемуаров» Сегюра вышел в Париже в 1827 г.

[26] Выписка из письма А. И. Тургенева напечатана в ОА (Ч. III.— С. 164—165). Речь идет, в частности, о книге Иванчина-Писарева «Дух Карамзина, или Избранные мысли и чувствования сего писателя» (Ч. 1—2.— М., 1827).

[27] См.: Лунин М. С. Письма из Сибири.— М., 1988.— С. 27, 53, 393—394.

[28] См.: Стихотворения Василия Пушкина.— Спб., 1829.— С. 25; Пушкин В. Стихи. Проза. Письма.— С. 40.

[29] Эти выписки связаны с преследованием журнала «Будущее», издававшегося в 1830—1832 гг. Ламеннэ, Лакордером и другими. Журнал был закрыт по требованию папы римского.

[30] Этим записям предшествуют шесть страниц, оставленных чистыми.

КНИЖКА ШЕСТАЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1112. Публикуемый текст в книжке предваряют некоторые записи, сделанные рукою П. А. Вяземского и В. Ф. Вяземской (см.: Записные книжки.— С. 420).

[1] Перечень стихотворений вписан рукою П. А. Вяземского с добавлениями В. Ф. Вяземской. Он связан с планами Вяземского по изданию своего собрания, зародившимися еще в Варшаве (см.: ОА.— Т. I.— С. 277). Далее — запись Вяземского: «Плетневу о собрании моих сочинений».

[2] Далее мелкие выписки на французском языке (некоторые из них с русским переводом) из Вольтера, Шамфора, Лебрена, Грекура, Арно, Дидро, Шатобриана, Биньона, Беньера, Леблана и др., копии стихотворений Жуковского «Узник мотыльку, влетевшему в его темницу. Подражание Мейстеру» и «Адельстан. Баллада. Перевод с английского» (рукою В. Ф. Вяземской). Стихотворениям Жуковского в книжке предшествуют записи некоторых стихов Хераскова, лингвистические заметки и выписки о финском, латышском и эстонском языках и «Красоты Хвостова», собрание цитат из стихотворений гр. Д. И. Хвостова.

[3] В с. Мещерское Саратовской губернии Вяземский выехал летом 1828 г. В конце 1828 г. он возвращается в Москву и в начале 1829 г. вновь уезжает в Мещерское.

[4] «Смерть (Подражание А. Шенье)» (1828) Баратынского было напечатано в «Северных цветах на 1829 год» (с. 46), его же «К ним» («За что служу я вашей злобе целью») — в «Литературной газете» 1830.— № 5.— С. 36. Письмо Вяземского к А. И. Тургеневу сохранилось (см.: Вяземский-1935.— С. 204, 502—503).

Далее следуют записи об отправленных письмах за март — июнь 1829 г. Письмо к Пушкину (по предположению В. С. Нечаевой — Александру Сергеевичу) неизвестно.

[5] Письмо к Александру Гумбольдту списано В. Ф. Вяземской. Гумбольдт был в Москве в конце мая и в начале ноября 1829 г. Вяземский цитирует в письме книгу Гумбольдта «Чрез степи и пустыни» (1808).

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1111. На первой странице: «Мещерское, 18 апреля 1829 г.». Следующие 11 страниц заняты выписками из французских журналов, а также Шекспира и Метьюрина. Неизвестным вписан текст стихотворения «На прощанье К[нязю] В[яземскому]», подписанного «Б. Р.» и датированного «Мещерское 20 сентября 1829». Краткий обзор содержания выписок см.: Записные книжки.— С. 425.

[1] О деле сектантов с. Копены см.: Пругавин А. С. Самоистребление (Проявление аскетизма и фанатизма в расколе): Очерки, аналогии и параллели//Русская мысль.— 1885.— № 2.— С. 136—143.

[2] Вслед за этим в книжке краткая запись по поводу рецензии на книгу Сегюра «История России и Петра Великого» в «Ревю франсез» (1829.— № IX.— С. 1—32: «О Карамзине — сомнение о Новгороде.— о Иоанне третьем» (см. с. 7—9, 11—14, 17 рецензии). Далее — выписка из того же номера журнала из статьи «Об исландской литературе» и др.

[3] Названная Вяземским статья помещена в том же IX номере «Ревю франсез» 1829 года (см. с. 258, 265). Слова о Сперанском принадлежит Вяземскому. Далее следуют выписки из Э. Аллетца, А. Гумбольдта, Ш. Дюклера, Ламартина и Гюго.

[4] Ср. письмо Вяземского к жене от 26 мая (Звенья.— Т. 6.— С. 258—259).

[5] В письмах от 6 и 7 июня 1830 г. (Звенья.— Т. 6.— С. 266—269).

[6] Имеется в виду «Введение» к биографии Фонвизина, которое обещал напечатать в Париже А И. Тургенев (ОА.— Т. III.— С. 195—196, 203).

[7] Ср.: Девятнадцатый век.— Ч. II.— М., 1872.— С. 288—289.

[8] В «Литературной газете» (№ 35.— 20 июня) на книгу «Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах Тяжалкиина, умершего титулярного советника» (Спб., 1830), была помещена неблагосклонная рецензия без подписи. Панкратий Сумароков, о котором заходит речь далее, был сослан в Сибирь в 1786 г. и освободился от ссылки лишь в 1801 г. «Амур, лишенный зрения» был написан в Сибири.

[9] Вяземский читал французский перевод книги «Мемуары лорда Байрона, изданный Томасом Муром» (Париж, 1830).

[10] Выписка из статьи об убийстве имп. Павла, напечатанной в изд.: «Ueberlieferungen zur Geschichte unseres zeit», Aarau, 1819—1823.— С. 345.

[11] См.: Литературная газета.— 1830.— № 36 (рецензия на повесть в стихах К. Масальского «Терпи казак — атаманом будешь», без подписи).

[12] Ср.: РА.— 1873.— Кн. I.— Стб. 1026—1027.

[13] Ср.: РА.— 1875.— Кн. I.

[14] *«Австрия»* — дом К. Л. Фикельмона. *«Маленькая Австрия»* — дочь К. Л. и Д. Ф. Фикельмонов (см. ниже).

[15] Суждения Вяземского о революции в Неаполе см.: ОА.— Т. I.— С. 103, 105, 114—117, 137 и др. Австрийские войска подавили восстание, и Фикельмон вступил в должность полномочного министра в Неаполе в 1821 г.

[16] Ср.: РА.— 1875.— Кн. I.— С. 301—303.

[17] Ср.: Там же.— С. 208.

[18] Ср.: Там же.— С. 54.

[19] Т. е. Д. В. Дашков.

[20] См.: Звенья.— Т. 6.— С. 291.

[21] В Ревель Вяземский выехал 14 июля.

[22] Т. е. Бенкендорфом.

[23] Вяземский записывает о статье «О конституционной свободе в Швеции и о парламенте с 1828 по 1838», напечатанной в «Ревю франсез» 1830 года (№ XV.— С. 76—135), без подписи.

[24] Здесь и в дальнейшем Вяземский называет дочь гр. Бенкендорфа царицей Эстонии, а м-ль Моренщильд — принцем, сравнивая ее с Керубино из «Женитьбы Фигаро» Бомарше.

[25] Ср.: Девятнадцатый век.— Ч. II.— М., 1872.— С. 254—256.

[26] Ср.: РА.— 1874.— Кн. I.— С. 182.

[27] *«Итальянка в Алжире»* — опера-буфф Россини (1813). Вяземский имеет в виду изгнание алжирского бея войсками Карла X, 5 июля 1830 г. вступивших в столицу Алжира.

[28] Эта запись сделана в ночь с 31 июля на 1 августа. Утром Вяземский выехал в Петербург и прибыл туда 3 августа.

[29] В. Л. Пушкина хоронили в Донском монастыре в Москве 23 августа. См. публикацию Вяземского «предсмертного слова» его в РА (1874.— Кн. II.— С. 199).

[30] «Сказки Испании и Италии» Мюссе вышли в свет в 1830 году. Вяземский пропустил один стих из стихотворения Мюссе «Каштаны из огня» (Записные книжки.— С. 432).

[31] Письма Вяземского к Е. М. Хитрово от 2 сентября и к Жуковскому от 3 сентября см.: РА.— 1899.— Кн. II.— С. 83—86; 1900.— Кн. I.— С. 356—357.

[32] Лоран Бомель известен, главным образом, враждой своей к Вольтеру. «Слово Бороздина» Шепелеву см.: РА.— 1875.— Т. I.— С. 196.

[33] Скюдери обвинял Корнеля в отступлении от правил построения драмы и в «низком» содержании.

[34] Речь идет о так называемой «десятой» главе «Евгения Онегина», не дошедшей до нас целиком и, вероятно, не завершенной Пушкиным.

[35] Т. е. Д. Н. Блудова, бывшего арзамасца и редактора обвинительного акта по делу декабристов, а также манифестов Николая I от 12 декабря 1830 и 25 января 1831 г. о польском восстании.

[36] Варшава была занята правительственными войсками 24—27 августа 1831 г., а 14 сентября вышла в свет брошюра Жуковского и Пушкина «На взятие Варшавы», в которую вошли «Старая песня на новый лад»

Жуковского и «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» Пушкина.

[37] Ср.: РА.— 1874.— Кн. 1.— Стб. 181—182.

[38] Далее следуют 20 листов чистых, в том числе два вклеенных, с записью о гувернере П. П. Вяземского месье Робере (от лица П. А. Вяземского, рукою В. Ф. Вяземской).

[39] На последних шести листах Вяземский записал названия книг: «Исторические записки о странах между морями Черным и Каспийским», пер. с франц. Федор Шишкевич. Спб., в тип. Шпора, 1810» и «Астраханская флора. Описание Колы и Астрахани. Ник. Озерецковского». Далее — перечень долгов разным лицам и отметки об уплате, записи расходов по поездке в Петербург и Ревель в марте — июне 1830 г., в том числе: «Писарю за Новиковские бумаги в счет — 26» (июнь 1830 г.).

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1113.

[1] Выписки из газеты, печатавшейся в восставшей Варшаве. И. И. Дибич умер 29 мая 1831 г. от холеры. В феврале после победы под Гроховом у него была возможность взять Варшаву, с чем и связаны «сетования» поляков.

[2] О Дмитриеве Вяземский писал из Петербурга к А. И. Тургеневу 15 июня 1833 г. (см.: ОА.— Т. III.— С. 240). «Жак Фаталист» — роман Д. Дидро.

[3] *Герцогиня Беррийская* — вдова убитого Лувелем в 1820 г. сына Карла X, который должен был унаследовать престол. После изгнания Бурбонов продолжала отстаивать права на французский трон своего сына герцога Бордосского, тайно вернулась во Францию, была арестована и в начале 1833 г. объявила о своей тайной беременности от второго мужа, итальянского князя. После рождения ребенка была отпущена на свободу, т. к. не могла более претендовать на трон.

Далее в книжке ряд выписок, обозрение которых см.: Записные книжки, с. 437—438.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1114. Книжка представляет собой печатный календарь-справочник. Вяземский начал записи свои под датой 13 июля 1834 г. Т. к. все эти записи сделаны за границей, в книжке принята «двойная» датировка — по старому и по новому стилю.

[1] Речь идет о министерстве «11 октября» 1834 года, сформированном Сультом. Вошли в него, в частности, Гизо (министром народного просвещения) и Тьер (министром иностранных дел).

[2] *Каталани* Вяземский слушал еще в Варшаве (ОА.— Т. I.— С. 363—367). *Гудсон-Лоу* — английский генерал, надзиравший за Наполеоном на острове Св. Елены. *Графиня Липона* — сестра Наполеона Каролина, вышедшая за Мюрата.

[3] Последняя запись в календаре на 1834 г. Следующая ниже выписка сделана из книги Кюстина «Свет, как он есть», вышедшей в Париже в 1835 г. Для записей 1835 г. Вяземский использует первую половину книжки, остававшуюся незаполненной.

[4] 11 марта 1835 г. в Риме умерла дочь Вяземского Полина. После похорон Вяземские отправляются на юг Италии и в начале апреля возвращаются в Рим, где Вяземский оставляет младшую дочь и жену, выехав 10 апреля обратно в Россию. Ниже опущена запись дорожных расходов.

[5] Продолжение записей см.: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5078, лл. 92—94. В одиннадцатом часу вечера того же 12 мая Вяземский записал: «Воспоминаниями я на Николае 11-го августа 1834. Тогда подобно Кесарю мог я сказать, что пароход несет меня и счастье мое. Теперь возвращаюсь один.— Балтийское море род лохани помойной после лазоревой чаши Средиземного моря.— Ночью должны мы разъехаться с Николаем. Завидно думать о тех, которые плывут на нем. В каждом из них надежда и ожидание» (л. 92 об.). С переживаниями Вяземского по поводу смерти дочери связана и запись от 9 мая в десятой книжке.

КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1115. Записи Вяземского начинаются с описания на французском языке маршрута предполагавшегося путешествия от Висбадена во Франкфурт: выезд предполагался в субботу 30 сентября 1835 г., приезд во Франкфурт — в пятницу 5 октября 1835 г.

[1] Поездка Вяземского осенью 1835 г. связана была, вероятно, с посещением в Ганау доктора Коппа в связи с ухудшением здоровья младшей дочери Надежды.

[2] Вяземский ездил в Ревель и в 1843 г. Эти записи — в двенадцатой записной книжке.

КНИЖКА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1116. Хронология событий в книжке не соблюдена. Записи вносились беспорядочно. На лл. 1—3 — деловые заметки и адреса рукой П. А. и В. Ф. Вяземских. Запись Вяземского: «Hucknall. Jorkard Church, где погребены Байрон, мать и девять его предков».

[1] 15 мая Вяземский выехал из Петербурга в Любек на пароходе «Николай», на борту которого 18 мая в ночь вспыхнул пожар. С катастрофой связаны первые записи в книжке.

[2] Путешествие Вяземского по Европе в книжке не отражено.

[3] По возвращении в Петербург Вяземский записывал главным образом о расходах и о письмах к жене и дочери Надежде за границу.

[4] Далее в книжке запись о расходах по поездке из Петербурга в Мануйлово, имение Мещерских.

[5] Далее еще запись о дорожных расходах.

[6] Описка Вяземского. Следовало: 31 июля.

КНИЖКА ТРИНАДЦАТАЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1117. На втором листе виньетка, а на обороте — запись рукою Вяземского: «Allegro ma non troppo» (Не слишком быстро (ит.). Лл. 21—32: «Выписки из записок Вигеля».

[1] Из Киссингена Вяземский направился в Париж, где оставался десять дней. 5 сентября с А. И. Тургеневым он отправился в Лондон и после в Брайтон. В. Ф. Вяземская с дочерью Надеждой осенью на долгое время отправляются за границу на морские купания. После останавливаются в Баден-Бадене.

[2] См. письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 20 сентября (ОА.— Т. IV.— С. 42).

[3] В имение герцога Норфолькского Вяземский ездил с Л. Н. Леонтьевой, приятельницей А. И. Тургенева (ОА.— Т. IV.— С. 44, 49, 50, 52 и др.). «Отсутствующие» — В. Ф. и Н. П. Вяземские, «присутствующие» — Л. Н. Леонтьева.

[4] Евгения Ивановна Вяземская, урожд. О'Рейлли (18 декабря 1762 — 12 апреля 1802) происходила из ирландского дворянского рода. А. И. Вяземский увез ее от мужа, с которым она после разошлась. Фамилия первого мужа — Куин.

[5] Либретто балета «Хромой бес» написано А. Нурри для балерины Ф. Эльслер в 1830-х гг.

[6] *«Талисман»* — стихотворение А. С Пушкина 1827 г. *Герберт, сын леди Пемброк* — племянник М. С. и Е. К. Воронцовых. Ниже речь идет о близких отношениях А. Н. Раевского и Е. К. Воронцовой. В 1838 г. М. С. Воронцов был генерал-губернатором Новороссийским и наместником Бессарабским.

[7] Выписки из книги Лафайета «Мои сношения с первым консулом» и из речи Вилье. Последние связаны со служебными занятиями Вяземского.

[8] О «министерском и парламентальном кризисе» см. письма Вяземского к жене (ЛН.— Т. 31—32.— С. 131—148).

[9] «Записки М.» — из задуманного Пушкиным романа «Русский Пелам». См.: Пушкин А. С. Соч.— Т. XI.— Спб., 1841.— С. 141. В подготовке издания принимал участие Вяземский.

Стихотворение А. М. Пушкина «На смерть князя М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленского» было напечатано в изд.: Вестник Европы.— 1813.— № 5.— С. 417 за подписью «А. Пушкин».

[10] См.: Акад.— Т. XII.— С. 303. См. также: Пушкин А. С. Соч.— Т. XI.— С. 200.

[11] «Каталог Пушкина» см.: ЛН.— Т. 16—18.— С. 985—1024. Речь идет о книге аббата Ладюрина «Мопс без ошейника и без цепи, или Свободное и точное открытие таинств общества, именующегося мопсами» была издана в Петербурге в 1784 г. Далее названо издание: Старина и новизна, состоящая из сочинений и переводов прозаических и стихотворных. Издал Василий Рубан.— Ч. 1—2.— Спб., 1772—1773.

[12] А. И. Тургенев переслал это письмо к Вяземскому 8/20 июля 1841 г. из Парижа (ОА.— Т. IV.— С. 141).

[13] О дуэли Голицына с Шепелевым писал и Пушкин. См.: Акад.— Т. IX.— С. 373—374.

[14] После этого слова оставлено свободное место.

[15] К теме декабрьского восстания Вяземский возвращался до конца жизни. О его восприятии идей декабризма см. в изд.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825.— М., 1975.— С. 28—40, 209—212, по ук.

[16] Речь идет о книгах: Разговор между испытующим и уверенным о православии восточной греко-российской церкви. Сочинение московского митрополита Филарета.— Спб., 1815; Муравьев А. Н. Правда вселенской церкви о Римской и прочих патриарших кафедрах.— Спб., 1841.

[17] «Объявление о памятнике Крылову» Вяземского было напечатано в «Журнале министерства народного просвещения» 1844 года (Ч. XIV.— С. 19); «Воспоминание об И. А. Крылове» Булгарина — в «Северной пчеле».— 1845.— № 8.

[18] Книга Ж. Мишле вышла в свет в 1848 г. в Париже.

[19] «Записки» Ф. Ф. Вигеля впервые были напечатаны в изд.: РА.— 1863, 1864—1865. В 1864—1865 гг. вышло и первое отдельное издание. Фрагменты «Записок» до этого времени были известны знакомым Вигеля, так как он неоднократно читал их в 1840-е гг.

[20] «Пирушка» в честь 50-летнего юбилея Жуковского-литератора состоялась 29 января 1849 г. у Вяземского.

[21] 21 мая 1841 г. Жуковский женился на Е. А. Рейтерн. В 1827—1838 гг. он был воспитателем наследника цесаревича, в будущем Александра II.

[22] Ср.: РА.— 1873.— Кн. II.— Стб. 2139.

[23] Запись сделана в 1860-е гг.

[24] «Незабвенный» — Александр I. Фрагмент о Прозоровском и кампании 1812 г. ср.: РА.— 1873.— Кн. II.— Стб. 2140.

[25] Имп. Александра Федоровна умерла 19 октября 1860 г.

КНИЖКА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1118. До публикуемого текста — записи расходов.

[1] Выписки из книги Пюклер-Мюскау «Мемуары и путешествия

князя Пюклера-Мюскау. Посмертные письма об Англии, Ирландии, Франции, Голландии и Германии».— Т. 1—6.— Брюссель; Лейпциг, 1833—1834. В тексте приводятся три замечания Вяземского.

[2] Далее в книжке список рукою В. Ф. Вяземской письма министра торговли Е. Ф. Канкрина к А. К. Мейендорфу.

[3] Далее — выписки о Польше на фр. языке из книги: «Lettres particulières du Baron de Viomenil sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772». Paris, 1808 («Частные письма барона де Виомениль о польских делах в 1771 и 1772 гг.».— Париж, 1808).

[4] Текст письма к Арндту в книжке предваряют разнородные мелкие выписки (см.: Записные книжки.— С. 453).

[5] Ср.: РА.— 1874.— Кн. I.— Стб. 1347. За письмом к Арндту — выписки «Из замечательной статьи: Budjet de 1845. «La Presse» 24 juin 1844» (Бюджет 1845 «Ла пресс»), копия статьи Тютчева «Записка, представленная императору Николаю русским, высшим чиновником по иностранным делам» (под этим заглавием статья была напечатана в Париже в 1849 г; позднее печаталась под заглавием «Россия и революция»). Помета Вяземского: «Писано Тютчевым 1848, после февральской революции».

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Впервые — Вяземский.— Т. I.— С. I—IX. Печатаем по этому изданию, не учитывая, за непроясненностью хода работы Вяземского над текстом статьи, позднейшие его исправления в разделах VIII—XII (см. об этом: Гиллельсон.— С. 363; Вяземский-1982.— Т. 2.— С. 357; ср.: Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки.— М., 1988.— С. 449—450). Отрывок, помещенный в томе втором Полного собрания сочинений (Вяземский.— Т. 2.— С. VII—XVIII), не воспроизводим.

[1] «Автобиографическое введение» писалось Вяземским для первого тома собрания сочинений, издание которого осуществил С. Д. Шереметев.

[2] По протекции генерал-прокурора А. А. Вяземского в 1777 г. Державин был назначен экзекутором первого департамента Сената. Об этом сообщал в своих записках сам Державин. См.: Державин Г. Р. Избр. проза.— М., 1984.— С. 75. Однако впоследствии между Вяземским и Державиным назрел конфликт. В начале 1784 г. Державин был отставлен от службы с производством в чин действительного статского советника.

[3] *«Альзира»* — трагедия Вольтера (1736).

[4] П. И. Шаликов издавал «Московский зритель» (1806), «Аглаю» (1808—1812), «Дамский журнал» (1823—1833) и в течение четверти

века редактировал «Московские ведомости». Сочинения его в стихах и прозе никогда не пользовались особенным успехом и чаще всего подвергались осмеянию. «Вздыхалов» (Вяземский) и «кондитер литературы» (А. Е. Измайлов) — еще не самые обидные прозвища, дававшиеся Шаликову. Эволюция отношения Вяземского к кн. Шаликову весьма показательна. В детстве он какое-то время увлекается его «слезливыми» сочинениями, в юности высмеивает их («Отъезд Вздыхалова» (1811), «Эпизодический отрывок из путешествия в стихах. Первый отдых Вздыхалова» (1811?). Однако именно в «Дамском журнале» печатает Вяземский в 1824 г. свои статьи против «Вестника Европы», полемизируя с М. Дмитриевым и прочими о поэтике и эстетике романтизма и «Бахчисарайском фонтане» Пушкина.

[5] См. об этом: Нечаева В. Отец и сын: Юношеские годы П. А. Вяземского//Голос минувшего.— 1923.— № 3.— С. 40. Основное заключение А. И. Вяземского: «Вы не лишены ни ума, ни известного развития, но ветреность вашего характера делает то, что вы отвлекаетесь всем, что вас окружает, сколь бы это ни было незначительным и ничтожным» (цит. по изд.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество.— Л., 1969.— С. 12).

[6] В 1804 г. Карамзин женился на Екатерине Андреевне Колывановой, дочери А. И. Вяземского и графини Сиверс.

[7] Речь идет о стихотворении И. И. Дмитриева «Путешествие в Париж и Лондон. Писанное за три дня до путешествия. В трех частях», написанном в начале 1803 г. и посвященном В. Л. Пушкину, собиравшемуся тогда в свое парижское путешествие. В 1808 г. в Москве это шуточное стихотворение было напечатано небольшим тиражом. Текст этого редкого издания описал и воспроизвел М. Н. Лонгинов в № 5 «Современника» 1856 г. Работа Лонгинова перепечатана в изд.: Собиратели книг в России.— М., 1988.— С. 247—252 (заметка XXV из его статьи «Библиографические записки»).

[8] Стихотворение «Ухаб» было написано Вяземским в феврале 1818 г. и напечатано в «Сыне Отечества» 1821.— № 42.— С. 81.

[9] Пушкин записал это в своем кишиневском дневнике 3 апреля 1821 г. См.: Акад.— Т. XII.— С. 303. Вяземский знал пушкинский текст по изд.: Пушкин А. С. Соч.— Т. IX.— С. 200.

[10] О деятельности Вяземского в «Московском телеграфе» см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество.— С. 128—169.

[11] Пушкин приезжал в Остафьево 17 декабря 1830 г. и 4 января 1831 г. Об отношении его к книге Вяземского о Фонвизине см.: Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине».— М.; Л., 1968; Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Из пушкинских маргиналий (Пометы на книге Вяземского о Фонвизине)// Прометей.— Т. 10.— М., 1974.— С. 114—131.

[12] Книга Вяземского увидела свет лишь в 1848 г. См.: Фон-Визин. Сочинение князя Петра Вяземского.— Спб., 1848. Однако некоторые фрагменты монографии были напечатаны ранее: «Введение к жизнеописанию Фон-Визина» — в «Литературной газете».— 1830.— № 2.— С. 11—14; глава VII «О нашей старой комедии» — в «Альционе на 1833 год».— С. 187—229; глава VIII — в «Современнике».— 1837.— Т. 5.— С. 52—72; глава XII — в «Санктпетербургских ведомостях».— 1848.— № 60.— С. 239.

[13] Речь идет об А. И. Тургеневе.

[14] На самом деле для собрания, изданного Шереметевым, Вяземский пересмотрел, дополнил, переработал многие стихотворные и прозаические свои произведения.

ЗАПИСКА О КНЯЗЕ ВЯЗЕМСКОМ, ИМ САМИМ СОСТАВЛЕННАЯ

«Записка...» входит в состав седьмой записной книжки Вяземского (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1110), куда ее переписала В. Ф. Вяземская. Вяземский работал над «Запиской...» или «Исповедью» в декабре 1828 г.— январе 1829 г. Однако в тексте книжки есть ряд исправлений, сделанных, как можно судить, в последние годы жизни. Вместе с письмом к царю Вяземский отправил «Исповедь» к Жуковскому в феврале; последний через Бенкендорфа передал ее адресату. Николай I не слишком благосклонно отреагировал на послания; лишь после повторного, более «смиренного» письма к царю Вяземский был допущен к государственной службе.

[1] «Записка...» писалась Вяземским прежде всего с целью вернуться на службу и защититься от клеветы. С этим периодом в жизни Вяземского связаны и другие материалы той же книжки (копии писем Вяземского к кн. Д. В. Голицыну и Д. Г. Бибикову и др., а также копии некоторых документов).

[2] «Сравнение Петербурга с Москвой» Вяземского датируется предположительно 1811-м г. См.: Вяземский-1986.— С. 443.

[3] В тексте Полн. собр. соч. эта фраза отсутствует.

[4] В тексте Полн. собр. соч. вместо «императора» — «правительства», вместо «предосудительности» — «порочности», вместо «прошу объяснений» — «прошу обвинений», вместо «мое оправдание» — «мое сознание и оправдание».

[5] В тексте Полн. собр. соч.: «Не заключить ли о них о добросовестности моей, о доверенности, которую заслуживает мой характер?»

[6] В тексте Полн. собр. соч.: «русского народа».

[7] В тексте Полн. собр. соч.: «хотя и с отказом на просьбу мою» — после слова «отзыва».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Вяземский П. А.

В99 Записные книжки/Сост., вступ. ст., коммент. и имен. указ. Д. П. Ивинского; Худож. Г. Г. Федоров.— М.: Русская книга, 1992.—384 с.— (Русские дневники).

В книгу вошли дневниковые записи П. Вяземского, которые он вел с начала 10-х до конца 60-х годов минувшего века. В них отразились русская литературная и общекультурная жизнь этого периода, исторические события, быт образованного общества, дворянской элиты. Записи содержат живые зарисовки жизни и деятельности Н. Карамзина, И. Дмитриева, В. Жуковского, К. Батюшкова, А. Тургенева, А. Пушкина и многих других.

В $\frac{4702010104-031}{М-105(03)92}$ 99—92 84 Р1

ISBN 5—268—01217—7

Петр Андреевич Вяземский

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Редактор *Л. Н. Дашкевич*

Художественный редактор *Е. Н. Заломнова*

Технический редактор *В. А. Преображенская*

Корректоры *Л. В. Конкина, Л. М. Логунова, А. Л. Лазуткина, Л. В. Дорофеева*

ИБ № 6458

Сдано в набор 19.07.91. Подп. в печать 27.01.92. Формат 84×108/32. Бум. офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,58. Уч.-изд. л. 22,38. Тираж 15 000 экз. Заказ № 2196. С 18. Изд. инд. ХД—291

Издательство «Русская книга» Министерства печати и информации РСФСР. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

